

ДМИТРИЙ СОКОЛОВ · НАТАЛЬЯ СОКОЛОВА

ГРАНАТОВЫЙ СОК

16+

Наталья Соколова
Дмитрий Соколов
Гранатовый сок
Серия «Гранатовый сок», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63688607

SelfPub; 2021

Аннотация

Оказавшись в ненужное время в ненужном месте, программист-фрилансер Гриша Волков становится вампиром. Теперь ему предстоит искать ответы на многие вопросы: станет ли он снова человеком или это навсегда? Что делать с синдромом хищника и чем могут быть полезны чеснок и серебро? Случайно ли московские охотники на вампиров хотят нанять на работу именно его? Для чего они создают новый вирус, а вместе с ним и вакцину? Кто такой таинственный Каспер, которого все боятся, и зачем он пишет ему письма? Как поступить, если влюбился не вовремя и не в ту? И, в конце концов, есть ли что-то вкуснее, чем гранатовый сок?

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Линкольн	10
Глава 2. Пожизненный иммунитет	30
Глава 3. Немного не в себе	42
Глава 4. Непреодолимая и неконтролируемая	54
Глава 5. Красная нить	66
Глава 6. Не врач, а мегера	77
Глава 7. Монстр	91
Глава 8. Русские не сдаются	102
Глава 9. Череда разрушений	118
Глава 10. Странный пациент	132
Глава 11. Мастер-класс для чайников	144
Глава 12. Жопа.doc	156
Глава 13. Паук	167
Глава 14. Двадцать один день	180
Глава 15. Братья по несчастью	195
Глава 16. Без путей к отступлению	206
Глава 17. Константин	218
Глава 18. Пешка	235
Глава 19. Красота должна жить вечно	253
Глава 20. Воплощённая тьма	265
Глава 21. Великие дела	277
Глава 22. Когда вампирам скучно	291

Глава 23. Младше на 200 лет	302
Глава 24. Алхимик	318
Глава 25. Добро пожаловать в Европу	332
Глава 26. Самый тёмный час	346
Глава 27. Жёстко спать	357
Глава 28. Диковат	371
Глава 29. Беспощадный гипноз	382
Глава 30. Зверь в клетке	396
Глава 31. Мёртвые внутри	409
Глава 32. Несокрушимая армия	424
Глава 33. Пейнтбол	441
Глава 34. Сказки про вампиров	454
Глава 35. В плену у времени	467
Глава 36. Рожки да ножки	481
Глава 37. Бессмертная любовь	493
Глава 38. Ударить по всем фронтам	507
Глава 39. Очень занят	521
Глава 40. В темноте ночи	537
Глава 41. Что-то пошло не так	548
Глава 42. Потерять её	568
Глава 43. Священная охота	581
Глава 44. Переходим к части «Б»	602
Глава 45. Мы не хотим войны	623
Глава 46. Стать одним целым	634
Глава 47. Каспер	651
Глава 48. Нехорошее предчувствие	673

Глава 49. На восток	686
Глава 50. Найти покой	700
Эпилог	714

Дмитрий Соколов, Наталья Соколова Гранатовый сок

Пролог

В кабинете некоторое время стояла тишина, потом врач протёр очки и, снова нацепив их на нос, с удивлением переспросил:

– Кто, вы говорите, вас укусил?

Так и думал, не нужно было сюда ехать. Мало того, что я не мог толком объяснить случившееся, так ещё и глубокой ночью в областной больнице дежурили всего два эскулапа, которые, судя по всему, продолжали отмечать вчерашний день травматолога: воздух отчётливо пах спиртом и солёными огурцами. От этого амбре меня начало мутить ещё сильнее. Сглотнув дурноту, я уклончиво ответил:

– В лесу было очень темно. Я не успел рассмотреть. Показалось, что собака.

– Собаки обычно за ноги кусают. За руки, на крайний случай. Как же так случилось, что вас тяпнули в шею?

– Я... понимаете, я плохо себя чувствовал и...

– Выпили что ли? – радостно предположил врач, надеясь

угадать во мне родственную душу.

– Нет, я вообще не пью, я... эм... спортсмен, – брякнул я и поспешил перевести тему. – Доктор, так вы можете мне помочь? Наверное, нужно чем-то обработать рану.

– Как раз рана меня смущает больше всего, знаете ли. Ну не собачий это прикус! Я скорее поверил бы в то, что на вас напал шимпанзе. Шимпанзе с ну о-о-очень длинными клыками. Первый раз такое вижу! Семёныч, а ну-ка ты глянь!

«Только Семёныча мне не хватало», – подумал я, молясь, чтобы второй дежурный не оказался психиатром. Будто отвечая на мои мысли, склонившийся надо мной седой бородач выдал свою специализацию, недовольно пробубнив:

– А я-то что? Мне с живыми толковать не о чем... – и тут же воскликнул. – Ох, нифига себе!

От его дыхания, выпущенного мне в лицо, у меня ещё сильнее закружилась голова, и я окончательно убедился, что спирт здесь использовался вовсе не для обработки инструментов.

– Михалыч, это ведь то самое, о чём я тебе говорю! А ты всё никак не поверишь! Они существуют!!!

– Опять ты за своё! – травматолог явно занервничал и попытался перевести всё в шутку. – Закусывать надо!

– Да иди ты! – патологоанатом только отмахнулся на коллегу и, глядя на меня в упор, зачастил громким шёпотом. – Молодой человек, вы должны сказать правду, иначе его никогда не поймают! Не поймают, понимаете?!.. Эта тварь так

и будет убивать! Месяца не обходится без того, чтобы ко мне не привезли хотя бы одного с такими же следами на шее, как у вас! Среди них есть женщины. Даже один ребёнок! И у всех – поголовно – смерть вследствие острой кровопотери... Меня никто не хочет слушать, потому что я единственный свидетель, а мёртвые – от них толку нет, они говорить не умеют!..

– Семёныч, заканчивай уже пороть свои байки из склепа, – травматолог раздражённо покрутил пальцем у виска и, отстранив коллегу, обратился ко мне. – Значит так. Как бы то ни было, смысла в обработке раны я сейчас не вижу – слишком поздно вы к нам обратились, она уже затянулась. Как давно вас укусили? Дней пять назад? Неделю?

«Сегодня, – мысленно поправил его я. – Пару часов назад...»

Но вслух промолчал, чтобы не провоцировать новую волну паники бородача. Михалыч же тем временем, подвёл итог:

– В любом случае, хорошо, что сонная артерия не была задета. Иначе заниматься вами уж точно пришлось бы не мне, а Ивану Семёновичу, а он у нас сегодня, как видите, не в духе. Так что, можно сказать, вы везунчик – легко отделались. Но от столбняка и бешенства вас нужно сейчас же вакцинировать. Раздевайтесь!

Из здания больницы я вышел пошатываясь и растирая ноющую после уколов лопатку. С ночи меня не переставало

трясти и, кажется, поднималась температура. Вытащив из куртки чехол с глюкометром, я на всякий случай измерил себе сахар. Показатель был нормальным, что меня слегка удивило, ведь я не принял вечернюю дозу инсулина и вообще, кажется, потерял свой шприц. Я похлопал себя по карманам. Точно. Наверное, выронил в лесу. Радовало одно – поужинать я накануне тоже забыл, поэтому у меня были все шансы доехать до ближайшей аптеки прежде, чем станет совсем плохо.

Сев в машину, я повернул к себе зеркало заднего вида, чтобы ещё раз рассмотреть рану. Поразительно, но травматолог не соврал – двойной прокол на коже зарастал с фантастической быстротой и был уже едва заметен. Если бы я своими собственными глазами не видел, как ещё совсем недавно из моей сонной артерии практически фонтаном хлестала кровь, я бы никогда не поверил, что это случилось сегодня. Впрочем, и патологоанатом оказался прав. Это был вовсе не пёс. Хотя, пёс в этой истории тоже замешан...

Глава 1. Линкольн

Собачий лай, раздавшийся ещё издали со стороны по­сёлка, я узнал сразу. Это надрывался Линкольн – соседский доберман, ненависть всех местных. Обычно спокойное и да­же апатичное животное по ночам будто бы сходило с ума и начинало срываться с цепи, рыча и воя в сторону леса без видимых на то причин. Успокаивался он только тогда, когда просыпалась хозяйка – старая глухая бабка – и, выходя на улицу, окатывала его ведром воды.

Свернув на просёлочную дорогу, я подъехал к дому и при­парковался. Стараясь не шуметь, вытащил из машины паке­ты с продуктами, две пятилитровки воды и связку дров. Унёс всё это в дом и вернулся оттуда с открытой банкой собачьих консервов.

Увидев меня, Линкольн притих и принялся вилять остат­ком хвоста, тыкая рыжей пастью в забор. Просунув руку между досками, я присел и вывалил перед ним еду, а потом потрепал чавкающее животное за ухом.

Без сомнения, из всей округи я один относился к нему по-человечески. Перед поездкой на дачу я всегда покупал несколько банок собачьей еды и втайне скармливал их до­берману. Стёпка – его хозяин и мой лучший друг детства – два года назад погиб, разбившись на мотоцикле, а родствен­ники парня не придумали ничего лучше, чем спихнуть Лин­

кольна бабушке, живущей в посёлке круглогодично. Молодого пса посадили на цепь и за плохое поведение к тому же редко кормили. Неудивительно, что в таких условиях он совсем истощал, одичал и стал по ночам проситься на охоту в лес, чуя оттуда запахи диких животных.

Умяв ужин, Линкольн уселся передо мной, склонив голову набок. Его большие чёрные глаза блеснули в темноте. Преданно глядя на меня, он тихо поскулил, будто пытаюсь что-то сказать. Разумеется, я его не понял, но пришёл к выводу, что на собачьем языке это означало «спасибо».

Я с сожалением цыкнул. Угораздило же Стёпку так рано уйти. Сколько я его помнил, он всегда был хрупким, тихим, замкнутым в себе мальчишкой. В основном играл сам с собой в шахматы, общаться со сверстниками не любил. Кажется, я был единственным, кому удавалось его разговорить и подбить выйти из дома. Зачем же его потянуло на весь этот экстрим и мотоциклы?..

От долгой утомительной езды – шутка ли, целых четыреста километров – меня немного подташнивало, и я решил перед сном прогуляться в лесу, чтобы отдышаться. Гулять мне, как и всем диабетикам, полезно. Особенно с моими непобедимыми десятью, а то и пятнадцатью, лишними килограммами. Особенно – вместо ужина.

Смотря мне вслед, соседский пёс сначала протяжно выл, а потом, упустив меня из виду, снова принялся залиристо лаять.

– Уфф... – выдохнул я вслух, когда его вой, наконец, стих. – Слава богу, выходные.

Да уж, неделька выдалась что надо. Полгода назад я уволился из одной довольно крупной компании и стал фрилансером. Теперь зарабатываю на хлеб удалённо из дома, как многие мои коллеги-программисты. Всё бы хорошо, но в этот раз из-за срочного проекта мне пришлось почти безвылазно сидеть всю неделю в маленьком душном офисе заказчиков. Уже само по себе это меня напрягло, во-первых, из-за небывалой, практически летней жары, а во-вторых, из-за необходимости подстраивать свой привычный распорядок дня под график руководства. Я ведь самая что ни на есть «сова» – работаю, как правило, поздним вечером и ночью, а утром и днём отсыпаюсь, выключив телефоны.

Правда, необходимостью вставать в семь утра (а иной раз и вовсе не ложиться) на этой неделе не обошлось. Откуда ни возьмись, как чёрт из табакерки, вылезла моя бывшая и принялась со всех фронтов атаковать меня воспоминаниями о том, как нам было хорошо вместе, и отчаянными просьбами вернуться. Внешне я реагировал на эти нападения вполне спокойно, но внутри меня разворачивалась настоящая катастрофа.

События последних месяцев наших отношений всплывали в памяти как айсберги на пути у «Титаника», я натыкался на них, разбивался на куски и шёл ко дну, потопленный в океане невысказанных эмоций. Мне казалось, что я уже за-

был и отпустил эти переживания, но нет, они просто спали где-то в глубинах тёмных вод и ждали своего часа. Теперь же вспомнилось всё. Её постоянные разговоры о том, что я не подхожу, не соответствую, не достоин, да и вообще – неполноценный инвалид, который испортит ей жизнь. Её долгие исчезновения до утра. Мои бессонные ночи. Попытки всё спасти, наладить, исправить, вылезти из кожи вон, только бы не быть окончательно отвергнутым. И, как апогей – её измена с моим непосредственным начальником – руководителем проектов, под чьим шефством я до этого момента добросовестно работал.

С Катей мы познакомились в позапрошлом году, под Рождество. Я впервые приехал волонтером в подмосковный детский дом, а она – старожил волонтерской группы – была организатором нашей поездки. Белокурые пряди волос, голубые глаза, свитер со снежинками – словно ангел, как я тогда подумал. Глядя, как непринуждённо она играет с детьми, водит с ними хоровод вокруг ёлки, поёт им песенки, я чувствовал, что земля уходит из под ног.

Долгое время я не решался с ней заговорить. Просто поглядывал украдкой, втайне восхищаясь. Надо ли говорить, что с тех пор я не пропускал ни одной волонтерской поездки куда-либо?

Когда болеешь неизлечимой болезнью, которая год от года прогрессирует и вот-вот тебя заберёт, начинаешь задумываться о том, что после себя оставишь. Благотворительность

кажется выходом из тёмного лабиринта страхов и обречённости. После знакомства с Катей моё несмелое желание оставить напоследок в этом мире хоть что-то хорошее переросло в чувство, что я «дома». Что я обрёл свою миссию.

Едва ли я верил, что у нас с Катей может что-то выйти. Я с самого начала всё понимал, просто так хотелось обманываться. Маленькая, хрупкая, жизнерадостная феечка, королева красоты и душа всей нашей волонтерской компании, и я – тихий закомплексованный толстячок, вечно растрёпанный, рыжий, весь в дурацких веснушках, да ещё и с тяжёлой формой диабета. Всё, что мне оставалось – быть максимально полезным. Детдомовским деткам, нашим единомышленникам и, конечно, ей...

Однажды Катя пожаловалась мне, что у неё проблемы с деньгами, потому что она потеряла работу и вот уже третий месяц не может никуда устроиться. Не имея в голове корыстной мысли, я подсуетился в отделе кадров нашей крупной компании, и её – по профессии бухгалтершу – устроили к нам. А до первой её зарплаты я ещё и одолжил ей денег, чтобы она могла заплатить за съёмную квартиру.

Хотя я ничего не просил взамен, и не стал бы, но она, очевидно, посчитала себя мне обязанной. В первый её рабочий день она пригласила меня к себе, чтобы «обмыть» успешное трудоустройство. Пить мне было нельзя, но приехать я согласился.

Сидя напротив меня, Катя выпила два бокала вина. И без

того весёлая, от спиртного она ещё больше повеселела. Её щёки загорелись, она защебетала о том, какой я хороший, а потом внезапно выключила свет и скинула с себя халатик. Свет фонарей с улицы осветил изгибы её идеальной, будто бы отлитой из воска обнажённой фигуры, и тут уже опьянел я. Дальше между нами творилось что-то фееричное – во всяком случае, так это воспринимал я. Это была сказка, волшебство, сон наяву.

Хотела ли она меня так, как хотел её я, или просто чувствовала необходимость как-то меня отблагодарить и выбрала такой способ? О, этот вопрос я ещё долго буду задавать самому себе, так и не решившись озвучить его вслух...

Волшебство длилось примерно год, до следующего Рождества. Пока внезапно карета не превратилась в тыкву. В роли тыквы выступил на новогоднем корпоративе Валерий Юрьевич – наш проджект-менеджер:

– Гришка, ты даже не представляешь...

В тот вечер Валерий Юрьевич – а среди коллег просто «Валерка» – напился до поросычьего визга и стал во всеулышание рассказывать мне о том, насколько глубоко и совершенно Катя – моя волшебная, обожаемая Катя! – владеет техниками минета.

– Не надо подробностей, – краснея, перебил его я, едва ко мне вернулась способность говорить. – Я и сам не раз подмечал, как она хороша.

– А она мне... – его язык страшно заплетался. – Она не

раз подмечала, как ты плох.

В общем, банальная история. Я начистил ему морду, и теперь у меня в жизни больше нет ни девушки, ни волшебства, ни миссии, ни постоянной работы. Зато с лечащим врачом я с тех пор вижусь в два, а то и в три раза чаще, так что скучать не приходится.

Вся эта ситуация меня конкретно подрасшатала, и даже поначалу довела до больницы – я тогда впервые за всю жизнь напился и, разумеется, схлопотал диабетический криз. Надо ли говорить, что я больше не хотел ничего слышать о ней – ни все те полгода, которые она пропадала неизвестно где, ни сейчас? Слишком высоко я взлетел и слишком больно было упасть...

И вот, стоило мне вспомнить об этой истории, как в кармане снова завибрировал телефон:

«Гришечка, пожалуйста, сладкий, не молчи! Мне так плохо. Роднее тебя у меня никого нет!»

Только подумать: я, оказывается, «сладкий» – и это после пяти инъекций инсулина в день. Какой жестокий и беспощадный троллинг. Разве можно так с инвалидом?..

С раздражением отключив звук, я убрал телефон обратно в карман джинсов. Теперь ничто не будет мешать мне слушать звуки леса. А звуков в чаще нашего дикого ночного леса – множество. Таинственно притягательные и одновременно пугающие шорохи, стрёкот сверчков, уханье совы, шелест листьев в кронах деревьев и щелканье не то ночных птиц, не

то веток под мягкими лапами лесных зверей.

Я поднял голову и жадно затаился кислородом. Задумавшись, я забрёл так далеко в лес, как ещё ни разу не решался. Да ещё и ночью, в то время, когда дикие звери, проснувшись, выходят на охоту. Надо было бы вернуться, но идти назад мне не хотелось. Только не сегодня.

Из-за тёмно-синих туч показалась круглая, налившаяся во всю силу жёлтая луна. Полнолуние. Время оборотней и упырей – и в это охотно верится – вот, например, одна из них лезет сегодня ко мне изо всех щелей, обрывая соцсети, мессенджеры и телефон.

Словно в ответ на мои мысли вдруг где-то вдалеке раздался протяжный волчий вой. От неожиданности я остановился и, уняв внутренний монолог, прислушался. Может быть, показалось?.. Я с детства коротал в нашем поселке летние каникулы, и лисиц в этих краях видел много раз. Даже кабаны изредка встречались. Но чтобы здесь водились волки – в это верилось с трудом.

Тем временем звук повторился – глубокий, протяжный, с надрывом. А со стороны деревни ему ответил раскатистый собачий лай. Значит, не примерещилось.

По мере того, как я углублялся в чащу леса, вой становился всё громче и отчётливее, а потом вдруг раздалось отчаянное:

– Помогите!!!

Испуганный детский голос заставил меня вздрогнуть. Не

знаю, что делает ночью в лесу ребёнок, но тут ему не место, особенно если поблизости волк. Сойдя с тропинки, я, долго не раздумывая, пошёл на звук.

– Помогите! – голос, сорвавшись, перешёл в плач. – Мне больно!

– Ты где? – крикнул я в темноту.

– Я тут! – ответил ребёнок, всхлипывая.

Да уж, едва ли мне помогла эта информация. Хотя, какой ответ я, интересно, рассчитывал получить? Точные GPS-координаты?

– Не двигайся с места! – крикнул я, ускоряя шаг. – Я попробую тебя найти. А ты пока спой какую-нибудь песенку, сможешь?

Малыш запел что-то протяжное, похожее на колыбельную, но сколько я ни вслушивался, не мог разобрать слов. Казалось, он пел не на русском, а может просто ещё не выговаривал некоторые буквы.

Включив фонарик на мобильном, я пробирался через плотную чащу. Лес постепенно сгущался, ветки елей хлестали меня по лицу, а кусты крапивы – по ногам. Я постоянно оступался и попадал в ямы, хлюпающие грязной жижей – то ли вчера шёл дождь и землю размыло, то ли здесь уже началось болото. Господи, как, а главное зачем, сюда мог забрести маленький ребёнок?!

Радовало одно – волка больше не было слышно. Наверное, испугался наших голосов и убежал.

– Слишком ярко!!!

Я перевел взгляд вниз, себе под ноги, и ахнул. На земле чуть поодаль от меня в канаве лежал совсем маленький мальчик – на вид не больше шести. Одет в чёрную футболку и шорты, за спиной что-то вроде рюкзака. Всё, разумеется, напрочь испачканное в грязи – прямо как и мои кеды.

Щуря мордашку от света, парнишка повторил жалобно:

– Глаза режет, выключи!

– Как ты здесь оказался?! – я сбежал вниз к нему и присел на колено рядом. – Ты упал? Ушибся? Что болит?..

Направляя телефон в другую сторону, чтобы не слепить малыша, я отодвинул назад пряди его мокрых чёрных кудряшек, вглядываясь в черты смуглого лица.

– Я не могу идти, – пискнул он, осторожно приоткрывая веки. Глаза у него были огромные, просто бездонные, и, кажется, голубые. Нет, даже синие. Он посмотрел снизу вверх так мило и незащитно, что у меня сжалось сердце.

– Почему? – спросил я с опозданием. – Ты подвернул ногу?

– Я попался в капкан!

Чёрт возьми, точно! Только сейчас я заметил, что его левая нога была зажата в выглядывающий из травы охотничий капкан, пристёгнутый к дереву толстенной цепью.

– Ох, бедняжка... – прошептал я, направляя свет вниз. – Дай-ка я посмотрю!

– Осторожно, не трогай, это серебро! – воскликнул ма-

льш испуганно.

– Ерунда, – я прислонил телефон к дереву так, чтобы фонарик освещал ловушку, и принялся её изучать. – Кто же делает капканы из серебра. И потом, даже если так...

– Это охотники расставили! – перебил мальчик.

– А вот в этом я не сомневаюсь. Охотники, будь они неладны... Постарайся не крутиться, хорошо? Понимаю, что тебе очень больно, но сейчас нельзя двигаться. Лучше расскажи мне что-нибудь. Как тебя зовут? Сколько тебе лет?

– Я Влад. Мне пять.

– Такой большой уже, – стараясь его подбодрить, я рассматривал дуги капкана. Плотно сомкнулись, скорее всего раздробили кость. Но кровотечения нет, хотя бы это уже хорошо.

– В детский сад, наверное, ходишь? – я попробовал расшатать механизм, проверяя, насколько реально раскрыть его просто так, вручную. Дуги слегка размыкались от моего давления, но получалась только маленькая щёлка. Развести их настолько, чтобы вытащить голень, я не смог.

– Нет, в детский сад меня не пускают... Ой, больно!

– Прости. Ты знаешь свой адрес? Я сейчас постараюсь разобраться с этой железякой и отведу тебя домой.

– Не хочу домой! – закричал Влад и в ужасе прижался к моей груди. – Только не это, пожалуйста! Я лучше тут посижу!!!

– Что за глупости! – изумился я. – Мама с папой, навер-

ное, сильно о тебе переживают.

– Нет. Мои родители сейчас далеко. Я с ними не живу.

– А с кем ты живёшь?

– С братом. Он очень строгий. Будет меня ругать!

– За что?!

– За то, что я не слушаюсь. Кусаюсь. Убежал из дома. А ещё... он мне всегда говорил... – мальчик дрожал от страха, – что лучше быть мышкой или вороном, а не волком. Но я его не слушал... потому что мне волки нравятся больше...

Я определённо не понял, что он имел в виду – особенно всё то, что касалось зоопарка – но уточнять не стал. Мне было не до детских сказок. Больше интересовало другое – а именно, как устроен этот проклятый капкан.

– Малыш, скажи, а почему ты убежал? – я постарался осторожно вернуть его к прежней теме разговора. – Может быть, тебя дома бьют?

– Да, каждый день! И не выпускают гулять. Запрещают дружить с людьми. А если не слушаюсь, то оставляют без ужина!

«Ужас, – подумал я с искренним сочувствием. – Вот бедный».

Будучи волонтером, я повидал много несчастных малышей, для которых детдом был спасением от семейного ада. У них у всех были такие огромные и грустные глаза. Но и такое же огромное, чистое сердце...

– А ещё иногда за плохое поведение закрывают в гробу.

– В гробу?!

– Дедушкином. Меня, кстати, назвали в его честь...

По моей спине прошёлся холодок. Я многое слышал о жестоком обращении с детьми, но закрывать в гробу – это просто какая-то невыносимая дикость! И как прикажете мне теперь поступить с несчастным ребёнком, чей брат, судя по всему, в крайней степени невменяем?!

Поколебавшись минуту или две, я не придумал ничего лучше, кроме как позвонить в полицию. Но стоило мне разблокировать телефон, как на экране высветился входящий вызов. Угадайте, кто звонил?

От растерянности я перепутал красную кнопку с зелёной, и из динамика донеслось громкое:

– Гришечка, миленький, как я рада слышать твой голос!

– Я ещё ничего не сказал, – буркнул я хмуро.

– А я уже заранее рада! – лебезила Катя. – Привет! Как твои дела, мой хороший?

Зажав трубку между плечом и ухом, я продолжилковыряться с капканом, теперь уже на ощупь в темноте. Но сколько я ни изучал его, не мог понять, как он открывается. Не похоже, чтобы у него вообще были для этого какие-то рычаги и фиксаторы.

– Дела хреново, – ответил я с опозданием. В тот момент я ещё не догадывался, что настоящее «хреново» ждёт меня впереди.

– Что случилось?!

– Слушай, – вдруг осенило меня, – а ты ведь ещё едешь по детским домам?

– Конечно, родной!

Может быть, её появление – это знак свыше, – подумал я и выпалил:

– Возможно мне понадобится твоя помощь.

– Конечно, дорогой!

– Понимаешь, я попал в очень странную ситуацию...

– Для тебя я готова на всё, что угодно!

– Да не перебивай, – я поморщился. – Мне и так сложно объяснить.

– Извини.

– В общем, тут такая история. Я нашёл маленького ребёнка в лесу...

Пока я пытался рассказать ей о произошедшем, мои глаза привыкли к темноте, и я стал различать очертания деревьев. От одного из них мне удалось отломить крепкую толстую ветку. Вряд ли она поможет открыть капкан – для этого нужно что-то помощнее – но хотя бы ослабить его давление на ногу я смогу, если просунуть её между дугами. Что я тотчас и попробовал сделать, не выпуская из рук телефона.

– ...А потом он говорит мне, что не хочет домой, потому что там его бьют, не кормят и вообще – обращаются с ним так, будто он не человек, а зверь какой-то... Ах, вот чёрт!

Я не рассчитал силы: зубец капкана полоснул мне по пальцу и рассёк фалангу. Из глубокого пореза хлынула кровь.

– Только этого ещё не хватало!..

Прежде чем я успел сообразить, чем перетянуть рану, Влад схватил меня за запястье и неожиданно, взяв в рот мой палец, облизал его – да ещё и с таким аппетитом, будто это был леденец или эскимо.

– Нет, малыш, это плохая идея, не делай так, – хлопая себя по карманам, я принялся искать платок.

– Вот это да... – тем временем протянул мальчик тонким голоском. – Какая сладкая! Никогда такую не пробовал!

– Что там у тебя происходит? – вклинилась из трубки Катя.

– Подожди секундочку, – я пытался унять оживившегося Влада. – Пацан, ты чего?.. Ай, куда ты лезешь, мне же щекотно...

Я посадил мальчика на землю и отступил от него на пару шагов, но он вдруг каким-то недетским – я бы сказал даже, нечеловеческим рывком – выдернул ногу из капкана и, подбежав, снова запрыгнул ко мне на руки. Не успел я понять, каким образом ему удалось освободиться, как он отодвинул воротник моей куртки и впился зубами мне в шею.

– Так вот что ты имел в виду, когда говорил, что ты любишь кусаться. Должен тебя предупредить, я несъедо...

Я не договорил. Раздался хруст кожи и мышц, будто что-то острое прошило мне шею до самого позвоночника и тут же вышло обратно. Моя сонная артерия запульсировала. Я инстинктивно открыл рот, чтобы вдохнуть и закричать, но

воздух не шёл в лёгкие.

Перед глазами засверкали звёзды и поплыли тёмно-фиолетовые разводы. Словно кто-то уронил в космическую пустоту, как в воду, огромный булыжник, и от него по Вселенной начали расходиться круги галактик. Я видел, как падали откуда-то сверху и тонули в этих галактиках разноцветные шарики планет – мелкие, словно гравий. А потом лёгким взмахом руки невидимый Творец рассыпал над ними молочно-белую пыль человеческих душ. Вселенная впитывала эту пыль медленно. Неравномерно. Какие-то песчинки тонули быстрее – спускаясь на голубую планету, они моментально таяли как снег. Какие-то зависали в атмосфере, словно застревая в желе – будто ждали своего часа. Может быть, где-нибудь среди этого облака живой пыли была и снежинка моей души, но я не чувствовал себя ей. Я наблюдал за всем со стороны.

Вглядываясь глубже в космос, я заметил, что некоторые снежинки, вопреки законам физики, не таяли, а кристаллизовались, превращаясь в алмазы, и навсегда вращались в Землю. Они сияли всеми цветами радуги – синие, сиреневые, лиловые, зелёные, золотистые, серебристые – зрелище было настолько захватывающее, что я невольно забыл обо всём на свете и залюбовался им. А потом один из этих алмазов вдруг увеличился до огромных размеров и вонзился в мою грудь, разодрав в клочья сердце.

Слёзы брызнули из моих глаз. То ли от боли в груди, то

ли от оргазмического удовольствия, которое я в этот момент получил. Телефон выскользнул из руки и упал в траву. Я всё ещё пытался скинуть с себя ребёнка, хотя и вяло – я почти не ощущал своего физического тела, словно находясь под каким-то наркотическим трипом. Влад же продолжал мёртвой хваткой висеть у меня на шее как гигантская саблезубая пиявка. И не просто висел – он жадно пил кровь, которая быстрыми толчками лилась из моей артерии ему прямо в рот.

Вскоре мои ноги подкосились, и я упал. Едва ли я понимал, что происходит. Просто не успел за такое короткое время ничего осознать. «Какая нелепая смерть», – единственное, что саркастически пронеслось у меня в голове сквозь шум в ушах.

И вдруг где-то совсем близко воздух прорезал собачий рык. Тишина леса содрогнулась от свирепого лая, а следом за ним детский голосок воскликнул:

– Ой, пусти!!!.. Больно!!! Ааа!!!

Два рваных отверстия на моей шее оголились, и теперь кровь, бьющая фонтаном, заливала мне одежду. Я плотно прижал к шее руку, стараясь унять кровотечение. Не то чтобы надеялся, что смогу выжить. Скорее просто инстинктивно.

Дальше события развивались стремительно. Соседский пёс – а это был именно он – вступил в недолгую схватку с Владом, вцепившись ему в предплечье, но малыш ловко выкрутился, подсунув ему в пасть вместо себя свой рюкзачок.

Линкольн, свирепо рыча, начал мотать трофеем из стороны в сторону в попытках его разорвать, а мальчик юркнул в кусты и был таков.

– Стой! – хотел крикнуть ему я, но из моего горла вырвался только режущий хрип, и я надолго закашлялся.

Несколько минут я лежал на земле, пытаясь заново научиться дышать. У меня возникло какое-то странное чувство, будто я утопленник – меня прибило ко дну, а сверху давит, не давая встать, плотная толща воды. Наконец, я оклемался и смог приподняться. Пёс тем временем успокоился и, сев возле меня с добычей в зубах, показательно ждал дальнейшей команды.

– А ну-ка, – я потрепал добермана по голове, – Линкольн, фу. Плюнь. Вот так, хороший мальчик!..

Выпустив из зубов рюкзачок, пёс несколько раз свирепо гавкнул в темноту леса, а потом снова заливисто завыл.

– Что у нас здесь... – я расстегнул молнию, и мне в руки упала – о чудо! – бутылочка детского сока. Казалось, ещё никогда в жизни я не был так счастлив! Скрутив крышку, я в изнеможении присосался к горлышку и за пару секунд осушил содержимое бутылки до дна.

Однако до чего же мерзкий напиток! И привкус какой-то странный, как будто скисло. Чем только нынче поят детей! Хотя, надо всё же отдать должное этой бурде, мне сразу стало ощутимо полегче: горло уже не хрипело так сильно, сердце не билось как бешеное, и даже искры перед глазами боль-

ше не сверкали. А ведь ещё минуту назад я, кажется, совсем сник и собирался упасть в обморок.

Судя по весу, в рюкзачке было что-то ещё. Я запустил руку поглубже. Детские солнечные очки, мобильный телефон и... головка чеснока. Интересное сочетание. Уткнувшись носом в чеснок, я глубоко затянулся едким запахом. Противно до невозможности, но бодрит! Может быть, я даже дойду до дома.

– Линкольн! Дружок, нам надо как-то выбираться отсюда. Ты ведь поможешь?..

Я накинул рюкзак на плечо и попытался встать. Получилось не сразу – самочувствие было весьма паршивым, будто из меня выкачали всю кровь без остатка. Голова кружилась, в ушах шумело, руки дрожали, а ноги тряслись. Я плёлся по лесу, хватаясь за стволы деревьев, чтобы не упасть. Время от времени, когда становилось совсем дурно, я подносил к носу зажатый в кулаке чеснок и дышал им вместо нашатыря.

Потом снова делал шаг. И ещё один. Вот так, потихоньку...

Глаза ничего не различали в темноте. Я не ориентировался в пространстве, словно вернулся на Землю не до конца: перед взором всё ещё дрожала картинка Вселенной с миллиардами ярких звёзд, и меня слепил огромный алмаз, переливающийся в груди.

Без сомнения, если бы не пёс, бегущий впереди и изредка подававший голос, вряд ли мне удалось бы в ту ночь найти

дорогу к посёлку...

Глава 2. Пожизненный иммунитет

Отперев ворота на свой участок, я не дошёл до дома буквально пару метров. Упал на четвереньки перед деревенским уличным сортиром, и долгое время меня неукротимо рвало.

Иногда горло сводило так, что я задыхался и на секунды терял сознание, но каждый раз оно ко мне возвращалось, а следом накатывал новый рвотный позыв.

Когда меня окончательно отпустило, уже забрезжил рассвет. Зачерпнув воды из колодца, я сначала напился, потом как следует умылся, а потом и вовсе окатил себя с головы до пят ледяной водой. Вытерся полотенцем, стирая следы крови, и переоделся.

Не то чтобы меня так сильно волновала рана на шее – нет, на удивление, она уже даже не болела – но разобраться в этой ситуации мне хотелось. Поэтому в девять утра я оказался на пороге приёмного покоя местной больнички с невразумительной жалобой:

– Понимаете, меня тут недавно укусили...

Ну, а что было потом – вы уже знаете.

Получасом позже я сел в машину и поехал на поиски инсулина, который, впрочем, мне так и не понадобился. Мой сахар держался на отметке «3.5 ммоль/л» до самого конца дня и больше не поднимался, хотя я позавтракал и даже пообедал. К вечеру, заподозрив неладное, я снова поехал в ап-

теку, на этот раз за глюкометром. Но и новый прибор отказывался верить в то, что я диабетик.

В целом моё самочувствие было вполне сносным. Единственное, что меня беспокоило – это озноб и постепенно поднимающаяся температура. Днём градусник показывал 37.5, к вечеру уже 38, а ночью меня колотило так, будто было все 40.

Целиком укрывшись одеялом, я прокручивал в голове возможные варианты дальнейшего развития событий. Фантазия моя работала отменно, и я обдумал по меньшей мере миллион версий, самая простая и безобидная из которых заключалась в том, что я с минуты на минуту умру.

Но что-то подсказывало, что вот так взять и умереть было бы слишком легко. Больше всего пугало, что мне придётся как-то жить дальше – с ужасом содрогаясь от одной только мысли, что я могу стать таким же, как Влад.

За плохое поведение заколачивают в дедушкином гробу – подумать только!.. Если его тёзка-дед – тот, о ком я думаю, то я конкретно влип. Просто беда.

Весь день, и даже часть ночи, мне звонила Катя, но подходить я не стал. Её вопросов я не выдержал бы – у меня было предостаточно своих.

К утру, уже на рассвете, мне всё же удалось успокоиться – вернее, смириться – и задремать. В беспокойном полусне мне снова виделся алмаз, который расцарапывал мою грудь изнутри своими острыми гранями, да ещё и светился как ты-

сяча солнц, не давая глубже погрузиться в сон. К счастью, мучение моё было недолгим. В восемь часов меня разбудил громкий стук в окно. Наспех одевшись, я вышел на крыльцо встречать раннего гостя.

На пороге стоял почтальон в синей форме. С усами как у Печкина и такой же раздражённый:

– Спите, что ли? – буркнул он, копаясь в сумке.

– В восемь утра в выходной? Что вы, конечно нет, – съязвил я, растирая ноющую изнутри грудь.

– Григорий Волков?

– Он самый.

– Бандероль для вас. Срочная. Сам не рад, – добавил он, вручая мне большой бордовый конверт. – Распишитесь в получении.

Поставив пару размашистых подписей в бумагах, я проводил почтальона взглядом и почесал затылок. Безусловно, это не самое мистическое из того, что за этот уикенд со мной случилось, но всё же я не мог не удивиться: как он нашёл меня здесь – на даче аж в Смоленской области, где я никогда не был прописан, да и приезжал сюда теперь из Москвы не так часто. Вернее, откуда отправитель знал, что я сейчас здесь? И кто, в конце концов, отправитель?!

Я покрутил конверт в руках. Обратного адреса не было.

– Что ж, ладно... – пробормотал я и надорвал плотно заклеенный край.

Сначала мне в руки выпала цветастая открытка с тортом

и свечками. Вверху переливалась надпись: «Happy Birthday, my friend!». Может быть, это всё-таки кто-то ошибся? Ведь мой день рождения зимой...

Но карточку я всё же раскрыл. Внутри был печатный текст:

«Не удивляйся, Гриша, я знаю, что ты родился в декабре. Однако то, что с тобой случилось, вполне можно назвать вторым рождением, так почему бы не отпраздновать его сегодня (а может быть и вчера, если почта, как всегда, опоздает с бандеролью). Вампиры уже подарили тебе свой подарок. Это бессмертие.

Да, ты не ослышался, везунчик. Ты не умрёшь. Во всяком случае, от старости или болезни. Наверное, тебя сейчас пугает аура кристалла, но не бойся, это яркое свечение тебя не выдаст, потому что его видишь только ты. Он также не может причинить тебе вреда и уж тем более не убьёт. Наоборот, к смерти у тебя теперь, благодаря кристаллу, пожизненный иммунитет.

А теперь пора подарить мой первый подарок. Я хочу рассказать тебе одну историю. Сразу предупреждаю: запасись терпением, она начнётся издалека. Зато, возможно, со временем она сможет ответить на многие из твоих вопросов».

И это всё. Без прощания и подписи.

Честно говоря, на протяжении последних суток я искренне надеялся, что всё случившееся – просто кошмарный сон. Что я лягу спать и проснусь уже в реальности. Но нет, я

проснулся, а рюкзачок Влада – чёрный, с «весёлым рождением» – продолжал висеть там же, где я его повесил вчера – на спинке стула.

А теперь ещё эта открытка и «известие» о бессмертии. Чушь какая-то. Может, это розыгрыш?..

Сам не знаю, от кого я ждал ответа на этот вопрос. Я вернулся в дом, и вот уже мои руки доставали из бурого конверта тонкие, пожелтевшие от времени листки разлинованной бумаги. Край был неровный – будто их вырвали из старой тетради.

«Так непривычно и странно я себя чувствую!..»

– Плюс один, – пробормотал я вслух, едва прочитав первую строчку, выведенную аккуратным, каллиграфическим почерком. – Подписываюсь.

Пока я бурчал, глаза уже бежали по тексту дальше:

«Как за считанные дни всё могло так поменяться?! Ещё вчера я знала себя, как облупленную, как свои пять пальцев, а теперь кажется, что мы с этой девочкой совсем не знакомы, что кто-то должен представить мне меня же саму...»

Чернила сильно выцвели от времени, и местами различить буквы было довольно трудно. Мне пришлось сесть за стол и включить выдавшую виды настольную лампу.

«– Знакомьтесь, это наша новая ученица. Василькова Света. Давайте все вместе её поприветствуем.

– Здравствуй, Света! – хором подхватил класс.

Растерянно кивнув в ответ, я села за первую парту у окна

– единственную, которая пустовала. Начался урок немецкого языка. Немецкий язык я невзлюбила ещё в прошлой школе, но новая классная руководительница – учительница иностранного – мне как-то сразу понравилась, поэтому я решила во что бы то ни стало выучить её предмет.

Вот только слушать новую тему внимательно мне сейчас было ужасно трудно. В голове царил хаос – точно такой же, как в нашей новой квартире, куда мы только недавно переехали. Какой он, этот Сталинград? Примут ли меня здесь? Понравлюсь ли я этим строгим людям? Будут ли у меня друзья? Чем живёт этот огромный шумный город?..

Глаза задумчиво скользили по пейзажу окна. Дома, дома, дома... Яблоку негде упасть. Хотя, для яблок пока ещё не сезон. Провожая взглядом кружащиеся в воздухе лепестки черёмухи, я жалела, что со мной нет Зойки – моей бывшей одноклассницы – которая щедро толкала меня локтем в бок каждый раз, когда я уходила чересчур глубоко в свои мысли.

Учиться в большом городе – совсем не то, что учиться в деревне. В этом я убедилась с самого первого дня. Тут мы носим форму – белую блузку и синюю юбку. И галстук. Невозможно непривычный, ярко-алый. Классов много. Они все пронумерованы не только цифрами, но и буквами. Я, например, учусь в десятом «В». Учителя по каждому предмету разные и почти все строгие. Говорить на уроках запрещается. Нужно сидеть смирно и тихо, как мышка. А если появится вопрос, то поднять руку и ждать, пока тебя заметят.

Может быть поэтому даже на переменках ученики не очень разговорчивые...

Мой папа военный, и мы часто переезжаем, почти каждый год. Но всегда через некоторое время возвращаемся в нашу деревню под Смоленском, где всё для меня уже родное. Особенно Зойка мне родная, как сестра – с ней мы дружим с самого детства.

Вдали от дома так одиноко. Совсем не с кем обсудить новости. Отправила бывшим одноклассникам письмо, но когда оно ещё дойдёт – через месяц, наверное. Ох, а сколько же потом ждать ответ!.. В общем, я решила вести дневник. Давно просила у родителей специальную тетрадь, в толстой картонной обложке, чтобы страницы не мялись. Только ни в нашей деревне, ни в других маленьких городках, где мы жили, их было не найти. А вот в большом Сталинграде всё есть! Особенно тетради в книжный завезли такие красивые. В разноцветных обложках: жёлтые, зелёные, синие... Я хотела синюю. Больше всего люблю этот цвет, наверное потому что фамилия у меня такая же – синяя, васильковая. Но все синие быстро раскупили, и мне досталась жёлтая. Зато как она шуршит страницами, как пахнет!..

– А давайте устроим сегодня праздник! – сказал как-то вечером папа.

– Какой ещё праздник? – мама посмотрела на него с подозрением.

– Да хоть какой! Пусть будет Новый год!

– В мае?!

– Почему бы и нет? Новый город, новый год, новая жизнь... А вот тебе, дочурка, подарок под ёлку, Дед Мороз передал, – и, рассмеявшись, он вытащил из-за пазухи тетрадь.

Увидев её, я подпрыгнула, наверное, до потолка. И от радости поцеловала сначала папу, а потом маму. У меня лучшие на свете родители!

Вот так суматошно и волнительно начинается наш новый, 1941-й год. Интересно, сколько ещё прекрасного он с собой принесёт?..»

В этом месте повествование обрывалось, если не считать подписи снизу:

«Сталинград,
15 мая 1941 г.»

Встав из-за стола, я потянулся и размял спину. Потёр пальцы друг о друга подушечками. Прислушался к себе. Странные ощущения посещали меня во время чтения. Как будто эта девочка – Света – не просто находилась рядом со мной, где-то совсем близко, а вдобавок ещё и держала меня за руку. Я даже несколько раз отвлёкся, чтобы оглядеться по сторонам – таким отчётливым было ощущение присутствия.

Да уж, и правда, история началась издалека. Из такого далека, что мне даже вообразить трудно. Май сорок первого – ну и ну! Если этот дневник не чья-то искусная подделка под

старину, то боюсь даже представить, какие события легли на его страницы дальше. Кстати, а будет ли продолжение?..

Я снова перечитал текст открытки. «Мой первый подарок». Значит, планируются ещё. Что ж, надеюсь, я буду получать их чаще, чем раз в год по дням рождения. Несмотря на то, что у меня теперь – если верить письму – и была в запасе вечность, я оставался всё таким же нетерпеливым, как и раньше.

По привычке я заварил себе чай и теперь в задумчивости вертел кружку в руках. Ни пить, ни есть не хотелось – совсем. Вместо того, чтобы приготовить что-то и заставить себя позавтракать, я решил поставить отчаянный эксперимент.

Выкопав со дна кухонного ящика старую упаковку сахара-рафинада, я кидал кубики в чай. Один, два, три, четыре... Десять... Пятнадцать – пожалуй, этого хватит. Размешал. Принюхался. Ещё сутки назад, приняв на грудь такое количество сахара, я бы тут же помер, не успев даже вызвать себе «скорую». А сейчас?.. Что ж, посмотрим, справится ли мой «кристалл» с этим.

Выдохнув, я залпом опрокинул в себя до ужаса сладкую жидкость. Бросил взгляд на настенные часы: девять двадцать. Воображение тут же услужливо нарисовало мне двух фельдшеров, которые, осматривая моё тело, озвучивают вслух время смерти. Пальцы забарабанили по столу.

Девять тридцать. Удивительно – даже голова не кружится, и руки не дрожат. Девять сорок. Смерть явно задерживалась.

Десять. Ничего, ровным счётом никаких намёков на гипергликемическую кому, будто я и не диабетик вовсе.

Поднявшись, я отправился на поиски глюкометра. Прибор, закинутый перед сном в дальний угол, снова высветил неизменные «3.5 ммоль/л», словно издеваясь.

Тогда мне в голову пришла ещё одна сумасбродная идея. Не сомневаясь долго, я распаковал купленную вчера упаковку инсулина и вкатил себе все пятнадцать кубов – столько, сколько там было.

Выскочив из дома, я ходил по двору кругами в ожидании эффекта, но и гипогликемия, кажется, не торопилась меня посетить.

Линкольн, наблюдая за мной через доски забора, тихонько поскуливал. Потом, звякая цепью, принялся тоже ходить туда-сюда. Голодный опять, наверное.

Вываливая перед ним очередную банку консервов, я призадумался. Интересно, сильно ли ему влетело за побег? И как он вообще умудрился сбежать?.. Взгляд скользнул по карабину цепи – мощный, увесистый, покрытый толстым слоем ржавчины. Такой и человеку трудно будет раскрыть, не то что псу вырваться из него...

Кристалл в груди переливался и отблёскивал лучами яркого, заходящего в зенит солнца. Как же всё-таки слепит!.. Чертыхнувшись, я достал из машины тёмные очки и нацепил их на нос. Вдохнул с облегчением. Сел на скамейку, в теньке, под старой яблоней, и подпёр голову рукой.

Кто знает, сколько бы я мог так просидеть в бесполезном ожидании смерти, если бы в кармане вдруг не зазвонил мобильный.

– Гришка, привет!

Мужской голос показался мне отдалённо знакомым.

– Ты в Москве?.. Нет? А где?.. В Смоленске?! Чего это тебя так далеко занесло! Возвращайся срочно!

– А что случилось? – я всё ещё хмурился, пытаюсь понять, с кем говорю.

– Не поверишь! Валерка уволился!

– Валерий Юрьевич? – кажется, я начал кое-что понимать. – Стас, это ты что ли?

– Ну а кто ж ещё!

Подумать только. Начальник отдела кадров «одной крупной компании» – собственной персоной – вдруг звонит мне в выходной и просит вернуться в Москву. Или не только в Москву?..

– В общем, он взял отпуск на неделю, а потом – бац! – и вдруг уволился. Мы опомниться не успели...

– Как скоростижно, – буркнул я.

– А у нас важный проект горит...

– Соболезную.

До Валерия Юрьевича – любителя Катиных минетов – мне не было ровном счётом никакого дела.

– Ах, да прекрати ты! – воскликнул Стас. – Не ломайся!

Я был готов уже повесить трубку, но всё же на всякий слу-

чай уточнил:

– А что ты мне предлагаешь?

– Должность руководителя проектов! Высокую ЗП! Соцпакет! Медицинскую страховку, корпоративное авто, абонемент в спортзал, премии по итогам проектов! – выпалил Стас на одном дыхании.

У меня аж ёкнуло в груди. Кристалл, дрогнув, царапнул меня по рёбрам.

– Вот это да... – протянул я после паузы в ответ. – Тяжко же вам там приходится, похоже...

– Тяжко, очень тяжко! – подхватил Стас. – Меня завтра уволить обещали, если не найду никого на замену. А кого я найду в воскресенье...

– Послушай, а... а Катя всё ещё работает у вас?

Кадровик притворился, что меня не услышал и протянул жалобно:

– Ну, Гриш, выручишь, а?

Я вздохнул. Потрогал пальцами грудь, успокаивая боль.

– Ладно. Завтра приеду к девяти.

Глава 3. Немного не в себе

Ночью опять поднялась температура, меня трясло, и я долго не мог уснуть. Но даже одержав победу над бессонницей, я толком не отдохнул. Мне снился очень странный сон: будто я снова в непроходимом лесу, в кромешной темноте, выколовшей мне глаза.

Луна прячется за графитово-серыми тучами. Ветер порывами шумит в кронах старых деревьев. Ветки трещат, мотаюсь из стороны в сторону. Кажется, будет гроза.

Надо идти домой, но я не знаю, в какой стороне дом. Ноги совсем меня не слушаются. Я нагибаюсь, чтобы ощупать их, и понимаю, что голеней и ступней у меня нет. Ниже колен я не человек, а дерево. Самое настоящее. Ствол с потрескавшейся корой уходит вниз и расплзается под землёй сотнями широких корней.

Издали слышатся неспешные шлёпающие шаги. Будто кто-то идёт по болоту. Медленно, шаг за шагом приближаясь ко мне. Хлюп... Хлюп... Хлюп...

Гремит первый раскат грома. Сверкает молния, и в её свете я едва успеваю различить очертания приближающейся фигуры. Только силуэт. Непонятно даже, мужской или женский.

Мне становится не по себе, по спине бежит холодок. Кем бы он ни был, надо как-то выбираться отсюда. Но корни

плотно держат меня в почве – нет шансов.

Снова гром и ещё одна вспышка. Силуэт уже ближе. Теперь я вижу, что в руках у человека топор.

«Он не просто так здесь. Он хочет срубить меня», – мелькает у меня в голове шальная мысль, и кристалл начинает быстро-быстро дрожать в груди, а на лбу проступает испарина.

– Не приближайся! – кричу я в темноту. – Я знаю, что ты рядом! Не подходи, слышишь?!

Небо раздражается дождём. Крупные капли стучат по листьям деревьев. Третий раскат грома – и вместе с ним лезвие топора с глухим звуком врежется в меня. В стороны летят щепки.

Я кричу от боли. Сначала просто что-то нечленораздельное, потом отчаянное:

– Я сейчас проснусь! Это всего лишь сон! Я обязательно проснусь!

В ответ мне только едкий смех и шёпот:

– Тебе не убежать...

– Я проснусь, и ты исчезнешь!

– Твоя нить уже в моих руках...

– Это просто сон, тебя не существует!!!

– Я найду тебя...

Наш спор прервало громогласное «Трррр-ррр!...».

Сначала я подумал, что кровожадный лесник включил бензопилу, чтобы поскорее со мной разделаться, но нет. Это

вibriровал на прикроватной тумбочке мой телефон.

Уф! Никогда ещё я не был так рад звонку будильника, как в этот раз.

Вскочив на кровати, я откинул одеяло и первым делом устался на свои ноги. Ноги как ноги – самые обычные, человеческие. Стойте-ка, а это ещё что?!

Я провёл рукой по правой щиколотке и поднёс ладонь к лицу.

Кровь. Чуть выше косточки алела свежая рана. Не успел я удивиться реалистичности кошмара, как мой кристалл сверкнул в груди, и глубокий порез, прямо на глазах, стал затягиваться и покрываться бурой корочкой. А ещё через пару секунд я провёл по нему пальцем, и корочка отвалилась. Остался только едва заметный беловатый шрам – почти не видно, если не приглядываться.

– Чёрт возьми, кто такой этот дровосек?.. – пробормотал я и, поёжившись, добавил тише, – и кто такой теперь я?!..

* * *

– Гриша, ну наконец-то! – Стас встретил меня ещё внизу, у дверей нашего бизнес-центра. – Где тебя носило!

– Опоздал всего лишь на полчаса, – буркнул я, взглянув на наручные часы. – Нужно было принять душ и переодеться после дачи, на работу ж устраиваюсь всё-таки...

– Пошли скорее! Начальство уже тебя ждёт!

Рассчитывая, что Стас ведёт меня на собеседование к вышестоящим, я послушно позволил ему протащить себя через просторный холл и поднять в лифте на тридцать третий этаж.

– Всё будет хорошо. Всё будет отлично, – кадровик по дороге будто уговаривал сам себя. – Всё должно получиться... Только очки сними!

Он ткнул меня локтем в бок. Я нехотя сложил солнечные очки и убрал их в нагрудный карман.

– Вот так, супер. Ну, а теперь – ни пуха ни пера нам!

Не успел я послать его к чёрту, как он пропихнул меня в конференц-зал и выпалил на едином дыхании:

– Спешу представить вам нашего нового руководителя проектов. Григорий Александрович Волков! Успешно прошёл все этапы собеседования и сейчас же готов приступить к работе! – чем поверг меня в полное замешательство. Я даже не нашёлся, что сказать в продолжение его отчаянной лжи. Собственно, меня ни о чём и не спрашивали.

Директора переглянулись между собой и развели руками – видимо, в знак того, что возражений ни у кого нет.

– Угу, – коротко отозвался исполнительный. Тот самый, который лично отчитывал меня за мордобой, устроенный полгода назад на корпоративе. – Гриша, снова здравствуйте. Простите, нет времени встречать хлебом-солью. Дедлайн был вчера. Заказчик негодует. Ваш компьютер уже настроили, там вся информация о проекте. Стас, проводи Григория Александровича в его кабинет.

– Мой кабинет?!..

– Да-да, пойдём, – засуетился кадровик. – Вот сюда, пожалуйста.

– Ничего себе, мне даже отдельный кабинет выделили... что же у вас тут происходит... – бормотал я по пути.

Стас притворился, что меня не слышит.

– А ты, кстати, в прекрасной форме, – словно бы между прочим подметил он. – Кажется, ты похудел?..

Я пожал плечами. С утра мне тоже показалось, что пиджак и рубашка как-то подозрительно на мне висят, но я так तो-ропился, что не придавал этому особого значения.

– Ну, – так и не дождавшись ответа, Стас распахнул передо мной дверь кабинета. – Добро пожаловать. Выручай!

Для одного меня тут было слишком просторно – на территории такого масштаба впору закатывать балы. А ещё тут для меня было слишком уж светло. Оставшись один, я первым делом опустил все жалюзи на высоких панорамных окнах. Комната погрузилась в полумрак, а я вздохнул с облегчением. Теперь единственным ярким источником света был большой монитор компьютера, который кто-то уже услужливо загрузил к моему приходу.

Следующие два часа я внимательно изучал информацию по горящему проекту. Мне было интересно, по какой причине он навёл столько шухера среди начальства и что толкнуло их на столь отчаянный шаг – приглашать на должность руководителя меня. Дебошира, с позором уволенного полгода

назад.

На первый взгляд, ничего криминального. Более того, задача – типовая. Заказчиком значится некий «НИИ СКОК». Очередная дурацкая несерьёзная аббревиатура, которыми почему-то так любят называться всякие серьёзные НИИ. Главный штаб компании находится, кто бы мог подумать, в Смоленской области, откуда я пару часов назад приехал. В Московской области же сейчас расширяют дополнительный офис. Просят настроить им систему управления базами данных и обеспечить обмен информацией между Москвой и Смоленском по зашифрованным каналам. Казалось бы, ничего трудного. Разве что, допуска к своим серверам и базам не предоставляют, объясняя это возможной утечкой секретной информации. Требуют разработать продукт на основании одних только технических требований и небольшого набора тестовых данных. Хотят, чтобы им предоставили подробную инструкцию, по которой их специалист сам установил бы систему на сервер. Естественно, при таком раскладе на рабочей базе вылезают многочисленные баги, которые наши разработчики объяснить не могут: на тестовых данных всё работает идеально.

Дальше наша компания предложила в качестве компромисса организовать программистам рабочее место на территории НИИ – чтобы те трудились под пристальным прищуром их сотрудников, но и это не сработало. Пропускать кого-либо в московский филиал заказчик тоже отказался.

Среди программистов росло возмущение, и в итоге они все как один бросили работу над этим проектом. После чего, в результате долгих переговоров, институт всё же согласился принять на своей территории руководителя проекта – предварительно подвергнув его тщательным проверкам их службы безопасности.

А вот потом случилось то, что для меня осталось непонятным. После недели работы в НИИ СКОК, Валерий Юрьевич неожиданно взял недельный отпуск за свой счёт, а по истечении его и вовсе уволился одним днём, не объясняя причин. И исчез. На письма не отвечает, к телефону не подходит, его местоположение неизвестно. На данный момент работа стоит. Система лагает. Заказчик ждёт новостей уже больше недели и сильно возмущён. И это можно понять, учитывая, что деньги за проект они платят весьма серьёзные, даже по сравнению с самыми щедрыми коммерческими клиентами.

– Да, кстати, – без стука всунувшись ко мне в кабинет, Стас заставил меня вздрогнуть. – Они ещё не знают, что Валерка уволился. Придётся тебе сообщить им об этом самому.

– Не вопрос, – отрываясь от монитора, ответил я. – Сообщу.

– Это, наверное, заставит их изрядно понервничать...

– А что им до него?

– Они его проверяли целых два месяца! На каких-то там приборах... детекторы лжи, что ли, и всё такое.

– Не вижу никакой информации о степени секретности.

– А её и нет. Но сами они утверждают, что это очень секретно и ни в коем случае не должно получить огласку.

– Понятно. Ну, разберёмся. Я сейчас позвоню и назначу им встречу.

Я взял в руки телефон, как бы намекая кадровику, что дело под контролем и медлить я не собираюсь.

– Да, забыл тебя предупредить, – будто бы между делом добавил Стас. – Ходят слухи, что заказчики немного того... не в себе.

Не успел я ничего переспросить, как он поспешно хлопнул дверью кабинета и был таков.

* * *

В обед я решил наведаться в офисный спортзал, чтобы, по старой памяти, снять напряжение на беговой дорожке.

Стоя в раздевалке, я внимательно разглядывал себя в зеркале. И впрямь, похоже, что я стремительно худею. Пиджак за день совсем разболтался, будто стал как минимум на пару-тройку размеров больше, а брюки я того и гляди потеряю.

Затянув потуже завязки на спортивных штанах, я поёжился. Всегда хотел похудеть, чего только не делал ради этого, но сейчас такие резкие метаморфозы меня скорее пугали.

«А может, это не я худею, а одежда растёт?!» – пришла ко мне на редкость идиотская мысль, когда я вставал на напольные весы.

Поначалу я жмурился, но потом глаза всё же пришлось открыть. Минус десять килограммов за двое суток – впечатляет. И, кажется, это ещё не предел.

Проходя мимо, наш тренер похлопал меня по плечу. Спустя полгода он всё ещё помнил меня – некогда я тщетно тренировался под его руководством, чтобы сбросить хоть сколько-нибудь, но потерпел тогда полное фиаско.

– Отличная работа, парень! Какая муха тебя укусила, что ты наконец решил за себя взяться?!

«Ох, если бы муха!» – промелькнуло у меня в голове.

Встав на беговую дорожку, я принялся сам себя успокаивать. Ладно, допустим, одежду можно купить новую – это наименьшая из всех проблем. А что делать дальше?! Как быть с этим странным письмом? С чудесным исцелением от всех болезней? С высокой температурой, ломкой и жаром, которые достигают апогея к ночи? С этим кошмаром и «лесником», пообещавшим во что бы то ни стало меня найти?..

Поразмыслив, я решил начать с самого простого – записаться на приём к своему знакомому врачу-эндокринологу. Он ведёт меня давно, знает уже как облупленного, да и я ему доверяю. Пусть, в конце концов, отправят меня на диспансеризацию. Вдруг мне всё-таки ещё можно помочь.

Что-то внутри меня громко спорило, что медицина не умеет лечить от бессмертия, но я не сдавался. Должен быть какой-то выход. Надо просто его найти. Меня вылечат. Найдут причину, вылечат, и я снова буду обычным человеком!

«Я проснусь, проснусь, проснусь!» – твердил я себе, прямо как недавно во сне.

Я напрочь отказывался верить в то, что это реальность. Может быть, я просто простудился? Или у меня галлюцинации на почве прогрессирующего диабета...

– О, вот ты где! Тебя не узнать! Так похудел! И где же твои веснушки?!..

Нотки знакомого голоса заставили мой кристалл мелко-мелко задрожать. К счастью, дрожал только кристалл, а не пальцы, не губы и не голос.

– Привет, Катя, – проговорил я спокойно. – Веснушки в отпуске до следующей весны.

А ведь и правда. В своё время я чего только не делал, чтобы их свести или хотя бы немного высветлить, и всё без толку. А тут за два дня моя кожа вдруг так побледнела, что веснушек уже почти совсем не видно. Ещё один тревожный звоночек в копилку моих стремительных метаморфоз.

– Стас сказал, что ты вернулся, но я не нашла тебя на рабочем месте. Подумала, что ты тут, и не ошиблась. А помнишь... помнишь, как мы бегали с тобой вместе?

Я не ответил. Вместо этого ускорил темп бега и перевёл взгляд на пульсометр, чтобы отвлечься. Но окошко было пустым. Пульс не считывался – странно...

– Ну, как там с этим малышом? Всё наладилось?

– С каким малышом?.. А, да. Всё с ним в порядке.

– Мог бы так и сказать, – надула губки Катя, – а не игно-

ритель меня двое суток!

– Прости, было не до разговоров.

Встав на соседнюю дорожку, она побежала в одном темпе со мной. Будто пыталась догнать.

– Может сходим сегодня куда-нибудь после работы?

– У меня важный проект, не могу.

– А завтра?

– Тебя Валерий Юрьевич не заревнует? – огрызнулся я, теряя терпение.

– Стас не рассказывал тебе?.. Валера пропал. Уже неделю как никто не знает, где он. И, кажется, он вообще не в России...

– С чего ты взяла? – уточнил я.

– Он звонил мне с какого-то заграничного номера.

– И что сказал?

– Что он уехал и не знает, когда вернётся. Что между нами всё кончено, и мы больше не будем встречаться. Что так будет лучше для меня.

– Так вот оно что.

– А ведь всё у нас было так хорошо! – она показательно всхлипнула. – Мне сейчас так грустно, Гришечка!..

Всё, хватит! Пора остановиться! Я резко выключил беговую дорожку и вытер пот со лба.

– Нет, Катя. Нет. И ещё раз нет. Пожалуйста, не пиши мне. Не звони. Давай оставим всё, как есть.

Будь я оборотнем, я бы, наверное, завыл. Так тягостно на-

тянулось что-то внутри, под рёбрами. Если у меня больше нет сердца, то что же тогда так сильно болит в груди?..

Глава 4. Непреодолимая и неконтролируемая

«Не в себе – это ещё мягко сказано», – вот, к какому выводу я пришёл, общаясь с таинственным НИИ СКОК.

Встреча не задалась с самого начала. Место встречи они назначили весьма странное – какое-то безымянное кафе на самой окраине города. Нет, конечно, мне и раньше приходилось иметь дело с потенциальными работодателями, которые приглашают на собеседование в кафе, на чашечку чая. А некоторые так прямо и обедали при мне во время собеседования, увлеченно чавкая между вопросами о моей профпригодности. Но все же, обычно, это делают представители фирм-подрядчиков, которые перемещаются от заказчика к заказчику и не привязаны к собственному офису, как моя нынешняя контора. А главное, кафе в любом случае выбирают какое-нибудь приличное, поближе к центру города или скоплениям офисных зданий. А тут ни тебе рядом офисов, ни складов, ни торговых рядов – ничего. По навигатору так и вообще выходит, что пустырь пустырьём.

Однако странности, окружавшие таинственных клиентов, на этом только начинались. Прибыв на место, я обнаружил, что кафе «прикомандировано» к одинокой бензоколонке, стоявшей в некотором отдалении от шоссе и почему-то не

обозначенной на картах. Странно, обычно их исправно вносят – тем более что на вновь открывшуюся заправка никак не походила. Пыльное и грязное оборудование, покосившееся здание магазинчика, в котором можно было купить напитки и еду, и несколько выдавших виды столиков на улице около входа.

Сидя за одним из них, я задумчиво потягивал отвратительный кофе под хмурые и подозрительные взгляды единственного сотрудника заведения – продавца, официанта и по совместительству дворника. Подав мой заказ, он ушёл в подсобку, вернулся с какой-то доисторической метлой и принялся с неистовым раздражением подметать асфальт вокруг пустующих столиков. Странное одеяние – хламида, напоминавшая потрёпанную монашескую рясу – волочилась за ним по дорожной пыли. Мне почему-то показалось, что вместе с этой пылью он надеялся поскорее вымести и меня...

Заказчик опаздывал. Я скучал. Других посетителей в этой дыре не было, равно как и желающих заправиться. Да я бы и сам не стал – это как же надо не любить свою машину, чтобы рискнуть залить в неё то, что продают в подобном месте. Я с тоской поглядел на кофе – конечно, чтобы пить такое, себя тоже нужно крепко не любить. Ну да мне теперь, похоже, всё равно – мой кристалл и не то стерпит, можно смело ставить эксперименты.

Когда кофе уже начал подходить к концу, а бородатый «дворник» отшлифовал асфальт чуть ли не до блеска, со сто-

роны дороги раздался шум автомобиля. Я поднял глаза от чашки с омерзительным напитком и увидел приближающийся «УАЗ Патриот», принадлежавший, как видно, какому-то любителю соревнований на внедорожниках. Был у нас на работе такой парень – тоже держал «патриот» и вечно загонял его в какие-то болота на очередном рейде, чтобы потом его мучительно оттуда вытаскивать – благо, он занимался тяжелой атлетикой, и физическая форма позволяла. Тут, видно, что-то похожее – подъехавший автомобиль был раскрашен в лесную камуфляжную расцветку, на крыше «люстра» из фар-прожекторов, передние арки подрезаны, кузов и подвеска подняты, чтобы освободить место для монструозных колёс.

Агрессивная машинка! Никак не ожидал увидеть, что водитель у неё окажется женского пола!

Я аж забыл про то, что собирался отхлебнуть кофе из стаканчика, и застыл, раскрыв рот и разглядывая лихую девицу. Вот уж действительно, «Punks not dead!».

Черные джинсы, металлические ремни, кожаная жилетка-косуха с нашивками Sex pistols, Exploited, Короля и шу-та, Пургена – и прочей нечисти. На ногах ботинки военного типа, на руках – цветные татуировки, а на губах – черная помада. Ну и, конечно, ирокез. Вы серьёзно, они ещё существуют?!

Приглядевшись, я заметил на её запястьях несколько поперечных шрамов. Пыталась свести счёты с жизнью, похоже.

И, судя по количеству шрамов, далеко не единожды.

Девушка посмотрела прямо на меня, поймав мой взгляд. Я смутился и принялся внимательно изучать стаканчик с кофе, косясь на машину боковым зрением. С недавних пор я заметил, что оно у меня значительно улучшилось, и я стал видеть предметы на периферии почти также хорошо, как и в центре. Панк-дева сплюнула и неспешно пошла к заправочному пистолету.

Открылась вторая дверь машины, и из неё вышел человек, сидевший на пассажирском кресле. Мужик оказался под стать своей спутнице. Но нет, не панк – этот парень, похоже, вышел из какого-то боевика времен 90-х. Весь в камуфляже, на голове бандана защитного цвета, из-под которой выбиваются непослушные темные волосы. В зубах тлеет сигарета, в руках угрожающих размеров нож, который он принялся задумчиво разглядывать, едва выйдя из машины. Это вообще законно, открыто носить такие штуки?! Тоже мне, Рэмбо выискался. Натурально он. Разве что лицо, покрытое неровной щетиной, грязью не раскрашено.

Внезапно что-то изменилось. Девушка резко воткнула заправочный пистолет в горловину бензобака, а мужик сунул нож в большой чехол на ремне. На секунду они замерли, а потом, словно по команде, уставились на меня. Резко двинулись в моем направлении, и вот уже я, снова разинув рот, смотрю, как Рэмбо отодвигает второй стул от моего столика и усаживается напротив меня. Третий стул заняла дама.

Пока я прикидывал, что мне лучше сделать – сказать ли им «Чем я могу служить, господа?» или рвануть от греха подальше к своей машине – мужик в камуфляже меня опередил.

– Вы, должно быть, Григорий? – спросил он низким хрипловатым голосом. Я растерянно кивнул. – Очень приятно! А я Михаил. Директор службы безопасности НИИ СКОК.

Он протянул мне для рукопожатия огромных размеров ладонь. Моя рука утонула в его медвежьей лапе, но пожал он её неожиданно аккуратно:

– А это моя коллега, Лариса! Она у нас по технической части. В большей степени, так сказать, ваша коллега, чем моя! – и он расхохотался низким рокочущим смехом в ответ на собственную шутку. Или на то, что он считал шуткой.

Лицо девицы оставалось каменным, она смотрела на меня без тени улыбки. Михаил отсмеялся, и в воздухе повисла неловкая тишина, прерываемая только шарканьем метлы об асфальт. Рэмбо развернулся на стуле, уставившись на «дворника»:

– Эй, ты, борода! Хватит уже ерундой заниматься! Принеси-ка лучше ты пива мне...

«Дворник», смерив нас презрительным взглядом, недовольно цыкнул языком, нахмурился и раздул ноздри. Михаил, будто не заметив, по-свойски развалился на стуле, жалобно затрепавшим под весом его огромного тела.

Бородач нырнул в здание магазина и вскоре вернулся, по-

меняв метлу на огромный бокал пива. Он шлепнул пиво на стол рядом с Михаилом и, вытерев рукавом рясы крупные капли пота со лба, уставился на меня:

– Что на солнышко-то так шуришься, нечисть? Или свет божий тебе не мил? – вдруг обратился он ко мне противным скрипучим голосом. – Глазки, я смотрю, так и слезятся – нешто о грехах своих плачешь?

– Эй-эй, спокойно! – вступился за меня Михаил, пока я ошеломлённо раздумывал, что ответить нахалу. – Чего пристал к парню? Солнце-то сегодня и правда шпарит ого-го!

Указав рукой на небо, где, к счастью, пару минут назад появилась огромная серая туча, Михаил, как ни в чём не бывало, повернулся ко мне, жадно отхлебнул из бокала и вытер пену рукавом:

– Гриша, а скажите, сколько вам лет?

– Двадцать пять, – ответил я после недолгой паузы и, чтобы не быть голословным, выложил на стол небольшую стопку листов. – Вот, пожалуйста, можете посмотреть. Здесь моё резюме и сертификаты.

– Видишь, какой он, оказывается, молодой! – обратился громила к Ларисе. Лицо девушки осталось непроницаемым, разве что бровью слегка шевельнула – давай, мол, дальше.

Сумасшедший в рясе, потоптался ещё немного около нас, громко сопя, затем кинул на меня испепеляющий взгляд и отошел в сторону. Однако, остановившись неподалеку, облокотился на стойку бензоколонки и продолжил наблюдать

за мной, явно подслушивая наш разговор.

Рэмбо, тем временем, веером пролистав документы, продолжал интервью:

– А не бывает ли изредка у вас, Гриша, непреодолимого, неконтролируемого чувства жажды?

– Бывало, – честно признался я. – У меня диабет.

– Это же замечательно! – обрадовано прогрохотал он. – Ты слышала, диабет у него!.. Не врешь?

– Зачем мне врать?! – не выдержал я.

– Понимаешь, Гриша, неловко нам тебя так быстро до процесса допускать, – задумчиво сказал Михаил. – Ты пойми, Валерий Юрьевич исчез, и вместо него нам вдруг тебя подослали. И вообще...

Тут он прервался, не договорив. Некоторое время странная парочка вплотную меня изучала, потом мужчина, барабаня пальцами по столу, резюмировал:

– Эх, проверить бы нам тебя как следует, только времени совсем не осталось... Ларочка, ну что ты молчишь?

«Ларочка», до этого времени остававшаяся в тени, низким голосом отчеканила:

– Он странный.

«Это я-то странный?!» – внутренне возмутился я, но сдержался и промолчал.

– У него из кармана пиджака торчит край тёмных очков, – строгим голосом пояснила Лариса. Я опустил взгляд вниз и машинально запрятал очки пальцем поглубже в карман. – А

ещё он бледный. И прячет зубы – не смеётся и не улыбается.

Ну знаете ли. А что если мне не смешно?.. Я снова проглотил бунт, запив его остатками холодного кофе.

– Но на проверку времени уже нет, – повторил Михаил.

– Тогда прямо сейчас его и проверим!

Девчонка вдруг резко перегнулась ко мне через стол. Оказавшись совсем близко, вытянула наружу какой-то кулон, висящий у неё на груди под одеждой, и сунула его мне под нос:

– Ты вообще знаешь, кто мы такие?! – пробасила она с вызовом.

С настолько близкого расстояния я не смог разглядеть в подробностях, что было изображено на кулоне. Что-то похожее на символ советского союза, только вместо скрещённых серпа и молота – длинный нож и заострённая палка.

Я хотел, было, ответить, что мне это ни о чём не говорит, но не успел. Девушка внезапно выхватила из кармана жилетки металлическое лезвие и от души полоснула им себя по запястью – прямо в миллиметре от моего лица. Я инстинктивно отшатнулся. Бумаги, разложенные по столу, окропило каплями алой крови.

На этом месте подорвался бородатый чудик – будто только того и ждал! Он резко подскочил к нам, второпях с грохотом опрокинув стул, извлёк откуда-то из-под рясы небольшой предмет, похожий на вспышку от фотоаппарата и сверкнул им в воздухе передо мной со словами:

– Сейчас я тебя выведу на чистую воду!

Гаджет издал щелчок, и, похоже, подзавис, обрабатывая результат «сканирования». Михаил перегнулся через стол и напряжённо нахмурился, уставившись в дисплей прибора. Краем глаза я подметил, что он на всякий случай схватился за оружие. Наконец, послышался короткий сигнал, и чудак в рясе удивлённо выдохнул:

– Пусто. Не может быть! – он затряс бородой. – Это ошибка! Бесовские происки!..

Рэмбо кивнул и убрал ладонь с рукоятки своего ножа:

– Ну, я же говорил, – он заметно расслабился и откинулся на спинку стула.

Однако теперь напрягся уже я:

– Идиотка! – с опозданием вырвалось у меня в адрес Ларисы. Я похлопал себя по карманам в поиске платка или салфеток. – Что же ты делаешь?! А вы, Михаил – почему сидите как вкопанный?! Ей в больницу надо!

«И возможно не только ей, а всем троим, – добавил я мысленно. – Выходит, и псих этот местный с ними заодно».

Мужчины удивлённо переглянулись. Я поднялся с места и, поравнявшись с девчонкой, кинул ей в руки пачку бумажных платков:

– На, прикрой рану. Здесь же полно заразы, подхватишь что-нибудь!

Но она так и осталась сидеть с отсутствующим выражением лица, глядя на меня стеклянными глазами. От вида крови, стекающей по её предплечью аж до локтя, меня замути-

ло, а кристалл почему-то потемнел и налился буро-красным цветом.

Краски словно потухли. Всё вокруг стало тусклым и серым, как чёрно-белое кино. Только кровь горела ярко-ярко алым пламенем. А потом я внезапно увидел всё издалека со стороны и словно в замедленной съёмке – пустырь, пыльную дорогу, заправку, наш грязный столик, трёх людей сидящих за ним и самого себя. Я видел, как я – будто незнакомый мне, сторонний персонаж – собрал со стола бумаги и, сунув их в портфель, покрутил пальцем у виска, чтобы замаскировать накатывающее волнами головокружение.

Пальцы у него были холодные как лёд, но тело при этом бросило в жар. На ватных, плохо слушающихся ногах он – то есть, я – не прощаясь, ушёл к своей машине и, едва пристегнувшись, дал по газам.

* * *

Сидя во мраке своего кабинета, я растирал пальцами напряжённые, ломящие тупой болью скулы. Их свело так, что я не мог разжать челюсти, чтобы полностью открыть рот.

Настолько сильно перенервничал, что ли?..

Кристалл медленно светлел, принимая свой обычный прозрачный оттенок. Мир тоже постепенно возвращал краски, но жар не проходил и, кажется, опять поднималась температура. Помимо этого меня не покидало странное ощущение

ние, будто я вижу всё не только от первого лица, но одновременно ещё и со стороны.

Тело трясло. Постоянно хотелось пить. Я опрокинул в себя уже две бутылки минеральной воды и три кружки кофе, не считая ту бурду на заправке, но жажда не проходила. Как там выразился Михаил? «Непреодолимая и неконтролируемая»?..

Вот уже второй час я пытался дозвониться до своего врача, время от времени окидывая взглядом своё лицо в отражении погасшего экрана мобильного. Сквозь сведённые челюсти я пытался заглянуть себе в рот, но щёлочка была совсем узкая – мне едва удавалось через неё пить. Наверное, я и говорить толком не смог бы, но пока проверить не удавалось – телефон эндокринолога не отвечал. Впрочем, неудивительно. Был самый разгар рабочего дня.

И только спустя ещё полчаса доктор, наконец, то ли освободился, то ли потерял терпение:

– Здравствуйте, это ведь Григорий Волков? – раздалось из динамика мне в ухо. – У вас что-то срочное?

– Здравствуйте! Да-да, Волков, он самый... – стоило мне заговорить, как мои челюсти внезапно разжались, и на ладонь мне выпало два моих зуба.

Я вскочил и подбежал к зеркалу, широко раскрыв рот – будто в кресле у стоматолога.

– Чем обязан?

– Матерь Божья!.. – вместо ответа выдохнул в трубку я.

Мне едва удалось не грохнуться в обморок от увиденного.

Клыки! На месте двух выпавших зубов из моей верхней челюсти торчали, сверкая, два огромных белых клыка! Как только я их увидел, они прямо на моих глазах стали стремительно уменьшаться в размерах, пока не сравнялись по длине с обычными, человеческими. Правда, при этом так и остались острыми и круглыми – как звериные.

– Я слушаю, – повторил доктор из трубки. – Алло?

– Да-да, – растерянно проговорил я. – Я тут. Пожалуйста, простите за настойчивость, но мне очень – очень! – нужно попасть к вам на приём в самое ближайшее время!

На том конце провода раздался озадаченный вздох:

– Знаете, вообще я всю ближайшую неделю под завязку занят, но... – эндокринолог осёкся.

«...но иначе ты оборвёшь мне весь телефон, поэтому придётся тебя принять», – мысленно продолжил я за него.

– Но я попробую что-нибудь придумать. Приезжайте завтра утром, к восьми.

Глава 5. Красная нить

У дверей моей московской квартиры меня ждал курьер в сине-оранжевой форме с надписью «EMS». Нервно поглядывал на часы и барабанил пальцами по плотному бордовому конверту, который держал в руках.

– Здравствуйте, – обрадовано выпалил он, увидев меня. – Волков?

– С утра был им, – неуверенно ответил я.

– Опаздываете!

– Всего на пятнадцать минут... – начал было оправдываться я, но он меня перебил:

– Для вас бандероль! Распишитесь, пожалуйста.

Подрагивающей рукой я вывел загогулину в его накладной и, забыв поблагодарить, хлопнул входной дверью. Прижался к ней спиной и выдохнул, сбрасывая напряжение.

Ну и денёк!

В темноте коридора я впервые за день почувствовал себя комфортно. Так бы и остался тут, в крошечной мгле, но письмо само себя не прочитает.

Щёлкнув настольной лампой на письменном столе, я с нетерпением вскрыл конверт. На этот раз не открытка, а обычный лист А4 с наклеенными на него отдельными буквами разных размеров и шрифтов. Такое впечатление, что вырезали из газеты или каких-то старых пожелтевших книг.

«Привет, Гриша!

Согласен, мои ребята немного странные. Профессиональная деформация, так сказать. Но зато они единственные, кто знает, как тебя теперь убить.

Не спеши бояться. Они считают, что ты человек – и пусть продолжают так думать. Сканер на тебя не сработал, потому что срок твоей инициации ещё не вышел. Окончательно она завершится только спустя 21 день. Тогда же ты сможешь узнать, какую сверхспособность несёт в себе твой кристалл. Пока этого не знает никто, даже я.

Однако – должен тебя предупредить – твой синдром хищника будет набирать силу уже сейчас. Вскоре ты уже не сможешь контролировать своё тело при запахе крови. Тебе останется только смотреть на происходящее со стороны, и ты не вернёшься, пока зверь не насытится. Будь осторожен. Уверен, что убийства и связанные с ними неприятности пока не входят в твои планы, поэтому используй чеснок.

Надеюсь, предыдущий отрывок дневника тебя захватил, но если нет – сегодня тебя ждёт продолжение. На этот раз тебе точно понравится.

Приятного чтения!»

И снова не попрощался и не подписался. Хотя, кое-что мне теперь стало понятно. «Мои ребята». Получается, этот тип и СКОК – заодно. Или же они работают на него, что, в сущности, одно и то же. Есть над чем задуматься...

Вместе с «анонимкой» в конверте было ещё несколько уже

знакомых мне пожелтевших страниц.

«Мне так неуютно и одиноко! Я как будто чужая среди этих людей. У меня как будто выбили почву из-под ног.

Вот уже две недели прошло, а я всё никак не могу привыкнуть к этой школе. К этому городу. К папиной новой работе. Он уходит рано утром и приходит поздно вечером, когда я уже сплю. Говорит, что так надо. Что где-то далеко идёт война и, скорее всего, дойдёт и до Советского Союза, и тогда нам тоже придётся воевать. Как же страшно это звучит, аж голова кружится!

Мама тоже собирается устроиться на работу, на фабрику. Что же я буду делать одна?..

В обед, после школы, я люблю сидеть рядом с нашим домом под раскидистой яблоней. В её тени стоит покосившаяся деревянная скамеечка – это место я облюбовала сразу. Здесь не жарко и, если смотреть вверх, через листья, на голубое небо, можно представить, что я дома. Далеко-далеко отсюда...

– Эй, чего скучаешь? – резкий голос заставил меня вздрогнуть. Я опустила голову, возвращаясь в реальность. Моя одноклассница, Нинка. Не то чтобы мы с ней часто общались в школе, но пару раз на переменках переговаривались. Кажется, она живёт где-то неподалёку.

– Мечтаю!.. – с опозданием поправила её я.

– О мальчиках небось?

– Чего это сразу о мальчиках? – я насупилась. – О доме.

– Вот я и говорю – скучаешь! – Нинка села со мной рядом. – А ты откуда родом?

– Из Смоленской области. Мы там жили в маленькой деревеньке, а здесь большой город...

– В большом городе скучать негоже, – уверенно перебила меня Нинка. – Ты ещё просто не освоилась. Айда со мной на экскурсию?

– Куда?

– Да хотя бы на станцию!

– А что нам там делать? – с непониманием уставилась на неё я.

– Как что, строить глазки, конечно!

– Кому?

– Студентам! – с ликованием воскликнула Нинка. – Там мединститут! Такие мальчики приезжают на вечерней электричке, загляденье! Красивые, умные! Да ещё и врачи! У них лекции по вечерам... Я пока только присматриваюсь. Но вот бы познакомиться!..

– Да наверное им с нами неинтересно будет, – неуверенно поспорила я. – Они же взрослые уже.

– Ой, ладно тебе, какие там взрослые! Нам с тобой по пятнадцать, а им восемнадцать-девятнадцать. Подумаешь, четыре года всего разницы!.. Короче говоря, ты как хочешь, а я надеваю школьную юбку и иду!

В общем, уговорила она меня. Превозмогая волнение и стыд, в тот же вечер я, тоже надев свою тёмно-синюю юбку

со складочками, а ещё новые белые колготки, пошла с ней к станции встречать вечернюю электричку.

Вагоны и правда были битком набиты студентами. По дороге Нинка рассказала мне, что медицинский институт в Сталинграде открыли шесть лет назад, и в прошлом году уже был первый выпуск. А в этом году набрали много новых ребят. В основном на лечебное дело идут молодые парни, выпускники школ. Говорят, многие из них приезжают издалека.

– Ну, то есть, выбор есть! – подытожила свой рассказ Нинка и вдруг толкнула меня локтем в бок. – А вон, гляди, мой идёт!

Выбор Нинки пал на голубоглазого блондина с опущенными волосами, волнами спадающими на скулы. Про себя я прозвала его «Златовлаской», но однокласснице озвучивать это прозвище не стала, чтобы не обидеть.

– А тебе? Тебе какие нравятся? – громким шёпотом спросила Нинка мне на ухо.

Я скользила глазами по торопящимся на занятия студентам:

– Даже не знаю...

Этот коротышка, этот толстоват, этот неряха, а этот вообще рыжий. Не люблю рыжих...»

На этом месте я не удержался и фыркнул, приглаживая волосы. Ишь ты, какими разборчивыми были, оказывается, советские девочки! Впрочем, ладно.

И мои глаза уже читали дальше:

«Но вдруг сердце моё ёкнуло. Я поправила юбку, уткнула глаза в пол и выдохнула, почти беззвучно:

– Мне брюнеты нравятся. Кареглазые...

– А, этот. Ишь ты, на кого замахнулась! – хихикала Нинка. – Сразу видно – отличник! Гордый какой!

Высокий широкоплечий парень, прижимающий к груди учебник, деловито прошёл мимо, даже на нас не взглянув.

– Краси-и-ивый! – шёпотом одобрила мой выбор одноклассница. – Пошли, проводим его!

Двигаясь на некотором расстоянии от толпы медиков-студентов, мы дошли до здания института. Глядя, как парни исчезают за огромными деревянными дверями, Нинка озвучила план дальнейших действий:

– У них занятия идут по три с половиной часа. Потом едут домой. Я обычно в сквере вон там гуляю, жду. А после ночной электрички уже иду спать. Ты как, со мной останешься?

– Поздно уже будет... – несмело поспорила я.

– Всего-то девять!

– Ну, ладно. Гулять так гулять!

Ох, если бы не это гнетущее чувство, что у меня выбили землю из под ног. Если бы не холодок в груди и не тянущая тоска по родному дому, то я бы, наверное, даже с ним познакомилась...

Господи, только бы не было войны! Только бы мы поскорее вернулись...

Сталинград,
27 мая 1941 г.»

Сложив листы дневника пополам, я задумчиво гладил между подушечек пальцев шершавую от времени бумагу.

Знаете, а я ведь во многом мог понять эту девочку – Свету. Хотя я и родился на целых семьдесят лет позже неё, я тоже выросл в очень нестабильное время. Наверное поэтому мне было сейчас так интересно «подглядывать» за ней сквозь десятилетия. А вот стыдно совсем не было, ни капельки, хоть это и личный дневник. Думаю, что если бы мы с ней, вопреки законам времени, встретились, то она бы тоже увидела во мне родственную душу и ничуть не обиделась бы.

С самого детства я точно так же – беспомощно – наблюдал, как рушится то, что дорого сердцу. Я, прожив так мало, видел так много. Мои родители женились ещё в Советском союзе, развелись уже в Украине, а в нулевых мама с отчимом и вовсе приняли решение переехать в Россию. Вокруг меня постоянно что-то менялось, и я едва успевал за этими переменами. Мимо проплывали – нет, даже пролетали – дни и года, навсегда унося с собой то, что я успел узнать и полюбить всей своей детской душой. И я научился не привязываться. Я даже почти научился не любить. Я научился быть простым наблюдателем.

И если бы я однажды решился вести личный дневник, мне тоже нашлось бы, что рассказать...

На этой мысли я оторвался от дум. Меня вдруг вновь посетило то странное отчётливое чувство чьего-то присутствия рядом. Будто кто-то, стоя за моей спиной, дышал мне в шею. А потом он положил руку мне на плечо – так неожиданно, что я вздрогнул.

Я резко вскочил, опрокинув за собой стул, и обернулся. Вгляделся в тёмный проём коридора. Показалось?..

Комната была пустой. Коридор тоже. Ни одной живой души, не считая меня.

Наверное, переутомился. Пора спать.

* * *

Я всегда любил плавать. Это чувство – когда стопы отрываются от твёрдой поверхности, и ты вверяешь своё тело эфемерной, прозрачной воде – ни с чем не сравнимо. Будто все земные заботы враз покидают тебя, и ты становишься свободным как рыба. А вода словно качает тебя в своей колыбели...

Но сейчас что-то идёт не так. Вода не принимает меня, как любящая мать. Она вовсе не чистая, а мутная и плотная. И, кажется, я тону.

Меня поглощает какая-то давящая, вязкая пучина. Пенистые волны, накатывая одна за другой, топят меня, не давая всплыть. Сначала я сопротивляюсь. Барахтаюсь руками и ногами, пытаюсь удержаться на поверхности. Но все усилия

тщетны. Я будто бы разучился...

Задерживаю дыхание – инстинктивно, чтобы не наглотаться. Открываю глаза. Ночь. Вокруг темно, только у берега мерцает слабый свет. Кажется, там сидит кто-то с фонариком. Брызги воды, которые я создаю, не дают мне разглядеть получше. Если это спасатель, то почему он не торопится прыгать за мной?.. Может, бродяга? Сторож?..

Да впрочем какая разница, кто он!

– Помогите! – кричу я, но раздаётся только сдавленное «буль-буль». Тёмно-синий кисель проникает в лёгкие, лишая возможности дышать.

Фигура на берегу встаёт в полный рост. Тусклый свет очерчивает стройный девичий силуэт, но лица не видно. Незнакомка ничего не говорит. Просто берёт в руки что-то вроде удочки и закидывает её в воду.

Ты серьёзно?! Я тут тону, а ты порыбачить решила?

Не успеваю я это подумать, как острая боль прошивает мою левую руку насквозь в районе вен. Плотная нить – красная как кровь – вьётся змеёй и описывает круги вокруг моего запястья.

«Попался! – знакомый едкий смешок. – Сегодня у меня крупный улов!»

Невидимая катушка начинает трещать, натягивая леску, которая тащит меня к берегу. Но почему-то я совсем не рад такому спасению. Я узнаю в незнакомке лесника. Без сомнения, это он, просто сегодня почему-то решил порыбачить.

Теперь я барахтаюсь уже в попытках освободиться от плена. Уж лучше я просто утону в бездонной пучине, чем попаду в лапы к этому извращенцу! То есть, извращенке...

Тень на берегу довольно смеётся, словно ей доставляют удовольствие мои метания. В какой-то момент она осекается и говорит уже серьёзно:

– Ни в воде, ни на суше тебе теперь нет места. Прекрати сопротивляться. Ты обречён.

«Обречён... обречён... обречён...» – это слово, будто брошенный камень, оставляет на воде круги.

– Даже не надейся!

Надо как-то отвязаться от её «удочки». Я в панике ощупываю запястье, ища узел красной нити. Кручу руку и так и этак. Узла нет. Что за чертовщина...

Меня бросает в жар, а кровь холодеет в жилах. Не может быть!

Красная нить не просто обвивает моё запястье. Она вообще не привязана ко мне. Нить выходит изнутри, глубоко из-под кожи – прямо из моей вены.

– Всё кончено, – прохладно констатирует откуда-то сверху рыбачка.

– Нет!!! – зажмурившись, я сжимаю красную нить в кулак.

– Не поможет... – шелестящий хищный шёпот.

– Поможет, ещё как!

Я стискиваю зубы и дёргаю нить – что есть сил, будто вырываю чеку из гранаты. Воздух разрезает громкий хлопок.

Моя вена лопается. А вместе с веной, треща, рвётся нить миров. Декорации рушатся. Океан ударяется о сушу и рассыпается вокруг меня фонтаном бурых капелек.

Я просыпаюсь в своей постели, забрызганной – от изголовья до ног – моей же кровью.

«Тебе не убежать. Не уплыть, не улететь, не скрыться. Ни наяву, ни во сне, – её голос быстрым пульсом стучит в висках. – Ты моя добыча. Ты привязан ко мне».

За окном ещё стояла ночь, но в комнате было светло от горящего белым светом кристалла. Подняв к лицу левую руку, сведённую от боли, я ахнул. Моё запястье было разрезано глубокой раной, и из разодранных в клочья вен во все стороны хлестала кровь.

Несколько секунд – и фонтанирующее кровотечение остановилось, чудовищная боль прошла, а рана зажила без следа. Осталось только вяжущее послевкусие – острый, животный, пронизывающий тело насквозь страх. Страх рыбы, которую поймали, чтобы зажарить кому-то на обед.

Глава 6. Не врач, а мегера

С утра эндокринолог, выслушав жалобы и окинув взглядом мою исхудавшую фигуру, вынес неутешительный вердикт:

– Госпитализировать, причём срочно. Желательно прямо сейчас – по «скорой».

Возражать я не стал – тем более, что температура моя к утру подскочила до невиданной отметки в сорок с хвостиком градусов, и на приём я приехал, колотясь от лихорадки.

В десятом часу я уже лежал в эндокринологии. Госпитализация тоже не прошла без приключений. В процедурном кабинете отделения при виде или, точнее, запахе чужой крови мне сделалось дурно – как и вчера, на заправке. Мир снова стал чёрно-белым, и я увидел себя со стороны. Пока медсестра брала анализ у другого пациента, я прошмыгнул к стоящим за её спиной пробиркам, схватил одну и попытался свинтить с неё крышку. Чувство сухости в горле смешивалось с диким ужасом от того, что я не мог себя контролировать. После нескольких секунд борьбы со своим альтер-эго, я всё же ударил себя – то есть, его – по руке. Пробирка выпала, но, к счастью, не разбилась, а только шумно покатилась по металлическому столу.

– Простите, – пробормотал я в ответ на немой взгляд медсестры и запоздало схватился рукой за столешницу. – У ме-

ня... потемнело в глазах. Чуть в обморок не упал. Пойду лягу. Возьмите мне кровь в палате, пожалуйста.

Задержав дыхание, я пулей вылетел из процедурного кабинета.

Чуть позже кровь у меня всё-таки взяли. Дурнота прошла, мир снова принял цветной облик, но странности продолжались.

Следующая порция удивления ждала меня в кабинете ультразвуковой диагностики. Врач, который делал мне УЗИ – молодой мальчик-практикант – долго водил по моей груди датчиком и так, и этак, щёлкал кнопками и напряжённо молчал. Я тоже слегка напрягся, предвкушая, что сейчас он скажет что-нибудь вроде: «Извините, но, кажется, у вас нет сердца».

– Наверное, аппарат глючит, – наконец, сказал он. – Подождите, сейчас перезагружусь.

Но и перезагрузка системы, кажется, не помогла. Узист долго не решался снова со мной заговорить, только вздыхал и время от времени почёсывал затылок, а потом пробормотал:

– Странно как-то получается... Никогда такого раньше не видел.

– Что там у меня? – я встрепенулся и начал выкручиваться, пытаюсь увидеть изображение на мониторе. – Моё сердце не бьётся?

– Оно сокращается, – врач мотнул головой. – Клапаны ра-

ботають. Вот, видите? Но...

– Но?..

– Оно сокращается так слабо, что вряд ли могло бы протолкнуть кровь в артерии.

– Что же оно толкает, если не кровь? – выдохнул я.

– Не знаю, – практикант поправил очки, придвинулся ближе к аппарату и несколько раз подряд сильно зажмурился, глядя в монитор, а потом выпалил. – Как будто бы воздух.

– Воздух?!

– Простите. Допплер тоже не работает. Я сегодня вызову техподдержку. Приходите завтра, когда починят аппарат.

Но и на следующий день аппарат не изменил своего мнения по поводу моего сердца. Глядя на бланк УЗИ, заведующий эндокринологией, сначала тоже подзавис на некоторое время, потом крепко выругался в адрес практиканта, махнул рукой и, судя по всему, плюнул на нереалистичный результат. Тем более, что его больше интересовало исследование щитовидки, а с ней всё было в полном порядке.

В середине следующего дня ко мне в больницу внезапно нагрянул в гости Стас. Влетев в палату, он воскликнул с порога:

– Тебе сейчас ни в коем случае нельзя болеть, слышишь?! – подлетев ко мне, он громким шёпотом зачастил мне в ухо. – Гриша! Скажи... только честно... это всё из-за СКОКа, да?! Ты тут прячешься от них?! Что у вас там про-

изошло позавчера?!

– Ничего не произошло, – мне пришлось немного покривить душой, чтобы его успокоить. – Просто так совпало. Можно сказать, плановая госпитализация. Из-за диабета.

– Точно? – с недоверием переспросил Стас.

– Ну... да. У меня ещё и температура поднялась. Вот, пощупай.

Потрогав мой лоб, кадровик выпалил:

– Ну и слава богу! Это же просто супер!

– Я бы так не сказал... – вяло поспорил я. – Устал уже...

– Значит, мне им сказать, что ты продолжаешь работу над проектом? Они уже ищут тебя.

– В смысле, ищут? – от одного воспоминания о «святой» троице меня передёрнуло.

– В прямом. С утра сегодня названивают в офис. Они готовы с тобой работать. Ждут тебя в их московском филиале.

Вот это новость. Почему-то мне казалось, что после грубости, которую я отколол им на прощанье на бензоколонке, они точно больше не согласятся иметь со мной дело. И вот, пожалуйста. Как же мне теперь выкручиваться?

– Послушай, Стас. Эээ... Я не уверен, что...

– Нет, – кадровик решительно меня перебил, – Гриша, нет! Только не говори мне, что сольёшься так же, как Валерка!

Имя конкурента прозвучало в его устах настолько пренебрежительно, что я призадумался. А и впрямь, у нового Ка-

тиноного ухажёра, похоже, оказались не стальные яйца. Но я-то теперь, можно сказать, неуязвим. Может, благодаря кристаллу я смог бы сделать невозможное и довёл бы до конца этот мистический проект.

– Так что мне передать им? – сидя на табуретке рядом с моей кроватью, Стас нервно барабанил пальцами по коленям.

– Передай, что я буду у них, как только меня выпишут, – выпалил я.

– Ура! – возопил кадровик, взвившись на ноги. – Аллилуйя! Ты нам всем жизнь спас!.. Ну... или, по крайней мере, жопу.

* * *

После того, как я дал кадровику и СКОКу столь громкое обещание, выздоравливать мой организм не торопился.

Внешне я держался весьма бодренько, не считая уже привычной бледности. Веснушки окончательно исчезли, лишний вес тоже, зато отчётливо проявились мышцы: на плечах, руках, ногах, груди, прессе. Как будто я не валялся в постели вот уже почти две недели, а всё это время не вылезал из качалки. Зубы побелели. Глаза, напротив, как будто бы потемнели и стали выразительнее. Молодые медсестрички на посту то и дело строили мне глазки, но мне было, мягко говоря, не до них.

Самочувствие моё колебалось между «плохо» и «хуже некуда». Температура никак не проходила, несмотря на попытки докторов пичкать меня всяческими медикаментами, в том числе и всеми возможными антибиотиками. Днём было ещё более-менее терпимо, но к вечеру и по ночам меня знобило, колотило, руки тряслись. При этом меня постоянно мучило чувство, похожее на жажду и голод одновременно. Я беспрестанно что-то ел или пил, но ни один продукт не приносил мне хотя бы временного облегчения. Пища попросту не насыщала меня. Как будто бы я глотал пустоту, воздух.

Лечащий врач, каждый раз глядя на меня, откровенно чесал затылок и разводил руками. Назначал новые капельницы и анализы, но и это не помогало. Я уже был готов сжалиться над ним, подумывая о том, чтобы перестать его мучить и уйти из больницы под расписку, как вдруг, ровно на тринадцатый день моей госпитализации, в палату к нам заглянула новая врач, которую я раньше в эндокринологии не встречал.

Это случилось днём, часа в два. Я недавно вернулся с обеда и лежал на своей кровати в одних трусах, раскрывшись. Мне было ужасно жарко, как и всегда. Может быть, из-за диабета, а может из-за температуры под сорок.

Дверь распахнулась резко и без стука. Подскочив от неожиданности, я машинально натянул на себя край скотканного одеяла. Врач – довольно молодая женщина – с порога смерила меня оценивающим взглядом. А я, в свою очередь, её. С самого начала я ни секунды не сомневался, что

она пришла по мою душу.

Было в ней что-то, что меня сразу напрягло. Какая-то холодная, леденящая строгость. Чёрные прямые волосы собраны в тугий хвост. Светло-серые, будто затянутые инеем глаза, смотрят не моргая. Бледное лицо и такие же бледные, практически бесцветные губы. Стройная. Нет, даже худая. С острыми плечами и узкой-узкой талией. Руки с длинными тонкими пальцами прижимают к груди какую-то папку – не иначе как мою историю болезни. На руках, кстати, кожаные белые перчатки аж до локтя. Зачем такие? Мы тут, вроде бы, не заразные...

На безымянном пальце правой руки, прямо поверх перчатки – обручальное кольцо. Поймав на нём мой взгляд, она строго выпалила:

– Волков – это ведь вы, верно?

Мне пришлось снова взглянуть ей в глаза:

– Так точно.

Едва сдержался, чтобы не отдать честь – настолько сурово она ко мне обратилась, словно не врач, а полицейская.

– Я заведующая отделением гематологии. Стелла Вернер.

По правилам этикета мне следовало бы сказать что-то вроде «очень приятно», но эти слова из горла не вышли, поэтому я промолчал.

Врач задумчиво прошлась по палате, осматривая других больных. Четверо моих соседей, несмотря на знойный летний день, сидели в кроватях, укутавшись в тёплые свитера и

обмотавшись одеялами – впрочем, как и всегда.

– На что жалуетесь, Волков?

– Жарко мне, – выпалил я. – А окно не дают открыть.

– Тоже мне, беда, – даже не удосужившись посмотреть в мою сторону, врач достала из кармана бесконтактный термометр и по очереди обошла всех моих соседей, щелкая кнопкой. – Тридцать пять... Тридцать пять и два... Тридцать четыре и восемь... О, а вы рекордсмен – у вас почти тридцать шесть! Давно у вас всех такой упадок сил или только с тех пор, как вместе с Волковым лежите?

Сарказм в её голосе мне не понравился. А уж когда она подошла ко мне и подставила «дуло» термометра к моему лбу, мне и вовсе захотелось отстраниться.

– Сорок и четыре, – резюмировала врач довольно равнодушно.

– У меня в последнее время всегда так.

– Да, я в курсе.

– Этот жар меня замучил.

– Вас не знобит?

– Нет, наоборот. Очень жарко и душно! А соседи, как назло, постоянно мёрзнут...

Вернер выглядела озадаченной.

– Так, понятно, – пробормотала она, снова оглядев дрожащих от холода больных, и дальше уже решительнее. – Вставайте, Волков. Поговорим у меня в кабинете. Только, будьте любезны, сначала оденьтесь поприличнее.

Мне пришлось натянуть треники и футболку и спуститься на второй этаж в отделение гематологии.

Сидя напротив меня в ординаторской, Стелла Вернер задумчиво крутила кольцо на безымянном пальце. Сначала она просто молча изучала меня, потом, наконец, опустила глаза в мою историю болезни.

Сколько же ей всё-таки лет?.. Я призадумался. С одной стороны, по возрасту выглядит так, будто бы только что из ординатуры, но с другой – деловая не по годам и чересчур строгая для ординантки.

Не замечая на себе пристального взгляда, Вернер листала мою карту. И чем дольше она её читала, тем напряжённее становилось её лицо. Она изредка поглядывала на меня – сначала с едва заметным подозрением, а увидев первый анализ крови – уже с чем-то вроде опаски.

– Снимите футболку, – в её голосе звучала неприкрытая неуверенность, будто она и сама подозревала бесполезность этого осмотра.

«То наденьте, то снимите», – мысленно брюзжал я, пока она изучала мой торс, слушала лёгкие и сердце.

– Сядьте.

– Одеваться?

– Не надо, – достав металлическую ручку, она постучала пальцем по её кончику. – Смотрите сюда.

Всё шло хорошо, пока она просто водила ручкой в возду-

хе, следя за движением моих зрачков. Но стоило ей щёлкнуть кнопкой фонарика, о наличии которого я поначалу и не подозревал, как ослепительная вспышка кристалла больно ударила меня по глазам.

– Вот чёрт! – инстинктивно оттолкнув её руку, я дёрнулся назад.

Повсюду плыли кислотно-зелёные круги. Некоторое время я кроме них совсем ничего не видел – веки потяжелели, сомкнулись, и теперь я никак не мог их разлепить.

– Извините, – пробормотал я, вытирая футболкой слёзы, текущие из глаз. – Просто слишком яркий у вас фонарик...

– Что тебе нужно?! – рявкнула Вернер, с шумом кинув ручку в ящик стола.

– В смысле? – непонимающе переспросил я, забыв о боли.

– Что ты от меня хочешь? – в её голосе звучала сталь.

– Полагаю, что меня к вам направил лечащий врач, – я чувствовал себя так, будто говорю по меньшей мере с сумасшедшей. – Выздороветь хочу, лежу в больнице почти две недели. А они не знают, как меня лечить. Анализы крови плохие. У меня анемия и что-то с гемостазом... я сам до конца не понял. Мне сказали, что моя кровь... совсем не сворачивается, что ли. И эритроциты не оседают... Да, и ещё у меня странные ЭКГ, а на УЗИ сердца...

– Придурок! – в сердцах воскликнула Стелла.

– Ну, знаете ли, – тут уже начал закипать я. Я в сердцах

скомкал футболку и кинул её прямо ей на стол, – если вам мало платят или что-то вроде того, то я в этом не виноват. Не нравится работать – увольняйтесь, но не надо хамить пациентам! Никто не давал вам право так со мной говорить!

Подумать только, на вид студентка, а ведёт себя как старуха! Ну точно ей уже за тридцатник перевалило, если не за тридцать пять...

– А тебе кто дал право показываться на глаза врачам? – шипела она, теперь уже тише.

– Что?!

– Зачем ты припёрся в больницу? Чего ты всем этим хочешь добиться, идиот?! Ты хоть понимаешь, чем это нам грозит?!

Погребённый под ворохом её абсурдных вопросов, я совсем растерялся и притих. Просто сидел и глазел по сторонам, изо всех сил пытаюсь хоть на чём-нибудь сфокусировать взгляд. Зрение постепенно возвращалось, но теперь разболелась голова.

– Ну хорошо, – Вернер выдохнула, возвращая на лицо деловитую холодность. – Давай-ка посмотрим, какие ещё анализы они успели у тебя взять...

Брезгливо смахнув футболку на пол, она снова взяла мою историю болезни. Её тонкие аристократические пальцы веером пролистали страницы папки, и уже через полминуты она облегчённо выпалила:

– Прекрасно. За две недели почти никаких. Повезло, что

эндокринология так отвратительно работает.

– Я бы с вами решительно не согласился. Какое же это везение...

– Заткнись! – рычащим голосом перебила Стелла и, наклонившись ко мне через стол, процедила сквозь зубы. – Значит так, теперь слушай меня внимательно. Сейчас я сочиню тебе какую-нибудь выписку, а потом позвоню в отделение и прикажу выпихнуть тебя из больницы немедленно. И чтобы духу твоего здесь больше не было!

– Что значит «сочиню» выписку?! – возмутился я. – Я вообще-то болен! У меня температура! Нельзя меня просто так взять и выписать!

– А если ты не прекратишь ломать эту комедию, больной, – негодовала Вернер, снимая телефонную трубку, – то я определю тебя в психиатрию!

– Да вы не врач, а мегера! – ахнул я. – Как вы обращаетесь с живым человеком?! Вы же давали клятву Гиппократа!

Лицо Стеллы искривилось, будто она раскусила дольку чеснока:

– Как ты сказал? С живым?.. человеком?!.. Алло, Андрей Александрович!.. Да-да! Я изучила историю... – она дёрнула на себя мою историю болезни, которую я в этот момент попытался у неё отобрать, – этого вашего пациента... да, Григория Волкова. Так вот, могу вам с уверенностью сказать, что он совершенно здоров. Дальнейшее лечение можно проводить амбулаторно, я назначу ему очень эффективные пре-

параты... Не за что. До свидания.

Трубка с грохотом приземлилась на базу. Она смотрела на меня всё ещё рассерженно, но больше ничего не говорила. Я тоже смотрел на неё – с возмущением и одновременно с отчаянием.

– Жди меня здесь, – вдруг коротко бросила она и вышла – нет, скорее фурией вылетела – из ординаторской.

Следующие несколько минут я провёл в полном одиночестве. Меня по-прежнему бросало в жар, изредка по телу проходили огненные волны. Глаза перестали слезиться, зато, как я увидел в зеркале, висящем у двери, покраснели и опухли. Лицо на их фоне казалось ещё более бледным.

Боже, как же мне теперь выпутываться из этого всего в одиночку...

Врач вернулась так же неожиданно, как и исчезла. Шлёпнула на стол распечатанную выписку, а сверху – ничего себе! – пластиковый пакет с донорской кровью.

– Забирай и проваливай.

Растерянно глядя на жирные «A(II) Rh+», я спросил тихо:

– А это зачем?

– Хватит прикидываться, – Стелла говорила уже без злости, но по-прежнему строго. – Вали. И запомни: увижу тебя здесь ещё раз – посажу на осиновый кол. Тебе всё понятно?

Поёжившись, я вытащил из-под увесистого пакета выписку, подрагивающими пальцами сложил её вдвое и встал со стула:

– Нет, мне ничего не понятно, но я уйду.

Вернер настойчиво подтолкнула донорскую кровь ближе к моему краю стола:

– Возьми, – сейчас её голос звучал мягче и даже немного удивлённо, – я всё равно уже выписала её.

– Спасибо, но я такое не пью, – выдавил я из себя. – От анемии предпочитаю сок. Гранатовый.

Теперь уже доктор ахнула за моей спиной:

– Что ты сказал?.. Повтори!

Но я промолчал. Из принципа. Даже не стал оборачиваться.

Глава 7. Монстр

«Лучше бы я не выпендривался и всё же взял кровь», – подумал я, толкая дверь аптеки. Что-то мне подсказывало, что это было единственное лекарство, которое действительно могло помочь. И всё же я до последнего не терял надежды...

– Здравствуйте! Скажите, а у вас есть вот эти препараты? – я протянул фармацевту листок, распечатанный Стеллой, где помимо всего прочего был огромный список назначенных медикаментов.

Провизор долго изучала выписку, её лицо выглядело озадаченным. Потом, задумчиво сжав губы, она принялась стучать по клавишам компьютера. И, спустя пару минут, выдала:

– Молодой человек, у нас нет этих лекарств. И похоже, что данных препаратов вообще не существует.

– Как такое может быть?! – я с непониманием уставился на неё. – Вы уверены? Мне выписали их в больнице. Тут и печати есть...

– Да, я вижу. Но я проверила каждый пункт по базе – ничего даже близко похожего нет. Более того, названия абсурднейшие. Это даже не латынь, а абракадабра какая-то. Вы посмотрите сами, – она протянула мне лист обратно, но её рука зависла на полпути. – Хотя, подождите-ка... Вот тут, на

обороте, ещё один пункт. Это у нас есть...

Она нагнулась куда-то под прилавок и вскоре вылезла оттуда с двумя батончиками в ярких упаковках. В правой руке зелёная, а в левой – розовая:

– Вам какой, обычный или с клубникой?

– Что это? – я моргнул и потёр глаза.

– Гематоген, – ответила фармацевт по-простецки. – Вам прописали его по одной плитке в день. Так какой вам?

Только сейчас до меня дошло, что Вернер напоследок ещё раз надо мной поглумилась, и я в негодовании треснул кулаком о прилавок:

– Какая же стерва! Сама жри свой гематоген, фашистка!!!

– Молодой человек! – возмутилась фармацевт. – Что вы себе позволяете?! Я сейчас позову охранника!

– Простите, это я не вам. Не надо никого звать, – я похлопал себя по карманам, доставая кошелёк. – Давайте клубничный.

Спустя полчаса, отдышавшись и успокоившись, я закусил зубами гематоген и набрал номер Михаила из СКОК. Так как меня скоропостижно выписали – а точнее, выставили – из больницы, откладывать работу под благовидным предлогом больше не представлялось возможным. Ну и обещания, как известно, надо выполнять.

– Доброго здоровьица, Григорий! – радостно пробасил в трубку Рэмбо. – Мы вас заждались! Вы уж на нас не сердчайте,

если напугали. Вас уже выписали?

«А вас?» – хотелось ляпнуть мне, но я как всегда сдержался:

– Да, спасибо. Выписали. Всё хорошо. А у Ларисы как дела?

– Зажило как на собаке! – неуместно радостно захохотал Михаил. – Ей у нас уже не впервой, так сказать, сходу в бой рваться. Горячая кровь!

– Я готов с завтрашнего дня браться за работу, – вклиниваясь в его смех, сообщил я. – Куда мне подъехать?

– А не надо никуда ехать, голубчик!

Да ну? Уже не надо? Мне нашли замену?!

Но не успел я обрадоваться, как Михаил громогласно пояснил:

– Мы сами за вами заедем! Завтра утром в восемь ноль-ноль будьте готовы.

– Я могу приехать на своей машине... – неуверенно поспорил я.

– Увы, нет. Так не получится. Местонахождение нашего штаба – секретная информация.

Вот оно как!

– Понял. Что ж, хорошо. А мой адрес...

– А ваш адрес мы уже знаем. Так что до встречи завтра, Гриша!

Час от часу не легче.

Положив трубку, я ещё долго сидел на ступеньках аптеки

и грыз гематоген. Потом заказал себе такси и поехал домой. А что мне ещё оставалось. Перед днём, полным сомнительных приключений, хорошо бы как следует поспать...

* * *

– Григорий Волков?

– Верно. У вас для меня бандероль? – догадался я, едва завидев у подъезда моего дома человека в сине-оранжевой форме.

– Если бы. Посылка, – кряхтя, курьер, вытащил из багажника фирменного авто картонную коробку и поставил её передо мной на скамейку.

Я окинул посылку глазами, прикидывая, что там может быть. По размеру не очень большая, но, судя по всему, довольно тяжёлая.

– Вот, распишитесь.

– Надеюсь, там не бомба? – хмуро пошутил я, заполняя накладную.

Пожав плечами, курьер без слов сел в машину и вскоре был таков.

Я же поднялся в квартиру и, пару минут поколебавшись, всё же распаковал отправление.

Вздых удивления вырвался из моей груди. Кровь! Несколько пол-литровых пакетов донорской крови с наклейками «Хранить при температуре от +2 до +6». Я дотронулся

до одной из упаковок: ещё холодная.

Меня передёрнуло, но это была дрожь не отвращения, а скорее нетерпения. Во рту пересохло, скулы напряглись, зрение смазалось. Трясушимися пальцами я выудил со дна плотный бордовый конверт. На этот раз текста совсем немного:

«Я понял. Если о тебе не позаботиться, то ты такими темпами впадёшь в голодную кому. А ещё хуже – сожрёшь кого-нибудь и наживёшь себе проблем.

Не благодари. Этого тебе должно хватить на первое время. Обязательно выпей хотя бы стаканчик на ночь. Приятного аппетита».

Меня не пришлось упрашивать дважды. Но насчёт стаканчика – здесь мой спаситель, конечно, пошутил. Потому что стоило мне срезать ножницами уголок у первой упаковки, как мир стал чёрно-белым, и дальше моим телом управлял уже вовсе не я.

Мне оставалось только издалека и откуда-то сверху наблюдать за возбуждённо дрожащим хищником, который залпом опрокинул в себя первые пол-литра крови, а потом, откинув ножницы, следующие пакеты рвал уже зубами – огромными, острыми, сверкающими в темноте звериными клыками.

Когда все десять пакетов были опустошены, я вернулся в тело, и понял, что меня жутко – просто нестерпимо – тошнит. Желудок содрогался от спазмов. Тяжесть в нём была та-

кой, будто я выпил пять литров жидкого свинца, а не крови. Зажав рот рукой, я распахнул дверь в туалет и опустился на колени перед унитазом, но рвоты, вопреки моим ожиданиям, не последовало. Только несколько алых капель упало с моих губ в воду.

Кристалл накалился до красноты, меня бросило в жар. Свинец, словно вскипая и бурля, превратился в пар и разошёлся по всему телу. Я ощутил, как тяжесть трансформируется в неопиcуемый прилив сил. Как напрягаются мышцы во всём теле, готовые согнуть или сломать что угодно. А следом меня накрыло сексуальное возбуждение, которое за считанные секунды достигло пика и вылилось в долгий оргазм. Из глаз потекли слёзы – то ли от ослепляющего всплеска света, порождённого кристаллом, то ли от нестерпимо ярких телесных ощущений.

Через пару минут, показавшихся мне путешествием через вечность, всё закончилось. Я, лёжа на кафельном полу, трясся от страха перед самим собой.

Господи Боже, кто этот зверь?! Да он же болен! Спаси меня от него, Господи! Вырви этот кристалл из моей груди. Воскреси моё сердце. Верни мне меня. Исцели...

Интересно, слышит ли Бог молитву таких нечистей, как я?

Мне никто не ответил. Никакого знака или сигнала – тишина. Только тихо-тихо капала вода в унитазе. Давно пора починить этот бачок...

«Ох... Я, конечно, жутко влип. Не поспоришь. Но хорошо хоть, что я не взял ту больничную кровь, а то кончил бы прямо в кабинете у Стеллы, – пришла ко мне шальная мысль получасом позже, когда я стоял под душем. – Было бы совсем неловко. Хватит уже того, что я забыл там у неё свою футболку...»

Я как мог пытался себя развеселить и отвлечь от мыслей о произошедшем. От мыслей о зависимости и о том, что я, похоже, и впрямь больше не могу называться человеком. Гадкая гематолог всё же была права. Где вы видели человека, способного за считанные секунды залить в себя пять литров крови и, не моргнув глазом, её переварить? Это даже не хищник и не зверь, а монстр какой-то!..

Обмотавшись полотенцем, я вылез из ванны пошёл на кухню. Заварил себе крепкий чай и сел за стол с бордовым конвертом.

«Сегодня особый день. Мне волнительно и страшно одновременно. Антон пригласил меня на свидание...»

Третья запись из дневника пахнет любовным романом. Что ж, может это и неплохо. Мне сейчас срочно нужно почитать что-то такое лёгкое. Что-то человеческое. Про простых смертных.

«Очень волнуюсь. Просто не нахожу себе места. Может

быть, пока буду писать эту запись, хоть немного успокоюсь...

Расскажу пока, как мы познакомились.

С тех пор, как я впервые его увидела, прошло уже целых две недели. Я не пропускала ни одного учебного дня. В нужный час я была на станции, чтобы встретить вечерний поезд. Нинка, конечно же, каждый раз ходила со мной. И уже который день мы с ней договаривались, что вот именно сегодня, без отговорок, обязательно подойдём познакомиться. Решимся, преодолеем смущение и заговорим. А дальше будь что будет.

Сначала мы трусили обе, и уговоры оставались просто уговорами. А потом она вдруг решилась и подошла к Златовласке. Начала беседовать с ним о чём-то, стоя поодаль от меня. Шутила, хихикала. Златовласка, как оказалось, жуткий болтун. Рот у него не закрывался. В тот день он настолько заговорился с Нинкой, что не пошёл на занятия. Они так и стояли на перроне и что-то обсуждали до ночной электрички. А я сидела на скамеечке и издалека наблюдала за ними. На душе было хорошо, я радовалась за Нинку, а на себя немного злилась – за то, что не могу последовать её примеру.

На следующий день Нинка и Златовласка встретились снова и вместо занятий побежали гулять в лес. Она мне рассказывала потом, что там, сидя на поваленном дереве, они долго-долго обнимались и целовались. А я слушала и смотрела на неё с восхищением. Вот это да. Какая же она взрослая – так спокойно об этом рассказывает, даже не красне-

ет. Не то, что я. Стоит мне увидеть того рослого серьёзного брюнета – сразу тушуюсь...

Я бы наверное так никогда и не отважилась с ним заговорить, но ещё через пару дней, когда мы обе снова стояли на станции, встречая поезд, Нинка решила, что пора брать дело в свои руки. Дождавшись, когда знакомая широкоплечая фигура замаячит среди толпы студентов, она толкнула меня в его сторону со словами: «А ну-ка иди узнай хотя бы, как его зовут!»

Может быть, я бы даже успела избежать столкновения, но то ли споткнулась, то ли ноги от страха заплелись. В общем, я потеряла равновесие и полетела прямо навстречу брюнету.

Не успев вовремя затормозить, студент въехал в меня на полном ходу, да так, что ещё и выпустил из рук свой учебник, который до этого прижимал к груди. Сам, правда, смог устоять на ногах, в отличие от меня. Зато из книги вылетели какие-то листы – много-много исписанных листов – и все рассыпались по перрону.

– Простите, пожалуйста! – пролепетала я, поднимаясь. Кажется, я в этот момент не покраснела, а наоборот, побледнела, испугавшись, что всё испортила.

– Эй, аккуратнее! – бросил брюнет недовольно. Присев, он начал торопливо собирать свои конспекты. Даже не взглянул на меня.

– Извините... – бормотала я, опустившись на корточки с ним рядом. – Я не хотела... Давайте я вам помогу... Не

переживайте, ничего не потеряется... Мы сейчас быстро... Вот!

Я протянула ему то, что успела собрать. Наши руки встретились, и тут наконец-то он поднял глаза на меня.

– А ты кто? – вопрос застал меня врасплох. В горле пересохло, и я пискнула хрипло:

– Света...

– Очень приятно, Света. А я Антон. Спасибо, – взяв у меня стопку листов, он заложил их обратно в учебник и кивнул.

Поднялся, отряхнул пиджак и уверенно пошёл к ступенькам, ведущим вниз с перрона.

– И даже не попрощался! – выдохнула подскочившая ко мне Нинка. – С отличниками всегда так! Зазнайки!

Да уж. Что-то этот Антон был не особо приветлив со мной. Наверное, я ему не понравилась. С другой стороны... Он ведь сказал, что ему очень приятно...

Так я размышляла, ворочаясь перед сном в кровати. В ту ночь мне никак не удавалось заснуть, я перекручивала в голове сцену нашего знакомства снова и снова.

На следующий день, то есть вчера, Антон как всегда вышел из поезда одним из последних и снова с книгой в руках. Наверняка читает в пути что-то по учёбе. Не теряет ни минуты свободного времени – на то он и отличник.

Вряд ли у меня хватило бы духу снова к нему обратиться, такому важному и серьёзному, но он вдруг сам отыскал меня

в толпе и подошёл:

– А, Света! Привет. Часто здесь бываешь?

– Ну, не то чтобы часто... – протянула я, чувствуя, как загораются щёки.

Я вскочила с лавочки, чтобы с ним поравняться. Хотя даже теперь он всё равно был выше меня на целую голову.

– Завтра у нас не будет лекций, – убирая учебник в портфель, проговорил он. – Но давай я всё равно приеду сюда, и мы сходим куда-нибудь?

– Завтра?.. Эээ... Я... Даже не знаю... – запиналась я, не зная, как правильное согласиться.

– Ты бы хотела? – его чёткий вопрос прервал череду моих междометий.

– Да, – выпалила я и задержала дыхание, стораю от стыда.

– Отлично. Тогда жду тебя завтра на этом же месте.

Он деловито кивнул и, не прощаясь, пошёл к выходу со станции.

Всё сухо и строго. Чётко. Как в аптеке. И в то же время что-то ведь его привлекло во мне. Что-то он всё же чувствует. Такое живое, человеческое. Там, глубоко внутри за этой маской серьёзного врача...

Какой он на самом деле?..

Завтра напишу. А пока буду готовиться к свиданию.

Сталинград,

10 июня 1941 г.»

Глава 8. Русские не сдаются

Маленькая площадь, вымощенная камнем. Низкие домики с белыми стенами и коричневыми крышами. Узкая церквушка с колокольной царапает острым пиком хмурое небо. Небольшой городок явно сошёл с какого-то пейзажа времён средневековья.

Вдали в проёмах арок извиваются тесные улочки, шумят торговые ряды, и кони, впряжённые в повозки, поднимают копытами пыль.

А вот под моими ногами вовсе не пыль. Под моими ногами шуршит солома и хрустят ветки валежника, а сам я крепко-накрепко привязан спиной к деревянному столбу, стоящему на эшафоте.

Вокруг меня собирается толпа зевак. С каждой секундой людей становится всё больше, но в то же время я совсем не ощущаю их присутствия. Может быть потому что лиц у них нет. Ни глаз, ни бровей, ни рта, ни носа – словно их черты стёрли. Осталась только белая, как штукатурка, кожа.

Знакомая женская фигура, облачённая в серый балахон, появляется словно из ниоткуда. Она поднимается ко мне по скрипучим деревянным ступенькам, держа в руках горящий факел. Её лица я тоже не вижу, потому что на него падает тень от низко надвинутого капюшона. Впрочем, конспирацию можно назвать излишней. Я легко узнаю её в любом ам-

плуа.

Вообще ситуация, конечно, так себе. Кажется, разворачивается сюжет очередного кошмара. Но, вместе с тем, что-то сегодня по-другому. Я ловлю себя на мысли, что не боюсь, как раньше. Может потому что уже успел познакомиться с этим персонажем и считаю его в каком-то роде за старого приятеля. Или потому что осознаю тщетность её попыток меня убить. Дважды ей ничего не удалось со мной сделать, не удастся и в третий раз.

– Ну это уже ни в какие ворота не лезет... – с напускным недовольством возмущаюсь я, пытаюсь освободиться от красной нити, плотно примотавшей меня несколькими десятками оборотов к столбу. – Я тебе что, ведьма, что ли? А ну-ка, развяжи!

Фигура ахает. Не иначе как от моей бесстрашной наглости.

– Послушай, – продолжаю я. – Мне уже порядком надоели эти сны. Может ты просто скажешь прямо, что тебе от меня нужно? В чём я провинился перед тобой?

– Ни в чём, – отвечает мне эхом тихий бесцветный голос. Что ж, это уже лучше, чем агрессивное шипение. – Я просто палач.

– А кто вынес приговор?

– Ты сам. Когда передал мне в руки свою красную нить.

– Да ничего я тебе не передавал!

В ответ она вытягивает вперёд раскрытую ладонь, и я ви-

жу, что второй конец красной нити и впрямь лежит у неё в руке.

– Давай закончим с этим побыстрее, – она приседает и подносит факел к пучку соломы.

Высохшее сено с готовностью подхватывает огонь. Голодное пламя, дрожа и потрескивая ветками, быстро подбирается ко мне. Уже вот-вот начнёт облизывать своими языками мыски ног.

– Вот блин! – сетую я, усиливая попытки освободиться. – С тобой не договоришься... Ай, горячо же! Ребята у кого-нибудь есть вода? Затушите меня, пока не поздно!..

Безликая толпа молчит в ответ. Понятно – их равнодушным, ничего не выражающим физиономиям всё равно, жив я или мёртв. Помощи можно не ждать.

Огонь тем временем уже накидывается на мои ноги – обжигает ступни, окутывает голени, жалящей змеёй поднимается к коленям. В этот раз я не кричу, хотя мне жутко больно. Только дрожу мелко-мелко и прикусываю губу.

Пламя бесстыдно раздевает меня – проглатывает мои ботинки и низ брючин, опаливает кожу. Цепляясь за бёдра, поднимается выше – подбирается к самому дорогому, что у меня есть. И вот тут на меня накатывает волна липкого животного страха. Настолько нестерпимая, что я перестаю пытаться освободиться и застываю как вкопанный, зажмурившись от ужаса.

По моему лбу градом стекает пот. Хочется завывать, но я не

вою, нет. Эта извращенка от меня такого не дожждётся. Как и любой кошмарный персонаж, она, должно быть, питается моим страхом, и если я не буду бояться её...

«Просто не бояться. Не бояться. Не бояться! – твержу я себе мысленно. – Это только сон! Я в безопасности. Нужно просто не бояться. И проснуться. Проснуться!.. Вспоминай срочно, где ты засыпал в последний раз! Какой сейчас день?!.. О, чёрт, как же больно!..»

Не в силах больше сдерживаться, я кричу от боли, а следом за моим криком воздух вдруг пререзает громкая музыка. Да ещё какая! В самом разгаре казни раскатисто, с эхом, на всю городскую площадь внезапно начинает играть хит «Металлики». Моя любимая песня! От неожиданности я даже забываю, что горю. Давайте, жгите, ребята. Помирать – так с музыкой!

Цвета средневековья смешиваются в дрожащем раскалённом воздухе и каплями стекают к моим ногам, будто масляные краски с картинного холста. Всё вокруг тонет в звуках гитары, и прошлое плавится как воск – исчезает, уступая место настоящему.

Нет больше площади, зевак, эшафота и палача. Я один в своей комнате – лежу в кровати, за окном солнечное утро, а рядом на тумбочке разрывается от входящего звонка мобильный телефон.

– Катя! – выдохнул я в трубку. – Как же хорошо, что ты позвонила!

– Я так рада слышать, что ты по мне соскучился, Гришечка!

– Ну, не то чтобы...

Я откинул в сторону одеяло и, прищурившись, с трудом заставил себя посмотреть вниз.

Несдержанный стон сорвался с моих губ. Зрелище, что уж там говорить, не для слабонервных. От ступней до коленей на мне не было просто ни единого живого места. Не ноги, а сплошное красно-буро-жёлтое месиво – всё в кровавых ожогах с огромными волдырями. Бёдра тоже частично обгорели, но самое ценное мне всё же удалось успеть сберечь. Облегчённо выдохнув, я пробормотал в трубку:

– Просто мне кошмар приснился.

– Это наверное из-за духоты. Сегодня такая жара с самого утра. Ты открываешь окно на ночь?

– Да уж, самая настоящая жара, – буркнул я. – Пойду в душ. Охлажусь. Спасибо ещё раз.

* * *

Не знаю, что от меня хотела Катя, да ещё и так рано, но благодаря ей я даже не опоздал на работу. У моего кристалла было ещё целых полчаса, чтобы привести меня в порядок перед встречей со СКОКом. Впрочем, он справился даже быстрее. За считанные секунды волдыри на ногах сдулись, засохли, корочки отвалились, и на их месте проявилась но-

вая кожа – сначала немного розоватая, но уже вскоре она побледнела, и на недавние ожоги не осталось никакого намёка. Кошмар исчез без следа – правда, только внешне. Внутри мне по-прежнему было, мягко говоря, дурно.

Ровно в восемь, услышав с улицы бесцеремонные автомобильные гудки, я выглянул из окна и увидел Михаила, стоящего рядом с тёмно-зелёным военным «бобиком». Увидев меня, он бодро помахал мне рукой.

От мысли о том, что мне придётся лезть внутрь этого видавшего виды драндулета, утянутого сверху плотным чёрным тентом, да ещё и ехать невесть куда из Москвы, меня передёрнуло. А когда я понял, что задний ряд сидений, куда меня вежливо пригласили, был отгорожен от переднего металлической решёткой, а вдобавок к ней – глухой непрозрачной перегородкой, мне стало совсем не по себе. Не очень-то хотелось ехать вот так – как преступнику – в крошечной темноте без возможности видеть направление.

Ладно, может быть, темнота – это не так уж и плохо. Но быть котом в мешке, которого везут куда-то вслепую два нешибко вменяемых типа, было стрёмно.

За рулём «уазика», как следовало догадаться, сидела Лариса. Девушка со мной не поздоровалась. Нервно подёргивая плечом, она крутила в зубах сигарету и пристально смотрела мне в глаза через зеркало заднего вида до тех пор, пока Михаил не задвинул перед моим носом перегородку.

Задняя часть «бобика» погрузилась во мрак, двигатель за-

ревел, и мы рванули с места. Теперь только по рельефу местности я мог догадываться, куда меня везут.

Весь путь занял у нас около двух часов. Стоило нам вырваться из московских пробок, как ровная асфальтовая дорога довольно скоро сменилась сначала неровной ухабистой, потом чем-то вроде грунтовки, а ближе к концу поездки машину и вовсе трясло так, будто мы ехали по бездорожью.

Наконец, автомобиль начал снижать скорость. Некоторое время он плёлся медленно и вскоре окончательно остановился. Мотор заглох. Хлопнули передние двери, и вот уже Михаил распахнул передо мной заднюю, любезно приглашая на выход.

– Приехали, Гриня.

Щуря глаза, успевшие отвыкнуть от света, я спрыгнул с «уазика» и огляделся.

Складывалось впечатление, что я попал вовсе не в НИИ, а на секретную военную базу, расположенную в непроходимом глухом лесу.

Вокруг территории, куда мы заехали, возвышался высокий бетонный забор с витками колючей проволоки и огромными металлическими воротами, через которые, собственно, мы сюда и попали. Слева от меня – какие-то ржавые ангары. Справа – два невысоких одноэтажных здания с облупленной краской на стенах и с крышами, поросшими мхом. Рядом довольно большая парковка, где в несколько рядов стоят такие же «уазики», на одном из которых мы при-

ехали. Некоторые с металлическими крышами, некоторые с тентами, как у нашего. Но у всех решётки и плотные перегородки на заднем сидении. В дальней части территории угадывается какая-то квадратная постройка довольно внушительных размеров. По виду что-то вроде бункера – невысокая, без окон, зато с огромной металлической дверью, наглухо заколоченной, запертой засовами и вдобавок несколькими замками.

– Добро пожаловать в СКОК, – пробасил Михаил и хлопнул меня по плечу. – Сейчас мы вам покажем ваше рабочее место. Только сначала вас осмотрят и просканируют. Приготовьте паспорт и выложите всё из карманов.

Услышав слово «просканируют», я съёжился и принялся глазами искать бородатого чудика со вспышкой.

– Арсений Павлович просил передать вам привет, – словно прочитав мои мысли, пояснил Рэмбо. – Он сегодня трудится в лаборатории. Главный научный сотрудник всё-таки. Много работы.

Я с облегчением выдохнул. Хотя бы сегодня никто не будет изгонять из меня бесов, уже радует.

– Вот, сюда, пожалуйста, – Михаил указал мне на вход в ближайшее одноэтажное здание. – Тут у нас, так сказать, проходная.

Проходная выглядела внутри так же уныло, как и снаружи. Грязно и ремонта не было как будто со времён Второй мировой. Стены прятались за отслаивающейся серо-голубой

краской, с потолка осыпалась штукатурка. На полу – потрескавшийся жёлто-коричневый кафель, весь в разводах.

Холл был большой, но абсолютно пустой. Если не считать самого проходного пункта, хотя и тут всё оказалось весьма скромно: обшарпанный деревянный стол, по другую сторону которого стояли два угрюмых охранника, и закрытый сканер, похожий на один из тех, что обычно ставят в аэропортах.

Выложив телефон и ключи на стол, я прошёл в кабинку. Охранники, не проронив ни слова, сверлили меня глазами и изредка поглядывали на монитор. Я в свою очередь изучал их: мощные такие ребята, высокие и широкоплечие. С одной стороны из плечевой кобуры у них торчали рукоятки пистолетов, с другой – длинные ножи, похожие на тот кинжал, который при первой встрече, словно бы невзначай, продемонстрировал мне Рэмбо. Какое-то специальное оружие против вампиров, что ли?..

На поясе у секьюрити висело ещё по одной кобуре – в неё было напихано много каких-то мелких предметов, но что именно – я, как ни приглядывался, так и не понял.

– Всё в порядке, Гриша, проходите, – раздался за моей спиной раскатистый голос Михаила.

Значит, их сканеры до сих пор меня не «видят», это хорошо. Не хотелось бы испытывать на себе весь арсенал этих суровых качков. Запоздало кивнув охране в знак почтения, я прошёл следом за Рэмбо.

Мы спустились по старым, рассыпающимся бетонным

ступенькам вниз в подвал и там внезапно наткнулись на огромную металлическую дверь с круглым вентиляем. Снаружи дверь была грубо и небрежно выкрашена в унылый бежевый цвет, краска потрескалась и откололась в нескольких местах. Там, где у обычных дверей бывает глазок, красовалось небольшое зарешеченное окошко. С другой стороны двери с лёгким скрежетом отодвинулась закрывавшая окошко задвижка, и я, ей-богу, прямо почувствовал, как кто-то изнутри рассматривает нас придиричивым взглядом.

Наконец, завертелся вентиль, дверь лязгнула и отворилась нам навстречу. И первым, кого я увидел, заглянув за неё, оказался... Линкольн!

Нет, конечно, это был не он – но сходство поразительное! Огромный чёрный доберман в металлическом ошейнике, которого держал на поводке не менее огромный мужик в камуфляже. Еще один хмурый дядька стоял немного сзади, вооружённый, помимо уже знакомых мне пистолета и ножей, старым добрым АК-74. Оба были в тяжёлых бронежилетах.

Повинуясь почти незаметной команде хозяина (не скрывшейся, впрочем, от моих глаз), доберман подошёл ко мне и принялся обнюхивать. Я дружелюбно улыбнулся ему и почти сразу почувствовал его ответное расположение. Ткнувшись несколько раз мокрым холодным носом в мою руку, псина преданно посмотрела на меня и лизнула её своим мягким, горячим языком. Я чуть не засмеялся, увидев, как вытянулись от удивления лица дюжих охранников.

Впрочем, я и сам не очень-то понимал причины такого поведения собаки. Неужели дружба с Линкольном сделала меня каким-то таинственным образом приятелем всех доbermanов? Что же, поразмышляю над этим на досуге, а пока охранники и собака расступились перед нами, и мы с Михаилом устремились дальше.

Похоже, что мы находились в каком-то подвальном помещении – коридор был до бесконечности длинный. Каждый шаг отзывался гулким эхом. Сверху над нами протянулись длинные толстые трубы, замотанные полусгнившей изоляцией. В некоторых местах с труб капало, и на кафельном полу скапливались небольшие лужицы. В стороне что-то протяжно гудело, то затихая, то расходясь вновь.

Через некоторое время коридор начал петлять. По пути нам несколько раз встретились ответвления, а также запертые боковые двери, сделанные из такого же крашенного металла, что и входная сейфовая. Когда я проходил мимо одной из них, до моих ушей донёлся странный потрескивающий звук, напомнивший мне мой давешний кошмар – как будто комната за дверью была полна поленьев, и кто-то развел там весёленький костер. Действительно, немного пахнуло горелым, но пожарная сигнализация не сработала.

Из-под другой двери на середину коридора растеклось – и засохло – темно-бурое пятно. Михаил посмотрел на него, неодобрительно нахмурившись, и что-то пробурчал себе под нос, но шагу не сбавил. Стараясь не наступать на лужу, я

обошел её по краешку и заторопился вслед за своим провожатым.

За всё время пути других людей нам практически не подалось, коридоры оставались загадочно пустынными. Лишь однажды нам повстречался задумчивый молодой человек в толстых очках и голубом одеянии, похожим на хирургический халат. Он вёз перед собой пустую больничную каталку и был так глубоко сосредоточен на каких-то своих мыслях, что никого не замечал – прошел, не поздоровавшись, а нам пришлось расступиться, чтобы он ненароком не задавил нас своей тележкой.

Наконец, мы пришли, как показалось, на место. Дверь, у которой мы остановились, была единственным современным элементом на фоне всей остальной советской разрухи. Её, судя по незапылившейся системе бесключевого доступа, а также яркому металлическому блеску, не испорченному бежевой краской, установили совсем недавно. Михаил, приложил большой палец к сканеру отпечатка, а затем, согнувшись, приблизился к сканеру радужки.

Замок мягко щёлкнул, и мы зашли внутрь.

Здесь ситуация была кардинально другой. Новый ремонт и стерильная чистота. Помещение прямо-таки ослепляло своей яркостью. Глянцевый сверкающий пол, идеально ровные белые стены, свежештукатуренный белый потолок. Огромные, яркие лампы. Модный нынче «опен-спейс», на большинстве столов – компьютеры, но на нескольких также

стояли микроскопы и неопознанные медицинские приборы. Туда-сюда сновали люди в халатах. Халаты у них такие же ярко-белые, как и всё вокруг. Настоящий ад для вампира.

Я невольно сощурился и протёр слезящиеся глаза. Рэмбо, к счастью, уже потерял бдительность и этого не заметил. Повернувшись ко мне спиной, он махнул рукой – мол, догоняй – и пошёл вперёд, тяжело топя армейскими сапогами по начищенному полу.

Следуя за Михаилом, я с удивлением снова наткнулся на того самого молодого человека в очках, которого мы встретили раньше в коридоре – у него единственного был халат синего цвета. Интересно, как он успел попасть сюда вперёд нас? Вернулся потайными ходами, проходящими через этот лабиринт коридоров? Парень что-то втолковывал низкорослому бородачу, который энергично кивал и делал какие-то пометки у себя на планшете.

Помимо тех, кто суетливо бегал туда-сюда, в зале было несколько сотрудников, которые сидели за столами и носили обычную «штатскую» одежду, причем в почёте, похоже, были свитера и джинсы, а не пиджаки и галстуки. Ещё несколько человек образовали полукруг около флип-чарта с какой-то неразборчивой писаниной и оживленно переговаривались. Я отметил про себя, что никто в помещении не проявил любопытства и не пытался разглядывать нас. Казалось, что все настолько погружены в свою работу, что даже не замечают появления новичка.

Мы подошли к компьютерному столу, за которым никто не сидел.

– Вот ваше рабочее место. Пока будете использовать логин и пароль вашего предшественника, потом вам сделают собственную учетную запись. Телефон на столе – только для внутренней связи. Вам позвонят, чтобы сообщить нужную информацию. Сам я отойду до обеда, потом вернусь и провожу вас в столовую. Без меня никуда не ходите, а то заблудитесь в наших коридорах, – он неоднозначно ухмыльнулся. – Попробуйте пока покопаться в файлах, которые оставил после себя Валерий Юрьевич. Посмотрите, насколько вы сможете разобраться в его наработках и как много времени вам понадобится, чтобы начать исправлять ошибки в программе. Если что-то срочное, наберите 13-13, вам ответит администратор – он в курсе вашего нахождения здесь.

С этими словами Михаил подмигнул, одобрительно хлопнул меня по плечу и зашагал к выходу, а я принялся за работу.

Находиться среди всех этих незнакомых людей, которые как будто старательно делали вид, что меня не существовало, было неудобно. Впрочем, я быстро заставил себя сосредоточиться на деле, и изучение документов и кода затянуло меня с головой.

В принципе, ругать моего предшественника было не за что. Дела он вёл аккуратно, подробно описывая всё, что сделал: скрупулёзно задокументировал все выявленные ошибки

и те действия, которые предпринимались в качестве попыток их устранения – как успешные, так и породившие новые проблемы. Вникнуть в текущую ситуацию оказалось несложно. Если бы к базе был постоянный доступ у нескольких наших специалистов – наверняка мы разобрались бы во всём за пару дней. В одиночку, конечно, сложнее.

При всем моём отношении к Валерке, пришлось признать: он явно по-честному и старательно делал всё, что мог. Даже отразил в документации об изменениях, когда и с кем из наших он консультировался по тем или иным затруднениям, что они ему посоветовали и что из этого получилось. Вот спасибо – а то пришлось бы ещё и наводить порядок в чужом бардаке. Непонятно только, зачем ему понадобилось так срочно всё бросать? Вроде бы дело шло к благополучной реализации проекта и ничто не мешало ему по-быстрому всё доделать и записать в портфолио успешный кейс.

Я отсортировал все документы по дате, и самым свежим из них неожиданно оказался один странный файл под именем «жопа.doc». Последнее изменение было датировано тем днём, когда Валерка исчез. Чувство юмора у него, конечно, как всегда на уровне. Просто новый Галустян какой-то.

Судя по размеру файла, текста там немного. С другой стороны, возможно, самое главное там всё-таки есть – информация, способная пролить свет на исчезновение моего бывшего коллеги.

Увы! Конечно же, Валеркина «жопа» оказалась закрыта

паролем. Впрочем, это не такая уж проблема. Нужно просто как-то скопировать файл на компьютер, где есть нужные программы. Только вот как? Доступа в Интернет мне не дали, дисковый привод, разумеется, отсутствовал. Я украдкой осмотрел системный блок – все USB-порты были показательно запаяны. Ну-ну, так просто я не отступлю. Как говорится, русские не сдаются. Даже если перед ними «жопа».

Я побарабанил пальцами по столу. Будь я не я, если что-нибудь в ближайшее время не придумаю.

Глава 9. Череда разрушений

«Что же я наделала! До сих пор не могу прийти в себя! Что теперь будет?!...»

Следующее послание в бордовом конверте я неожиданно обнаружил в своём личном шкафчике в СКОК. В конце первого рабочего дня Михаил вручил мне маленький ключик и сказал, что я могу хранить там свои вещи, одежду и документы. Ещё он намекнул, что желательно бы мне и сотовый телефон оставлять там с утра и забирать только перед уходом. В общем-то, я не возражал, потому что сотовой связи в их подвальном офисе всё равно не было.

Письмо ждало меня на дне самой верхней полки. Осматривая шкафчик, я машинально провёл ладонью там, куда не добирался глаз, и нащупал под пальцами шершавый, бархатистый конверт. Пока никто не заметил, я тайком спрятал находку в рюкзак, намереваясь изучить её дома, вдали от посторонних глаз.

И вот теперь, когда я, наконец, добрался домой, принял ледяной душ и заварил себе большую кружку крепкого чая, можно было приступить к чтению.

«Добро пожаловать к нам в Научно-исследовательский институт Серебряного Кинжала и Осинового Кола! – гласила новая, склеенная из разнокалиберных букв, записка. – Со-кращённо, как ты уже мог догадаться, старый-добрый СКОК.

Как лихо я всё провернул! Вампир работает среди охотников на вампиров. Кто бы мог подумать!.. Всех нас ждёт ещё много сюрпризов. Но это будет позже. А пока – не смею больше задерживать – приятного чтения!»

Свежая запись из дневника Светы отличалась от других. Почерк, без сомнения, принадлежал ей, но прежде аккуратные, каллиграфически выведенные строчки – буква к букве – сейчас заметно приплясывали. Так, как будто рука девочки дрожала. То ли в спешке, то ли на эмоциях.

«Уже два часа ночи, но я не сплю. Ох и натерпелась я сегодня!»

Он, конечно, замечательный. Взрослый, умный, сдержанный, рассудительный. И руки у него нежные, такие горячие... Но права была Нинка, когда говорила, что парням нельзя верить.

За ту неделю, что мы встречались с Антоном, я позабыла обо всём на свете. Я больше не скучала по дому. Мне больше не хотелось туда. Никуда больше не хотелось, только быть с ним рядом, до окончания моих дней, а может и дольше. По улицам плыла летняя жара, и я плыла вместе с ней – по уши пьяная от чувств.

На первом свидании он отвёл меня в парк рядом с институтом. Там мы долго гуляли по аллеям, а потом сидели на скамейке и говорили. Вернее, говорила в основном я, а Антон был как всегда немногословен. И вместе с тем, я чувствовала, что он слушает меня очень внимательно. Только под

конец нашей встречи, когда уже начало темнеть, он обмолвился парой слов о себе. Оказывается, он – как и я раньше – живёт в небольшой деревеньке. Названия он не сказал, просто упомянул, что она находится в получасе езды от Сталинграда. Ещё он поделился, что всю жизнь мечтал стать хирургом и долго и усердно готовился, чтобы поступить в Сталинградский мединститут. Преподаватели его уважают за трудолюбие, особенно декан – суровая Зинаида Михайловна, гроза всех двоечников. Даже ставит его в пример другим студентам. И пророчит большое будущее в медицине.

На прощанье он спросил меня, кем я хочу стать, но я так растерялась от этого вопроса, что смогла только пожать плечами. Тогда он улыбнулся – в первый раз за всю прогулку – и поцеловал меня в щёку. В следующую секунду он уже стоял на подножке поезда, а я махала ему рукой. Моё лицо горело, в груди жгло, ресницы дрожали. Прижав ладонь к щеке, я ещё долго стояла на станции, даже когда поезд скрылся из вида, и все пассажиры уже разошлись.

Через день мы встретились снова и на этот раз пошли гулять по городу. Я показала ему мой дом, школу, фабрику, где работает мама. Всю прогулку он держал меня за руку, и я чувствовала себя такой гордой. Ещё бы, я иду за ручку не со школьником каким-нибудь, а с взрослым, красивым, статным парнем. С лучшим студентом мединститута, между прочим! Ох, как кружилась моя головушка!

А в это воскресенье мы устроили посиделки в лесу вчет-

вером – Нинка, Златовласка, Антон и я. Тогда-то я и узнала, что Златовласка учится с Антоном на одном курсе, и его на самом деле зовут Леонидом. Лёня был твёрдым троечником и главной мишенью для издёвок Зинаиды Михайловны, но его, похоже, это ничуть не тревожило. Он был компанейским парнем и, несмотря на экзамен, который ждал ребят на следующий день, весь вечер играл нам на гитаре и пел. Нинка была без ума от его пения, а я, как всегда, от Антона. Сидя сзади, он обнимал меня со спины, и я таяла в его объятиях. Когда стемнело, мы разожгли костёр. Он накинул мне на плечи свой свитер и снова поцеловал – уже по-настоящему. Горячий мёд растекался по моему телу. Какой же он спокойный, надёжный, нежный...

Потом был экзамен. А на следующий день – ещё один. Антон, разумеется, сдал оба предмета на «отлично». Лёня выпросил «тройки», чему сам же очень обрадовался. У студентов наступили каникулы.

– Ну, вот и всё, – сказал Антон, прижимая меня к себе на станции. – Учебный год закончен. Теперь, наконец, можно позволить себе подумать о чём-то ещё кроме учёбы.

Я не сразу поняла, что именно он имеет в виду, ведь пока мы встречались, сама я не могла думать ни о чём, кроме него. Ничего другого в мою голову просто не поместилось бы.

– Поехали завтра купаться на речку. Я знаю одно тихое место. Там никого обычно нет и вода чистая-чистая.

Он ещё спрашивает. «С тобой – хоть на край света!» –

подумала я, но в ответ только улыбнулась и кивнула.

Я ещё не догадывалась тогда, даже подумать не могла, что произойдёт там между нами...»

Дальше текст не читался – на добрую четверть страницы растеклось причудливое чернильное пятно. Отличница Света Василькова поставила кляксу? Или даже опрокинула чернильницу? А был ли там, в этом месте, вообще какой-то текст?

Ну и ну. Бедняжка. Запугал же её этот парень.

Я перевернул страницу.

«Резкой болью отозвались во мне на этот раз его объятия...

Вода была такая непривычно холодная. Окунувшись в реку с головой, я смывала с себя кровь и стыд. Только на светлой юбочке, оставшейся в руках у Антона, всё равно горело алое пятно. Сидя на берегу, он наблюдал за мной издали, не скрывая, что любовался.

Спокойный, как и всегда. Я плакала от страха, а он целовал меня и говорил, что всё будет хорошо. Что так всегда бывает, и крови бояться не нужно. Что он врач, и знает, что делает. Его голос был непривычно низким, едва узнаваемым, и я дрожала всю дорогу до дома. До Нинкиного дома, потому что к себе домой я бы в таком виде заявиться не решилась – вся зарёванная, взъерошенная, да ещё и эта юбка...

– Ох, милая моя, – с порога протянула Нинка, окинув меня взглядом. Мне не пришлось ничего объяснять ей, она, к

счастью, всё поняла без слов.

– Я... – мои губы задрожали. – Мы...

– Снимай, – решительно перебила меня Нинка. – На, надень пока мою, а эту я сейчас застираю. Мамка сегодня дежурит в ночную смену. До утра высохнет, будет как новенькая. Потом поменяемся обратно. Ну, Светка, что ты как маленькая. Не реви, а!..

– Мы ведь ещё... увидимся с ним? – всхлипнула я. – Мне кажется, я его напугала...

– Вот дурочка! – Нинка, смеясь, похлопала меня по плечу. – А я-то думаю, что ты ревёшь так. Ну конечно увидитесь. Куда он от тебя денется. Кота сметаной не напугать.

– А вы с Лёней...? – я не договорила, а Нинка уже махнула рукой, перебив:

– Ой, да давно уже! А ты думала, одна такая?.. Ну всё, золотце, хватит рыдать. А то завтра круги под глазами будут – тогда точно своего напугаешь!

Я улыбнулась ей в ответ сквозь слёзы. Умеет она поддерживать. Вот что значит настоящая подруга.

И всё же, несмотря на её добрые слова, мне до сих пор страшно. Кажется, я что-то сделала не так. Он ведь даже ничего не сказал мне на прощанье.

Он обиделся? Расстроился? Когда мы теперь увидимся? Где мне в каникулы его искать?

Что теперь с нами будет?..

18 июня 1941 г.

Сталинград».

Оторвавшись от записи, я размял затёкшую спину и сквозь полумрак комнаты взглянул на настенные часы. На циферблате мерцало 0:00. Зачитавшись очередной историей, я так увлёкся, что не заметил, как вечер превратился в ночь. Даже позабыл про остывший чай.

Всё же, вопреки моим подозрениям, этот дневник – не подделка. Теперь я мог сказать точно. Мой хищник не будет врать, нюх у него стопроцентный. Я чувствовал, как скулы напрягаются, из дёсен выходят клыки, а напряжённые пальцы против моей воли мнут пожелтевшую бумагу и подносят её к носу.

Сквозь пыль времён до моих ноздрей донёсся едва ощутимый запах крови. Гораздо более отчётливый, чем могло бы показаться. Какой-то слишком уж реальный, будто и не прошло этих долгих восьмидесяти лет с тех пор.

Закрыв глаза, я коснулся краешка листа языком и глубоко втянул в себя воздух.

Головокружительно, сладко, опьяняюще. Ароматнее, чем выдержанные годами вино, сыр и чай, вместе взятые. Будь эта девочка жива, я бы сейчас сделал с ней нечто гораздо более страшное, чем этот её горе-ухажёр...

Очнулся я только когда почувствовал край шершавой бумаги у себя во рту – крепко зажатый между клыками. Ну, это уже слишком! Расправив и без того многое повидавшие

листы, я убрал их обратно в бордовый конверт, а сам конверт поставил на книжную полку, рядом с тремя его предшественниками. Поёжился, будто от сквозняка, и выключил настольную лампу.

* * *

Пасмурный летний день. Похоже, часа четыре. Небо затянуто серой пеленой, и в воздухе пахнет чем-то тревожным. Грозой или даже ураганом.

Я стою на крыше своего дома. Отсюда открывается вид на весь город. Вся Москва как на ладони: остромысое здание МГУ, стеклянная Москва-Сити, теряющаяся в облаках Останкинская башня. Колесо обозрения – такое мелкое отсюда, как игрушечное. Несколько высоких новостроек на переднем плане. Утопающий в серой дымке, качающийся лес.

А вот вниз лучше не смотреть. Сильный ветер едва не сбивает меня с ног. От высоты кружится голова, и я инстинктивно отступаю назад.

Зачем я вообще сюда забрался?! Надо бы, пока не поздно, спуститься с крыши в свою уютную квартирку и укрыться там от непогоды. Но как бы не так. Дверь, ведущая вниз, на чердак, оказывается заперта. Дёргаю её несколько раз на себя и слышу за спиной довольный смех.

– Ну конечно, – бросаю я через плечо. – Опять ты. Прости, сразу не признал твой почерк. Дай мне, пожалуйста, ключ.

Моя гостыя молчит. Или, может быть, это я на самом деле её гость?..

Я оборачиваюсь. Её длинное кожаное пальто, расстёгнутое нараспашку, безжалостно треплет бушующий ветер. А ей самой будто бы всё равно – раскинула руки в стороны, подняла лицо к небу и, едко хихикая, кайфует от непогоды.

– Отопри дверь, – повторяю я. – Я замёрз. А сама можешь и дальше стоять тут, сколько тебе заблагорассудится.

Она опускает голову и смотрит на меня исподлобья. Хотя, смотрит – это слишком громко сказано. У неё, как и у людей из моего предыдущего кошмара, тоже нет черт лица. Будто бледный манекен – без глаз, ресниц, бровей, ушей, носа... Только искривлённые в ухмылке ярко-алые губы, и больше ничего.

– Ты похожа на чеширскую кошку, – брякаю я. – Как там было, в «Алисе»...

– Да и ты, знаешь ли, не красавец, – фыркает леди. Она достаёт круглое карманное зеркальце и направляет на меня. Но я не смотрю туда, я всё ещё заморожен её губами, и меня так и подмывает перефразировать Кэрролла:

– Я часто видел женщин без улыбки, а вот чтобы улыбку без женщины – такое со мной впервые...

– А на тебе даже улыбки нет, – она смотрит в зеркало сама и задумчиво добавляет. – Хм, и правда, странно, почему же ты не отражаешься?..

– Ну наконец-то ты заметила, что со мной что-то не так! –

поспешно воскликнул я. – Я неспроста не отражаюсь в зеркалах. И ты меня так легко не убьёшь! Потому что я не человек...

– А кто же?

Её вопрос остаётся неотвеченным – меня перебивает порыв ветра, от которого мне снова едва удаётся устоять на ногах. Небо вдали мрачнеет. Похоже, времени мало.

– Времени нет, – поправляет она, прочитав мои мысли, и резко захлопывает зеркальце. – Уже началось.

Вдали, на горизонте, появляются чёрно-серые воронки, нечто вроде смерчей или торнадо. Они будто растут из земли и уходят высоко-высоко в небо. Эти вихри повсюду – и на юге, и на западе, и на севере.

Вид надвигающейся со всех сторон катастрофы отзывается внутри меня невыносимым чувством обречённости. Всё, к чему привыкли мои глаза, рушится, крошится и идёт по ветру. Хочется удержать этот процесс, но что я один могу сделать против могущественной стихии? Остаётся только смотреть и готовиться, что совсем скоро я буду последним штрихом в этой череде разрушений.

– Ни на земле, ни на небе тебе не скрыться, – её голос теряется в вое ветра.

– Ты это уже когда-то говорила... – шепчу я пересохшими губами.

Смерчи надвигаются прямо на мой дом. Быстро приближаясь, они сносят всё на своём пути. Крушат здания, уни-

что жают в пыль знакомый вид, который я уже много лет видел из окна. А ведь там, в этих разрушенных домах, тоже живут люди. Вернее, жили ещё пару минут назад, а теперь – мертвы. И я, так же, как и они, не спасусь. Мне некуда бежать. Смерть неизбежна, она повсюду...

– Вот теперь ты готов, – словно издеваясь, девушка протягивает мне ключ от двери чердака.

Её жест порождает в моей душе новую волну паники. А вдруг я всё ещё могу скрыться?! Дрожащими пальцами я хватаю ключ и пытаюсь попасть им в скважину.

Замок поддаётся не сразу. Я успеваю весь покрыться холодным потом, чувствуя, как ветер толкает меня в спину. Наконец, «собачка» щёлкает, и дверь распахивается.

Задыхаясь, я бегу по ступеням вниз. Душные лестничные пролёты кажутся бесконечными. Сколько же здесь этажей? Я с трудом вспоминаю. Десять? Двадцать? Тридцать? Такое ощущение, что все сто! И каждый этаж похож на предыдущий как две капли воды, но ни один из них не похож на мой. Лабиринт Минотавра какой-то, а не лестница.

«Не успеешь, не успеешь, не успеешь», – стучит в висках.

Оборачиваясь на ходу, я замечаю, что всё это время за моей спиной бежит, распускаясь, красная нить, выходящая из моего левого запястья. Извиваясь, она ложится на ступени, оставляя на них кровавый след. Ну конечно. Как я мог забыть про свой «поводок». По этому следу Минотавр в юбке легко меня найдёт, где бы я ни был.

Наконец, вот она – цифра 13 на лестничной площадке, а чуть дальше и моя квартира. Дёргаю ручку. Открыто. Удивительно.

Оказавшись внутри, я запираюсь на все замки. В квартире холодно и гуляет ветер. Точно, я ведь оставил на ночь открытым окно! По совету Кати, между прочим, будь она неладна.

Сражаясь со стихией, я теперь пытаюсь его закрыть. Давлю что есть сил на раму, а ураган выталкивает её снаружи обратно в комнату. Наконец, щёлкает оконная ручка, и замок закрывается. Но едва ли это поможет надолго.

Смерчи уже совсем близко. Они идут за мной. А по дороге безжалостно крушат Москву. Окна дрожат под напором ветра. Пол тоже вибрирует, сотрясается – будто от шагов невидимого великана. С нечеловеческим воем вихри набрасываются на мой дом как голодные волки.

Стёкла лопаются и вылетают под напором урагана. А следом за ними трескаются и обваливаются стены. Я падаю, прикрыв голову руками, и зажмуриваюсь от страха. Мне, похоже, больше ничего не остаётся.

Потолок обрушивается на пол и сплющивает моё тело. В лёгкие проникает, не давая вскрикнуть, едкая бетонная пыль. А может быть, это я сам становлюсь пылью...

Скрежет, грохот, треск, хруст костей, стоны сумасшедшего ветра. Всё разрушено. Мой мир, мой город, мой дом. И я сам. Пыль оседает. Я лежу под руинами рухнувших надежд и даже не пытаюсь выкарабкаться. Страшно, больно, темно...

И вдруг, подобно солнцу после беспроглядной бури, в моей груди вспыхивает кристалл. Потихоньку, по мельчайшим частицам, он начинает вновь собирать меня. А потом стены моего дома. Уничтоженный город. Мир.

Когда я открыл глаза, всё было уже на своих местах. Даже моя кровать стояла там же, где и вчера вечером, когда я ложился спать.

Я ещё долго лежал на спине, глядя в потолок, и не мог пошевелиться. Во-первых, от чудовищной парализующей боли во всём теле. А во-вторых, чисто физически – от множественных переломов. Первое время я даже не мог дышать из-за сломанных рёбер, но потом грудная клетка – неестественно расплющенная – стала сама собой подниматься и возвращать свою обычную форму.

Мне оставалось только уговаривать себя мысленно не паниковать. Лежать спокойно. Терпеливо ждать, пока и остальные мои кости вправятся и срастутся. Я, конечно, догадывался, что мой кристалл и не на такое способен, но всё же это были самые мучительные несколько минут в моей жизни.

Последний открытый перелом – на предплечье – я вправил себе уже сам, направляясь в ванную. Обломки костей послушно хрустнули, скрылись под мышцами и моментально срослись. Стоя перед зеркалом, я пошевелил пальцами поднятых в воздух рук, покрутил шеей, ощупал голову. Всё на месте. Я как новенький – будто бы и не было этого падения и долгого заточения в руинах многоэтажного дома.

Однако, должен признать, эта дамочка из кошмаров не так проста, как кажется. Сегодня меня проняло на десять из десяти.

Глава 10. Странный пациент

Хотелось крови. Просто жутко.

Днём ещё было терпимо, но вечером, по дороге домой из СКОКа, сидя в тёмном отсеке «бобика», я буквально бредил тем самым пакетом донорской крови из отделения гематологии московской больницы. В принципе, этот рабочий день прошёл неплохо, если не считать одного неприятного приключения.

С самого утра моё тело, похоже, пыталось «сублимировать» сверхъестественную жажду в голод обыкновенный. Может быть, ему и правда требовались ресурсы для пополнения тех запасов, за счёт которых прошло моё экстренное восстановление.

Ещё и работа никак не ладилась: почему-то сервер, к которому пыталась подключиться программа, продолжал выдавать ошибки в ответ на её запросы. Я перепроверил и код, и протоколы, и стабильность подключения – всё было исправно. Связь устанавливалась, пароль сервер принимал, но потом начинались необъяснимые странности. Некоторое время данные передавались нормально, а затем сервер вдруг безо всякой причины переставал выполнять запросы так, как он по всем правилам должен был это делать. Наверное, в описаниях протоколов и схем взаимодействия, которые нам передал заказчик, закралась какая-то ошибка. Если так, то без

общения с ребятами с «той стороны» эту проблему не решить. Вздохнув, я решил сперва ещё раз всё перепроверить. Неудобно беспокоить людей зря – вдруг косяк всё-таки наш.

Но разве можно проделать такую работу качественно на голодный желудок?.. Я еле-еле дождался обеденного времени: под ложечкой сосало, мысли путались, я совсем не мог сосредоточиться и то и дело посматривал на часы.

В прошлый раз в столовую меня отвел Михаил, строго-на-строго наказав запоминать путь. Вроде бы ничего особенного – дойти до столовой, но подвальные коридоры нашей «котельной», как я прозвал про себя эти катакомбы за обилие тянувшихся под потолком труб, были так похожи один на другой, что легко могли сойти за настоящий лабиринт. У меня, впрочем, всегда было очень хорошее чувство направления, так что вчера я несколько не сомневался, что, пройдя с Михаилом туда и обратно, на следующий день смогу найти дорогу даже с закрытыми глазами.

К тому же, здорово помогал запах – из столовой ощутимо тянуло котлетами и почему-то какао. Впрочем, почему какао, выяснилось сразу же на месте – у них и правда стояли на отдельном столе огромные алюминиевые чайники, как в старые-добрые советские времена. Блюда в меню, надо сказать, тоже были под стать этому архаизму. Зато недорогие – так что я набрал себе сразу всего и много.

В общем, насладились мы вчера с Михаилом ностальгическим обедом на славу. В дальнейшем, однако, он состав-

лять мне компанию отказался и, сославшись на занятость, проинструктировал на следующий день искать дорогу самостоятельно, строго при этом соблюдая установленные обеденные часы. У них, сказал, с этим всё очень серьёзно, могут за нарушение трудовой дисциплины даже очень ценного и эффективного работника уволить – уже были случаи. Меня-то, конечно, они уволить не могут, я человек, если можно так выразиться, сторонний – но с конторой нашей прекратить сотрудничество могут запросто, а мне лишние проблемы сейчас совсем ни к чему. Так что я спокойно жевал да кивал: в час – значит в час, какие вопросы.

И вот сегодня, едва дождавшись назначенного времени, я нетерпеливо рванул по коридорам вперед, к сладкому какао – и, представьте себе, заблудился.

Ума не приложу, в какой момент я свернул не туда. Видимо, моя самоуверенность сыграла со мной злую шутку. Очередного поворота просто не оказалось там, где он, по моим подсчётам, должен был быть. Оглядевшись, я понял, что уже и трубы на потолке, и стены, и пол тоже какие-то не такие. Что было делать? Я потянулся за телефоном, но вспомнил, что оставил его по недвусмысленной рекомендации Михаила в заветном ящичке.

Единственное, что мне оставалось в сложившейся ситуации – побродить взад-вперёд по коридорам в надежде, что либо чутьё выведет-таки меня к месту назначения, либо мне встретится кто-то, кто не побрезгует поговорить с заблудив-

шимся коллегой и покажет ему дорогу. Так я и сделал. Мои плутания вывели меня в какое-то странное полутёмное ответвление с рядом необычных дверей, в каждой из которых было проделано маленькое зарешечённое окошко, а сверху красовалась табличка «внимание» с небольшой красной лампой. Что-то похожее я видел в поликлинике – над кабинетом врача во время приёма загоралось информационное табло – только там было написано «не входить» или что-то в этом роде.

Несколько минут я с интересом рассматривал загадочные двери под унылое потрескивание неисправной лампы дневного света на потолке. Решил уже было, что тут мне ничего не светит, как вдруг услышал гулкий и бодрый стук чьих-то сапог по коридору, радостно обернулся на звук – и мой взгляд упёрся в пару наставленных на меня автоматных стволов.

– Руки за голову! К стене! Медленно, медленно! Без резких движений!

Двое суровых охранников в камуфляже и бронежилетах явно не собирались шутить. У меня аж руки похолодели. Я медленно – как и было велено – подчинился.

– Кто вы такой и что здесь делаете? Посторонним сюда нельзя!

Я начал лепетать что-то про нового сотрудника и потерянную дорогу к столовой и, кажется, уже почти успокоил их, как вдруг лампа над одной из дверей с резким, пронзитель-

ным звуком загорелась и замигала вместе с надписью «внимание».

– Вот чёрт! – выругался один из охранников. – На пол, дуралей! Быстро! Лежать! Руки за голову, по сторонам не смотреть!

Я снова подчинился, на сей раз уже менее охотно. Что они себе позволяют вообще? Прижавшись к грязному кафельному полу, я тайком покосился на дверь – отчасти из чувства протеста, но больше из любопытства.

Дверь открылась, и вышли ещё двое охранников, только вместо автоматов они были вооружены какими-то странными устройствами, походившими на гибрид дубинки и электрошокера, со странной крестообразной ручкой. Охрана переглянулась между собой, и один из них кивнул в мою сторону:

– А это что ещё за чудик?

– Да вот, новый сотрудник, программист. Говорит, мать его, по пути в столовую, заблудился.

– Заблудился он, мля. Ладно, нехай полежит. Сейчас мы зубастого отконвоируем, а потом уже этого перца отведёте. И Мише скажите, пусть вставит ему под первое число, чтобы не блудил больше.

Охранники заржали. Тот, что обозвал меня чудиком, вытащил из-за пояса рацию:

– База, база, я Конвой-1. Перемещаем объект «Б-4» в центральную. Всем постам, повышенная готовность до особого

распоряжения, – вернув рацию на место, он заглянул в открытую дверь. – Всё чисто, профессоры. Пошли, выводите.

Боец отошел от двери на пару шагов, держа «дубинку» наготове. Его напарник занял место с противоположной стороны от двери. Я невольно напрягся. Какое-то странное, тягостное чувство появилось у меня внутри. Кристалл как-то неровно замерцал, запульсировал, забился – будто в такт потрескивающей на потолке неисправной лампе.

Заинтригованный, я таращился на дверь. Из помещения вышли трое. Двое научных сотрудников – или докторов? – в белых халатах придерживали за плечи пациента, одетого в смирительную рубашку. Один из них катил по полу большую капельницу на колесиках. Кажется, не только капельницу – вместе с пакетом лекарства на «вешалку» было прицеплено несколько электронных приборов, переливавшихся зелёными светодиодами. К «больному» тянулась трубка с раствором и несколько проводов. Присмотревшись, я увидел, что, помимо смирительной рубашки, его тело в нескольких местах было стянуто тугими кожаными ремнями.

– Давай, пошёл, – вполголоса скомандовал один из докторов, легонько подтолкнув его в спину. Тот сделал несколько неровных шагов, вышел из помещения и мутным взором обвел коридор. Взгляд его затуманенных глаз остановился прямо на мне. Внезапно выражение его лица изменилось, стало абсолютно осознанным, и мне показалось, что он заглянул мне в самую душу. Мой кристалл пуще прежнего заис-

крился, заметался, запульсировал. Станный пациент сощурил глаза и ухмыльнулся – и, готов, поклясться – я заметил громадные клыки у него во рту!

Приборы на «капельнице» вдруг запищали и замигали красными огоньками.

– Ого! Серёж, давай-ка ему ещё дозу!

Парень в белом халате, державший капельницу, быстро нажал на какую-то кнопку. Что-то зашипело, забулькало, в пакете с лекарством побежали пузырьки. Взгляд человека в смирительной рубашке снова потускнел, оскал пропал, плечи обвисли. Второй доктор снова легонько подтолкнул его и странная процессия – два охранника, два человека в белых халатах и их пленник двинулись по коридору в нашу сторону, прошли мимо и скрылись за одним из поворотов.

Только через пару минут после того, как они ушли, мне разрешили встать.

– Помалкивай о том, что ты здесь видел, понял, орёл? – рыкнул на меня один из них.

Я молча кивнул. Также, в молчании, они проводили меня в столовую. Я помыл руки и, как мог, оттер мокрыми ладонями грязь с перепачканного костюма.

Пронизывающий взгляд таинственного пленника всё никак не шёл у меня из головы. Каждый раз, как я вспоминал о нём, кристалл внутри отзывался тревожным мерцанием. Мой аппетит куда-то улетучился. Уже безо всякого настроения я поел и вернулся к работе – к счастью, обратную дорогу

я нашел легко.

Остаток дня прошел без происшествий. Если не считать, конечно, того, что мне так и не удалось решить проблему с подключением. Где-то за полчаса до конца рабочего дня ко мне заглянул Михаил.

Я не мог не завести разговор о странном дневном происшествии. Да, мне сказали помалкивать, но не перед Михаилом же? Уж больно мне хотелось посмотреть, как он будет вертеть хвостом, объясняя, какого чёрта здесь творится.

– Слушай, да не парься ты. Мы тебя попозже просветим, когда притрёшься тут немного, ну да и мы к тебе присмотримся. А сейчас просто выбрось из головы. Давай лучше о деле. Тебе удалось найти ошибку?

Нельзя сказать, чтобы его ответ хоть сколько-нибудь меня устроил, скорее даже наоборот. Но сил спорить к тому времени уже не оставалось. Я рассказал ему о том, как весь день безуспешно провоевал с капризным сервером. Михаил нахмурился:

– Так, подожди, – сказал он мне и куда-то удалился.

Вскоре он вернулся с толстой папкой в руках. На папку прозрачным скотчем была приклеена полоска бумаги с печатной надписью «СЕКРЕТНО»:

– Вот, держи. Техническая документация на смоленскую базу данных. Коды доступа, протоколы, пароли – все эти ваши компьютерные заморочки.

– Так ведь... – я указал рукой на компьютер, – у меня всё

тут есть.

– На бумаге оно вернее как-то. Здесь каждый листик проверен и заверен, понял? Изучи завтра. А сейчас поезжай-ка ты домой, голубчик, отдохни. А то что-то неважно выглядишь...

Хохотнув, он хлопнул меня по спине и был таков. А я же, тяжело выдохнув, раскрыл увесистую папку и первым, что выпало из неё прямо ко мне в руки, был... бордовый конверт!

Уф, что-то эти письма зачастили. Как и кошмары. Возможно даже, между ними есть какая-то связь, но какая именно?..

Ответа на этот вопрос у меня пока не было, и поэтому я решил сегодня вечером не вскрывать конверт. Тогда, возможно, мне этой ночью представится шанс хотя бы разок отоспаться.

* * *

– Здравствуйте. Это отделение гематологии? Могу я поговорить со Стеллой Вернер?

Даже не знаю, как я решился на этот шаг. А главное – на что я надеялся. Вечером дома мне определённо было нечем заняться, и образовавшаяся в этой пустоте тревога заставила меня крутиться и искать ответы на бесчисленные вопросы, роящиеся в голове.

Взглянув на часы, я одёрнул себя. Ну, конечно, о чём это я. Идея довольно глупая. Девятнадцать тридцать. Наверняка её уже просто нет на рабочем месте.

– Слушаю.

От знакомого ледяного голоса, внезапно раздавшегося из трубки, по моей спине прошёл холодок.

– Это Григорий Волков, – выдохнул я, поёжившись от мурашек.

– А, Волков. Одумался, – с издёвкой прошипела гематолог. – Должна тебя огорчить. Крови ты больше не получишь.

– Очень жаль. Она бы мне сейчас не помешала. Но я не за этим звоню, мне нужна ваша помощь. Понимаете, я только недавно стал таким, какой я есть, и понятия не имею, что теперь делать. Я хочу как-то вернуться обратно, в свою человеческую жизнь. Или, если лекарства от этого нет, то, на крайний случай, хочу научиться жить с этим. Не знаю... Я ничего не понимаю и сам себя не узнаю, меня пугают изменения, которые происходят с моим организмом. Этот кристалл, эти клыки, эта подступающая к горлу жажда...

– Ничем помочь не могу, – отрезала доктор. – Закон джунглей помнишь? Каждый сам за себя. Удачи. Не болей.

– Подождите! – поспешно воскликнул я, но было уже поздно. В трубке пропищали короткие гудки, и вызов завершился.

Покрутив мобильный в руках минуту или две, я снова кликнул на телефон больницы. Я же в недавнем прошлом

диабетик, мне не впервой пробиваться таким образом к врачам. Помните эндокринолога? Он ведь тоже быстро сдался под натиском моих звонков.

– Стелла, вы меня не дослушали...

– Волков, у меня, как ты мог бы догадаться, полно работы и нет времени слушать всяких упырей. В моей помощи нуждаются живые люди – те, кто может выздороветь. Так что, будь добр, изыди прочь и прекрати обрывать телефон.

– Извините, но вы, похоже, единственная, кто... верит в меня, понимаете?.. Кажется, вы даже знаете обо мне больше, чем я сам. Мне позарез нужно с вами поговорить. Проконсультируйте меня как врач, пожалуйста!

– Нет!

– Ну почему?!

– Я принимаю только с направлением от лечащей организации по форме 057, – заученным голосом отчеканила она. Издевается, не иначе как. Но и я тоже за словом в карман не полез:

– Тогда я запишусь к вам на платную консультацию! И вам придётся меня принять!

По её отдалённому ругательству я понял, что она снова готовится бросить трубку, поэтому торопливо проговорил:

– А ещё мне снятся очень странные сны!

– Сны?.. А ну-ка поподробнее.

Опа, заинтересовалась. Подстёгнутый её любопытством, я выпалил:

– Я связан с кем-то красной нитью!

– Не может быть... – растерянно пробормотала она и тут же ошаршила меня внезапным. – Через час в Горьковском парке, успеешь?

Глава 11. Мастер-класс для чайников

Несмотря на довольно поздний час, в парке всё ещё было много людей. Я примчался в назначенное место аж на полчаса раньше и теперь, сев на лавочку, изучал глазами прохожих.

Кого я тут только не встретил. Дети всех возрастов, старики, влюблённые парочки, компании студентов, спортсмены. Думаю, виной тому – прекрасная погода. Несмотря на то, что с утра было прохладно и шёл дождь, к вечеру небо всё же прояснилось, облака разошлись, и даже солнце решило немного погреть нас в этот последний часок перед закатом. Кажется, солнцу были рады все, кроме меня. Нацепив на нос тёмные очки, я барабанил пальцами по стеклянной бутылочке гранатового сока, который смеха ради купил в палатке неподалёку, и нетерпеливо елозил по скамейке. Даже не знаю, чего я ждал больше – заката или появления Стеллы.

Впрочем, в отличие от заката, врач долго ждать себя не заставила. Ровно в половину девятого я различил на другом конце аллеи знакомый стройный силуэт с узкой, буквально осиной талией. И хотя на этот раз она была уже не в белом медицинском халате, а в чёрном брючном костюме, я без труда её узнал. Больше того, я узнал её даже раньше, чем

смог разглядеть – по строгому цоканью высоченных каблучков об асфальт.

Она снова была в перчатках. Правда, на этот раз в менее официальных – коротких, едва прикрывающих запястье, с оборками из чёрного кружева на манжетах. Кружевом был украшен и её зонт от солнца – разумеется, тоже чёрный как смоль.

С её появлением в столь готичном образе, аллея, залитая солнцем, будто бы тоже погрузилась во мрак – ещё до заката – и я вздохнул с облегчением.

– Привет, – я снял очки. – Спасибо, что в чёрном.

Стелла кивнула в ответ и сложила свой зонт. Сев на скамейку рядом со мной, покосилась на мой сок и искривила губы в ухмылке:

– Анемию, значит, лечишь.

– А то! – я хмыкнул в ответ. – Но вашим назначениям я, между прочим, тоже последовал – купил гематоген. Остальных лекарств, правда, в аптеке почему-то не нашлось. Даже не знаю, с чего бы это.

Доктор равнодушно повела плечом:

– Не было времени составлять схему лечения. Кстати, раз уж мы помянули прошлое. Ты забыл у меня свой боевой снаряд, – она расстегнула сумочку и извлекла оттуда мою футболку – только уже не смятую в ком, а аккуратно сложенную и убранныю в прозрачный канцелярский файл – и протянула мне, брезгливо держа пакет за угол, как вещдок.

– Точно. Спасибо.

Наши руки встретились. Я слегка дотронулся до кончиков её пальцев, вернее, только плотной перчатки, но и от этого почти неощутимого прикосновения она отшатнулась, отдёрнув руку как от огня.

Я покосился на неё с удивлением. Подумать только, как она, оказывается, боится прикосновений. И эти перчатки – даже летом... Может, у неё фобия какая-то?..

– Рассказывай, – врач не оставила мне времени для долгих раздумий. – У тебя полчаса.

Всем своим видом она демонстрировала, что не планирует тратить на меня ни минутой больше, поэтому выбирать слова не приходилось:

– Я вампир, – выпалил я прямо. – Или, как вы там сказали, упырь. Вурдалак, монстр, демон...

– Ну-ну, не льсти себе, – осадил меня Стелла. – Ближе к делу.

– Позавчера я выпил залпом пять литров донорской крови...

– Ого, не боишься растолстеть?

– Это был, так сказать, мой первый опыт. Я до сих пор под впечатлением.

– Надеюсь, не из нашей больницы кровь?

– Нет, не переживайте. Один знакомый угостил.

– Повезло тебе со связями.

– В чём-то же мне должно было повезти... – пробормотал

я себе под нос.

– У тебя есть кристалл, но ты стал вампиром недавно, – тем временем резюмировала Вернер. – Значит, ты нечистокровка. Всё понятно.

– Хотя бы кому-то всё понятно, – буркнул я.

– Когда тебя создали и где? – с напором спросила врач. – В Смоленске или в Москве?

– В Киеве, – ляпнул я. Я хотел ещё добавить, что это было двадцать пять лет назад, но она меня перебила строгим:

– Не ври. В Украине лаборатории нет.

– А причём здесь лаборатория? – я совсем запутался и, кажется, начал запутывать Стеллу.

– Как вообще ты умудрился оттуда сбежать? – в её глазах читалось недоумение.

– Откуда?! – взвыл я.

Мы явно друг друга не понимали. Стелла внимательно изучала меня, скользила взглядом по лицу, шее, потом по напряжённым рукам, лежащим на коленях.

– Так, ладно. Давай ещё раз с самого начала. Как ты стал вампиром?

– Меня укусили.

– Да ну? – фыркнула она. – Не верю.

– Я не вру, а тем более докторам.

– На дворе двадцать первый век, – любезно напомнила мне Стелла. – Кровь сейчас любой вампир может легко добыть из больницы. Кстати, как это недавно сделал твой друг,

а до этого пытался сделать ты. Ведь даже ты, нечистокровка, не пошёл на улицу кусать людей. Ты додумался притащиться к нам в больницу, чтобы воровать кровь. Тоже мне, нашёл себе бесплатную столовую...

– Нет! – воскликнул я обиженно и зачастил дальше на едином дыхании. – В больницу я пришёл вовсе не за кровью. И ни одного пакета не своровал оттуда за две недели, честное слово! Меня правда укусили, поднялась температура... Я не знал, что с этим делать. Куда идти, кого спрашивать. Это какая-то нелепая, роковая случайность. Мне показалось, что он вполне нормальный парень, а потом я вдруг порезался и... Как вы это называете, синдром хищника?

– Вампиры, а тем более чистокровные, прекрасно знают, как его контролировать, – доктор была непреклонна.

Не знаю, сколько бы мы ещё так проспорили, если бы в этот момент не случилось непредвиденного. Молодой мальчишка – старший школьник или студент – со свистом проехал мимо нас на роликах на огромной скорости. Он появился так резко, что Стелла осеклась от неожиданности, а я даже вздрогнул. Притихнув, мы теперь вместе наблюдали, как он быстро-быстро удаляется от нас вдоль по асфальтовой дорожке в глубину парка, а следом за ним – ещё двое его друзей.

И вдруг что-то пошло не так. То ли мальчишка, выпендриваясь перед приятелями, развил уж слишком большую скорость, то ли ему под колёса попало какое-то препятствие

– в общем, он упал. Проехался по дороге и, кажется, рассёк коленку.

Да, точно. Этот запах ни с чем не спутать! Металлический, дурманящий, оцепеняющий...

Весь наш бесполезный диалог стал враз мне неинтересен. Мои скулы напряглись, а следом за ними и всё тело. Всё вокруг потускнело и стало чёрно-белым. Вместо реальности мне снова показывали старое серое кино. Только одно-единственное пятно крови, там, вдалеке, на асфальте, по-прежнему оставалось ярко-красным и приковывало к себе всё внимание.

– Волков, очнись, – Стелла пару раз щёлкнула пальцами перед моим лицом, но звуки заглушились, словно я нырнул под воду. Я больше ничего не слышал, кроме биения пульса, и это был вовсе не мой пульс, а его – того парня, который, держась за разбитое колено, тщетно пытался встать с асфальта.

Будто акула, почуявшая кровь, за доли секунды я сгруппировался, отрастил клыки и, вскочив со скамейки, кинулся к жертве. Я видел со стороны, как моё тело развило какую-то сумасшедшую скорость, в разы превышающую ту, с которой проехал мимо нас этот злосчастный гонщик-роллер.

Когда я был в одном шаге от своей цели, Вернер неожиданно догнала меня и, схватив за плечо, грубо развернула к себе. Она была такая же чёрно-белая, как и всё остальное, и черты её лица размывались. Кажется, её губы двигались, но

слов я разобрать не мог. Серый туман, разлившийся вокруг, поглощал и вбирал в себя все звуки.

Я уже был готов отмахнуться и наброситься на свою добычу, как вдруг докторша придержала моё лицо, коснувшись ладонью щеки и – чёрт её возьми! – поцеловала. Однако это могло показаться поцелуем только со стороны – для собравшихся вокруг зрителей. На самом же деле, романтикой тут и не пахло.

Плотно прижавшись губами к моим, она протолкнула языком что-то мне в рот.

В носу защекотало от резкого едкого вкуса, и мой нюх хищника моментально выключился. Да что там нюх – у меня аж дыхание спёрло.

Чеснок! Раскушенная долька чеснока!

Постепенно мир снова обретал краски. Моё тело обмякло, ослабело. Челюсти разжались. Я стал различать звуки, а потом и слова.

– Я врач, позвольте мне осмотреть вашу рану... – услышал я спокойное.

Стелла уже присела рядом с парнишкой и теперь щедро поливала его колено перекисью водорода, невесть откуда оказавшейся в её дамской сумочке. Запах перекиси, смешиваясь с кровью, щекотал нос и бодрил не хуже нашатыря.

Окончательно вернувшись в тело, я катал во рту дольку чеснока и облизывал губы.

– Сейчас я наложу повязку, и можно будет встать. Но обя-

зательно сходите в травмпункт, чтобы проверить коленную чашечку.

Так невинно, так любезно она с ним говорила. Как ни в чём не бывало. Как будто и правда помогала ему как врач. Как будто бы она и правда обычная женщина...

* * *

– Значит, ты тоже вампир, – скорее утвердительно, нежели вопросительно произнёс я, нарушая тишину.

Уже стемнело. Мы шли по пустынной аллее парка и долгое время оба молчали.

– Как видишь, – неохотно признала Стелла. – А ты, если я правильно понимаю, ещё не до конца инициирован?

Ну наконец-то она мне поверила!

– Двадцать один день ещё не прошёл, – ответил я, вспоминая письмо. – Может быть, ещё не поздно как-то повернуть этот процесс вспять?

– Поздно, – врач коротко мотнула головой.

Я пнул попавшуюся мне под ноги жестяную банку из-под газировки, и она с грохотом покатилась по асфальту.

– Что ж, значит, мне придётся смириться и учиться с этим жить. Сколько времени понадобилось тебе?

– Я такая с рождения, – на этой фразе её голос немного охрип, – меня всему научили родители. А вот тебе будет несладко.

– Дай мне пару советов? Мастер-класс для чайников, так сказать...

– Хм... – протянула Стелла и взяла паузу на минуту или две. Видимо задумалась, отшить ли меня в очередной раз или всё-таки выполнить мою просьбу, чтобы я наконец от неё отвалил. Когда я уже потерял надежду на ответ, она вдруг нарушила тишину пулемётной очередью из слов:

– Во-первых, нельзя допускать даже малейшего чувства жажды или голода. Ты всегда должен быть сыт. У сытого вампира инстинкт притупляется, так синдром хищника легче контролировать. Кроме того, чем сильнее ты голоден, тем сильнее будет твой жар вблизи людей. И, наоборот, тем холоднее им будет рядом с тобой. Их будет знобить, упадёт давление и температура, а особенно чувствительные могут даже шлёпнуться в обморок, так как из-за голода ты будешь жрать их энергетически. Что, если помнишь, и происходило в больнице... Во-вторых, перестань ходить по врачам и сдавать анализы, если не хочешь, чтобы тебя разобрали на опыты. Твой организм изменился. У тебя теперь нет пульса, потому что сердце вампира не бьётся в традиционном понимании, а работает скорее как газовый поршень. Кристалл нагревает кровь до высоких температур, но она не сворачивается, потому что в ней больше нет человеческого белка, а превращается в газ. В газообразном состоянии она циркулирует по артериям и венам, а при порезе охлаждается от температуры окружающей среды и конденсируется, в результате чего

можно наблюдать кровотечение, хотя и не такое обильное как у человека. Именно изменённым составом крови и её высокой температурой можно объяснить ускоренную регенерацию тканей у вампира. В-третьих... будь предельно осторожен после завершения инициации. Когда твой кристалл окончательно вживится в тело, начнёт происходить всякая чертовщина, которой ты сперва не сможешь управлять. Вампиры называют это сверхспособностями, – она хмыкнула и, подумав, добавила уже серьёзно. – Сверхспособностей много, но все они активируются одним из пяти каналов восприятия – визуальным, аудиальным, обонятельным, тактильным и ментальным. Чем раньше определишь, какой канал у тебя заработал, тем лучше.

– А как это можно определить?

– Сходить в гости к охотникам и попросить их тебя просканировать, – сострила доктор.

– Наверняка есть более щадящие методы, – мне шутка показалась не очень-то смешной, особенно если учитывать, что завтра мне взаправду придётся снова проходить через упомянутый сканер.

– Следи за собой. За своими глазами, ушами, нюхом, прикосновениями и мыслями. Что-то из этого вдруг выйдет из-под твоего контроля, вот так и определишь, к какой группе ты относишься. Заранее прими мои соболезнования, если ты ментал или тактильный.

Я снова скользнул взглядом по её перчаткам, но задавать

личных вопросов, на всякий случай, не стал.

– Ну и, конечно, правило номер один, – Стелла вытащила из сумочки начатую головку чеснока и, отломив от неё половину, протянула мне, – не вздумай больше выходить на улицу без этой штуки.

– А не то что?

– А не то влипнешь в какую-нибудь неприятную историю, как сегодня, спалишься и попадёшься в лапы тем самым охотникам.

– Расскажи про охотников подробнее, – я крутил в руке дольки чеснока, счищая с них шелуху. – Насколько они опасны?

– Очень опасны. С ними лучше не иметь дела.

– Так я и думал. А есть ли какие-то способы защиты от этих товарищей?

– Гриша, пойми, вряд ли я чем-то ещё смогу тебе помочь, – она вдруг занервничала и стала теревить кольцо на безымянном пальце. – Я тебя выслушала. Сочувствую. Но на этом всё. Давай закончим.

– Тебя дома, наверное, ждёт муж, – ляпнул я, убирая чеснок в нагрудный карман пиджака. – Не подумал, прости.

– Да уж, – буркнула Вернер недовольно. – А я не думала, что вместо того, чтобы после работы идти домой, мне придётся тут целоваться со всякими...

– Послушай, Стелла, – теперь уже я её перебил. – Ты реально вытащила меня из серьёзной передраги. Я тебе за это

очень благодарен. Правда! Вряд ли мы с твоим супругом когда-то встретимся, но если вдруг встретимся... и если понадобится... я ему лично всё объясню. Прости меня, пожалуйста. Как некрасиво получилось...

Я ещё долго что-то говорил в этом духе, с жаром оправдывался и извинялся. Будто бы это я «поцеловал» её, а не наоборот. Стелла же оставалась безучастной и прохладно молчала. И я бы даже подумал, что она злится, если бы в какой-то момент она вдруг не коснулась рукой в перчатке своей левой щеки, будто что-то смахнув или вытерев.

Уже попрощавшись с ней и почти дойдя по аллее до нужного мне выхода из парка, я остановился и хлопнул себя по лбу. Совсем забыл!

Красная нить! Так растерялся, что даже не спросил, что это всё значит и что мне с ней делать.

Обернувшись, я выцепил взглядом угловатый, будто выточенный из камня, элегантный силуэт на другом конце парка. Удивительно, но в тот же самый момент Стелла тоже остановилась и обернулась. Несколько секунд мы смотрели друг другу в след. Точнее, растерянно пялились друг на друга, понимая, что с такого расстояния уже бесполезно пытаться кричать или жестикулировать. Слишком далеко, слишком темно.

Да и вообще, какое ей дело до моих ночных кошмаров...

Глава 12. Жопа.doc

«Видела тебя вчера в парке. Ты целовался с какой-то девкой».

Такую весточку в мессенджер я получил утром по дороге на работу от Кати и прямо-таки прочувствовал всю степень её возмущения. А следом пришло ещё одно сообщение:

«Мог бы и посимпатичнее найти».

Не раздумывая, я щёлкнул по ссылке «заблокировать контакт». Ещё не хватало, чтобы она ревновала меня к Вернер. В этом абсурде я участвовать не намерен. Лучше немного вздремну в пути.

Всю ночь меня преследовал странный аромат, похожий на ладан. Запах чеснока от «поцелуя» выветрился, а вот едва уловимый, но от этого не менее навязчивый ладан – остался. Казалось, что Стелла где-то совсем близко – сидит у кровати и, склонившись, смотрит мне в лицо.

Кошмаров на этот раз не снилось, но сон был неглубоким. Я то и дело просыпался и включал ночник. В комнате, разумеется, никого не было, однако это меня не успокаивало. Стоило мне снова закрыть глаза и задремать, как я вновь чувствовал её дыхание на своей коже...

Я почти уже доехал до подпольного штаба СКОК, когда телефон опять завибрировал. На этот раз Катя, не достучавшись в мессенджер, не поленилась написать обычное СМС:

«Ладно, сорри. Погорячилась. На самом деле, я её толком не разглядела. Давай встретимся вечерком?».

И ещё через пять минут:

«Я, в отличие от некоторых, не ревнивая. Только скажи сразу честно, у вас с ней всё серьёзно?»

«Серьёзнее некуда», – настрочил я в ответ подрагивающим пальцем.

Умеет же она испортить настроение перед трудовым днём. Вот как мне теперь прикажете работать?

С раздражением убрав телефон, я выпрыгнул из «бобика». Почему она не могла просто уйти? Зачем мучить меня и заставлять врать? Гораздо проще было бы перестать общаться раз и навсегда, чем по частям отлепляться друг от друга, корчась от боли...

Кристалл в груди подрагивал и мерцал, бросая блики вокруг – будто пытался излечить меня от сердечных терзаний. Я даже задержался на несколько секунд у ступенек проходной, отстав от Михаила. Вдохнул свежий утренний воздух, наполнив грудь до отказа. Выдохнул. Как хорошо, что там, внизу, не будет мобильной связи.

На проходной я, как обычно, поставил рюкзак на стол охраны и выложил всё из карманов. Прошёл в кабинку и поднял руки, прислоняя ладони к кругам, начерченным белой краской. Обычно всё сканирование занимало две-три секунды, но на этот раз что-то пошло не так. Я услышал – нет, скорее, почувствовал – под рёбрами какой-то странный звук,

напоминающий звон стеклянного бокала. Над моей головой зажглась красная лампа и раздался протяжный вой сирены.

«Положительно, – процитировал один из охранников результат сканирования и добавил. – Тип не определён».

И тут же секьюрити, как по команде, сделали шаг назад и нацелили на меня дула своих АК-74. Откуда ни возьмись подтянулось подкрепление – ещё по два здоровых бугая окружили меня сзади и спереди. Все шестеро вооружены автоматами.

В этот момент я, наверное, впервые за жизнь, понял смысл выражения «класть кирпичи». В животе у меня что-то похолодело и сжалось. Я, как и был, с поднятыми руками, повернулся к Михаилу, стоящему за мной, и с облегчением заметил, что он один не поднял оружие. Кажется, он пребывал в таком же шоке, что и я, поэтому не сразу заговорил:

– Гриша, стойте на месте! – скомандовал он с задержкой. – Двигаться будете только по моей команде. Сейчас сделайте шаг вперёд. Ещё один. Стоп!

Я послушно вышел из сканера обратно в вестибюль. Стволы автоматов последовали за мной и снова замерли, нацеленные мне в голову.

– А теперь, не поворачиваясь, возвращайтесь в сканер. Левее. Руки на белые круги!.. Гриша, вы меня слышите?! – на последней фразе он повысил голос, так как я не спешил подчиняться.

Внутренняя чуйка подсказала мне, что нужно как-то за-

тушить кристалл, прежде, чем меня «просветят» ещё раз. Только вот как! Я и до этого не знал лекарства от душевной боли, а уж найти его за какие-то несчастные пару секунд...

– Руки на белые круги, сейчас же! – прогрохотал Михаил, выхватывая из кобуры пистолет.

Перед глазами внезапно всплыла Стелла. Её бледные бесцветные губы, обхватившие дольку чеснока. И потом этот гадкий запах у меня во рту, от которого сводит скулы... Я ощутил его так отчётливо, что у меня даже усилилось слюноотделение, как при мыслях о лимоне. А ещё я почувствовал руку Стеллы, пахнущую ладаном, на своей щеке. Точно, она ведь тогда дотронулась до моей щеки. Я словно нырнул в темноту, которую она распространяла вокруг себя, и мне вдруг сделалось спокойно и легко. Будто я уже умер, и больше нечего бояться. Что-то оборвалось у меня внутри, и кристалл потух. В голове и груди стало тихо, как на кладбище. Напряжённые плечи опустились. Всё правильно. У мёртвых ведь ничего не болит...

Михаил уже успел передёрнуть затвор, взводя курок, когда я, наконец, поднял руки. Вспотевшими ладонями коснулся кругов и замер в ожидании.

На этот раз никаких спецэффектов. Сканер зажёгся зелёным, дверцы бесшумно раскрылись, пропуская меня в холл.

– Стойте! – коротко скомандовал Рэмбо. – Давайте ещё раз!

Следующие минут десять – а то и все пятнадцать – они

гоняли меня туда-обратно через этот чёртов сканер. Я даже сбился со счёту, сколько раз мне пришлось облучиться их «рентгеном». В конце концов Михаил жестом приказал охране опустить оружие.

Подойдя ко мне, он велел снова поднять руки вверх и принялся тщательно прощупывать меня через одежду с ног до головы.

– А это что ещё такое? – нахмурился он, хлопая по нагрудному карману пиджака. По тому самому, куда я вчера убрал полголовки чеснока, подаренные Стеллой. Но сегодня с утра мне каким-то образом удалось предусмотреть такое развитие событий. Я взглянул на Михаила с ангельской невинностью:

– Сухарики с чесноком, – моя рука вытащила на свет шелестящую упаковку. – Вот. Думал перекусить в обед.

– Что же тебе, наша столовая не понравилась? – пробасил тот и вдруг расхохотался, сбрасывая с себя напряжение. – Гриня, ну! Обижаешь!

– Да вовсе н-н-нет, – выдавил из себя я. – Столовая у вас отличная, просто... идти далеко и...

– Да не выдумывай! – не дослушав, он меня перебил. – Мы нашего дорогого гостя без полноценного обеда не оставим!

Но пакетик отбирать не стал, только хмыкнул и добавил многозначительно:

– А вообще, ты угадал. Мы тут тоже все любим чесночком побаловаться... Ну, проходи-проходи, не стой в дверях!

После такого фееричного начала рабочего дня едва ли я смогу сосредоточиться на важных делах – подумал я. Так оно и вышло. Около часа промучив злосчастную базу данных, я сдался и решил лучше заняться Валеркиной «жопой». «Жопа.doc» по-прежнему висел в документах, его никто не заметил и не удалил. А может быть, просто не посчитал нужным?

Ко мне пришла идея прогнать зашифрованный файл по всем известным паролям из тех, которые стояли у нас в офисе. Конечно, задача значительно упростилась бы, если бы на компьютер, который предоставил мне СКОК, можно было бы скинуть программу по перебору паролей. Но, увы, придётся действовать вручную. Накануне я распечатал список рабочих паролей всех наших сотрудников и теперь методично вводил их один за другим, вычёркивая варианты, которые не подходили.

Сотрудников в нашей «очень крупной компании» было много, паролей тоже. Сначала я перебрал все универсальные пароли, потом пароли руководства, потом айти-отдела, в конце концов, отчаявшись, перешёл к бухгалтерии. Честно говоря, я был уверен, что одна из первых комбинаций сработает – если Валерка хотел бы оставить «весточку» одному из своих приближённых, то воспользовался бы известным для них паролем. Но, нет. Файл по-прежнему не поддавался.

За пять минут до обеда я всё же признал очередное фиаско и, ради прикола, вбил в окно свой личный пароль. Не глядя на экран, нажал «enter», и вдруг – вуаля – документ,

вместо того, чтобы снова ругнуться на меня, открылся.

Там оказалось совсем немного текста:

«Гриша, если всё вышло так, как было запланировано, то на этот проект назначили тебя. Впрочем, это не столь важно.

Кто бы ты ни был, если ты читаешь это – беги отсюда!

Они не оставят тебя в живых».

В общем, на обед я всё-таки не пошёл. Расхотелось.

* * *

«Мне исполнилось шестнадцать, а на следующий день началась война. Войне было всё равно, сколько мне лет. Война не жалеет никого: ни молодых, ни старых. Всем нашлось место в этом аду...

Уезжая на фронт, папа поцеловал нас и сказал, чтобы мы берегли себя. Мама, провожая его, расплакалась. А я нет. Я держалась. Неожиданно для самой себя за эту неделю я повзрослела на целую жизнь.

Мы ещё тогда не знали, что больше папу не увидим. В конце лета пришла похоронка – папа погиб под Смоленском. Вот такое странное, леденящее душу совпадение – под Смоленском он родился и там же, спустя всего каких-то сорок лет погиб...

Осенью учебный год в мединституте не начался. Станция, сквер у института и сами аудитории – всё опустело. Ни одного студента. Наткнувшись у входа в здание на директри-

су, я не узнала в ней той самой грозной Зинаиды Михайловны. На меня смотрела похудевшая, ссохшаяся женщина за пятьдесят с грустными глазами и растерянным лицом. Я, тем не менее, обратилась к ней по имени отчеству, спросив, что случилось. В ответ она махнула рукой:

– Лишнее это. Никакая я теперь не Зинаида Михайловна. Зови меня тётёй Зиной.

Она села прямо на ступени перед институтом и жестом пригласила меня сесть рядом. Чуть помолчав, поинтересовалась, как меня зовут и кого я ищу. Потом со вздохом объяснила, что всех студентов мобилизуют, учиться больше будет некому. Институт, скорее всего, закроют. Потом она расплакалась. От её слёз я будто оцепенела, просто сидела, затаив дыхание – такая же потерянная и встревоженная.

– Ты приходи, приходи сюда, как раньше, – сказала она мне на прощанье. – Жди его, где и прежде. Если любит, он придёт. Придёт с тобой попрощаться.

Так и случилось. Мы встретились с Антоном в нашем месте, на станции. Нещадно пекло солнце, на перроне было безлюдно, а от тех редких людей, что попадались мне, веяло каким-то холодным, оцепеняющим страхом.

Антон долгое время стоял в тишине, пряча глаза. Потом вдруг обнял меня и крепко-крепко прижал к себе. В следующий миг будто лопнула какая-то невидимая струна внутри него, и он взорвался словами:

– Света, прости меня. Прости, что не приезжал, что оста-

вил тебя одну. Я ничего не понимал, словно новорожденный младенец, ничего не знал о жизни. Мне казалось, что впереди целая вечность. Я не ценил время. Дни, которые были даны мне. Казалось, что все эти чувства, вся эта любовь – ерунда. Успеется. Подождёт. Что есть нечто более важное – учёба, книги, отличные оценки. Теперь я понимаю, как всё это глупо. Там, куда я уезжаю, всё это не пригодится...

– Куда ты уезжаешь? – произнесла я одними губами.

– Сам не знаю. Знаю только, что всех парней забирают на фронт. Нет, не врачами. Простыми солдатами. Им там не хватает рук. Вот этих, моих рук, – он поднял подрагивающие ладони в воздух. – Только держать ими я буду не скальпель, а оружие... До сих пор не могу поверить, что я справлюсь. Как я буду справляться... Не знаю...

Я усадила его на скамейку и долго-долго гладила по спине, пытаюсь успокоить. А он всё говорил и говорил. Обо всём и одновременно ни о чём. Слова, насквозь пропитанные страхом, всё лились и лились на меня, а я ничего не могла сделать, чтобы ему помочь. Чтобы успокоить его. Наверное, если бы я могла, я бы забрала все его тревоги себе. А ещё я бы забрала всю злость, ярость, зависть, чтобы люди жили мирно никогда не воевали... Но разве маленькая девочка, насколько бы сильно она ни любила, может остановить госпожу Войну?.. Так только в сказках бывает, но не в жизни.

– Мне страшно, Света... – прошептал Антон. Его лицо было бледным как полотно. – Я хотел лечить людей, Света...

Лечить, а не убивать.

Это было последним, что он сказал. И только садясь в поезд, он проговорил полностью обессилено и как-то потерянно:

– Я тебя люблю. Я запомню тебя.

– Я тоже, – сквозь слёзы пролепетала я. – Я тоже буду тебя помнить! Всю жизнь, пока не умру!

Наверное, я буду помнить его даже дольше – вечно. Сотни и тысячи лет после своей смерти. Как самый сладкий и, одновременно, самый страшный сон...

После этого прощания я и Нинка каждый день ходили к тёте Зине. Мы сидели в пустой аудитории – она за учительским столом, а мы с Нинкой перед ней, за первой партой – и говорили о жизни, о погоде, о наших увлечениях. Она, конечно, понимала, зачем мы к ней ходим, но каждый раз переводила наше внимание на отвлечённые темы. Мы с ними притворялись, будто бы смерти и войны не существует.

Но однажды наступил момент, когда притворяться больше стало невозможно. Встретив нас на пороге, она вручила нам с Нинкой по похоронке – одну мне, вторую – ей. И всё остальное враз стало неважным.

– Девочки, – сказала она, когда мы отревелись, – беда не просто однажды постучалась в дверь. Она идёт сейчас к Сталинграду и по пути стучится во все окна. Вы даже не представляете, как много слёз проливают вместе с вами другие женщины. Мы больше не можем и не должны сидеть сложа руки, смотря как убивают наших мужчин. Так ведь?

Всхлипнув, мы кивнули, хотя и плохо на тот момент понимали, к чему она клонит.

– Ну и хорошо. Умнички.

Она провела нас в аудиторию и там выложила на стол две красных повязки с белым крестом:

– Будете у нас медсёстрами.

– Как медсёстрами? Где? На фронте?! – зачастила я. – Ладно Нинка, у неё хотя бы по биологии пятёрка, но я! Я же не умею ничего!

– Вот там и научишься, – строго ответила тётя Зина и добавила со вздохом. – Помню твоего Антона. Помню. Золотые руки были у парня. Таких хирургов в наше время ещё поискать...

Больше ей меня упрашивать не пришлось. Я молниеносно прижала красный лоскуток к предплечью и, закусив одну из лент зубами, завязала на два крепких узла.

– Так-то лучше, – с грустью в глазах улыбнулась мне Зинаида Михайловна. – Идите домой, девочки. Готовьтесь. Завтра с утра жду вас здесь.

Сейчас на часах половина третьего утра. Возможно, это последняя моя запись. Даже скорее всего так и есть. Спасибо тебе, мой молчаливый собеседник. Спасибо тебе, мой дневник.

16 июля 1942 г.

Сталинград».

Глава 13. Паук

Надо ли говорить, что последняя запись дневника заставила меня взволноваться вместе с героиней? Дочитав до конца, я вскочил со стула и принялся ходить по комнате кругами, сам не понимая, что или кого ищу.

Тревожное ожидание чего-то беспощадного и неминуемого передалось и мне через эти строки, и даже кристаллу не удалось меня успокоить. Жутко захотелось пить, я выпил сразу три кружки воды одну за другой, но, разумеется, ни на йоту не напился.

Кажется, снова поднималась температура – по телу волнами проходил жар. В квартире были настежь открыты все окна, а я всё равно мучился от духоты и голодной лихорадки. Выкрутив на кухне кран холодной воды до упора, я подставил лицо под плотную струю, но и это не помогло, даже наоборот. Ощущение было такое, словно я купался в обжигающей лаве.

Очередная весточка от моего таинственного наставника только подлила масла в огонь. Сначала я её не заметил, потому что на сей раз это была не открытка и даже не простой лист бумаги. Это оказался герметично запаянный чёрный пластиковый пакетик. Небольшой – может быть, пять на пять сантиметров или что-то около того. Он, по всей видимости, застрял в бордовом конверте и выпал только сейчас,

когда я, от нечего делать, решил тот самый конверт потрясти.

Теперь я сгорал уже не от голода, а от любопытства. Я разрезал пакетик ножницами, и на стол с металлическим звонком приземлился серебристый кулон на цепочке. Да не просто кулон, а в точности такой же, какой продемонстрировала мне Ларочка прежде чем порезать вены! Скрещённые кинжал и осиновый кол – недвусмысленный то ли логотип, то ли герб охотников. На обороте было выгравировано: «СКОК», а ниже код А-01-00001, который мне ни о чём не говорил.

И больше ничего. Никаких объяснений. Хотя, постояте-ка. На другой стороне пакетика была наклейка с QR-кодом. Недолго думая, я считал его камерой мобильного, прошёл по ссылке, и на мой телефон загрузился с обменника короткий файл с текстом:

«Да-да, это персональный жетон охотника на вампиров. Он же медальон-смертник. Чистое серебро, между прочим. Злейший враг для всей нечисти – а для тебя оно, по иронии судьбы, станет другом. Храни его как зеницу ока, но не вздумай носить на груди постоянно, иначе сдохнешь за пару дней.

Инструкция незатейлива: это твой пропуск для прохода через сканеры в СКОК. В рабочий день надевай жетон перед выходом из дома и убирай под одежду, так, чтобы он соприкасался с кожей. За пару часов, пока мои ребята везут тебя в штаб, он ослабит твой кристалл в достаточной степени, чтобы тот стал «невидимым». Знаю, приятного мало. Что уж там

таить, это будет бесчеловечная пытка, но ты ведь у нас теперь не человек – так что, потерпишь. После проходной незаметно сними его и спрячь куда подальше. Побочки отпустят через пару минут, ты оживёшь и даже сможешь работать.

Прошу отнестись к данному указанию со всей серьёзностью. Аура твоего кристалла постепенно расширяется и становится ярче. Человеческому глазу она по-прежнему не видна, но сканеры могут уловить её уже за несколько суток до завершения инициации, поэтому начинай носить жетон с завтрашнего дня, если не хочешь выдать себя и поучаствовать – от первого лица – в захватывающем «шоу».

Надеюсь, ты вовремя читаешь мои письма. Ты нужен мне живым».

* * *

Что ж, очередное послание прочитано. Значит ли это, что меня сегодня ждёт новый кошмарный сон?..

Признаться по правде, я побаивался следующей пытки красной нитью. Настолько, что даже решил попробовать в эту ночь вовсе не спать, а чтобы ненароком не уснуть, заварил себе крепкого-крепкого кофе и включил по телевизору какой-то шумный боевик.

Но ни кофе, ни телевизор, ни холодное умывание мне почему-то в этот вечер не помогли. Я, хоть и не чувствовал себя уставшим, в один прекрасный момент отрубился прямо

сидя за кухонным столом, уронив голову на сложенные руки.

Уже погружаясь в вязкое болото очередного сна, я про себя отметил, что телевизор вдруг сам по себе выключился. Будто кто-то невидимый нажал на пульте кнопку «off». Точно так же выключился и я – в одночасье, словно по команде.

Утонув в зыбучих песках Морфея, я обнаружил себя в каком-то странном месте – то ли на вершине очень высокого холма, то ли на утёсе скалы. Пара пучков засохшей редкой травы, мох, серые камни, и, внезапно, одиноко стоящий старый дуб с широкой кроной. Как же он вырос здесь, без земли и воды?..

На самом краю обрыва в пол-оборота ко мне сидела, подтянув ноги к груди, девушка в военной форме. Её неровно отстриженное, взъерошенное русое каре трепал ветер, а правая щека была перепачкана чем-то вроде сажи.

Рваные бело-серые облака бежали по небу, то заслоняя собой тусклое лимонно-жёлтое солнце, то позволяя ему на секунды показаться – и тогда оно лениво кидало блики на плечи девушки, упакованные в китель защитного цвета.

– Привет, – бросила она мне, обернувшись. У неё по-прежнему не было лица, только ярко-алые губы снова искривились при виде меня.

Теперь я понял! Она, наверное, хочет меня убить за то, что я читаю её личный дневник! Что ж, каюсь. Виноват. В этом случае гнев вполне оправдан.

– Ты не обычная девушка, – проговорил я осторожно, са-

дьясь на утёс рядом с ней. – Кто ты такая?

– Я ловец душ. Паук.

– Что значит паук? – переспросил я, взглянув вниз с обрыва. Довольно высоко. Значительно выше, чем мой многоэтажный дом. Интересно, если она меня сейчас скинет отсюда, то смогу ли я вновь собрать свои косточки, проснувшись...

– Я вплетаю твою красную нить в свою паутину и однажды, когда нить кончится, уже не отпущу. Тогда ты больше не проснёшься в человеческом мире.

– Не могла бы ты плести эту свою паутину побыстрее? – сказал я хмуро. – Похоже, что там, в человеческом мире, у меня назревают большие неприятности...

– Это всё ерунда по сравнению с тем, что ты можешь повстречать здесь, по ту сторону. Кое-что ты уже видел. Поверь, у меня ещё достаточно кошмаров для тебя...

– Зачем тебе это?

Девушка пожала плечами:

– Зачем паук плетёт паутину?.. Таким его создала природа. Такова моя суть. Как только я засыпаю, руки сами ткут полотно из нитей чьих-то душ. Сейчас это твоя нить. Она оказалась на удивление длинной. Честно говоря, я ожидала, что всё завершится в первую же ночь.

– А что будет, когда нить закончится? – полюбопытствовал я.

– Ты прилипнешь к моей паутине, словно муха.

– И потом ты меня съешь?! – я хмыкнул.

– Я могу. Но предпочитаю этого не делать. Я кормлю душами моего зверя, – она отвечала спокойно, не уловив в моём голосе иронии.

– Ну правильно, зачем съестному зря пропадать. А что за зверь?

– Астральный. Он очень милый. И очень голодный. Однажды я тебе его покажу...

– А почему не сейчас? – нетерпеливо уточнил я. – И вообще, разве сегодня ты не будешь меня пугать?

– Сейчас нет.

– Чего это?

– Сейчас я не сплю. Но и не бодрствую. Я между сном и явью – под гипнозом.

– Ты сама себя загипнотизировала? Или кто-то другой? И с какой целью?

Девушка приложила палец к губам:

– Не надо больше вопросов, я всё равно не смогу сейчас объяснить. Давай просто помолчим.

Некоторое время мы так и сидели – в тишине, потом я всё же решился:

– Что ж, раз я теперь всё... ну, или почти всё про тебя знаю, а вопросов больше задавать нельзя... тогда пришло время и тебе узнать мою страшную тайну.

Лицо девушки повернулось ко мне, а губы слегка разомкнулись, и я посчитал это знаком заинтересованности. Кос-

нувшись пальцами груди, я вытащил наружу свой кристалл:

– Я бессмертный вампир. У меня нет сердца и души... Вот так-то. Тебе меня не убить.

Для пущей убедительности я покрутил кристаллом в руке, пуская им солнечных зайчиков по камням.

С ярко-алых губ слетел вздох то ли удивления, то ли облегчения. Девушка подняла лицо к небу и воскликнула:

– Ну что, убедился?! – не знаю, к кому она обратилась, но явно не ко мне.

– Пожалуй, – вдруг ответила ей большая серая туча вкрадчивым мужским баритоном.

– Может, тогда хватит? Я замёрзла, меня трясёт...

Ответ неожиданно раздался уже совсем с другой стороны – прямо за нашими спинами:

– Да, – прошелестел старый дуб, и мы оба, вздрогнув, обернулись. – Сейчас я выведу тебя.

– Нам лучше увидеться лично, – взвыл поток ветра, толкая нас к обрыву.

– Приезжай! – стучали сорвавшиеся с утёса камни, катясь вниз и ударяясь о выступы скалы.

«Приезжай, приезжай, приезжай...» – подхватило эхо где-то внизу, в расщелине между скалами. Пространство вокруг затряслось, по нему пошли волны ряби, как по картинке старого телевизора. От этих помех у меня защипало в глазах, а веки наполовину опустились и почему-то стали подрагивать.

Утёс потерял свои очертания, словно поплыл, а потом ис-

казился спиралью, будто закрученный в барабане стиральной машины. Солнце раздулось как гигантский воздушный шар, запульсировало и лопнуло, ослепляя меня ультрафиолетовыми искрами конфетти.

Я зажмурился. Прижал ладонь к груди, возвращая кристалл на место, и в ту же секунду проснулся.

* * *

«Приезжай!..» – стучал утром в моих висках голос невидимого гипнотизёра, такой навязчивый, что я еле уговорил себя его послушаться и поехать на работу.

Перед выходом из дома я едва не забыл про серебряный медальон, но в последний момент всё же вспомнил о нём и вернулся. Надев кулон на шею, я спрятал его под рубашку и прислушался к ощущениям. Лёгкая дрожь холодком пробежала по моему телу, когда металл коснулся кожи. Я с трудом припоминал, когда в последний раз мне было хоть сколько-нибудь холодно – ведь в основном меня мучил навязчивый жар. Может, оно и к лучшему. Слегка охладиться не помешает.

Однако уже через пару десятков минут я пожалел о своём опрометчивом желании. Мало того, что я промёрз до самых костей, будто сидел не в «бобике» жарким летним днём, а в холодильнике, стоящем не иначе как на северном полюсе. Меня колотило так, что зуб на зуб не попадал. По телу

разливалась слабость, похожая на гипогликемическую трясучку, голова кружилась, конечности немели. Как назло, мы встали в пробку где-то на шоссе и ехали на полчаса дольше обычного. Эти полчаса показались мне адом. Меня, вдобавок, впервые в жизни укачало. К горлу подступала тошнота, воздуха не хватало. Я то и дело широко открывал рот, пытаюсь глубоко вдохнуть, но всё никак не мог надышаться.

Пока я ехал во мраке на заднем сиденье «уазика», мне и в голову не приходило, что, помимо всего прочего, у меня темнеет в глазах. Но стоило мне выйти на свет, как пришлось это признать. Ни яркое утреннее солнце, ни кристалл больше не освещали мне дорогу. Было темно, как в сумерках. Я едва различал, куда иду. Да и шёл тоже едва-едва – скорее из последних сил плёлся вслед за бодро шагающим впереди Михаилом.

Дурацкий кулон! За столь короткое время я уже успел всей душой возненавидеть серебро. Интересно, будет ли от него хотя бы какой-нибудь толк?..

Доставив меня до штаба, Лариса на этот раз не осталась, как обычно, в машине, а вышла вместе с нами. Пройдя первой через сканер, она встала так, чтобы видеть монитор. За её спиной, откуда ни возьмись, вдруг нарисовался бесноватый Арсений Павлович. Главный научный сотрудник снова был облачён в чёрную монашескую рясу, а его образ теперь гармонично дополнял большой блестящий крест на толстой, массивной цепочке.

Чёрт возьми, похоже, крест тоже серебряный! Мне показалось, что я даже издали почувствовал этот противный, кислый металлический запах, и меня чуть не вырвало.

Как и в первую нашу встречу, Арсений со мной не поздоровался, он будто бы вообще был где-то далеко отсюда, ни на кого не реагируя. Ушёл в себя – только губы быстро-быстро шевелились, когда он начитывал вполголоса какую-то странную молитву. Ни одного слова я разобрать не смог, то ли он молился не по-русски, а, например, на старославянском, то ли я на тот момент уже был не в состоянии воспринимать слова. В висках шумело, и звуки долетали до меня как будто откуда-то издали.

Я снова перевёл взгляд на Ларису. Охотница, перекатывая во рту жвачку, выжидающе сверлила меня глазами. Её пальцы нетерпеливо крутили металлическое лезвие, слегка постукивая по его острой поверхности. В какой-то момент лезвие соскочило – словно ненароком – и порезало уголком подушечку большого пальца. Разумеется, до крови. На это и был расчёт.

По поверхности лезвия расплзлось алое пятно, но на этот раз меня не проняло. Совсем. Мне было так хреново, что даже не пришлось лезть за чесноком. Вялый как овощ, я проплёлся в кабинку сканера и едва успел выставить руки перед собой, чтобы не упасть. Ладони коснулись белых кругов.

– Всё отлично, проходите, – голос Михаила булькал у ме-

ня в ушах, словно он говорил в стакан с водой.

Однако, в отличие от него, коллеги-фанатики на этом не успокоились. Арсений продолжал монотонным голосом бубнить молитвы, потряхивая козлиной бородой, а Ларочка, под его аккомпанемент, подошла ко мне вплотную и, выжав из пореза ещё несколько капель крови, подставила палец под самый мой нос.

Но и тогда инстинкт хищника не включился. Вместо того, чтобы наброситься на неё и порвать в клочья своими звериными клинками-клыками, я непроизвольно закатил глаза и, теряя сознание, стёк на пол.

– Да очистится мир от скверны! – ликуя, громко воскликнул мне вслед Арсений. – Сгинь, демон!

Мне захотелось в ответ очнуться и отчебучить что-нибудь поистине демоническое, но сейчас это было выше моих сил. Звуки сошли на нет, свет окончательно померк, и я отключился.

Пока я был в беспамятстве, мне почему-то мерещилась Катя, которая, брезгливо морща нос, отвешивала мне щедрые пощёчины. Видимо, всё ещё припоминает тот поцелуй в парке – пронеслось у меня в голове. Остановить ревнивицу никак не получалось – руки вяло висели вдоль тела, как верёвочки, и пошевелить ими я не мог. Язык тоже меня не слушался, вместо слов мне удавалось выдавить из себя только тихий хрип.

– Х... Х... Х!.. Хватит! – выпалил я наконец, отмахиваясь

от неё.

– Глядите-ка, – проблеял вдруг где-то над моей головой голос Арсения. – Живой!

– Вашими молитвами, – слабо простонал я в ответ.

Прежде чем я успел окончательно прийти в себя и открыть глаза, Михаил ещё несколько раз шлёпнул меня со всей силы ладонью по щекам:

– Гриша, вы как? Получше? Может, принести воды?

Глотая воздух ртом как рыба, я мотнул головой и выдавил из себя:

– Мне... срочно нужно в туалет!

Откуда-то у меня вдруг взялись силы на последний рывок. Я взвился в воздух и, растолкав святую троицу, ринулся в уборную.

– Чего это с ним? – басом удивилась Лариса за моей спиной.

– Да диабетик же, – проговорил спокойно Михаил. – Они постоянно ссутся.

Закрывшись в кабинке, я первым делом сорвал с себя кулон и кинул его на дно рюкзака. Опираясь на унитаз, долго стоял согнутым и пытался отдышаться. Живот сводило рвотными спазмами, колени тряслись, перед глазами мелькали чёрные мушки.

Так вот, что имел в виду мой таинственный наставник под «бесчеловечной пыткой». Теперь понятно. Кажется, он ещё строго-настрого запретил мне носить кулон больше двух

дней? Двух?! Дней?! Это шутка, что ли?! Я сейчас едва выдержал два часа...

Выйдя из кабинки, я включил в рукомойнике воду и сделал несколько жадных глотков прямо из-под крана, а потом умылся.

Кристалл постепенно разгорался, согревая меня и заодно приводя в чувство. Пускай себе горит. По крайней мере сегодня – ведь сканеров на моём пути больше не предвидится.

Глава 14. Двадцать один день

«Приезжай...»

На протяжении всего рабочего дня я не мог ни на чём сосредоточиться. Время от времени в моей голове ни с того, ни с сего звучало эхом это «Приезжай...» и отрывало от рабочих дел.

Тем не менее, кое-что понять мне удалось. Например, я подметил, что смоленский сервер рвал соединение при попытке подключения к нескольким определённым кластерам базы данных. Вряд ли это была ошибка со стороны сервера, скорее наоборот, он следовал некой чёткой логике. Вероятно, с этими кластерами было что-то не так, но что именно – без доступа к самим данным я предположить не мог. Перепроверив свою догадку и получив подтверждение, я позвонил администратору и попросил соединить меня с Михаилом.

На просьбу открыть мне доступ к данным, начальник службы безопасности среагировал недоверчиво. Оно и понятно. После переполоха, который я устроил им вчера, это даже не удивляет. Мне пришлось битых полчаса рассказывать Михаилу о трудностях работы вслепую. Потом терпение моё лопнуло, я даже мягко выругался и сказал, что в таком случае должен отказаться от этого проекта, потому что сделать тут ничего нельзя, кроме как фиксить баги в самой

базе данных. Ещё я напомнил ему, что задача нашей компании – устанавливать удалённый доступ, а вовсе не исправлять их базу, в которой, судя по всему, крепко налажали их собственные программисты.

– И даже с учётом всего этого, заметьте, я не отказываюсь выполнить дополнительную работу, – добавил я. – Раз уж я взялся, я готов довести дело до конца. Но я рассчитываю на вашу помощь в этом вопросе. Или, хотя бы, не мешайте.

Михаил, помолчав немного, ответил, что ему нужно время на обдумывание, и он сообщит мне о своём решении в понедельник.

Что ж, так даже проще. Теперь я могу остаток дня пятницы официально бездельничать, занимаясь ерундой. Учитывая отсутствие интернета и телефона, заняться ерундой было непросто, но всё же я отыскал себе дело – на компьютере нашлось простенькое шахматное приложение, а в кармане – та самая пачка сухариков с чесноком.

В общем, я самозабвенно хрустел прямо на рабочем месте и параллельно резался в шахматы с искусственным интеллектом. Но то ли компьютер оказался слабеньким, то ли приложение писал школьник – в течение часа я с лёгкостью поставил четыре мата подряд и быстро заскучал. Поэтому когда в офис неожиданно нагрянула сама Ларочка собственной персоной, я без сомнений отложил очередную партию и с предвкушением уставился на неё.

Нахально сев на край моего рабочего стола, охотница вы-

палила без предисловия:

– Ты не вампир.

– Неа, – подтвердил я с набитым ртом, а потом опомнился. – Простите, что разочаровал. Вы, наверное, фантастику любите?

– Ты не реагируешь на кровь, как вампир, – девица, не тушуясь, гнула свою линию. – Но что-то с тобой не так. Ты слишком нервничаешь. Как на экзамене.

Я покосился на её ягодицы, утянутые пыльными штанами цвета хаки, которые сейчас бессовестно мяли мои бумаги.

– А вот здесь вы правы. Просто я... очень боюсь крови.

– Что, прямо до обморока? – охотница скривила губы в ухмылке. – Шутишь?

– Нет, правда. У меня фобическое расстройство. Я к психологу ходил даже, но не помогло. Как только вижу кровь – сразу теряю сознание. Пожалуйста, не делайте так больше, – я с укором взглянул на Ларису.

Та только надменно фыркнула, мол, слабак. Но попу свою с моих бумаг не подняла. Некоторое время мы молча изучали друг друга. Я хрустел сухарями, а она по привычке перекачивала что-то во рту. Присмотревшись, я понял, что это была никакая не жвачка, как мне казалось раньше, а пирсинг языка, который она гоняла туда-сюда, закусив зубами.

– Знаешь, кто мы такие?

– Весьма условно.

– Рассказать? – и, не дожидаясь ответа, выпалила. – Мы

охотники на вампиров.

Закатав рукава, она продемонстрировала мне свои предплечья – исчерченные от запястья до локтя поперечными шрамами.

– Простите, – я пожал плечами как можно более непринадёжно. – Я простой программист, и в эти сказки не верю. Да и нет у меня времени на сказки. Система до сих пор так и не заработала. Лезу из кожи вон, чтобы понять, в чём причина. А селфхарм сейчас лечится. Хотите, дам вам контакты моего психолога?

– Миха упоминал, что ты встречался с одним из зубастых. Якобы случайно.

– Я в столовую шёл...

– Ну да, конечно, – Ларочка запустила пальцы, увешанные панковскими перстнями, в свой ирокез. Взъерошила его, испортив укладку. – Ты ведь специально тут вынюхиваешь. Не надо вынюхивать, таких здесь не любят. Задавай лучше свои вопросы прямо, я расскажу.

– Хм... Что значат буквы и цифры на вашем кулоне? – выпалил я, прежде чем успел сообразить. Ларочка, к счастью, подвоха не заподозрила.

– Эти? – она вытащила свой медальон из-под топики и перевернула его тыльной стороной.

– Б-07-04425, – прочёл я вслух. – Да, эти.

– У нас два главных штаба. Основной в Смоленске, он обозначается буквой А. Второй здесь, в Москве – буква Б.

Следующие две цифры – это отдел. В СКОКе их семь. Реальные охотники, как я, относятся к седьмому отделу. Арсений и другие научные сотрудники – это второй отдел. Медики и лаборанты – третий. Служба безопасности – четвёртый. Программисты и другой офисный планктон типа тебя – пятый. Есть ещё закрытый, шестой отдел. Они занимаются засекреченными проектами.

– А первый отдел? – показательно зевнув, спросил я.

– Первый – это руководство. Про них ничего не скажу. Знаю только, что все дико боятся какого-то Каспера, которого никто никогда в глаза не видел – ни в живую, ни по видеосвязи. У него несколько замов, вполне нормальные ребята. А сам он капец какая тёмная лошадка. Никто не в курсе, сколько ему лет, как его на самом деле зовут, мужик он или баба. Руководит всеми дистанционно, лица не показывает, даже меняет тембр голоса какой-то прогой. Понятно, почему. Очкует. Шифруется.

– Он тоже работает в Москве? Или в Смоленске?

– Понятия не имею. Каспер вездесущ, – Ларочка хмыкнула. – Он везде и нигде одновременно... А прикинь, если он и сейчас где-то рядом и слышит нас!

Она притворно огляделась по сторонам, потом снова посмотрела на меня и, сделав большие глаза, поднесла палец к губам.

– Ну ладно. Бог с ним. А последние пять цифр?

– Это личный код охотника. Его можно пробить по базе и

узнать досье на сотрудника. По нему же можно определить личность охотника в случае, если ему разmozжили башку или что-то в этом роде.

Я посмотрел на неё с опаской:

– И часто у вас такое бывает?

– В седьмом отделе текучка большая, – Ларочка нервно повела плечом. – Такие вот пироги.

Внезапно она потеряла ко мне всякий интерес. Подняла, наконец, пятую точку со стола и, щёлкнув в мою сторону пальцами, направилась к выходу. Она была уже в проходе между рядами рабочих мест, когда я, выскочив следом, окликнул её:

– Лариса, подождите!

– Чего ещё? – через плечо бросила та.

– Личный код Каспера – четыре ноля и единица?

Охотница резко обернулась:

– Не буду спрашивать, откуда тебе это известно. Хотя нет, спрошу. Копаешься в базе?

Я улыбнулся, изображая простачка:

– Доступа к базе у меня пока нет. Просто предположил, что у него должен быть красивый номер. Я же программист, люблю цифры...

Нахмурившись, она снова приложила палец к губам и, виляя массивными бёдрами, удалилась.

Кто бы мог подумать. Сам Каспер преподнёс мне свой личный медальон охотника. Можно сказать, с барского плеча. Вероятно, он и пишет эти странные анонимные послания, концы которых невозможно отыскать. И настраивает меня против своих же подопечных. Ничего не понимаю. Разве задача главного охотника на вампиров – не ловить вампиров? То есть, меня. Вместо того, чтобы поступить со мной так же, как они поступают с другими пойманными, он зачем-то меня крышует. Что бы всё это могло значить?..

Последние открытия и связанные с ними вопросы оказались для меня слишком уж тяжёлой ношей. Я чувствовал, что в одиночку её на себе не унесу. В этой загадочной схватке охотников с охотниками мне нужна помощь. И не чья-то там, а помощь таких как я. Я не мог больше оставаться один на один со всем этим.

«Приезжай...» – всё ещё шелестел у меня в голове этот пробирающий до нутра голос, от которого веки слабели и чуть опускались, а ресницы, как и во сне, подрагивали.

Вечером, приехав домой, я наконец-то решился изучить детский рюкзачок Влада, к которому до этого дня не испытывал ни малейшего желания прикоснуться. В кармашках нашлось много всего: имбирный пряник, упаковка гематогена, коготь крупного зверя, похожий на медвежий, длинное перо

какой-то большой птицы – белое с чёрными концами, брелок с засушенным скорпионом и уже знакомая мне пустая бутылка из-под детского сока, в которой, как я теперь понимаю, был вовсе не сок.

Но самой ценной находкой был, конечно же, мобильный телефон – маленькая трубка с узким экраном и большими кнопками. Самая простенькая, зато неубиваемая. Когда-то, до всех этих навороченных смартфонов, и у меня была такая же.

Включаться телефон отказывался, что, в общем-то, неудивительно. Сколько времени прошло с тех пор?.. Я бросил взгляд на настенный календарь. Почти три недели. Разумеется, за это время аккумулятор сел в ноль. Пришлось перерыть вверх дном полквартиры, чтобы отыскать свой старый провод – и уже через пару минут маленький экран зажёгся, выдав приветствие.

Телефон был практически пустым. Никаких приложений, даже игр нет. И никакой интересной информации, если не считать одной короткой смски на неизвестном мне языке, на которую я не обратил особого внимания. А вот записная книжка меня привлекла. Она хоть и не радовала обилием контактов, но всё же давала определённую зацепку.

Я прокрутил вниз список. Пять номеров: братик, бабушка, Илона, Штефан, Ян.

«Братик». Тот самый, которого как огня боится Влад. Нет, говорить с «братиком» я пока решительно не готов. «Бабуш-

ка». Уж не этот ли щедрый старичок подарил внуку в качестве презента свой гроб?.. Похоже, тревожить легендарного дедулю я тоже не осмелюсь.

Некоторое время я щёлкал ползунком между тремя оставшимися номерами. Они у меня никаких ассоциаций не вызывали, впрочем и особого энтузиазма тоже.

– А, ладно. Будь что будет! – вслух пробормотал я и кликнул по имени «Штефан». Трубка на некоторое время призадумалась, но вот уже раздался звук соединения, а следом – длинный гудок.

– Алло? – собеседник не заставил долго ждать ответа.

– Здравствуйте, меня зовут Гриша, – нервно сглотнув, проговорил я.

Мысли быстро-быстро закрутились в голове. Что я скажу? Как я всё объясню этому человеку? То есть, наоборот, нечеловеку...

– Привет, Гриша, – отозвался бодрый высокий голос, принадлежащий скорее пареньку, чем мужчине. – Как твои дела?

От неожиданности я завис, не зная, как ответить, потом пробормотал неуверенное:

– В целом нормально...

– Рад это слышать!

– Понимаете, я тут недавно нашёл в лесу этот телефон. В списке контактов был ваш номер. Я подумал, наверное вы знаете его владельца...

– Значит, Владик опять потерял мобильник!

– Вместе с рюкзачком.

– Вот растеряха! Ну, что поделать. Спасибо, что сообщили! Купим ему новый...

– Я могу привести вам старый в любое время, – поспешно выпалил я.

– Да?.. Хм, это было бы здорово, Гриша!

– Куда мне подъехать?

– Записывайте...

Неужели так просто?..

Отключившись, я задумчиво вертел в руках бумажку с адресом. Коттеджный посёлок, про который шла речь, находился довольно далеко. Можно сказать, в прямо противоположной стороне Смоленской области, если прокладывать путь от моей дачи. Шутка ли – маленький мальчик угодил в капкан в почти двухстах километрах от своего дома. Даже принимая тот факт, что он вампир – как ему удалось за ночь переместиться так далеко?! И как, чёрт возьми, он потом вернулся?!

Что ж, приеду и спрошу. Надеюсь, они мне всё объяснят. А заодно отшлёпают своего мелкого хулигана за то, что ввязал меня во всё это.

С некоторым волнением я ходил по комнате и кидал в рюкзак вещи, которые могут пригодиться мне в поездке. Паспорт, права, наличка, пластик. Головка чеснока. Складной охотничий нож. Не серебро, правда, но на крайний слу-

чай сойдёт. Бутылка минералки. Тёплый свитер. Зарядка для телефона. Банка собачьей тушёнки Линкольну – я планировал по пути заглянуть на дачу. Туда же, в общую кучу, отправился и маленький рюкзачок Влада с его содержимым.

Сборы были в самом разгаре, когда мой собственный телефон на полке в коридоре вдруг завибрировал: пришло сообщение в мессенджер. Я с раздражением подумал, что это снова написывает Катя, но тут же вспомнил, что она уже давно в чёрном списке.

«Привет, это Стелла. Нам срочно нужно ехать в Смоленск».

В Смоленск? Срочно?.. Нам?! Я потёр глаза, проверяя, не сплю ли.

С аватарки на меня и впрямь смотрела доктор Вернер: только не со строгим хвостом, какой я видел её оба раза живую, а с распушенными, идеально прямыми блестящими волосами по пояс. Фото как будто из какого-то ресторана, оформленного под средневековый замок. Вечернее чёрное платье с открытыми плечами и довольно откровенным декольте. Рука в бархатной перчатке выше локтя держит бокал с неким бордово-красным содержимым. Вряд ли вино – хмыкнул я про себя. Кровь, не иначе как.

Мне захотелось написать в ответ что-то вроде «Куда только смотрит мистер Вернер», но я сдержался.

«Привет. У меня на эти выходные уже есть планы», – настрочил я.

Выключив звук, я бросил телефон ко всем остальным вещам. Накинул рюкзак на плечо, хлопнул дверью и, не дожидаясь лифта, побежал по ступеням вниз.

Сев в машину, я проложил маршрут до места назначения. Навигатор, увы, ничем не обрадовал: в пятницу вечером на выезде из Москвы собралась пробка. Ехать не меньше шести часов. Я даже присвистнул, прикидывая, во сколько там окажусь. Впрочем, те, к кому я направляюсь, вряд ли рано ложатся спать, а может быть и вообще не спят до рассвета. Главное – не уснуть самому в дороге, особенно после половины бессонной ночи.

Первые два часа пути дались мне относительно легко. Возможно, потому что большую часть этого времени я толкался в пробке. Следующие два часа оказались уже труднее: пришлось открыть окно, чтобы впустить в салон прохладного ветра, и включить музыку погромче. Пару раз я заехал на заправку, чтобы купить кофе. Уже после полуночи я решил ещё и перекусить, и взял себе сэндвич. Возможно, это было моей ошибкой, потому что после еды меня и подавно начало клонить в сон. Я то и дело ловил себя на том, что зрение недвусмысленно размывалось, а голова едва заметно «кивала», падая вперёд. Загородная дорога, как назло, не баловала разнообразием. Трасса тёмная, освещения нет, встречная машина проезжает раз в полчаса, а вдоль дороги по обе стороны покачиваются, словно гипнотизируя, одинаковые чёр-

ные ёлки.

В какой-то момент мне показалось, что я смотрю на эти ёлки не из салона машины, а будто откуда-то снизу, из канавки на обочине дороги. Они становятся такими большими-большими, возвышаются надо мной словно какие-то великаны.

Радио внезапно умолкает, и я слышу, что в этом еловом лесу, оказывается, столько разных завлекающих звуков. Ухает филин, стрекочут кузнечики, свистит соловей, почему-то не спится дятлу. И вдруг – на той стороне дороги – тихий шорох. Я его узнаю. Мышь! Шелестит маленькими лапками, бегая по подсохшей траве.

Я ступаю на асфальт. Шаги у меня мягкие – неслышные. Иду медленно, вернее даже, крадусь. Боюсь спугнуть. Дыхание замирает.

В самом центре дороги выбоина, а в ней – блестящая лужа, в которой отражается полумесяц. Луна пока ещё молодая, не яркая, светит мягким белым светом. Подхожу к луже, опускаюсь к ней носом. Вода пахнет бензином и шинами проезжавших по дороге колёс. И совсем немного – еловыми иголками.

Прижимаю рыжие ушки. Нет, пить нельзя – услышит мышь. Поэтому я просто смотрю на своё отражение и тихо дивлюсь. Ещё минут пять назад я, кажется, был человеком и куда-то направлялся, а теперь я лисёнок с маленькими чёрными глазками-бусинками, и мне никуда не надо. Вот, разве

что, интересно было бы поймать ту мышь...

Ослепительный свет перебивает мои спутанные мысли. Откуда ни возмись из-под горки появляется огромная огненная сфера и с рёвом несётся прямо на меня. Пахнет горячей резиной. Теперь уже совсем сильно. Становится так ярко и громко, что моё тело от страха деревенеет и замирает. Все четыре лапки словно прирастают к асфальту. Я знаю, что нужно бежать, но испуганное тельце меня не слушается, оно всё парализовано ужасом.

Грохочет рёв, тревожно сотрясается воздух. Гигантское солнце разрастается лучами во все стороны и проглатывает меня. Я окончательно теряюсь. Похоже, это конец.

Что-то словно обрывается у меня внутри, и душа падает в пятки. Моя нога резко давит на тормоз. До упора. Визг покрышек больно бьёт по ушам, я дёргаюсь и поднимаю голову, до этого лежавшую на руле...

Машина замерла посреди тёмной, пустой трассы. Отчётливо пахло – нет, даже воняло – стёртыми шинами. Над ярко-горящими фарами плыл молочно-белый туман. Дальше капота ничего не было видно.

По моему позвоночнику змейкой прополз холодок. Я дёрнул ручник, отстегнулся и вышел на дорогу. Совсем маленький лисёнок, месяца три, не больше, сжавшись в комок, сидел на асфальте в метре от моих колёс. Он щурил глазки от слепящего света и дрожал. Видимо, товарищ был очень сильно испуган, потому что даже не попытался меня укусить или

вырваться, когда я взял его под лапы и перенёс на другую сторону дороги.

– Прости, но мышь мы, похоже, всё-таки спугнули, – хмыкнул я, поддавая ему ладонью под зад. От моего прикосновения лисёнок ожил и резво шмыгнул в густую траву. Только белые пятки сверкнули – и был таков.

По пути к машине я, задержавшись, бросил взгляд на своё отражение в той самой луже. Гриша как Гриша. Ничего сверхъестественного. Разве что, чуть более бледный, чем обычно.

«Ровно три недели прошло, – промелькнуло у меня в голове, когда я снова сел за руль. – Сегодня двадцать один день».

Глава 15. Братья по несчастью

Линкольн, видя меня, уже не махал хвостом, как обычно. Просто с подозрением прожигал своими чёрными глазами.

– Понимаю тебя, дружище. Я и сам себя в последнее время не узнаю.

Вывалив в миску консервы, я потянулся, чтобы погладить пса по голове, но тот отстранился. Хорошо, что хотя бы не зарычал.

– В любом случае, ты для меня всегда будешь другом, – сказал я, когда он расправился с тушёнкой. – Как тебе жилось тут без меня? А?

Я снова просунул руку к нему сквозь забор, и на этот раз он позволил мне до него дотронуться. Мои пальцы скользнули по его блестящему боку, пересчитали выпирающие рёбра.

Бедняга, совсем отощал.

– Послушай, Линкольн. Что бы со мной ни произошло, я тебя не брошу. Обещаю. Я о тебе позабочусь. Мы что-нибудь придумаем.

Я взглянул на часы. Полтретьего. Довольно поздно, чтобы заводить разговоры с его престарелой хозяйкой. Она наверняка сейчас видит десятый сон. И, в то же время, уже слишком рано, чтобы ехать к вампирам, потому что на востоке успел наметиться рассвет. Даже если они и бодрствуют по ночам, то надо иметь совесть и учитывать, что летние но-

чи до неприличия короткие, а рассветное время не подходит для дружеских визитов.

Пожалуй, я и сам не прочь всё-таки поспать хотя бы пару-тройку часов.

Поднявшись на крыльцо дома, я вставил ключ в замочную скважину и с удивлением заметил, что дверь не заперта. Но ведь я точно помнил, что закрывал её перед отъездом!..

Вот это да! Похоже, на даче в моё отсутствие кто-то побывал – дом буквально перевернут вверх дном, все вещи раскиданы. Кто бы это мог быть, а главное – что он искал? Ещё и здесь, в богом позабытой деревушке...

Нет, явно это был не вор. Во-первых, воровать тут нечего, а во-вторых, ничего хоть сколько-нибудь ценного не пропало. Например, можно было бы украсть относительно новую газонокосилку, которая стоит в сених – не очень много, но тысяч пять с её продажи получилось бы выгадать. Старенький ноутбук, который я держал на даче в качестве запасного, тоже не пострадал. Хотя его всё же вытащили из секретера и бесцеремонно швырнули на пол вместе со всем остальным содержимым полок. Бабушкин сервиз из ГДР тоже незваных гостей не заинтересовал, а мог бы, при желании, тоже уйти с молотка за небольшую, но всё же не совсем уж несущественную сумму. Посуда была сдвинута с места, а все возможные крышки открыты. Но ни один предмет не исчез. Даже потемневшая серебряная ложка так и торчала в запылившейся сахарнице нетронутой.

Пройдясь по кухонке, я в растерянности вздохнул. Потребуется пара часов, чтобы привести тут всё в порядок. Но ещё больше времени, безусловно, понадобится на то, чтобы понять, кто столь бесцеремонно наведывался ко мне, пока меня тут не было.

Охотники?.. Нет, не думаю. С чего бы им заниматься этой ерундой, когда я и так работаю у них под постоянным присмотром. В конце концов, если бы они захотели копнуть под меня, то залезли бы в мою московскую квартиру. Там, по крайней мере, они могли бы найти хоть что-то интересное. Дневники Светы, например. А здесь ничего интересного не было и нет...

Заварив себе чай, я прошёл с кружкой к мусорке, чтобы выкинуть пакетик. Открыл дверцу, уже занёс руку над ведром и вдруг застыл как вкопанный. Ведро было пустым, хотя я точно помнил, что, уезжая, забыл забрать с собой мешок с мусором.

Сейчас же в ведре не было ровным счётом ничего, даже самого полиэтиленового пакета. Что же это получается... Таинственный вор залез ко мне, чтобы вынести мусор?!

Задумчиво сев за стол, я попытался вспомнить, что там было – в этом исчезнувшем кульке. Пара банок из-под собачьей тушёнки. Картонная коробка, где раньше лежал сахар-рафинад. Упаковка от инсулина и... шприц, которым я делал себе уколы.

Я выдохнул и, согнувшись над столом, запустил пальцы в

волосы. Стало как-то не по себе. Уж не знаю, кто этот человек, но он, в отличие от меня, похоже, что-то обо мне знает...

* * *

Ночью мне снова снилось, что я лисица, только на этот раз уже взрослая – с большим влажным носом и пышным белым хвостом. Я бегал по нашим дачным лесам, и мне было так хорошо. Так легко-легко – где-то вдали от человеческих обязанностей, печалей и забот.

Короче, можно сказать, что я проспал несколько часов без задних лап, но ровно в девять утра меня, как по будильнику, подкинуло на кровати. Я вскочил, наспех умылся и спустился во двор.

– Надежда Петровна! – мне понадобилось не меньше минуты, чтобы вспомнить имя бабки-соседки. Взяв пустую жестянку из-под собачьих консервов, я постучал ей по забору. – Не спите уже?

Старуха отозвалась почти сразу – вышла откуда-то с другой стороны дома, может, копала что-то в маленьком огороде.

– Привет, Гоша! – проблеяла она мне в ответ.

– Я Гриша, – поправил я. – Впрочем, неважно. Как ваше здоровье?

– Не жалуюсь, внучок, – потуже завязав платок, цыкнула она и добавила. – В моём возрасте жаловаться грех.

– Знаете, я хотел с вами поговорить насчёт Линкольна.

– Кого-кого?

– Пса вашего. Линкольна, – я буквально перегнулся через забор и старался говорить как можно громче, практически кричал. – Вижу, вам тяжело с ним.

– Ох, тяжело, милоч!.. Спасу нет никакого!

– Не слушается?

– Не слушается. Совсем... Как жалко, что Стёпки нашего нет больше. Только Стёпочку этот чёрт окаянный признавал!.. Ох, Стёпочка, Стёпочка...

– Примите мои соболезнования ещё раз.

– Плохо-то как всё вышло, – запричитала бабка. – Ни псу, ни нам, ни ему самому покоя нету теперь...

– Кому ему? – уточнил я.

– Кому-кому, Стёпочке нашему. Никак не успокоится он там, – старуха вытерла слёзы кончиком платка. – Всё ходит тут, ходит... к псу своему приходит.

– Стёпа умер, – осторожно напомнил я ей. – Разбился, на мотоцикле.

– Да помню я, Гошенька, помню. Не совсем же ещё я, старая, из ума выжила. Разбился. Но по псу своему скучает. Всё ходит, ходит он тут ночами... Дух нашего Стёпочки... Пса своего навещает...

Я озадаченно вздохнул. Трудно старшему поколению пережить и принять смерть детей и внуков. Больно и до отчаяния невыносимо – настолько, что хочется верить в загроб-

ную жизнь.

Покачав головой, я промолчал – а что тут скажешь – извинился и пошёл обратно в дом.

– Неупокоенный он, – всё причитала мне вслед бабушка. – Мается там... И ведь девка эта, как её, Лена что ли... могла бы пса-то своего забрать.

Услышав эти слова, я остановился на ступенях. Потом сбежал обратно:

– Что вы сказали?

– Да подружка его, которая этого чёрта ему подарила... Лена... или Лина... не помню уже, старая стала...

– А что подружка? – переспросил я почему-то охрипшим голосом.

– Ну, просили мы её пса-то забрать. Тем паче, она это... как её... дрессировщица.

– И что? – нетерпеливо поторопил я.

– Да!.. – бабка только раздосадовано махнула рукой. – Звонили мы ей с дочкой моей, звонили. А она ни в какую. Не могу, говорит, и всё. Как переехала в Москву – так совсем зазналась...

– А телефон её у вас не сохранился?

– Может и сохранился, милоч, это в мобильном смотреть надо...

– Посмотрите, пожалуйста, Надежда Петровна.

– А тебе зачем?

– Отвезу ей Линкольна.

Старуха всплеснула руками:

– Ой, не возьмёт!

– Я попробую ей ещё раз всё объяснить...

Соседка, кивнув, ушла в дом, и её не было довольно долго. Я уже успел скормить доbermanу ещё одну банку тушёнки, полистать рабочую почту и заскучать. Наконец, она снова вышла ко мне, протирая подолом экранчик маленького сотового:

– На, милоч, посмотри сам, какие там цифры. Не вижу уже ничего.

Я послушно взял трубку из её рук и переписал номер телефона. Номер и правда был московский, а его владелицу звали всё же Лина, а не Лена. Во всяком случае, так она была записана.

– Спасибо, Надежда Петровна! Я позвоню ей. На днях попробуем всё уладить.

– Ох, это тебе спасибо, Гошенька...

Мне даже не захотелось в который раз её поправлять. Я вернулся в дом и некоторое время тупил, глядя на собственный мобильный, где теперь горел номер телефона Лины. Похорошему, надо было бы ей позвонить прямо сейчас, но почему-то я не решался. Кристалл ныл в груди, кидая блики на стены дачной кухонки, но его намёков я не понимал. В итоге, проколебавшись минут десять, а может и больше, я сдался. Заблокировал телефон и убрал его в карман.

Позвоню позже. В конце концов, к чему такая спешка. С

этим можно разобраться на следующей неделе, когда я вернусь в Москву. А сейчас пора выдвигаться...

* * *

Ехать к месту назначения было одно удовольствие. Асфальт положили словно вчера – ровный и гладкий. Я раньше никогда не был в этой части Смоленской области и даже не знал, что у нас на Руси бывают такие хорошие дороги. Что удивительно, мне не встретилось ни одной камеры и, похоже, их тут не водилось, судя по безмятежному молчанию навигатора. Я разогнал машину до 160 и, расслабившись, глядел на пролетавшие мимо живописные пейзажи. Лиственный лес сменился сосновым бором, раскидистые ветки скрыли за собой солнце, благодаря чему дорога погрузилась в приятную тень.

Приблизившись к нужному коттеджному посёлку, я сбавил газ. Высоченный кирпичный забор появился совершенно неожиданно, прямо посреди леса, не отгораживаясь от него, а словно объединяясь с живой изгородью. Сосны казались чем-то вроде второй стены: выстроившись вдоль забора, они словно защищали территорию от случайного наблюдателя, не давая проезжающему мимо зеваке рассмотреть, что там, внутри.

В нескольких местах забор был украшен крупным, во всю высоту, замысловатым рисунком, стилизованным под сред-

невековый герб. Чего только не напридумывают современные строители, чтобы привлечь внимание покупателя!

На гербе я разглядел высокие каменные башни-ладьи, наполненную вином чашу, красную розу и, кажется, широко раскинувшиеся кожистые крылья – но насчет последних я не уверен. Вполне возможно, что они всё-таки принадлежали птице, а не летучей мыши. Герб был оформлен такими замысловатыми вензелями, что точно определить, что хотел изобразить художник, сходу не удавалось.

Наконец показались ворота. Высокая, вдвое выше самого забора изогнутая полукругом арка была украшена сверху декоративными остроконечными пиками с бордовыми флажками, а по бокам укреплена толстыми сторожевыми башнями из темного кирпича. Башни тоже смахивали на средневековые, с зубцами по верхнему периметру – правда, ни лучники, ни арбалетчики оттуда не выглядывали, а окна выглядели вполне себе современно. Как, впрочем, и автомат на груди у охранника в камуфляже, который вышел ко мне навстречу.

Страж внимательно рассмотрел мою машину и её номер, поравнялся с водительской дверью, вежливо поздоровался и осведомился, к кому я еду. Попросил предъявить паспорт. Пристально всмотрелся в моё лицо. Потом отошёл от машины, достал мобильный телефон, что-то долго выяснял у собеседника. В конце концов, озадаченно кивнул мне, и протянул назад документ:

– Седьмой поворот направо, там до конца, а дальше не

перепутаете, – и вернусь в свою башню.

Через несколько секунд лязгнули и не спеша раздвинулись мощные стальные ворота.

Дорога повела меня дальше вглубь леса. Я невольно поразился, какую огромную территорию занимал посёлок. Коттеджи располагались на значительном расстоянии друг от друга, и до каждого от центральной дороги было предусмотрено своё ответвление. Рассмотреть коттеджи, не подъезжая ближе, было практически невозможно – все они прятались за деревьями, оставаясь лишь неясными тёмными силуэтами.

Добравшись до седьмого поворота, я поехал по боковой дороге. В воздухе стало как-то неожиданно сыро, невесть откуда взялся туман и окутал всё вокруг. Пришлось сильно снизить скорость и смотреть во все глаза. Спустя пару минут из дымки несмело показался ещё один забор, на этот раз из чёрных металлических прутьев, богато украшенных разнообразными, причудливо изогнутыми вензелями. На автомобильных воротах, ведущих на участок, я разглядел тот же самый герб, что и на внешнем заборе – только там он был нарисован краской на камне, а тут отлит из стали.

Ворота оказались закрыты и, судя по всему, никто не собирался пропускать меня на территорию на машине. Пришлось припарковаться у забора, выйти и позвонить в домофон. Из динамика, вместо привычного пиликания, раздался низкий, протяжный звон колокола.

Что ж, встречайте меня, братья по несчастью. Ау, есть тут

кто живой?..

Глава 16. Без путей к отступлению

В ожидании ответа, я взялся за чёрные прутья и заглянул сквозь них внутрь, на участок. Глаза постепенно привыкали к туману, и первое, что я смог различить – два больших, агрессивно раскрытых в мою сторону хищных клюва.

Грифоны! Воинственно растопырили крылья и выпучили на меня чёрные бусины-глаза. Вздрогнув, я отпрянул назад.

К счастью, мифические хищники оказались всего лишь каменными статуями, но всё же я успел от неожиданности испугаться.

Вверх от входа, охраняемого жуткими птицами, поднималось высоченное, широко раскинувшееся здание. Сначала я смог разглядеть только очертания, но и этого было достаточно, чтобы сложить впечатление о масштабах постройки. Тут даже не коттедж, а прямо замок какой-то! Огромное и мрачное нагромождение башенок, шпилей, минаретов и соединяющих их мостиков. Словно гигантский каменный дикобраз, разозлившись, встопорщил иглы и замер, устремив к небу бесчисленные остроконечные крыши. Серые стены были обвиты густым тёмно-зелёным плющом, как будто кто-то пытался привязать это чудовище к земле и не дать ему сбежать. Строение, замершее в объятиях плюща, грозно смотрело на меня множеством разноцветных очей – большие круглые окна были украшены мозаичными витражами мрачных оттенков.

ков – бордовыми, серыми, синими и зелёными. Дверь главного входа, напоминала раскрытую пасть, из которой протянулись вниз, словно языком, высоченные каменные ступени с красной ковровой дорожкой. Внизу ступени переходили в мост, перекинутый через небольшой прямоугольный пруд, разлившийся перед домом. Мост, тонущий в тумане, вёл к калитке, чуть левее от автомобильных ворот.

Пока я как зачарованный разглядывал помпезное творение архитектора, домофон уже перестал трезвонить. Не похоже, что меня здесь ждали с нетерпением – подметил я, ещё раз нажимая на звонок. Снова раздался колокольный звон, но на этот раз он довольно быстро прекратился.

– Одну минуту! – донёсся из динамика уже знакомый мне высокий голос.

Вскоре входная дверь открылась, и на пороге появился худенький кудрявый парнишка, на вид лет восемнадцать, а то и меньше. Задержавшись на площадке перед лестницей, он расставил руки в стороны и потянулся. Несколько секунд смотрел вверх, любуясь крыльями грифонов, потом картинным жестом смахнул от лица локон шоколадно-каштановых волос и вприпрыжку поскакал вниз по ступеням. Так же легко и беззаботно он пробежался по мосту и вскоре оказался напротив меня, по ту сторону высокого забора. Улыбнулся, прищурив ярко-голубые, василькового цвета глаза:

– Доброе утро, Гриша! – воскликнул он весело. – Как прошла ночь?

– Доброе. Ночь выдалась насыщенной, – я едва сдержался, чтобы не зевнуть. – Вы ведь Штефан?

Вопрос, впрочем, был излишним, я сразу узнал его – по тембру голоса и по этой странной манере говорить чересчур бодро и позитивно. Достав из своего рюкзака маленький рюкзачок Влада, я помахал им в воздухе.

Кивнув, шатен коснулся кнопки, отпирающей калитку. Приоткрыл ровно такую узкую щель, чтобы в неё пролез рюкзачок и забрал его у меня:

– Спасибо, Гриша! Всего хорошего! – он готов был снова закрыть дверь, но я её придержал.

– Подождите. Мне надо с вами поговорить.

– Я не общаюсь с незнакомыми мужчинами, – с каким-то странным жеманством проговорил Штефан и снова потянул калитку на себя, но силы, чтобы закрыть её, ему не хватило.

– Это крайне серьёзный разговор!

– Извини, Гриша.

Некоторое время мы провоевали с дверью – вернее, друг с другом – упрямо тягая её туда-сюда. Потом моё терпение лопнуло, я вдохнул поглубже, стиснул зубы и сделал резкий рывок. Прутья, за которые держался паренёк, выскользнули из его рук. Створка широко распахнулась и, описав дугу в 180 градусов, громко стукнулась о кованый забор.

– Что вы себе позволяете?! – Штефан попытался перегородить мне дорогу. И впрямь, без приглашения врваться в чужой дом было бы не очень красиво, но мои хорошие мане-

ры куда-то испарились. Припомнив всё, через что мне пришлось пройти за эти три недели из-за Влада, я разозлился на всю их семейку сразу. У меня теперь большие проблемы, и я приехал сюда за пятьсот километров, ехал всю ночь, между прочим, а он, видите ли, не хочет даже меня слушать!

– Вы меня выслушаете, – бесцеремонно толкнув Штефана плечом, я прошёл на участок.

– Нахал! – взвизгнул тот. Отскочив, он принялся растирать второй рукой ушибленное предплечье. – Ты... ты!..

Так и не найдя нужных слов, он покраснел, отвернулся и вдруг убежал от меня через мост, взлетел вверх по ступеням и скрылся в доме.

Я же в растерянности остался стоять у ворот. Вот это да! А как же легенды о свирепых и беспощадных вампирах?! Что это за трус?!

Интересно, кем он вообще приходится Владу-младшему?..

– Штефан, подождите! – крикнул я с опозданием и зашагал по направлению к замку-коттеджу. Разумеется, мне никто не ответил.

Участок перед домом был на удивление ухожен. Идеальный, ровно подстриженный газон и выровненные кусты шиповника, которые, несмотря на конец июня, всё ещё цвели.

По обе стороны, вдоль забора – длинные одноэтажные постройки из стекла и чёрного металла с круглой крышей. Сквозь слегка запотевшие стёкла мне удалось различить

много зелени и насыщенные красные всполохи справа, а слева – ярко-белые. Оранжевые. С розами, наверное.

Засмотревшись по сторонам, я даже оступился, сойдя с вымощенной камнем дороги в траву. Похоже, садовник у них старается на славу. Интересно, сколько отваги у этого человека должно быть, чтобы работать на вампиров?..

По мере приближения к дому мой боевой настрой куда-то растерялся. Быстрые и уверенные шаги теперь замедлились. По высоким каменным ступеням я поднимался уже не торопясь, а перед массивной дубовой дверью, охраняемой грифонами, и вовсе задержался в нерешительности.

Аура дома – плотная, тяжёлая и какая-то угрожающая, ощутимо на меня давила и словно выталкивала отсюда куда подальше. Мне потребовалось дополнительное усилие над собой, чтобы решиться войти.

– Штефан! – я дотронулся до увесистой бронзовой ручки, опустил её – незаперто. – Штефан, не бойтесь, я...

Пасть замка с едва слышным шумом отворилась и проглотила меня.

Я попал во мрак прихожей. Тут было прохладно и отчётливо пахло деревом – стены внутри были отделаны тёмным дубом. Похоже, что дубовым был и пол, и перекрытия на высоких потолках, а ещё лестница, ведущая с противоположного конца коридора на второй этаж.

До моего уха донёсся низкий бас с недвусмысленным говорком:

– Чё значит ворвался? Слыш, ты успокойся сначала. Где этот тип?

– Там, – задыхаясь, частил голос Штефана, – в саду! Ян, ну что ты сидишь?! Умоляю, иди разберись с ним!

– Я что, буду по всему саду за ним бегать? – лениво ответил бас. – Если он правда сюда каким-то образом попал, то это его проблемы.

Я хмыкнул. Кажется, момент как нельзя кстати подходил, чтобы о себе заявить. Прошагав по коридору на звук разговора, я оказался на пороге просторной гостиной и выпалил сходу:

– Не надо бегать, я сам пришёл.

– Опа-а... – протянул тот самый бас.

Собеседник Штефана, по-свойски развалившийся на высоком стуле за длинным дубовым столом, оказался широкоплечим бритоголовым качком, похожим на нашего тренера из рабочей качалки. Рельефный торс упакован в обтягивающую чёрную майку. Накаченные руки с выпирающими венами, которые, казалось, вот-вот лопнут, заколоты, от запястья до самых плеч, татуировками в стиле «трайбл». На шее висит кулон-свастика.

– Рыжик, ты принёс нам завтрак? – с издёвкой муркнул мелодичный женский голос.

Я перевёл взгляд на соседний стул. Рядом с качком-скинхедом сидела, похоже, его подружка, хотя по виду – полная противоположность ему. Длинноволосая загорелая блон-

динка с заметно перекаченными пухлыми губами. Стройная, но с большой, явно ненатуральной грудью. Ресницы были тоже под стать губам и бюсту – чересчур большие и ненатуральные.

В отличие от своего товарища, блондинка, надменно выплюнув эту фразу, даже не подняла на меня глаза. Она оказалась занята другим, более важным делом – красила лаком свои длиннющие ногти-лопаты. Лак был кислотно-розовым, как и её короткий топик.

Ненадолго зажмурившись, я снова окинул качка и Барби оценивающим взглядом. Честно говоря, от их вида я настолько опешил, что даже ненадолго усомнился что попал к вампирам.

Может быть, я адресом ошибся?..

Но сразу же понял – какие тут ошибки. Ян, как и Штефан были записаны в телефонную книжку Влада. А куклу, наверное, зовут Илоной. В этот момент, подтверждая мою теорию, в гостиной, сбегав по ступенькам со второго этажа, нарисовался Влад. Увидев меня, мальчик сначала замер как вкопанный, потом бросился к Штефану и вцепился в его штанины, прячась.

– Ты чего припёрся? – грубый голос качка вернул меня к разговору. – Чего надо?

– Вы должны мне помочь, – выпалил я.

– Да ты чё? С чего это?

– Потому что вы виноваты в том, что со мной случилось!

– Я?! – возмутился Ян, расправляя плечи. – А ну повтори. Я? Виноват?!

– Ну, может и не лично вы. Но меня укусил ваш ребёнок!

– Чей это «наш»? – раздражённо спросила блондинка, по-прежнему не поднимая взгляда.

– Откуда я знаю, чей он. Вот этот вот ребёнок, – я указал рукой на Влада.

– Если бы он тебя укусил, дружочек, то ты бы сюда на своих ногах уже не пришёл, – перекаtywая во рту леденец, промурчала Барби.

– А я не уверен, что эти ноги – и вообще, всё это тело – теперь моё. В последнее время, понимаете ли, оно меня совсем не слушается... И вообще, хватит притворяться! Вы что, не понимаете?!

Штефан отрицательно мотнул кудрями. Блондинка проигнорировала мой вопрос и, как ни в чём не бывало, продолжила красить ногти.

– Не понимаем, – пробасил Ян с вызовом. – Объясни.

– Я стал таким же, как вы! – воскликнул я.

– Чё за пургу ты несёшь?! – взревел вдруг тот, вскочив с места. – Ты с кем сейчас себя сравнил, а?! Да ты хоть знаешь, к кому обращаешься, ты, человеческое быдло?! А ну-ка повтори!

Я вжал голову в плечи и притих. Ума не приложу, чем бы это закончилась, если бы откуда-то сверху, видимо, тоже со второго этажа, не раздавался подозрительно знакомый жен-

ский голос:

– Илона, почему Ян так раскричался?

Раздался стук длинных каблуков, и по винтовой лестнице к нам спустилась, на ходу накидывая пиджак, доктор Вернер собственной персоной.

Вот так встреча! Впрочем, если бы вчера я был чуть более внимательным к её словам, эта встреча не показалась бы мне чудесным совпадением. Как минимум, мне следовало выслушать её тогда, а не отшивать сразу, не разобравшись, что к чему.

Наткнувшись на меня, Стелла на несколько секунд застыла прямо на ступенях – так же, как минутой ранее Влад. Потом пробормотала:

– Так... Понятно, – и показательно закатила глаза.

В её взгляде явно читались немые ругательства в мой адрес. Что-то вроде: «Идиот, я бы привезла тебя сюда сама, если бы ты вчера не отказался, а теперь не знаю, как ты будешь расхлёбывать эту кашу».

– Да вот, – рыкнул тем временем Ян, – ворвался какой-то отморозок. Ударил Штефана. Теперь несёт какую-то чушь...

– Ударил?! – Стелла с удивлением взглянула сначала на Штефана, потом на меня.

– Наглая ложь! – буркнул я в своё оправдание. – Он у вас просто слишком... изнеженный.

– Ты слова-то выбирай! – прогрохотал качок.

– Послушайте, я устал препираться. Мне правда нужна

помощь. Три недели назад Влад обратил меня в вампира. Вот, она может это подтвердить, – я указал рукой в сторону Стеллы.

– Я не могу этого подтвердить, – отрезала та в ответ.

После этой её фразы дело запахло жареным.

– Вампир, говоришь... – многообещающе протянул Ян. – Ну, окей. Сейчас проверим, как ты регенерируешь.

Он дёрнул шейю до хруста и с таким же хрустом вправил костяшки на правой руке, ударив кулаком о левую.

Я попятился назад, по направлению к выходу. Получить увесистым кулаком по лицу, даже будучи вампиром, не хотелось бы.

– Давайте как-то иначе решим этот вопрос, – поспешно проговорил я на полпути к входной двери. – Мирно.

– За базар отвечать надо, – рявкнул лысый, приближаясь. – И ваще, с непрошенными гостями у нас разговор короткий.

Я бросил взгляд на Стеллу, но она только безразлично развела руками за спиной у Яна, мол, сам напросился – и всем своим видом дала понять, что вмешиваться в «мужской разговор» не станет.

– Послушайте, имейте хоть каплю сострадания к себе подобному. И потом, вы же понимаете, что бить меня бесполезно, потому что я правда вампир!

– Да хоть оборотень! Мне фиолетово. Нехрен было лезть туда, куда тебя не звали!

– С мужем спорить бесполезно, – фыркнула Илона, разглядывая готовый маникюр на левой руке. – Только сильнее огребёшь.

– Вообще, если быть честным... – проямлил неуверенно Штефан. – Не то чтобы его совсем не звали...

– В смысле? – Ян ненадолго потерял ко мне интерес и повернулся к пареньку.

– Просто... вчера он мне позвонил и сказал, что нашёл мобильный Владика...

– И?

– И я... назвал ему наш адрес.

– Штефан, ты в своём уме?! – прогрохотал лысый. – Назвал? Ему? Адрес?! Ты серьёзно?! Константин нас приберёт!..

Парень что-то забубнил в ответ, а я, пользуясь тем, что про меня на минуточку забыли, снова попятился назад. Но сделать ноги мне так и не удалось – входная дверь за моей спиной вдруг хлопнула, и я оказался без путей к отступлению.

В дом уверенным шагом вошел человек, одетый в нечто похожее на конную форму: фрак чёрного цвета – спереди короткий, но с длинными фалдами сзади, белая рубашка с пышным воротом и манжетами и обтягивающие чёрные брюки, заправленные в высокие сапоги.

Подтверждая мои догадки о его причастности к конному спорту, мужчина повесил на крючок у двери кожаный хлыст.

– А вот, кстати, и он, – мрачно пробасил Ян. – Ну, дер-

житесь.

– Бра-атик! – радостно взвизгнул в этот момент Влад. Отлепившись от Штефана, мальчик бросился в коридор. – Ура, братик пришёл! Наконец-то! Братик, можно я его съем?!

Только «братика» здесь не хватало...

Его длинные блестяще-чёрные волосы были собраны назад в хвост. Он оказался довольно высоким, метра под два ростом, с атлетичной фигурой. Мысленно поставив нас с ним рядом, я ощутил себя маленьким мальчиком, и в моём животе что-то непроизвольно сжалось. Больше всего трепета наводили, наверное, его глаза, которыми он стрельнул в мою сторону – чёрно-карие, с едва заметным зрачком. Кожа век под ресницами была тёмной, будто их подвели карандашом, что наделяло взгляд хищнической выразительностью. У людей я такого никогда раньше не видел, разве что у кошек или зверей посерьёзнее.

Сняв перчатки, он бросил с порога будто бы между прочим:

– Угомонитесь. Это я пригласил нечистокровку.

Глава 17. Константин

Все притихли. Ян вернулся за стол, Штефан как-то потерянно сел напротив него, а Илона продолжила красить ногти. Не успокоился только Влад. Как ни в чём не бывало, он продолжал скакать вокруг Константина, повторяя:

– Братик, можно я его съем? Братик, братишечка, можно?! Ну пожалуйста! Он такой сладкий! Разрешаешь?..

Штефан, чуть помявшись, вполголоса продолжал оправдываться перед Яном:

– Ну, а что такого я сделал? Он просто привёз нам телефон. Вот он, кстати, – голубоглазый выложил трубку на стол. – Видишь, трагедии не произошло. Ничего критичного. Тем более, подумай, если он тоже вампир, а не человек...

– Даже если так, нечистой крови не место в нашем доме! – прогрохотал Ян, треснув кулаком по столешнице. – Не о чем тут думать!

Илона, едва успев вовремя схватить опрокинувшийся на бок пузырьёк с лаком, отвесила мужу подзатыльник. Тот возмущённо посмотрел на неё. В воздухе явственно запахло бытовой ссорой.

Испугавшись, что крепыш вот-вот врежет если не Штефану, то блондинке, я повернулся к Константину. Безусловно, именно он из всей их компании был тут вожаком, и, по-хорошему, ему следовало вмешаться, чтобы остудить их пыл,

однако сейчас воюющая парочка его совсем не интересовала. Он даже не удосужил их взглядом. Вместо этого прошёл вперёд и начал водить носом в воздухе, будто обнюхивая пространство комнаты. Его выразительные глаза бегло двигались слева направо, словно он читал невидимую книгу – сначала скользнули по потолку, потом по стенам, потом вдоль пола. Без сомнения, он прочёл заодно и всю мою подноготную, потому что очень быстро нахмурился и обеспокоенно взглянул на Штефана:

– Он трогал тебя, – это прозвучало скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Не переживайте, я не сделал ему ничего плохого, – поспешно пояснил я, с трудом проглотив животный страх. – Мы не дрались. Я просто... Просто слегка толкнул его, чтобы пройти в дом.

– Это правда, я не пострадал, – тихо подтвердил Штефан.

Потом эти двое снова переглянулись, на этот раз уже без слов, после чего лицо Константина разгладилось:

– Я тебя понял, – он кивнул и, наконец, переключился на ноющего Влада, который всё это время настойчиво дёргал его за рукав. – Малыш, успокойся. Этот дядя уже не съедобный. Придётся скушать что-то другое.

Стелла подсунула Владу упаковку гематогена, которой он тут же принялся самозабвенно шуршать. Константин тем временем подошёл ко мне и склонился к самому моему уху:

– Я ждал тебя... – в его полушёпоте, несмотря на холод-

ность и сдержанность, сквозила какая-то брезгливая неприязнь. – И вот, ты пришёл. Что ж, посмотрим, кто ты такой...

Как голодный лев он обошёл вокруг меня, принохиваясь. Потом внезапно низким глухим голосом проговорил:

– Зовут Григорий. Живёт в Москве. Работает программистом. Не женат, детей нет. Двадцать пять или двадцать шесть лет...

Сделав ещё один глубокий вдох, уточнил:

– Пока только двадцать пять.

А ведь угадал!

– Родился в декабре, – добавил вдогонку Константин, стоя за моей спиной.

Я с удивлением повернулся к нему, чтобы сказать, что он снова оказался прав, но слова застряли у меня в горле. Вернее, он меня перебил:

– Должен был умереть в двадцать восемь. От диабета.

– И он, глядите-ка, ещё жалуется! – фыркнула Илона. – Тебе несказанно повезло, красавчик, что ты смог вылечить-ся!

– Разве я вылечился? Я... – меня вдруг затрясло, то ли от внезапно накотившего голода, то ли от возмущения. – Из-за вас я заболел ещё более страшной болезнью!.. Да лучше бы я от диабета сдох!..

– Стэн, кто его обратил? – едва слышно прозвучал голос Штефана.

Наверное, Стэн – это такое своеобразное сокращение от

«Константин», подумал я. На западный манер.

– Хороший вопрос, – отозвался брюнет, подтвердив мою догадку. – Сейчас узнаем...

Он снова подошёл ко мне близко, почти вплотную. Коснулся длинным ногтем моего подбородка и отодвинул голову вбок. Склонился к шее, сделал шумный вдох и тут же повернулся к Владу, оголяя клыки. Одним прыжком он оказался у стола, за которым сидел, чавкая гематогеном, мальчишка, и заорал на него так, что пошатнулась хрустальная люстра на потолке:

– Ах ты, маленький гадёныш!!! Сколько раз я тебе говорил, не кусай людей!!! А если кусаешь, глупая твоя голова, то сразу же убивай!..

«Нормальный такой совет пятилетнему ребёнку», – про себя подметил я, но решил от греха подальше не вмешиваться в воспитательный процесс.

– Я не виноват, – воскликнул мальчик, – это всё собака! Если бы не она...

Подскочив к брату, Константин схватил его за ухо и вытащил из-за стола:

– Марш в свою комнату! В гроб! Ты наказан!!!

– Не хочу в комнату! Не хочу спать! Хочу гулять! Хочу крови! Ыыы... – незамедлительно занял малыш, но его слезливый протест был полностью проигнорирован.

Следующие несколько минут Константин ходил кругами по просторной гостиной, пытаясь успокоиться, а все осталь-

ные молчали, выжидающе следя за его передвижениями.

– Может быть, перекусишь? – спросила его Стелла. – Ты, наверное, устал...

Вместо ответа Константин сел рядом со Штефаном за стол и резюмировал:

– Отпускать его живым нельзя.

– Точно, – рыкнул Ян. – В два счёта нас сдаст!

– Я привезла ягод, – спокойно продолжала Стелла. – Очень вкусные. Черешня сладкая-сладкая. Клубника большая и сочная, а голубика с кислинкой, как ты любишь. Сейчас положу. А потом уже подумаем, что делать дальше.

– Что тут думать-то, – возмутился качок. – Надо заканчивать с ним сейчас же!

Послышался шум воды, это Стелла мыла ягоды. Константин молчал, изредка вода носом в воздухе и принюхиваясь.

– Я согласен с Яном, – проговорил он, наконец. – Всё слишком запутано. Его нужно убрать, и чем раньше, тем лучше для всех нас.

– Принести серебряный кинжал? – тихо спросил Штефан, как-то по-собачьи заглянув в лицо брюнету.

– Не надо, – мягко ответил ему тот, коснувшись пальцами его лежащей на столе кисти. – Не волнуйся. Я сам всё сделаю.

В этот момент Стелла, ставя перед ними стеклянное блюдо, доверху наполненное ягодами, громко стукнула днищем о столешницу. То ли не удержала тяжёлую посудину, то ли не пришла в восторг от решения мужчин. Штефан вздрогнул

и отдёрнул руку.

– Не могу с вами согласиться, – тихо добавила врач, и остальные удивлённо на неё посмотрели, будто бы спорить с Константином тут было не принято.

В воздухе на несколько мгновений повисло осязаемое напряжение, но потом брюнет прохладно спросил:

– А в чём я не прав, Стелла?

Во всём не прав! Почему-то мне не верилось до конца в то, что я вот так могу взять и умереть, поэтому их решение меня скорее рассердило, чем напугало. Виданное ли дело – убивать себе подобного?! Даже животные так не поступают! И потом: разве я в чём-то виноват?!.. Нет, чёрт возьми, этот Константин сам виноват, что не смог уследить за младшим братом!.. Давай, Вернер, хоть ты защити меня. Призови этого типа к гуманности!

– Да, в этой истории много непонятного, – не тушуясь и не обращая внимания на удивлённые взгляды остальных, Стелла принялась объяснять ему свою позицию. – Этот парень и сам до конца не понимает, кто он. Он уже не человек, но в то же время ещё не вампир. И ему плохо – только посмотри на него! Он слаб, голоден, абсолютно беззащитен и приполз к нам за помощью...

Только не приполз, а пришёл, но в целом всё верно – я тут за помощью, а не за эвтаназией! Я даже внутренне приободрился, радуясь, что в этой странной компании всё же нашёлся хотя бы один относительно адекватный персонаж. Но тут

врач невозмутимо пояснила:

– А если он для нас не опасен и, более того, сам заинтересован во взаимодействии с нами, то мы можем использовать его как живую приманку для выхода на Каспера и его людей. Кстати, тебе удалось сегодня что-то разнюхать?

Напоминание об уже известном мне Каспере исказило ещё секунду назад хладнокровное лицо Константина, и он недовольно буркнул:

– Нет, ничего. Я сбился со следа, совсем не чувствую его. Он будто бы провалился сквозь землю...

– Тогда нечистокровка мог бы стать неплохим вариантом, чтобы не пришлось рисковать кем-то из нас.

– Хорошая попытка, Стелла, – смотря на меня, Константин не переставал принохиваться. – Только есть одна проблема. Он уже знаком со СКОКом. Он работает на них.

Раздалось сразу несколько удивлённых ахов – со стороны Стеллы, Илоны и Штефана. Ян молча вскочил и, подняв в воздух увесистый дубовый стул, занёс его над моей головой – готовый в любой момент разможжить мне висок.

– Это ещё один вопрос без ответа, – поспешно проговорил я. – Я сам не знаю, на кого я работаю. Может, хоть вы мне скажете, что это за клоуны?!

– Клоуны... – Константин ухмыльнулся и поднял вверх раскрытую ладонь. – Ян, подожди. А «клоуны» ведь не знают, что он вампир. Как интересно... и в то же время, как трудно... Ходьба по тонкому лезвию...

– Он не опасен для нас, – повторила Стелла. – Тем более, я держу его нить.

– Весьма неэффективно ты её держишь, – сострил брюнет, – толку от этого мало.

– Я в любой момент смогу его остановить.

– Ненадолго.

– Он просто пешка...

– Слишком опасен для пешки, – отрезал Константин. – Ладно, я услышал. Возьмём паузу. Отдохните пока. Поешьте.

Ян с грохотом опустил стул на пол. Вернер тоже выдохнула и расслабила приподнятые, напряжённые плечи. В изнеможении опустилась на свой стул – будто недолгий разговор с Константином выжал из неё все соки – и отправила себе в рот ягоду голубики. Глядя на неё, я почувствовал, как мой собственный желудок голодно сжался, но меня к столу, понятное дело, никто не пригласил.

Постояв так пару минут, я осмелился снова привлечь к себе внимание и выпалил:

– Я ухожу!

– Что-о?! – задохнулся Ян, будто очнувшись. – Уходит он, ага, конечно!

– Ухожу! – повторил я, направляясь к двери. – Я приходил к вам за помощью, но, видимо, ошибся адресом, а плясать под вашу дудку не собираюсь! Ищите Каспера как-нибудь без меня...

– Ты остаёшься, – спокойным, медленным голосом, растекающимся по пространству словно горячий мёд, проговорил Константин.

– Нет! Я... – я хотел ещё раз повторить «ухожу», но язык перестал меня слушаться. Константину же, в отличие от меня, не нужно было повторять дважды. Мои глаза встретились с его глазами и словно зацепились за какой-то невидимый крючок. Я так и застыл, не в силах отвести взгляда.

Повсюду поплыл неведь откуда взявшийся сизый туман, как будто кто-то открыл все окна и двери и впустил его с улицы. Обволакивая меня, он ослаблял тело, лишал воли и прежней уверенности в себе. Мои глаза защипало, а веки наполовину опустились и мелко-мелко задрожали, как тогда, во сне.

Чем больше я внутренне сопротивлялся, силясь сказать это застрявшее «ухожу» – не говоря уж о том, чтобы просто развернуться и уйти – тем сильнее болела моя голова где-то в районе затылка. В конце концов, уже чуть ли не воя от боли, сковавшей тисками череп, я сдался:

– Понял. Остаюсь.

Туман отпустил меня, головная боль скользнула вниз по позвоночнику и исчезла.

– Разумное решение, – прошелестел голос Константина. – Молодец.

– Чёртов гипнотизёр, – бормотал я, ходя кругами по выделенной мне спальне для гостей.

На посёлок уже опустился закат, однако утренний туман так и не рассеялся, а трансформировался в вечерний, поэтому из окна почти ничего не было видно.

Находиться здесь не хотелось, но и уйти я не мог. Каждый раз, когда я, подумав об этом, направлялся к двери, мои ресницы снова начинали дрожать, а затылок – неметь от боли. Сделав один-два шага, я останавливался и прощался с мыслью о побеге.

Константин пока не давал больше никаких указаний. Просто велел честной компании налить мне крови в случае, если я проголодаюсь. Прямо так и сказал. Признаться по правде, я уже тогда был жутко голодным, но принимать еду из рук врага наотрез отказался. Вместо этого просто закрылся в комнате и теперь ходил по ней, словно загнанный в ловушку зверь.

Вечер плавно перетёк в ночь, за окном потемнело. На территории коттеджа-замка не оказалось ни единого фонаря, поэтому теперь в окне нельзя было разглядеть ничего, даже клубов тумана.

Первое время из соседних комнат до меня доносились какие-то шорохи и приглушённые голоса, потом и они умолк-

ли. На втором этаже стало совсем тихо, ни звука. Только, если прислушаться, тикали где-то, чуть слышно, настенные деревянные часы. Получается, вопреки легендам, вампиры всё-таки спят ночью, а вовсе не охотятся.

Впрочем, имея огромный двухдверный холодильник, заполненный снизу доверху донорской кровью, зачем им охотиться?

Я сел за письменный стол и подпёр голову руками. В отличие от себе подобных, мне спать совсем не хотелось. Высокая пафосная дубовая кровать с острыми пиками до потолка и тёмно-бордовым балдахинном, конечно, привлекала к себе эстетическое внимание, но это был скорее праздный интерес. Сон ко мне совсем не шёл. Может оно и к лучшему. Сегодня мне хватило кошмаров в течение дня.

Часа в два ночи в мою дверь тихо постучали. Это даже скорее был не стук, а просто кто-то поскрёб по деревянному наличнику, как кошка когтями. Следом за этим дверь приоткрылась, и я услышал полушёпот Стеллы:

– Волков, выходи. Надо поговорить.

Надо – значит, надо. По сути, выбора у меня и не было: или сидеть здесь и дальше в одиночестве и неведении, или подчиниться строгому наставлению врача. Я выбрал второе.

«Вот хитрая!» – про себя отметил я, выйдя в коридор. Сейчас Стелла была одета в чёрный шёлковый халат с воротником-стойкой, накинутый, судя по всему, на ночнушку. Кажется, я впервые увидел её вживую с неофициально рас-

пущенными волосами. Разве что макияж на ночь не смыла. И перчатки не сняла, а так вполне себе домашний прикид. Короче, сделала вид, что, якобы, собралась спать, а сама подождала, пока все уснут, и пришла ко мне, чтобы устроить разнос.

Спускаясь следом за ней вниз по лестнице, я с удивлением поймал себя на том, что смотрю вовсе не себе под ноги и не на ступени, а на её колени. Вот так новость. Кажется, в последний год я вообще забыл, что существуют другие женщины, кроме Кати, и уж тем более о том, что у них есть колени. Неужели, я наконец-то начинаю выздоравливать?..

– И что это было? – с укором спросила Стелла уже своим обычным голосом, садясь в кухне за стол напротив меня. – Не стыдно тебе?

– Где? – аккуратно переспросил я, всё ещё думая о коленках.

– Здесь. Весь этот спектакль. Зачем ты сюда притащился? Почему не выслушал меня вчера?

– А... Не знаю, – честно признался я. – Может, это тоже гипноз Константина?

Стелла вдруг занервничала. Она снова встала и, подойдя к холодильнику, вытащила оттуда высокую бутылку из тёмно-зелёного стекла. Я принюхался. Нет, не кровь. И, скорее всего, не вино, так как повода нет.

– Гранатовый сок? – я хмыкнул.

– Твой любимый.

– Ты привезла? Получается, ты знала, что я буду здесь?

– Догадывалась.

Достав с полки два бокала, она снова села напротив меня.

– Значит, ты мой палач, – заключил я, скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Паук, – поправила она, ненадолго задержавшись с открытой бутылкой в руке.

– В данном случае разница не большая, – отобрав у неё бутылку, я сам неторопливо разлил содержимое по фужерам. – Тот второй голос во сне, у обрыва, был голосом Константина. Он, приглашая нас пообщаться лично, по сути загипнотизировал обоих. Теперь понятно, почему я весь день пятницы не мог выкинуть его шёпот из головы. И в итоге притащился сюда, сам того не желая.

– Думаешь, я сама хотела писать тебе и куда-то звать? – губы Стеллы искривились в ухмылке.

– Можно было предположить, что без магии тут не обошлось, – я слабо улыбнулся в ответ. – Ладно. Теперь рассказывай. Про красную нить.

– Это моя сверхспособность, – Вернер сделала глоток из бокала. – Я тактильная.

– Поэтому постоянно в перчатках?

– Да. Любой, чью руку я трогаю, может стать моей жертвой. Мне достаточно просто прикоснуться к его венам – а на руке вен предостаточно – и я уже держу его красную нить. А дальше дело за малым. Ночью, засыпая, я плету паутину,

распуская его жизнь. Паук – единственный тип вампира, которому не нужно пить кровь, чтобы выжить. Мы можем питаться жизненной энергией. Душами.

Не то чтобы я раньше страдал арахнофобией, но мне стало вдруг как-то противно, аж передёрнуло.

– С тобой что-то пошло не так, – продолжала Стелла. – Почему-то я не могу тебя убить.

– Может потому что я вампир?

– Нечистокровка всего лишь, ещё и не до конца инициированный. Такие мне точно по зубам, – хмыкнула Стелла. – Дело в чём-то другом. Каждый раз ночью я полностью разматываю твою красную нить, она у тебя довольно короткая, как у человека. Но за следующий день она полностью восстанавливается. Так я и прихожу снова и снова, мучая и тебя, и себя. Честно говоря, я была в полном замешательстве, поэтому и рассказала об этом Константину. Надеялась, что он поймёт, в чём дело.

– И как?

– Пока молчит.

Я тоже умолк, прокручивая в голове услышанное, потёр подбородок, потом заключил:

– Что-то всё равно не сходится. Я ведь не трогал тебя. А ты меня. Тогда, в больнице, когда мы познакомились, ты уже была в перчатках. И мне уже снились эти сны.

– Да, – кивнула Стелла. – Здесь вообще много странно-стей. Мы встретились именно потому, что я уже держала

твою красную нить, а не наоборот.

Я тоже сделал глоток сока. Потом ещё один. Почесал в затылке. И вдруг меня осенило:

– Послушай, ты, наверное, можешь «ловить» людей не только напрямую, но и через предметы, к которым ты прикасаешься.

– Могу, – кивнула Стелла, вскинув бровь. Наверное, удивилась моей сообразительности. – Поэтому на мне на самом деле не одна, а две пары перчаток. Под этими, бархатными, ещё одни. Медицинские.

– Жесть, – выпалил я. – И давно ты так... предохраняешься?

– Как только поняла, что умею бесконтрольно убивать, – строго отчеканила Стелла. – Поэтому и не могу сейчас понять, каким образом я тебя поймала. Есть идеи?

Есть. Но к таким откровениям я пока не был готов. Во всяком случае, прямо сказать про чужой дневник духу не хватало. Я притих, мысленно перебирая в голове варианты. Нет, эти записи, разумеется, принадлежат не Стелле, их написал человек, а не вампир. Получается, они каким-то образом во время войны попали к ней в руки. Но как? И где? А главное, зачем?!..

– Давно вы переехали в Россию? – задумчиво спросил я.

– Не очень.

– А поточнее?

– В военные годы.

– Так это же было восемьдесят лет назад!

– Да говорю же, недавно, – непринуждённо ответила Вернер.

Ну, да. Для вампиров, наверное, это и впрямь недавно.

– А зачем?

– Это долгая история.

– Хотя бы в двух словах.

– В другой раз.

– Когда?

– Когда определишься, с нами ты или против нас.

– Ну... не зря же ты спасла меня от серебряного кинжала.

– Хотелось бы верить, – фыркнула врач.

Хотелось бы верить, что спасла? Или что это было не зря?.. Любит же она говорить загадками.

– Зачем ты взялась переубеждать Константина? – вслух выпалил я. – Кажется, это была нелёгкая схватка.

– Точно. Константин ментал. Силой мысли он может заставить других делать что угодно, поэтому спорить с ним очень сложно. А ещё, как ты уже понял, он экстрасенс-нюхач. Может за пару секунд по запахам рассказать всё прошлое и настоящее или предвидеть будущее.

– Короче, из всех вас он самый опасный тип, – резюмировал я.

– Он потомок Дракулы. Из рода Цепешей.

– Да, я помню. Внук, кажется. Так всё-таки, зачем ты с ним сцепилась?

Стелла вдруг отвернулась. Долго рассматривала довольно пузатую, но ещё не до конца полную луну, заглянувшую в окно кухни. Потом всё-таки решилась:

– Ты нам нужен, Гриша.

– Это не отвечает на мой вопрос. Зачем это лично тебе?

– Однажды я поклялась, что во что бы то ни стало найду Каспера.

– И что ты будешь с ним делать?

– Убью.

– Ты же врач! – возмутился я.

– Отбрось, наконец, эти свои человеколюбивые замашки.

– Что он сделал тебе такого плохого? – недоумевал я. –

Подумаешь, мало ли на всём белом свете этих охотников на вампиров...

– Можешь быть уверен, этот – особенный.

– Чем же?

– Он забрал самое дорогое, что у меня было.

– Девственность, что ли? – ляпнул я. – Твой бывший парень?

– Чёрт, какой же ты всё-таки идиот! – сквозь зубы процедила Стелла и выскочила из-за стола.

Рассерженно швырнув свой бокал в раковину, доктор Вернер оставила меня наедине с моим новым диагнозом.

Глава 18. Пешка

«Они могут тебе понравиться, а могут не понравиться. Но, как бы то ни было, не расслабляйся. Помни, что в первую очередь они, несмотря на то, что носят обличие человека, звери. У них нет сердца, и никогда его не было. Они ведомы инстинктами.

С ними невозможно договориться. Их можно только взять силой или перехитрить».

Такое короткое письмо внезапно пришло мне на рабочую почту в воскресенье утром. Подписи не было, но я и без неё понял, что это была очередная весточка от того самого Каспера – будущей жертвы Стеллы. Если у неё, конечно, получится.

Что-то мне подсказывало, что этот Каспер отнюдь не так прост, если сам Константин Цепеш – нюхач и гипнотизёр – до сих пор не может его вычислить и найти.

Выйдя из комнаты в коридор, я огляделся по сторонам. Никого. Только масляные портреты угрюмо смотрят на меня с тёмных стен. Портретов тут висело много, штук двадцать точно, но ночью я их не заметил. Может потому что пребывал в шоковом состоянии, а может из-за того, что краски на всех картинах сливались по цвету со стенами – коричневые, синие, зелёные, бордовые, серые – и даже золочёные рамы покрыты сверху чернением.

На мрачных портретах были изображены мужчины, женщины, дети. Казалось бы, самые обычные. Только не улыбаются. А внизу под каждым изображением подписаны две даты, разделённые тире: 1250-1509, 1314-1580, 1505-1801, 1616-1644, 1728-1935 – и так далее.

По моей спине прошёлся холодок. Кто бы мог подумать, что вампиры тоже смертны. Пока не увидишь наглядно такие цифры, как-то этого не осознаёшь...

Я шёл вдоль длинного коридора, проводя рукой по краешку рамы каждого портрета. Мне казалось, что так я прикасаюсь к истории. И история оставалась на моих пальцах толстым слоем пыли. Только один портрет – самый последний в длинном ряду павших вампиров – оказался чистым. То ли пока не успел запылиться, то ли не запылилась ещё память о нём в сердцах его близких...

Хотя, о чём это я. Какие ещё сердца. Они же, если верить Касперу, бессердечные.

Когда я, наконец, спустился вниз, вся честная компания уже поджидала меня в гостиной. Даже Влада выпустили из гроба и разрешили присутствовать на завтраке.

Илона снова красила ногти, на этот раз в ярко-оранжевый, Ян, сидя рядом с ней, пил какую-то странную бурду из большого спортивного шейкера. Принюхавшись, я так и не понял, что это. По цвету розовато-красное и немного пахнет кровью, но в то же время с мутно-белым осадком и химическим запахом, как у спортпита. Спросить, разбавляет ли он

протеиновый коктейль кровью вместо воды, я не решился. Во-первых, он и так на меня очень недобро зыркнул, а во-вторых, к горлу подступила тошнота, и я поспешил поскорее переключиться с этого мерзкого напитка на что-нибудь другое.

Константин и Штефан о чём-то тихо говорили и, кажется, были так увлечены беседой, что даже не обратили на меня внимания. Разве что Цепеш, едва я вошёл в гостиную, чуть заметно дёрнул носом и на секунду оскалился.

Стелла, стоя спиной ко мне у раковины, мыла бокалы.

– Доброе утро, – бросила она через плечо, не оборачиваясь. – Выспался?

– Шутишь, наверное, – буркнул я. – Нет. Зато было время подумать...

– Похвальное занятие. Когда-то пора начинать.

Судя по её голосу, она ещё не перестала злиться.

– Извини, – поспешно вставил я и тут же поймал на себе взгляды остальных. Наверное им стало интересно, что между нами такое произошло, за что я вдруг извиняюсь. – Думаю, я ночью ляпнул лишнее. Я не хотел тебя обидеть...

– Ах, брось. Лучше скажи, что надумал.

– Я помогу вам.

– Разумное решение, – хмыкнула Стелла.

– Не то чтобы я изменил своё мнение по поводу всего этого, – сказал я, садясь на свободный дубовый стул. – Просто...

– Просто?.. – Стелла поставила передо мной чистый бо-

кал.

– Я подумал, что... если без меня вам и впрямь не обойтись... Ну, то есть, без приманки... или как ты там говорила... для Каспера... То, в общем, я на это готов.

Её ледяные светло-серые глаза смотрели на меня, не моргая.

– Даже не скажешь спасибо? – спустя минуту игры в гляделки я снова нарушил тишину.

– У тебя не было выбора, – холодно бросила она, отворачиваясь.

Передо мной приземлился пластиковый пакет с «завтраком». Не очень-то любезно она кинула его на стол, как будто еду собаке.

– А вот это лишнее, – проговорил я слегка раздражённо. – Кровь я пить не буду. Предпочту сохранить человеческое лицо.

– Гриша, ты не человек, – настойчиво напомнила мне Стелла. – Ты вампир. И у тебя ломка.

– Да какой из меня вампир! – меня её слова почему-то даже немного оскорбили, и я зачастил. – Я не зверь, я человек. У меня есть душа. Есть сердце. Человеческие чувства, в конце концов!.. Да я... я даже мяса не ем! Уже шесть лет как вегетарианец!

Ян, услышав это, фыркнул и громко загоготал. Штефан показательно закатил глаза, Константин нахмурился. Илона вообще никак не среагировала – она продолжала красить

ногти, как ни в чём не бывало.

Стелла снова подошла ко мне. Тонкими пальцами, прямо в перчатке, осторожно коснулась моего лба – сбоку, у виска.

– Так и знала, у тебя жар.

– И он весь белый, как тряпка, – надменно промурлыкала себе под нос Илона, не поднимая взгляда от ногтей.

– Слышь ты, вегетарианец, – издевательски окликнул меня Ян, – ты давай завязывай со своей дурацкой диетой. Давно пора. Мужику нужен протеин!

– Спасибо, я как-нибудь сам решу этот вопрос, – уже без напора проговорил я.

– Ох уж эти нечистокровки, – вздохнул Константин и перечислил, пародируя меня. – Душа, сердце, чувства... Стелла, расскажи-ка ему, кто он такой и что у нас тут происходит.

Не знаю, было ли это гипнотическим внушением, но врач послушалась:

– Вампиры делятся на чистокровных, нечистокровных и обращённых, – начала она издалека. – Чистокровные – это мы: Константин, Штефан, Ян, Илона, Влад... и я. Наши родители были вампирами, и мы с рождения имеем кристаллы. Сердца у нас нет. Души тоже. Когда чистокровный вампир кусает человека, он убивает его. Поэтому считай, что ты, Гриша, уже умер. Просто твоё тело, из-за того, что из него выпили не всю кровь, осталось жить. Но ты уже не человек. У тебя в крови осколок кристалла. Ты инициированный нечистокровка. Теперь тебя нельзя убить, как человека. Только

не потому, что ты бессмертен, как мы, а потому что ты уже мёртв, видишь разницу?

– Но я ведь живу. Я дышу, чувствую. У меня даже есть теперь некая сверхспособность!.. Я... я как-то по-особому ощущаю других живых существ...

– Он оборотень, – бросил Константин. – Как Влад, только астральный. Превращаться полностью не сможет, но входить в тела животных, например, во сне – вполне.

Так вот, что случилось со мной тогда, на трассе! А Влад, получается, умеет силой мысли превращаться в животных прямо целиком?! То-то он мне пытался рассказывать в лесу про то, что любит быть волком, а мышками и птичками не любит. Видимо, так он и попался в серебряный капкан – бежал волчонком по лесу...

– Твои сверхспособности будут проявляться слабее, так как у тебя лишь осколок кристалла, – разъяснила Стелла, – но так или иначе они похожи на сверхспособности того, кто тебя инициировал.

– А обращённые – это кто?

– Если нечистокровка в свою очередь укусит человека, то такой человек станет обращённым. Обращённому также нужна кровь, но ни кристалла, ни сверхспособностей у него не будет. И они тоже мёртвые. У них нет не только души, но часто ещё и мозгов – что-то вроде зомби.

– Понятно. Лучше мне людей не кусать, – вздохнув, я потёр лоб холодными пальцами. От новой информации стало

как-то не по себе, но в то же время меня одолевало любопытство. – А много вас таких, чистокровных?

– Точно не могу сказать. Многие, по понятным причинам, скрываются.

– Может это тебе причины понятны, – буркнул я. – А мне, лично, пока почти ничего не понятно.

– Всё дело в кристаллах. Именно из-за них нас преследуют охотники. В тридцатые годы прошлого века охота зашла так далеко, что началась Вторая мировая война...

– Из-за кристаллов?!

– Из-за сверхспособностей, которыми кристаллы наделяют своего хозяина.

– Получается, это не просто оптическая иллюзия, а его можно как-то... извлечь?

– Не совсем так. Конечно, чисто физически никакого кристалла у нас в груди нет. Но в лабораториях охотники сливают – вернее, конденсируют – кровь чистокровного вампира, их генные инженеры исследуют и искусственно воссоздают структуру ДНК. Переносят её на препарат генной терапии – и таким образом получают инструмент, с помощью которого можно инициировать тысячи людей, наделив их суперсилой убитого вампира. Непобедимая армия бессмертных нечистокровок, да ещё и с нечеловеческими способностями. Как тебе такое?..

Я молчал, пытаюсь осознать масштабы бедствия.

– В тридцатых годах в Германии и Польше начались пер-

вые эксперименты по копированию кристаллического кода. Когда Сталин разнюхал про это, он немедленно нашёл политический предлог для вторжения на их территорию.

– Ничего себе, предлог!

– Он прекрасно понимал, что масштабная война приостановит эти опыты, но, конечно, это была не основная его цель. Спецслужбы СССР и сами вовсю занимались изучением и копированием кристаллов, однако для полноты картины им не хватало архивов Аненербе, у которых дела шли лучше и быстрее.

– И чем закончилась война?

Стелла посмотрела на меня как на умалишённого:

– Ты плохо учил историю в школе?

– Я имею в виду судьбу архивов.

– СССР взяли Берлин, архивы отобрали. Часть была уничтожена немцами, когда они поняли, что дело плохо, но и того, что осталось, русским было достаточно. Уже в конце сороковых в Союзе появились первые искусственно инициированные нечистокровки. С тех пор основная работа над этим проектом проходит здесь, на территории современной России, в шестом отделе СКОК.

Вспомнив, что я тоже был принят за нечистокровку «из пробирки», я наконец-то понял, за что меня поначалу так люто возненавидели.

– Значит, вы перебрались из Европы сюда, ближе к штабу охотников... Хотите накрыть их предприятие?

– Их так просто не накроешь, – Стелла мотнула головой. – Но отсюда проще контролировать их эксперименты и число искусственных нечистокровок.

– А кстати, сколько их?

– По нашим последним данным, около пятидесяти. Возможно, уже больше.

– Всё равно не похоже на многочисленную армию, – я хмыкнул.

– К счастью, в этом плане дела у СКОК идут плохо. Их в девяностые даже хотели закрыть, сняли с государственного финансирования как убыточный проект. И хорошо. Иначе бы давно уже грянула Третья мировая.

– А в чём причина? Почему дело не пошло? Не хватило силёнок у генных инженеров?

– Силёнок хватило. Все объекты были инициированы успешно. Но вот взять под контроль синдром хищника они так и не смогли. И неудивительно – если даже чистокровные вампиры не могут в этом плане себя контролировать. Короче говоря, мечта Сталина о непобедимой армии не осуществилась – вместо бессмертных воинов со сверхспособностями они получили акул, кидающихся на запах крови, не различающих на поле боя своих и чужих.

– Да уж, облом.

– После долгих лет экспериментов, их генетики пришли к выводу, что проще изменить ген всех остальных людей, чем взломать синдром хищника. Это то, что нас пугает больше

всего.

– Звучит довольно бредово.

– Нет, это вполне реально, особенно сейчас, когда у руля встал Каспер, да ещё и внезапно появился некий таинственный спонсор, который за пару лет возродил загибающийся без финансирования СКОК.

– Ерунда. Предположим, у них есть Каспер, спонсор и его деньги. А что дальше?

– Они вычислили, что синдром хищника – это реакция не на саму кровь, а на адреналин, который выбрасывается в кровь в момент пореза или ранения, чтобы сузить сосуды и спасти организм от кровотечения. Вернее, это метаболит адреналина. Адrenoхром.

– Слушай, – перебил её я, – ну это уже ни в какие ворота не лезет. Я немного знаком с теориями заговора, и больше чем уверен, что всё это собачья чушь. Нет никакого адренохрома.

– Я не готова как-либо оценивать содержание теорий заговора, – спокойно отразила мою атаку Стелла. – Они все довольно бессвязны. Например, у медицины нет никаких доказательств тому, что адrenoхром обладает наркотическим действием. Но то, что это химическое соединение на самом деле существует – можешь почитать в любой энциклопедии.

– И как это поможет охотникам?

– Они планируют провести повальную вакцинацию населения генным препаратом с целью изменить ДНК человека.

Так, чтобы в ответ на ранение адренохром не вырабатывался.

– Ну, окей, допустим, это так, – я задумчиво потёр подбородок, изо всех сил стараясь с ней не спорить. – Допустим, даже найдётся миллиардер, который оплатит производство такой вакцины на всю Россию... хотя я в этом не уверен... Но, ладно, просто предположим.

– Угу, – коротко отозвалась Стелла. – И?

– Как они смогут заставить всех людей поголовно вакцинироваться?!

– Да легко, – врач пожала плечами. – Это как раз проще простого.

– И каким же образом?

– Устроить поголовную эпидемию.

– Ты шутишь?

– С чего бы, – фыркнула Вернер. – Подходящий для этого вирус уже есть, он выведен на заказ где-то за границей для лаборатории шестого отдела. Вакцина – вернее, генный препарат – тоже уже существует. Это отечественная разработка.

Она говорила так уверенно, что я растерялся и замолчал. Стелла, следом за мной, тоже притихла, даже перестала барабанить пальцами по столу – чем она занималась последние минут десять, говоря со мной.

– Именно поэтому мы и переехали сюда, – нарушил тишину Константин.

– Чтобы это остановить? – я совсем растерялся.

– Да, – прошелестел голос Цепеша. – Следили за ними все эти годы. И вот, наконец, настал час вмешаться.

– Как именно?

– Для начала нужно убрать Каспера.

Ясно. Значит, Константин со Стеллой заодно. Наверное, и у других есть мотив до него добраться?..

– Вампиры в целом против ещё одной мировой войны, – пояснила Стелла, будто прочитав мои мысли. – А она, при условии, что их план с вакцинацией пройдёт успешно, неминуемо начнётся. Если сейчас ликвидировать Каспера, это позволит отсрочить старт операции. СКОК охватит смута, и пока они будут решать, кто дальше будет у них главным, мы выиграем время. И не только мы, а весь мир. Мы очень надеемся, что другие страны смогут в итоге рассекретить и остановить этот проект. В идеале, конечно, нужно как-то сделать так, чтобы их план не просто провалился, а стал известен всему миру. Обнародовать вирус, например. Вынести его за пределы тайной лаборатории – так, чтобы другие государства смогли его изучить, осознать, что происходит, и создать свою вакцину, настоящую, без сюрпризов в виде тайного генетического компонента...

– Ладно, примерно понятно. Планы у вас наполеоновские. А для чего вам нужен я?

Они оба – и Стелла, и Константин – переглянулись и промолчали.

– Пока не скажу, – наконец, загадочно протянул Цепеш. –

Но я обязательно найду тебе применение. Не переживай.

* * *

После завтрака, на котором я ничего так и не съел, я решил прогуляться по саду. Сегодня почти не было тумана, и мне захотелось получше рассмотреть оранжереи.

Пройдя по тропинке к одной из них, я сначала обошёл её со всех сторон, разглядывая зелень и розы через стекло. Роз там было очень много – и кустовые, и обычные, с крупными цветками, всех оттенков красного – от светло-алого до насыщенно-бордового.

Описав круг, я снова подошёл к входу, взялся за витиеватую золочёную ручку и нерешительно открыл стеклянную дверь. В лицо мне пахнул тёплый влажный воздух с ощутимым ароматом роз. Видимо, здесь поддерживалась определённая температура и влажность. Наверное поэтому все розы благоухали – я не заметил ни одной засохшей или увядшей. Свежие, пышущие энергией и жизнью.

В дальней части оранжереи, неподалёку от ящика с садовыми инструментами, стояла небольшая кованая скамеечка из тонких изогнутых прутьев, тоже позолоченная. Осматриваясь вокруг, я дошёл до неё и сел на краешек. Отличное место, чтобы немного отдохнуть тут в тишине и переварить всё, что на меня вывалила доктор Вернер.

Я сделал глубокий вдох и запрокинул голову. Сквозь стек-

лянную крышу оранжереи были видны проплывающие над облаками и ярко-голубая синева неба. Свет солнца заставил меня сощуриться и прижать руку к груди, словно пытаюсь унять сверкнувший кристалл. Интересно, если у вампиров нет души, то значит ли это, что я после смерти не попаду в рай?..

– Не слушай их, – тихо сказал Штефан с порога оранжереи. – Ты живой. Не мёртвый. Уж я-то знаю.

Он задумчиво прошёлся между кустами роз, любуясь ими так же, как и я пару минут назад. Внимательно осмотрел каждый цветочек. Потом вдруг цыкнул, запустил руку прямо в самую гущу цветочного буйства и вытащил откуда-то из глубины одну розу, которую я не заметил – коричневую, жухлую, ссохшуюся:

– Этот цветок – да, мёртвый, – прежде, чем я успел согласиться, он заговорщицки подмигнул мне. – Смотри, что сейчас будет.

Штефан поднёс розу к губам, улыбнулся легонько, сказал «Доброе утро» и, сложив губы трубочкой, дунул на неё, как дуют, когда тушат свечу.

Но роза от этого вовсе не потухла, даже наоборот – будто бы вспыхнула. Жухлые лепестки стали расправляться и наливались алым цветом. Голова розы поднялась. Скрюченные листья распрямились и позеленели, а в месте среза из ствола стали появляться корни – сначала маленькие, но всего через несколько секунд это была уже целая ветвистая сеть.

Цветок ожил и, воткнутый обратно в землю, гордо раскрылся навстречу заглянувшему в оранжерею солнцу.

– Вот, – Штефан скромно прищурился. – А если я сейчас так же дуну на тебя, то ничего не случится. Ты не оживёшь. Стало быть, ты живой.

Такая простая логика, даже не поспоришь. Подойдя ко мне, Штефан сел рядом на скамейку.

– Это твоя сверхспособность? – спросил я аккуратно. – Ты умеешь оживлять?

– Угу, – он кивнул.

– И не только цветы?

– Всех. Цветы, животных, людей.

– Даже людей, ничего себе! Как же тебе это удаётся?!

– Не знаю, – голубоглазый пожал плечами. – Просто кладу руку на грудную клетку, вдыхаю в человека воздух, и его сердце начинает биться. А если это вампир, то погасший кристалл снова начинает гореть.

– Удивительно. Вот это я понимаю – магия. Получается, это всё твоё. Твой сад, твои розы, и ты тут за ними ухаживаешь... Здорово! Здесь очень красиво! Я даже не подумал бы... Я... я тобой восхищаюсь!

– Спасибо, – щёки Штефана порозовели, и он опустил голову. – Мне очень приятно.

Дверь оранжереи вдруг снова распахнулась – на этот раз резко и с шумом, я аж подскочил.

– Я вам не помешал? – Константин пронзительно стрель-

нул в нашу сторону чёрными глазами, так, что мне моментально стало не по себе. Вся атмосфера уюта, безмятежности и спокойствия вдруг куда-то подевалась.

– Стэн, всё в порядке, – Штефан взвился с места. – Я просто показываю ему свою оранжерею. Всё хорошо.

– Выйди, – строго отрезал брюнет.

Мне не очень-то хотелось оставаться с Цепешем один на один, но разве я мог спорить с гипнотизёром?.. Голубоглазый поспешно удалился, а Константин медленно пошёл мне навстречу. Ощущение было такое, будто он зажимал меня где-то в углу – хотя на самом деле я сидел всё там же, на краю скамеечки.

Подойдя ко мне вплотную, он одним движением пальца приказал мне встать. Я повиновался, и мы почти поравнялись взглядом. Почти – потому что я, будучи ниже ростом, всё равно смотрел на него снизу вверх. Некоторое время он принюхивался ко мне. Опять что-то экстрасенсорил. Потом словно бы удовлетворился, кивнул и даже немного подобрел.

– Сегодня ты вернёшься в Москву, – мягко, каким-то приторно довольным голосом проговорил он. – А завтра выйдешь на работу. Как обычно. Но в пятницу вечером ты снова приедешь сюда. И так будет продолжаться каждую неделю, пока я не дам другие инструкции.

Мои ресницы снова задрожали, а голова запульсировала болью.

– Не сопротивляйся, – сладко, с наигранным сожалением

протянул он. – Будет только больнее.

– Я не... не марионетка тебе, – выдавил из себя я.

– Нет, ты не марионетка, – ухмыльнулся потомок Дракулы. – Ты пешка.

От его жутковатой ухмылки, будто бы проколовшей мои глазные яблоки насквозь, у меня всё вокруг поплыло.

– Не хочу в СКОК, – мой голос сел, словно меня душили, и перешёл на шёпот.

– Ты туда поедешь.

– Они убьют меня, если узнают, что я...

– Не узнают, – спокойно проговорил Константин, ни секунды не сомневаясь.

– Мне нечего там делать, – хрипел я, задыхаясь.

– Есть. Ты скопируешь для меня базу данных. Когда получишь к ней доступ.

– Не получится...

– Сделай так, чтобы получилось.

– Кость, он весь бледный уже.

Вернер, очень вовремя появившаяся за его спиной, обеспокоенно взгляделась издалека в моё лицо.

– Скажи ему, чтобы он перестал, – одними губами произнёс я. – Дышать нечем...

– Да, кстати, – мягким голосом проговорил Цепеш, теряя ко мне интерес. Он отвернулся, а я, наконец, смог сделать судорожный вдох. – Тебя, Стелла, это тоже касается. Вы будете приезжать ко мне вместе. Каждую пятницу.

– Нет! – выдохнула та и тут же сощурилась, коснувшись пальцами виска. – Ай!..

– Хотя бы ты не начинай, – ответил ей бархатный голос. – Вот так. Хорошо. Умничка. А теперь выметайтесь отсюда оба. Вас ждут в Москве.

Глава 19. Красота должна жить вечно

Закинув чемодан Стеллы в багажник, я сел за руль. Чемодан, надо сказать, был довольно объёмный – еле влез ко мне в машину – но при этом очень лёгкий. Как будто бы пустой. Однако, скорее всего, по дороге в Смоленск он пустым не был. И, полагаю, там были далеко не только одни ягоды да гранатовый сок.

– Ты возишь им донорскую кровь из больницы? – выпалил я, едва она села со мной рядом.

– Да, – та пожала плечами.

– Вот оно как! Значит, мне воровать из больницы кровь нельзя, а вам можно?!

– То есть, ты всё-таки воровал?!

– Да нет же! А впрочем, – я махнул рукой, – какая разница. Всё равно ты мне не поверишь.

– Ладно, не переживай, – Стелла поставила на колени свою сумочку. Расстегнула молнию и достала оттуда поллитровый пакет. – Я всё же захватила для тебя твою порцию.

– Спасибо, но что-то мне по-прежнему не хочется.

– Тебе придётся её выпить. Если не сейчас, то с утра, чтобы прекратить лихорадку. Иначе заморозишь там всех завтра в СКОКе и спалишься. Кстати, а как тебе вообще удаётся

проходить через их сканеры?

– Не скажу, это секрет, – я бросил пакет на заднее сидение. – Пристёгивайся.

Выехав за территорию посёлка, я испытал облегчение, хотя и не до конца. Вампирский замок оказался далеко позади, и его стены больше на меня не давили так сильно, но я по-прежнему чувствовал невидимый ошейник, который Цепеш надел на мою шею.

По пути в Москву мы молчали. Стелла слушала музыку в наушниках, отвернувшись к окну и всем своим видом показывая, что она не со мной, а сама по себе. Только ближе к концу поездки вытащила один наушник и объяснила, куда её подвезти.

У её подъезда, когда я передавал ей чемодан, она вместо благодарности проговорила хмуро:

– Должна тебе сказать, что я не ложилась спать последние три ночи и поэтому не плела паутину. Но сегодня всё же планирую поспать. Заранее извини.

– Понял. Тогда не прощаюсь. Скоро увидимся, – я хмыкнул.

В ответ она молча отобрала у меня ручку чемодана и, отвернувшись, покатила его к подъезду. Я же сел в машину. Выдохнул напряжённо. Бросил взгляд на пакет донорской крови, лежащий на заднем сидении. Потом огляделся по сторонам.

Убедившись, что дверь подъезда за Стеллой закрылась, а

больше вокруг никого нет, я впился клыками в пакет. Лопнул с глухим звуком плотный пластик, и я присосался к отверстиям как пиявка. Кажется, я даже забыл, как глотать. Кровь просто лилась по моему горлу, по дороге вскипая до температуры раскаленной лавы, и из желудка сразу расходилась по артериям, превращаясь в обжигающий пар. За несколько секунд осушив весь пакет, я прислушался к себе. На этот раз без спецэффектов, хотя определённый внутренний подъём я всё же ощутил.

Облизнув губы, я хотел посмотреть на своё отражение в зеркале заднего вида, чтобы убедиться, что на лице не осталось крови. Но ничего не увидел там – кроме ослепительно-белого света кристалла.

* * *

У дома меня уже поджидал курьер в сине-оранжевой униформе. То, что он ждёт именно меня – я даже не сомневался. Наконец-то. Честно говоря, я уже соскучился по продолжению дневника.

Расписавшись в накладных, я взял конверт за угол кончиками пальцев, а дома, прежде чем его открыть, и вовсе надел перчатки. Вряд ли, конечно, это меня спасёт, учитывая, что моя красная нить уже вплетена в паутину Стеллы, но так было спокойнее.

«Поздравляю тебя с успешной инициацией! Теперь ты

полноценный вампир. Астральный оборотень – как скажут сами вампиры, а по нашей классификации – анималист четвёртого типа. Четвёртый тип может пользоваться своими способностями только находясь во сне и только применимо к одному объекту, в то время как третий тип умеет расщеплять своё сознание, воздействуя во сне сразу на несколько объектов одновременно. Второй тип способен воздействовать на единичный объект наяву, а первый – на несколько объектов и через сон, и в реальности. Низший тип может со временем развиваться до высшего, но тебе, скорее всего, это не грозит.

Если всё идёт по моему плану, то ты уже съездил в гости к Цепешу и успел ощутить на себе силу его гипноза. Не бойся сделать что-то не так. Они в любом случае не найдут меня, даже с твоей помощью. Я очень надёжно себя спрятал. Сделай вид, что ты на их стороне. Или на самом деле встань на их сторону. А я тебе подыграю. Что бы ты ни сделал для вампиров, этим ты только поможешь мне.

В московском штабе СКОК на этой неделе тебя тоже ждёт много интересного. Вскоре ты поймёшь, что там у нас происходит, но не торопись разочаровывать моих ребят. Сыграй и для них тоже. Притворись.

P.S. Не забудь про серебряный кулон».

Да уж, постскриптум явно был лишним – разве про такое забудешь? Я покосился на жетон, подвешенный за цепочку на кухонный крючок, и меня передёрнуло от одной мысли о том, что вскоре снова нужно будет его надевать. Впрочем, об

этом я подумаю завтра. А сейчас мне не терпелось узнать, что дальше случилось со Светой. Дневник, раньше такой подробный и обстоятельный, сейчас состоял из коротких обрывочных записок, подходящих скорее на заметки, чем на полноценные записи.

«Я на фронте.

Меня тут прозвали Васильком. Самая маленькая из медсестёр и самая юркая. Я мало чем могу помочь истекающему кровью, но увидев меня, раненные меняются в лице. Никогда не забуду глаза офицера, которому оторвало снарядом ногу. Как они улыбнулись, увидев меня. Губы у него были искривлены от боли и шока, а вот глаза улыбались. Он прошептал, что я – самое прекрасное, что можно увидеть перед смертью. А через пару минут он тихо умер у меня на руках. Его глаза закрылись навсегда, но у меня в памяти они отпечатались такими – чистыми, добрыми, улыбающимися...

Мама, как же я хочу домой, в нашу деревню...

29 июля 1942 г.

Сталинград».

«Очень хочется спать. Хотя бы пару часов. И поесть. Да что там. Хотя бы чаю горячего! Мне так холодно. Кажется, я простудилась, меня трясёт. Но времени простужаться нет.

Ни шагу назад!

Господи, помоги нам!

11 августа 1942 г.

Сталинград».

«Уже два месяца прошло. Когда же это закончится... Иногда мне кажется, что отсюда только один выход. Стыдно сказать, но вчера ночью я даже просила Антона забрать меня к нему. Потом я уснула, наверное. Потому что он привиделся мне и сказал строго:

– Света, а как же живые без тебя? – и повторил несколько раз. – Рано тебе. Рано. Рано. Рано. Прекрати.

Он ведь прав. Ему я помочь не смогла, но другим ещё могу. Нужно собраться.

17 сентября 1942 г.

Сталинград».

«О Боже, я в плену. Меня везли куда-то долго-долго. Тут вместе со мной ещё много наших. И солдаты, и медсёстры. Они пытались с нами говорить, но я ничего не понимаю на их языке. Это не немецкий точно. Значит, не немцы. Но кто они такие, и что им от нас надо?

Нинка говорит, что нас скоро убьют. Таких, как мы, в живых не оставляют. И даже не пытаются, как нашего командира. Зачем им пытаться медсестёр. Просто привезли в одной куче всех живых, не разобравшись. На ночь кинули здесь, в камеры. А на рассвете расстреляют.

Ещё Нинка говорит, что это самое лучшее, что может быть в нашей ситуации. Страшнее смерти – только позор.

Нашу соседку, молодую медсестру, вечером увели куда-то. А привели обратно через час голую, обмотанную одной грязной тряпкой, всю в крови и слезах. Она то ли задышалась, то ли плакала. А через несколько минут умерла. Отмучилась, бедная.

Если они придут за мной, то я не пойду. Пусть лучше сразу расстреляют. Прощай, милый дневник. Наконец-то я снова увижусь с моим Антоном...

25 сентября 1942 г.

В плену».

«Смерть смотрела мне в глаза, дышала в лицо, но так и не забрала. Отвернулась с отвращением. Я понимаю её. Я сама не могу больше смотреть на себя без отвращения... Господи, если ты ещё слышишь меня... прошу, забери!..

А он... Он ведь сказал мне тогда... Что он сказал... Дай бог памяти... Он сказал: “Красота не должна умирать. Красота должна жить вечно”.

Да, точно.

Он был такой аккуратный. С иголки одетый. Будто бы не на войне, а на каком-нибудь празднике. Будто бы у них тут бал, а не пыточная.

Два нерусских офицера. Я стояла перед ними голая, дрожа от холода и стыда. Я сопротивлялась, но их солдаты меня всё равно раздели и привели сюда. В комнате было темно. Только тусклая настольная лампа горела на столе краснова-

тым светом.

Один из них – высокий, смуглый, широкоплечий, подошёл ко мне первым. Зыркнул своими чёрными глазами. Склонился к шее. Я хотела плюнуть ему в лицо, и плюнула бы, если бы он до меня дотронулся хотя бы пальцем. Но он не стал. Шумно вдохнув, скривил губы и оттолкнул меня брезгливо. Обратился к другому по имени:

– Эмиль... – и дальше сказал что-то короткое на их языке. Тот так же коротко ему ответил. Они переглянулись, и черноглазый ушёл, хлопнув дверью, а мы остались наедине со вторым.

Второй офицер был ниже ростом и плечи у него были поуже, но он показался мне более приятным. Было в нём что-то такое не по-человечески обаятельное. Эти волнистые тёмные волосы, зачёсанные назад, эти гладко выбритые скулы, эти глаза медового цвета. Этот аромат его духов – горько-приторный, дурманящий... А может быть, я просто сошла с ума от страха.

– Мой друг, – вдруг сказал он по-русски с сильным акцентом, – разозлился, что ты не девственна. Но я не привередлив.

– Не подходите! – вскрикнула я.

– Вы, русские девушки, очень красивы. А ты – особенно. Красота не должна умирать. Красота должна жить вечно, – проговорил он с придыханием.

Подойдя ко мне, этот Эмиль взял меня за локти руками

в плотных кожаных перчатках. Перчатки у него были белые и такие чистые-чистые. Я их почему-то хорошо запомнила. Представляю, сколько русской крови у него на руках, а перчатки, только посмотрите, белые!

Он склонился к моей шее. Я почувствовала его дыхание на своей коже, и у меня закружилась голова – то ли от ужаса, то ли от его сладкого парфюма. Силы вдруг меня покинули, ноги ослабли и подкосились. Пошатнувшись, я повисла в его руках, а он крепче обхватил меня и коснулся горячими губами моего обнажённого плеча. Сначала он просто целовал меня, или скорее лизал языком, а потом с тихим стоном впился мне в горло зубами. Нет, не зубами – у него были настоящие клыки! Клычищи, острые, как у зверя!

Я не успела ни вскрикнуть, ни хотя бы ахнуть. Как ни пыталась, не могла даже сделать вдоха – воздух просто не шёл в лёгкие. В груди что-то очень сильно заболело, и у меня померкло в глазах. Липкая темнота схватила меня в цепкие лапы, и я потеряла сознание.

Очнулась я лёжа голой на письменном столе. Свет был выключен, даже лампа больше не горела, но я почему-то отчётливо видела его лицо рядом со мной, будто оно подсвечивалось изнутри.

– Твой аромат... – шепнул он нежно. – Ты... Ты вкуснее самого сладкого в мире вина.

Его пальцы скользили по моим волосам и гладили меня по голове, приводя в чувство. С его поалевших губ, испачкан-

ных кровью, не переставали слетать эти странные комплименты:

– Ты слаще, чем мёд. Сытнее, чем молоко. Вкуснее, чем... чем гранатовый сок.

– Гранатовый сок?! – переспросила я, заглянув в его жёлтые глаза.

Я, конечно, не раз видела на фронте гранаты. И осколочные, и противотанковые. Но чтобы пить их сок... Чепуха какая-то...

– Попробуешь, – улыбался он. – Узнаешь. Успеешь. Теперь у тебя впереди вечность...

Он вернул мне одежду и, глядя, как я дрожащими руками одеваюсь, произнёс фразу, которую я поняла только утром. Он сказал:

– На рассвете... тебе придётся сделать вид, что ты такая как все. Это не сложно. Просто притворись.

Наутро нас всех расстреляли. Я тоже упала, сбитая с ног ударами пуль. Но я не умерла. Смерть, посмотрев на меня, просто фыркнула мне в лицо и отвернулась.

Сколько бы я не звала её, она не приходила. Наши тела скинули в какую-то канаву и оставили в покое.

Нинка, хорошая моя, прости. Я хотела бы умереть с тобой вместе, но судьба решила иначе. Прощай, Нинка. Передай от меня привет Антону.

9 октября 1942 г.

Не знаю, где я».

Переворачивая страницу, я случайно столкнул локтем кружку с чаем, и она разбилась. Листы выпали из моих рук. Там было что-то ещё, но дальше читать я не мог. Я вскочил и стал ходить по квартире, сшибая попадавшиеся по пути предметы. Я их просто не видел, будто бы был где-то не здесь. Может быть, ещё не вернулся из прошлого.

Меня трясло, я хватался то за одно, то за другое. Взял бутылку воды, но не смог пить. Раздвинул занавески и раскрыл окно, впуская в комнату свежий воздух, но тут же почувствовал себя неуютно и закрыл его, плотнее сдвигая шторы. Схватил мобильный и начал звонить Стелле, но, прослушав пару гудков, сбросил звонок и кинул телефон на кровать, куда-то в подушки.

Что, чёрт возьми, я ей скажу сейчас, спустя семьдесят с лишним лет?! А главное, зачем ей мои слова. Нет, она хотела сегодня поспать, вот и пусть спит. А я, пожалуй, ещё одну ночку пободрствую.

Заварив себе кофе в термос, я вышел из дома и пошёл в прямом смысле «куда глядят глаза». Или, вернее, куда несут ноги, потому что глаза почему-то почти ничего не видели. Ноги занесли меня в парк, и я долго там бродил среди деревьев. Потом сидел на скамеечке у пруда, потягивая кофе, в компании бездомной собаки, спавшей у моих ног. Там же я и встретил рассвет.

Когда первые лучи солнца окрасили пруд сначала в розо-

ватый, а потом в молочно-белый, я, наконец, очнулся. Вернулся из прошлого в настоящее время – в свою собственную жизнь, в самого себя.

«Живой?» – пришло мне примерно в это же время сообщение от Стеллы.

А следом:

«Зачем звонил?»

«Захотелось обнять тебя», – написал я машинально. Разумеется, не отправил. Стёр. Долго думал над ответом. И, наконец, выдал холодное:

«Прости, ошибся номером».

Глава 20. Воплощённая тьма

Дома я умылся ледяной водой и принял душ, чтобы хоть немного привести себя в порядок после уже второй по счёту бессонной ночи. Переоделся в рубашку и костюм. Надел серебряный кулон и спустился к поджидавшему меня «уазик» охотников.

Дневник Светы никак не выходил у меня из головы. Даже подавляющее воздействие кулона не смогло меня отвлечь. Первые эмоции уже схлынули, но я по-прежнему думал над этим всем, крутя в голове ситуацию так и этак.

Может быть, я всё же погорячился, когда решил, что Света и Стелла – одно лицо?.. Ведь есть в этой ситуации кое-что, что не вяжется. Стелла несколько раз настойчиво подчёркивала в разговоре со мной своё чистокровное происхождение, да и эти её товарищи вряд ли стали бы дружить с нечистокровкой, в особенности скинхэд Ян со своей нацистской идеологией. Она, конечно, могла и их дезинформировать, но Константина-то не проведёшь. Он точно в два счёта её «пронюхал» бы. Ну и, конечно, характер. Это два совершенно разных человека, которых сложно совместить в одного. Может ли чувствительная, ранимая, живая девушка превратиться со временем в расчётливую холодную стерву?

Я призадумался. Конечно, этот дневник мог как угодно попасть в руки к Стелле. Например, они со Светой могли

познакомиться позже на войне или даже в послевоенные годы. Но мне почему-то в это верилось с трудом. Совпадений всё-таки больше. Во-первых, в моём последнем сне с её участием, она была в военной форме, причём, в советской – со звездой на пряжке ремня. Во-вторых, она тактильная – носит перчатки, как и этот Эмиль, который её инициировал. В-третьих, его друг-нюхач, ценитель крови девственниц, по описанию чертовски смахивает на Константина. Так что, скорее всего, экстрасенс сразу был в курсе происходящего, просто прикрывал Стеллу перед остальными. Может быть даже, по просьбе того самого влюбчивого друга. Конечно, было бы интересно узнать, где сейчас сам этот Эмиль, и что у них там происходило дальше, но если я вот так в лоб спрошу про него, чувствую, большой разборки не избежать. Про дневник говорить пока не буду.

Я ещё несколько минут растерянно спорил сам с собой, а потом вдруг аж подскочил на месте от неожиданной идеи, которая пришла ко мне в голову. Интересно, а как она среагирует, если я...

Довольный своей задумкой, я даже потёр руки в нетерпении.

– Михаил! – спрыгивая с «уазика», я повернулся к Рэмбо и сделал большие жалостливые глаза. – Простите, у меня к вам просьба. Пожалуйста, отпустите меня сегодня с работы на часик пораньше!

Начальник службы безопасности неодобрительно покачал

головой:

– Не хотелось бы нам, Гриша, процедуру задерживать. Но если без этого никак...

– Никак. Это очень важно. Мне вечером срочно нужно будет... съездить к врачу.

Михаил махнул рукой:

– Ладно, что с тобой делать. Езжай к своему врачу. Но до пяти часов, будь добр, сделай хоть что-нибудь полезное.

– Постараюсь, – проходя через сканер, я беззаботно махнул охранникам рукой. К счастью, на этот раз обошлось без приключений. – Кстати, что вы решили по поводу зашифрованных данных?

– Мне сейчас нужно отлучиться на полчаса, а потом я загляну к тебе, и потолкуем на эту тему.

На своём рабочем месте, дожидаясь Рэмбо, я от скуки ещё раз покопался в файлах моего предшественника, но так и не нашёл там ничего нового. Играть в шахматы тоже больше не хотелось, поэтому я просто откинулся на спинку кресла и отодвинулся от компьютера, снова погрузившись в размышления. На этот раз я уже философствовал отвлечённо – о войне, лишениях, потерях, жестокости, ненависти и, как ни удивительно, о любви, которая пытается расти посреди всего этого человеческого хаоса, словно одуванчик, пробивающийся через асфальт.

– Гриша, с вами всё в порядке? Что-то вы совсем печаль-

но выглядите, будто очень уж тяжело у вас нынче на душе, – неожиданно раздался за моей спиной скрипучий голос. – Или просто день не задался?

Я резко развернулся в кресле. Ба, вот это дела! Это же мой старый знакомый, господин Козлиная Борода собственной персоной. То есть, простите, Арсений Павлович. Или я должен называть его отец Арсений?..

Выглядел он не в пример приличнее того, каким предстал передо мной на бензоколонке в образе дворника. Затёртую и потрёпанную хламиду он сменил на новенькую черную рясу, на груди сверкал крест – на этот раз золотой, хотя и, как две капли воды, похожий на предыдущий серебряный. Волосы были вымыты и аккуратно причесаны, разве что борода оставалась немного всклокоченной. И даже нездоровый блеск в глазах сегодня куда-то пропал.

Услышав его вопрос, я подумал было, что он меня поддевает, но смотрел Арсений Павлович как-то ласково и словно бы даже с сочувствием:

– Вы меня извините, Гриша, что я к вам раньше не зашел. Давно хотел подойти познакомиться, но, понимаете, дела.

Не сводя с меня глаз, он задумчиво погладил свою бороду:

– Вы не очень заняты сейчас? Может быть, сделаете небольшой перерыв, выйдем на свежий воздух? Сидеть в четырех стенах – оно, знаете, не только для здоровья бесполезно. Душа – она тоже болеть начинает, когда глаза неба не видят. Пойдёмте?

Он заговорщицки подмигнул и положил мне на плечо морщинистую руку.

– Даже не знаю, Арсений Павлович. Боюсь, Михаил будет меня искать – у него для меня должна быть важная информация.

– За это не беспокойтесь! Мишу сейчас вызвали на срочное задание, он до конца рабочего дня уже не вернётся. Так что, придётся подождать вашей важной информации.

Я не вполне понимал, что этот странный тип от меня хочет, но другого повода отговориться от его предложения не нашлось. Дел у меня и правда не было, да и любопытство начало одолевать, и я согласился. Арсений Павлович взял меня под локоть и потащил куда-то по коридорам, ловко выбирая направление в запутанном лабиринте ходов и переходов.

– Надеюсь, вы не в обиде на нас за наше первое, так сказать, знакомство? Неловко получилось тогда. Но, понимаете, обстоятельства. Обстоятельства, да. А, вот, собственно, мы и пришли!..

Он провел меня мимо очередного поста охраны до конца коридора, который заканчивался дверями лифта. К моему удивлению, лифт вывез нас прямо на поверхность. Мы оказались довольно далеко от главного входа, где-то на задворках базы – там, где она граничила с лесом. На улице было и правда хорошо. Хотя небо и затянуто облаками, свежий воздух и доносившийся до нас запах леса действительно поднимали настроение. А вот отец Арсений немного его подпор-

тил, попросив разрешения закурить.

– Так вы же, это, ну... – выразил я искреннее удивление, неопределённым жестом показав на висевший на его груди крест. – Разве это не грех?

– Грех, Гришенька, грех. Да кто из нас без греха?.. Не праведников пришел Господь призвать, но грешников к покаянию! А работа... работа у нас сами знаете, какая... – он улыбнулся и развел руками, словно это его движение всё объясняло. Потом зажёл сигарету, закурил. Некоторое время мы стояли молча, поглядывая то на небо, то на лес.

– Вы верите в мировое зло, Гриша? – внезапно начал разговор Арсений Павлович.

– Простите, не понял. Что вы имеете в виду? Какие-то теории заговора? Мировое правительство, и всё такое? – я невольно вспомнил про рассказы Стеллы.

– Да нет, не в этом смысле. Я не про поступки и желания людей, пусть даже обличённых властью и знающих что-то такое, чего не знаем мы. Нет. Люди – это только люди. Я же говорю про подлинное, абсолютное, трансцендентное зло, чуждое всему человеческому. Зло как оно есть. Понимаете, Гриша, вы, возможно, об этом не задумывались, но когда люди делают что-то плохое – обманывают, крадут, убивают – в них всё равно остаётся что-то светлое. Всегда. Они как-то оправдывают для себя свои поступки, у них или в них непременно остаётся кто-то или что-то, что они защищают и берегут. Таков человек. А я говорю про силу, которая не

несёт в себе ничего человеческого. Зло, лишённое сомнений, привязанности, сострадания... холодное, словно космическая тьма, безжалостное, словно лезвие, бесчувственное, словно машина. Разрушающее всё, к чему оно прикасается, без колебаний и страха. Просто потому, что такова его природа...

Отец Арсений, кажется, здорово разнервничался. Я заметил, что он начал часто притоптывать ногой, а руки его немного затряслись. В глазах снова появился нездоровый огонь.

– Всё равно не понимаю, – ответил я осторожно. – Это вы про демонов что ли? Про потусторонние сущности всякие?

Мой собеседник недовольно нахмурил брови и перекрестился, сложив вместе указательный и безымянный пальцы:

– Упаси господь! То, про что вы говорите – это невоплощённое зло. Зло иной реальности, которое, к счастью, не может воздействовать на нас напрямую. Святые боролись с демонами, да, но нам куда до них! Это, Гриша, не наше с вами дело. Однако, к сожалению, и на нашу долю придётся своя борьба. Можете ли вы представить себе, что такое вот абсолютное зло сумело однажды проникнуть в наш, привычный, материальный мир и воплотиться, обретя, так сказать, человеческую плоть и кровь? Ну, или почти человеческую... и ходит среди нас, под видом обычных людей, по сути же за внешней оболочкой скрывая воплощённую тьму, ненависть и разрушение? Как думаете, если бы такое произошло, что

бы случилось с этим миром?

– Мне кажется, вы сгущаете краски. Вокруг нас есть много странного, чего мы не можем объяснить. Допустим, есть люди, которые не совсем люди, со способностями какими-то особенными, не такие, как мы – но почему же сразу зло? Может, они просто другие. А мысли про зло – это всего лишь наш вечный страх перед непознанным...

– Эх, Гриша-Гриша! – отец Арсений улыбнулся, погладил бороду, успокаиваясь. – Смешно вы рассуждаете! Но понимаю. Понимаю... молодость! Сам таким был. До поры до времени. А потом... потом я увидел, каким оно бывает – воплощённое зло. И как оно действует. И с тех пор уже не сомневался... и вы тоже со временем всё поймёте. Чую, не просто так вы тут с нами очутились и встали, так сказать, в стройные ряды. Не бывает на свете таких случайностей. Значит, и у вас есть в этой великой борьбе своё собственное, особенное место!..

– Вы, отец, очень уж сложно обо всём рассуждаете, – попытался отшутиться я. – Мне вот, лично, совсем не хочется участвовать ни в каких войнах. Я простой программист, и работа у меня простая, мирная. Делаю я её хорошо и других побед для себя не желаю. А если кому-то на свете спокойно не живётся и хочется с кем-то или чем-то бороться – я не против. Но сам, пожалуй, как-нибудь без этого обойдусь. Как говорится, make love not war.

Он снова улыбнулся и покивал:

– Понимаю, Гриша. И это понимаю. Только вот тут у нас не такой случай. Бывают на свете войны, от которых нельзя остаться в стороне. Вернее, так: в которых сохранять нейтралитет – значит принять сторону врага. Если люди... послушайте, я имею в виду всё человечество!.. так вот, если мы хотим выжить в этой войне – все, у кого есть душа, должны будут взять в руки оружие, сразиться и победить. Потребуются усилия каждого, кто только может встать в строй. Иначе мы сами и всё, что нам дорого в этом мире, будет просто уничтожено! И вина за эту гибель ляжет на плечи всяких таких вот хиппи, которые хотели греться на солнышке и делать вид, что ничего не происходит. Нет! Так нельзя. А мы с вами, Гриша, и вовсе, можно сказать, в авангарде. На самом острие этой битвы! С нас вдвойне спросится. И компромиссов тут быть не может. Если того потребуют обстоятельства, нужно отдать всего себя! Пойти на любые жертвы, чтобы остановить вселенское зло!..

Арсений Павлович в который раз топнул ногой и внезапно замолчал, одарив меня долгим и, как мне показалось, немного грустным взглядом. Потом отвернулся и снова задымил. Я хотел было сострить, выразив надежду на то, что на этот раз обойдётся без жертв, но посмотрел на него и вдруг передумал. Чем-то таким повеяло от последних слов бородача, что шутить мне враз расхотелось. Так мы и вернулись назад – в полном молчании. Отец Арсений довел меня до рабочего места, вместо прощания потрепал по плечу и скрылся ку-

да-то в глубину коридоров.

* * *

Вечером, после абсолютно бесполезного рабочего дня, я потратил целых полтора часа, таскаясь по цветочным салонам. Поначалу – безуспешно, потому что нужного мне там никак не находилось. Я уже успел отчаяться, с беспокойством поглядывая на часы, но в итоге мне повезло. В одном из магазинов я, наконец, нашёл искомое – большой букет ярко-синих васильков. Света Василькова с фронтовым прозвищем Василёк, если, конечно, это она, обязательно должна такое оценить.

Правда, преподнести его, глядя в глаза, я бы не осмелился. Это то же самое, как если бы я признался прямо ей в лицо, что читал – и продолжаю читать – её личный дневник. Да она же меня убьёт! Прямо сразу, на месте. Не дожидаясь ночи.

Нет, буду действовать исподтишка.

В здание больницы я бежал бегом – успел всё же попасть за целых три минуты до конца часов посещения. Меня, правда, уже не хотели пускать, но, вооружённый васильками, я всё-таки уломал охранника, убедив того, что зайду всего на пару минут – чтобы отнести цветы. В принципе, я даже не соврал.

На второй этаж я поднимался как шпион – боком, по стеночке, прикрываясь букетом. И так же осторожно полз по

коридору, готовый, в случае неожиданной встречи, поспешно сделать ноги.

– Молодой человек! – окликнула меня одна из медсестёр с поста. Их там было две, они пили чай и, судя по весёлому настроению, о чём-то сплетничали. – Вы к кому? Кого ищете?

Подкравшись к ним, я шепнул:

– Я к Вернер, – и огляделся по сторонам, убеждаясь, что меня не услышал ненароком кто-то кроме медсестёр.

– Ой, а она уже закончила. Опоздали совсем чуть-чуть. Минут за десять до вас ушла.

Я выдохнул с огромным облегчением и уже обычным голосом воскликнул:

– Замечательно! Вот молодец! Я тоже считаю, что работать допоздна – вредно.

Медсёстры переглянулись, потом посмотрели на меня, прищурились, но ничего не сказали.

– Можно я просто оставлю цветы в её кабинете? Или сами поставьте, пожалуйста. У вас найдётся ваза?

Женщины ещё раз переглянулись между собой и теперь уже открыто улыбнулись:

– Есть, есть ваза. Не переживайте, молодой человек. Идите. Мы поставим.

Поблагодарив их, я раскланялся и вышел из больницы. Что ж, можно сказать, что операция прошла успешно. Правда, сплетня теперь обеспечена, но, в конце концов, может это и не так плохо. Немного очеловечить образ холодной стер-

вы-вампириши в глазах её коллег-медсестёр будет полезным – для сплочения коллектива. Как бы только мистер Вернер за такую вольность не выбил мне клыки...

Я опустил голову и тихо хмыкнул. Скорее всего, смеялся я над самим собой. Я ведь и сам до конца не мог понять, что это только что было – тонко спланированный эксперимент или обыкновенный флирт?.. Нет, наверное, всё же эксперимент. Просто очень интересно посмотреть, как среагирует на мою выходку абсолютная, беспощадная воплощённая тьма.

Глава 21. Великие дела

Домой я доехал с трудом, снова едва не заснув за рулём. Спать уже хотелось так сильно, что даже перспектива попасть в очередной кошмар меня не смущала. Было даже немного любопытно, где я окажусь на этот раз.

Честно говоря, я ожидал чего-то более эпичного. Повешенье, расстрел, атомный взрыв, на крайний случай – авиакатастрофа. Но я, закрыв глаза, оказался в библиотеке и сначала даже немного опешил.

Огромные стеллажи – широченные и высоченные – уставленные от пола до потолка книгами в разноцветных переплётах. Корешки у них золочёные и красиво переливаются. Только названия какие-то странные. Точнее, это даже не названия, а выбитые золотом фамилии, имена и отчества каких-то людей, которые мне ни о чём не говорят. Что означают эти имена и вообще, кому пришло в голову так странно называть книги?.. Спросить не у кого – библиотекаря в этой библиотеке нет. Сверху на каждом стеллаже висят таблички, где по порядку подписаны цифры, похожие на год: 2019, 2018, 2017... Как зачарованный, я ступаю между рядами, ведущими обратный отсчёт лет, и будто бы погружаюсь всё дальше и дальше в прошлое.

А вот и год моего рождения. Я задерживаюсь у стеллажа, глаза бегают по названиям книг. Они, к счастью, расставле-

ны по алфавиту, и я легко нахожу мою фамилию. И имя-отчество тоже мои!

Книга стоит высоко, почти под самым потолком, и, чтобы добраться до неё, мне приходится приставить к стеллажу деревянную лестницу. Забравшись на неё, я тяну на себя чуть запылившийся золочёный корешок книги. Раскрываю... Что за ерунда!

Текста внутри нет. Первая страница вообще полностью пустая, и сколько я ни вглядываюсь в неё, ничего там не вижу. На второй я обнаруживаю маленькую, чуть заметную красную точку. Точка, сначала неподвижная, в какой-то момент начинает будто бы пульсировать на бумаге и расти в размерах. Сначала из неё вырастает что-то похожее на маленькую красную сосиску, потом сосиска сворачивается в бублик, у неё появляются очертания лапок, глазницы, хвост, как у ящерицы. Ещё через несколько секунд, когда лапки превращаются в маленькие ручки и ножки, до меня доходит, что это эмбрион. Возможно даже, это будущий я.

Я в нетерпении переворачиваю страницу. Следующий разворот уже не белый, а желтовато-зеленоватый, весь в цветных разводах – будто кто-то разлил на него акварельные краски. Приглядевшись, я различаю в этом смешении красок лес. Лето, ярко светит солнце. А это я – меня везут в коляске. Коляска у меня красная, и я уже умею сидеть. Наверное, мне тут полгода, плюс-минус.

Подстёгнутый любопытством, я листаю дальше и дальше,

словно вспоминая свою жизнь заново с рождения. Вернее даже, со дня моего зачатия.

Кашель библиотекаряши, раздающийся за моей спиной, застаёт меня врасплох. Я вздрагиваю и теряю равновесие, чуть не свалившись с лестницы. Самому мне удаётся в итоге удержаться, а вот книга, выскользнув из моих рук, падает. Прямо к ногам палача.

И вот уже её длинные бледные пальцы раскрывают историю моей жизни.

– Не трогай, – кричу я. Но она только многообещающе улыбается в ответ. Наспех пролистывает страницы. С напускным сожалением цыкает:

– Какой насыщенной и счастливой могла бы быть твоя жизнь, если верить Хроникам Акаши...

– И тебе не хворать, – осторожно отвечаю я.

– Какой счастливой была бы твоя жизнь и как много бы ты всего успел увидеть... – не слушая, продолжает она, – если бы твоя мама...

Она прерывается, открывает первые страницы и задумчиво смотрит на трансформации маленькой красной точки.

– Если бы твоя мама не решила сделать это с тобой... – она кладёт указательный палец с длинным ногтем в центр страницы, прямо на дрожащий эмбрион, у которого уже бьётся сердце под прозрачной кожей. – Но ты не родишься. Твоя мама сделает аборт.

– Она не делала аборт, – спору я, но как-то неуверенно. –

И вообще, положи на место книгу! Ищи свою и меняй там что хочешь, а мою историю не трогай, слышишь!

– Пока ещё не делала, но скоро сделает, – едим голо- сом шептала Стелла, не обращая внимания на мои возмуще- ния. – Это всё потому что твой отец её бросил.

– Он её не бросал. Может, они просто... просто поссори- лись. Потом помирятся.

– Неважно, что будет потом. Сейчас ты ей не нужен. К тому же, ты бы родился больным... Нет, пусть лучше она сделает аборт. Поверь, так всем будет легче. Спустя два года у неё родится девочка. От другого мужчины. А о тебе все забудут. Будто бы тебя и не было.

Маленький человечек в книге сжимается от страха и дро- жит. Мне тоже становится как-то не по себе. Внутри что-то словно обрывается. Я начинаю слабеть и, кажется, постепен- но становлюсь прозрачным.

– Эй, послушай, не трогай его! – я хочу спуститься с лест- ницы, но замечаю, что ног у меня уже нет – будто я больше не человек, а привидение – с хвостиком внизу, как в мультиках.

– Такой маленький... сколько тебе тут?.. Недель де- сять-одиннадцать наверное?.. – она косится на меня, посту- кивая пальцем по центру листа. – Что ж, дальше ждать нель- зя. Сейчас самое время.

Длинный острый ноготь вдруг резко вспарывает насквозь бумагу. Зародыш лопается, как маленький воздушный ша- рик, и вся книга заливается ярко-алой кровью. Я кричу от

боли, дёргаюсь и всё-таки падаю с лестницы на пол. Всё вокруг теперь залито кровью, и кроме неё я ничего не вижу. Её тут, наверное, литры. Я барахтаюсь в ней, практически тону и захлебываюсь. Очень больно, настолько больно, что я даже не могу понять, что именно у меня болит. Как будто бы всё тело разорвало на части.

Я больше не могу говорить. Но если бы я мог что-то сказать, то я бы, наверное, сказал ей что-нибудь вроде:

– Ты самая мерзкая дрянь из всех, кого я встречал!

Когда я вскочил на кровати, мне сначала показалось, что за окном уже начался рассвет – всё вокруг было залито розовым светом. Но, как выяснилось, это всего лишь кристалл так подсвечивал огромную лужу крови, расплывшуюся вокруг меня из насквозь разодранной грудной клетки. Я думал, что по пробуждению увижу тут более плачевное зрелище, но мне повезло. Не считая сквозной раны в груди – такой широкой, что через неё было видно, как бьётся, вися на артериях, моё сердце, я был практически в полном порядке. Хотя, нет. Ещё правая нога валялась оторванной в противоположном углу – метрах в трёх от моей кровати. Крепко выругавшись, я пополз за ней через всю комнату. По дороге меня вырвало. Как хорошо, что я накануне не стал ужинать, поэтому рвало просто кровью и желудочным соком.

«Прикрутив» ногу на место, я какое-то время лежал на полу – дожидаясь, пока кристалл до конца сделает своё дело и все кости и мышцы срастутся. Потом пошёл в ванную умы-

ваться. Качнувшись, опёрся руками на раковину, посмотрел на себя в зеркало в упор, и вдруг мои губы сами собой искривились. Я сполз вниз и свернулся калачиком, прямо как маленький, испуганный ребёнок.

* * *

Всё утро после столь фееричного пробуждения я вынужденно занимался уборкой – мыл полы и мебель, менял постельное бельё. Старое теперь, наверное, придётся выкинуть. В стиральной машинке оно вряд ли отмоется, а если я принесу такое художество в химчистку, то там меня сразу же сдадут в полицию, посчитав, что я кого-то с особым зверством убил.

Подушку и матрасник тоже пришлось выкинуть, заметая следы преступления. А ещё придётся в ближайшее время, видимо, переклеивать обои, потому что кровь с них теперь никак не ототрёшь.

Спустя час уборки, как следует вымыв всё, что отмывалось, и выругавшись в адрес Стеллы всеми возможными словами, я заварил себе чай и устроил перерыв. Удивительно, но к этому времени я уже почти остыл и перестал на неё злиться. Мне даже стало любопытно, как она там поживает, но ради чистоты эксперимента я решил подождать, пока врач сама даст о себе знать.

Увы, допить чай мне так и не довелось. Сделав пару глот-

ков, я посмотрел на часы и снова чертыхнулся. Пятнадцать минут девятого! Проклятая уборка заняла у меня несколько больше времени, чем я планировал, и Михаил, всегда пунктуальный, наверняка уже меня заждался. Я выглянул в окно – точно, у подъезда припаркован традиционный «бобик», а начальник службы безопасности, видимо, скучая, прогуливается вдоль дома. Спешно схватив рюкзак, я кинулся к выходу.

Выскочив из дверей подъезда, я чуть не столкнулся с ним лоб в лоб. Отступил на шаг, сфокусировал взгляд и присвистнул от изумления. Похоже, бравого вояку вчера на спецзадании изрядно потрепали: правая бровь рассечена, всю скулу заливал огромный синяк. Левая рука была забинтована почти от самой шеи и до предплечья. Не иначе как наш Рэмбо попал в серьёзную передрагу. Расстроенным он, однако, не выглядел: глаза горели озорным огнём, рукопожатие здоровой руки было, как обычно, крепким и энергичным, улыбка разбитых губ – широкой.

– Совсем, что ли, заспался, боец? – довольно ухмыляясь, поприветствовал он меня. – А нас, между прочим, ждут великие дела! Давай уже быстрее, грузи свою тушку в машину!

– Что-то случилось?

– Шевелись, по дороге расскажу! – Михаил был настолько полон энтузиазма, что его, казалось, разрывает от нетерпения. Он резко переключил передачу и дал по газам.

– Это имеет какое-то отношение к вашему...? – я указал

на его раненое плечо.

– Да нет! Это всё ерунда, пустяки, проехали давно, – размыто отмазался он, и вдруг, вскинув руку, продемонстрировал мне золотые часы, красовавшиеся на правом запястье. – Вон, премию какую зато получил вчера за эту операцию!.. А главное, мне же дали «добро» на твой запрос! Да-да, так что мы сегодня же должны покончить с этим делом. Чем быстрее, тем лучше!

– Мы? – спросил я недоумённо.

– Мы, мы. Я тебе предоставляю все пароли и ключи шифрования, которые есть в распоряжении у нашего офиса. Коды доступа самого высокого класса, каким мы только располагаем. Но, сам понимаешь, секретность – высший уровень. Поэтому оставить тебя наедине с такими возможностями никак нельзя. Буду сидеть сегодня рядом и присматривать за тобой. Чтобы убедиться, что ты работаешь, а не удовлетворяешь праздное любопытство, роясь в наших данных и читая то, что не предназначено для посторонних! – он строго посмотрел на меня, но глаза его продолжали гореть задорным огнем.

Кивнув в ответ для приличия, я, на самом деле, по-прежнему не понимал причин его воодушевления. Впрочем, когда я сел на рабочее место и заметил, что мне заменили запаянные USB-порты на обычные, рабочие, азарт потихоньку начал охватывать и меня.

Я подсоединил к компьютеру переданный мне Михаилом

электронный ключ и принялся за работу. За время вынужденного безделья последних дней я успел здорово соскучиться по настоящему делу, да и проблема, решение которой уже столько времени не давалось мне, несмотря на уйму затраченных усилий, начинала порядком меня злить.

Если и теперь решение не найдется, впору уходить из профессии!

Я стучал по клавишам, как проклятый, пробуя одну идею за другой. Теперь, когда у меня на руках были все карты, я просто не мог потерпеть поражение!

Кроме того, разбираясь с подключением, я с не меньшим энтузиазмом решал в голове другую, тоже весьма увлекательную задачу – как сделать так, чтобы доступ не пропал после того, как Михаил заберёт у меня ключ? И как это сделать незаметно для него у него же самого на глазах? Последнее, впрочем, не представлялось таким уж сложным – здоровяк явно мало что понимал в происходящем на экране. Нет, концентрацию он не терял и внимательного взгляда не отводил, но на лице его всё более и более явственно проступало скучающее выражение. Особенно после того, как стало ясно, что обед я в пылу энтузиазма пропустил, а Михаил, боясь сбить меня с взятого следа, не решился мне о нём вовремя напомнить.

Наконец, проблема номер два была решена. Мне удалось создать на диске компьютера полную копию ключа. Теперь, когда физический ключ будет отсоединён, я смогу запустить

эмулятор и создать в системе виртуальное устройство, которое она не отличит от настоящего. Михаил же ничего не заподозрит, для него любое шаманство – что с кодом, что с настройками – всё одно, а дешифрованные записи из базы данных я, к его удовлетворению, и не думал открывать. Теперь осталось только решить основную задачу.

И вот, через два часа после официального окончания рабочего дня, допив одиннадцатую уже по счёту кружку крепкого чая, я удовлетворённо выдохнул и откинулся в кресле. Другие сотрудники в большинстве своём уже разошлись по домам, но в полку напряжённо дышавших мне в спину к тому времени только прибыло. Без пяти шесть к нам присоединился отец Арсений, молча встал за нашими спинами и хмуро поглядывал то на меня, то на экран, беспрестанно тебя растрёпанную бороду. А полчаса назад заявила и Лариса, уселась на соседний стол и, воткнув в уши наушники, беспечно болтала ногами в такт музыке.

– Ну?! – рявкнул вконец уже обалдевший Михаил, ёрзая от нетерпения. – Получилось, Склифосовский? Что там такое?

Я выдержал театральную паузу. Михаил громко сопел. Поп замер, оставив, наконец, в покое растительность на подбородке. Уловив повисшее в помещении напряжение, Лариса вытащила наушники из ушей.

– Что я вам могу сказать, господа... – устало вздохнул я. – Судя по всему, никакой ошибки-то и нет.

– погоди! – Рэмбо недоумённо затряс головой. – То есть, ты всё настроил?

– Нет, не настроил. И, похоже, не настрою.

– Это как так?! – задохнулась от возмущения Лариса.

– Гриша, – дребезжащим голосом проблеял Арсений, – а в чём, собственно, проблема?

– Да, Гринь, – пробасил Михаил, – почему нет?

– Я не могу этого сделать, – ответил я строго. – Смоленск не даёт вам разрешений.

Троица растерянно замолчала.

– Вы уверены? – спросил, наконец, Михаил.

Впрочем, как мне показалось, он сам не особенно-то был уверен в обратном.

– Абсолютно. Они отказывают вам в доступе к своей базе. Вернее, не ко всей базе, а к некоторым данным из неё. Так, например, данные по кристаллическим кодам, которые вы запрашиваете у них, получить невозможно.

– Но именно они-то нам и нужны! – шлёпнул рукой по столу поп, трясая у моего плеча своей козлиной бородой.

– Хм, Гришенька, а что если... – Рэмбо тем временем задумчиво потёр подбородок. – Что если нам эту их базу... ну, этого-того... взломать?

Я ахнул:

– Да вы что!

– Давайте без чтения морали, – отчеканила Лариса строго. – От вас требуется только ответить. Вы можете или нет?

- Ну, чисто теоретически... – мои руки забежали по клавишам. – Протоколы шифрования достаточно старые...
- А если ближе к делу, – перебила Лариса.
- Думаю, да, это возможно.
- Сколько? – нависла надо мной охотница.
- Полагаю, мне понадобится около месяца... – пробормотал я, неправильно истолковав её вопрос.
- Сколько денег хотите?
- Ааа, даже не знаю. Могу я чуть позже определиться?
- Уверен, что вопросов не возникнет, – поспешно заверил меня Михаил. – Но нам надо заранее согласовать это с нашим спонсором. Он у нас очень строгий.

Выйдя из здания СКОК, я напряжённо вздохнул и поёжился. Значит, всё, чем я занимался здесь до сегодняшнего дня – это была только присказка. А настоящая сказка ждёт меня сейчас, когда стала понятна реальная задача. Теперь-то мне всё ясно: и почему они обратились именно к стороннему программисту, а не к кому-то из своих, и почему никто из наших наотрез не захотел этим заниматься, и, в конце концов, почему Валерка сбежал за границу, оставив после себя только «жопу.doc». Сейчас я, наконец, осознал всю серьёзность короткой записи в его файле. Уж разумеется, такого специалиста как я в итоге должны обязательно «убрать». И если даже московский СКОК вдруг этого не сделает по завершении проекта, то смоленские охотники в два счёта вычислят меня

и точно грохнут. Я, конечно, могу отказаться, но, полагаю, это меня не спасёт – тогда меня ликвидируют прямо сейчас, как ненужного свидетеля. Короче, ситуация безвыходная. Я поэтому и назвал им такой долгий срок – длиною в месяц – чтобы за это время попробовать найти выход. А базу я наверняка мог бы взломать гораздо быстрее.

Отвлекая себя от тревожных мыслей, я вытащил мобильник, который не брал в руки весь рабочий день. Вообще мне, как и отцу Арсению, вдруг захотелось закурить, но и телефон, на крайний случай, тоже подойдёт.

Глядите-ка, неотвеченный вызов от Стеллы. Оказывается, она звонила ещё утром, в 8:57. Не сдержавшись, я улыбнулся. Вот так раз. В это время я ехал в СКОК, и звук у меня был включён, поэтому не услышать вызов я мог только в одном случае – если она, как и я позавчера, повесила бы трубку через пару гудков. Лучше бы она этого не делала, если бы хотела прикинуться безразличной к моим василькам. А теперь-то, набрав мой номер и вдруг резко передумав со мной говорить, уж точно выдала себя.

«Привет. Звонила?» – написал я ей, уже догадываясь, какой ответ получу.

«Извини, ошиблась номером».

Прочитав сообщение, я хмыкнул.

«Нет, ты как раз не ошиблась»,

«Понравились цветы?»»,

«Надеюсь, твой муж не сильно разозлится», – я несколько

раз писал новый текст и тут же стирал его, не отправив. Так и не найдя уместных слов, убрал телефон обратно в карман.

С Вернер так играть нельзя, иначе мне уж точно не избежать преждевременной мучительной смерти. А смолчав, я ещё смогу надеяться на то, что она меня всё же помилует – если не во сне, то хотя бы наяву.

Глава 22. Когда вампирам скучно

«Этот металлический привкус во рту не даёт уснуть. Раньше я перевязывала раны солдатам, а теперь я их убиваю. Из медсестры, спасавшей жизни, я превратилась в кровожадного монстра. Боже праведный, лучше бы я в ту ночь умерла!

А хотя... нет, неправда. Так и было. Я умерла, а та, кто пришла на моё место – это уже не я. Я совсем её не знаю. А для меня... для меня больше нет здесь места. На этой войне мне нечего делать. Ни русским, ни фашистам я больше ничем не смогу помочь.

17 ноября 1942 г.

Ростов».

«Я иду пешком. Одна. Заснеженные поля, леса, сугробы, деревни, города... Люди, которые встречают меня, предлагают помощь, еду и ночлег, но я сторонюсь их. Помощь мне не нужна. Еда и сон тоже. Вот только сапоги совсем стёрлись и ноги промокли. Но какая мне разница. Я больше не заболую...

15 декабря 1942 г.

Курск».

«Рождество. Первое Рождество, которое я праздную одна. Лес. Холодно и темно. Но в темноте мне уютно. Только есть

хочется. Почти месяц ничего не ела.

Спать тоже хочется, но я не буду. Мне теперь снятся только кошмары. Каждую ночь я кого-то убиваю. Ужасно. Не хочу это видеть.

7 января 1943 г.

Брянск».

«Я вернулась в Смоленск. В нашу деревеньку. Мой дом такой же, как и раньше. Его не разрушили, не сожгли. Какое счастье видеть его, хотя бы издалека!

Я видела маму. Ещё одна радость – она жива и здорова! Я видела её нового друга. Мужчина средних лет, с виду даже помладше папы. Он помогал ей расчищать снег во дворе, и она казалась вполне счастливой, несмотря на то, что потеряла мужа и дочь на войне. Только морщинок у глаз стало больше.

Как же мне хотелось подойти... нет, подбежать! И обнять её. Расцеловать в эти морщинки! Но я не стала. Мне больше нет там места. Ей сказали, что дочь умерла на войне, в плену, и пусть будет так. Я для неё мертва, у неё новая жизнь. Дай бог, чтобы она была счастливой.

20 февраля 1943 г.

Смоленск».

«Война с фашистами давно закончилась, но война внутри меня продолжается. Моя война, наверное, теперь будет веч-

ной.

Зачем ты снишься мне, мой убийца?.. Зачем приходишь каждую ночь?

Недостаточно моей крови ты выпил? Хочешь ещё? Зачем целуешь мои руки? Почему не пытаешься со мной говорить?..

Я не хочу видеть тебя. Или хочу. Я не знаю. Я запуталась. Встретимся ли мы ещё, или сны с тобой – всё, что мне остаётся?..

10 августа 1949 г.

Минск».

«Столько лет прошло, но он не забывает про меня. Он зовёт меня к себе. Кажется, он единственный, кому я теперь нужна. Всем остальным я приношу только несчастья и смерть... Но как мне найти его?..

28 апреля 1955 г.

Варшава».

«Не думала, что когда-нибудь скажу это, но, кажется, жизнь наладилась. Я больше не боюсь людей, а всего-то для этого мне нужны были перчатки и чеснок. Я выучилась на врача. Работаю, продолжаю учиться. Как много можно успеть узнать и сделать, когда в запасе вечность...

Эмиль говорит, что мы должны встретиться. Что время пришло. Во сне он кинул мне красную нить и сказал, что по

ней я найду его. Но я и так знаю, где он. Я тут, совсем рядом. Просто нужно решиться...

28 марта 1978 г.

Тирасполь».

«Почему? Почему же мы не сделали этого раньше?!..

Наша вторая встреча, подобно первой, была похожа на ураган. Так же, как он впервые ворвался в мою жизнь и перевернул в ней всё с ног на голову, он изменил меня и сейчас. Он снова сделал меня живой!..

Ещё издалека я увидела его силуэт в свете ночных фонарей. Тридцать восемь лет как один день! Вот он, мой убийца и спаситель!

Я сорвалась с места и побежала к нему, а он побежал ко мне. С жаром схватил меня за плечи и заглянул в моё лицо. Придержал его ладонями, всматриваясь в знакомые черты. Потом пальцами легонько потянул уголки моего рта вверх, заставляя улыбнуться. Показались кончики двух заострённых белоснежных клыков, и только тогда он, успокоившись, кивнул и прижал меня к своей груди:

– Всё хорошо. Ты всё-таки жива!..

Его шёпот... До боли узнаваемый румынский акцент. Такой осязаемый, терпкий, обволакивающий:

– А помнишь... А помнишь войну?

– Помню... – едва дыша, шепнула я в ответ.

– Как давно это было... как будто не по-настоящему.

– Будто кошмарный сон или жестокая игра.

– И в самой гуще этого сумасшествия – мы... – прижав мою голову к своей груди, он гладил мои волосы. Уже не то испачканное короткое каре, как тогда, в сорок втором, а блестящий в лунном свете шелковистый водопад длинных прядей.

Он ещё долго обнимал меня и целовал. А потом сказал, что теперь всё будет по-другому. Что теперь он никуда меня не отпустит.

Неужели, мои скитания окончены, и я, наконец-то, дома?..

23 мая 1981 г.

Бухарест».

Уф. Дочитал всё-таки. Едва решился, весь вечер ходил вокруг оставшихся записей из дневника, прежде, чем отважился прочесть их до конца. Осторожно сложив листы, я отправил их на книжную полку – к остальным.

Ну и тугодум этот Эмиль, почти сорок лет где-то шлялся, прежде, чем сделать то, что он должен был бы по-хорошему сделать сразу. Хотя, ладно, признаю, в военные годы его и самого могли расстрелять за связь с русской, но после войны-то что ему мешало? Где он отсиживался? Чем занимался всё это время? Что-то не верю, что он все эти годы был один...

Короче, не понравился он мне. Совсем. Эгоист и само-

дур. И, возможно, ещё и бабник. А у Светы, похоже, просто «стокгольмский синдром», а не любовь. Надеюсь, она скоро всё это поймёт и пошлёт его.

Хм, или я просто ревную?

Я побарабанил пальцами по столу. Вот уж не думал, что со мной снова когда-нибудь это произойдёт. Особенно если учитывать, что у меня теперь больше нет сердца.

Пытаясь прогнать от себя провокационные мысли, я решил позвонить маме. Хотел сделать это ещё утром, сразу после кошмарного сна, но сначала было слишком рано, даже для такого «жаворонка» как она, а потом меня поглотила уборка и работа.

А сейчас, вечером, я всё же набрал её номер, и мы проговорили целых два часа – неожиданно много для двух взрослых людей с разными графиками, характерами и взглядами на жизнь. До этого я не созванивался с ней полгода, если не больше и, признаться по правде, не испытывал такого желания. Я всегда чувствовал себя своего рода обузой для неё – как, наверное, и любой ребёнок-инвалид. Поэтому, как только я вырос и стал самостоятельным, я отдалился, предоставив её самой себе. Она, в общем-то, не возражала. Но сегодня я понял, что нам нужно пообщаться. Что моя детская травма, за которую зацепилась во сне Стелла, требует как минимум пристального изучения, а ещё лучше – проработки.

И, знаете, что было? Я сказал ей, что я её люблю. Что бла-

годарен ей за мою жизнь, за моё детство, за всё, что она для меня сделала, и вдвойне благодарен – за всё, чего не сделала. Что я родился такой, какой родился, и, значит, на это был какой-то особый божественный замысел. Что если бы мне вновь дали возможность выбрать, в какой семье и у каких родителей родиться, я бы выбрал их с папой. А на отчима и сестрёнку я больше не злюсь. Ещё я сказал ей, что в последнее время чувствую себя лучше, и мне больше не нужен инсулин. Правда, она, кажется, в это не поверила, как и во всё остальное. Но самому мне стало гораздо легче, когда я высказался.

После того, как я повесил трубку, я некоторое время задумчиво сидел с телефоном в руках, потом открыл мессенджер и написал Стелле короткое сообщение:

«Кажется, твои кошмары меня исцеляют. Спасибо».

* * *

Этой ночью мне снился прекрасный сон. Должны же мне когда-нибудь сниться и хорошие сны. Едва я закрыл глаза, какая-то сила нежно вытянула меня через макушку из тела, и мне стало так легко, уютно и тепло.

Все заботы я бросил позади. Все проблемы и даже память о них остались где-то далеко-далеко внизу, на земле, в этом пыльном, безжизненном городе. Я разом всё забыл, и токи горячей энергии побежали по моему до этого зажа-

тому, словно окаменевшему телу. Какие же всё-таки люди негативные и ограниченные. Выдумывают себе проблемы и не видят за ними настоящей жизни. Не видят этой чудесной ночи. Этой луны, этого тёмно-синего бездонного неба, этих звёзд. Этих еловых лесов, пахнущих хвоей и терпкими дикими травами.

Я открыл свои чёрные бусинки-глаза – маленькие, но выразительные и зоркие. Поводил в разные стороны носом, улавливая воздух, полный притягательных ароматов. И вот уже какая-то неведомая сила изнутри моего нового тела подбросила меня вверх словно камень. Я сделал взмах перепончатыми крыльями – и взмыл в ночное небо, будто магнитом притягиваясь к лимонно-жёлтой полной луне.

Я чувствовал себя не крохотной летучей мышью, а как минимум цепным псом, который после долгих лет заточения в будке, наконец, сорвался с привязи на волю. И если бы кто-то в этот момент сказал мне, что утром я по собственной воле войду в своё человеческое тело – я бы ему не поверил.

Впрочем, какая разница. Утро будет так нескоро, что и думать о нём не хочется. Сейчас ночь – моё время, моя стихия.

Маленький моторчик в моей груди, быстро-быстро стуча, нёс меня над лесами и полями со скоростью ветра. Я не знал, куда именно лечу, но моё тело как будто бы знало. Чувствовало кожей, костями.

Вдалеке показались жёлтые огни домов, и лес сменился деревнями и посёлками. Запахло дымом, поднимающимся

из труб, жжёными поленьями. Наверное, ночь сегодня холодная, но я-то не мёрзну, а вот люди топят печь, чтобы согреться. Спустившись ниже, я вдохнул поглубже этот запах, и тут же снова взмыл в небо, продолжая свой извилистый путь. Прощай, маленькая деревенька, пожелай своим жителям сладких снов, а мне нужно дальше.

Тёмно-серый каменный коттедж-замок, увитый плющом, я увидел ещё издалека. Сюда часто слетаются мои друзья, и я тоже люблю это место. Я спикировал под крышу и повис на ней вниз головой, рядом с ещё одной такой же летучей мышью.

«Привет», – сказала она мне без слов. Я не услышал её, а скорее почувствовал телом.

«Привет», – ответил я так же, на беззвучном языке.

Напротив нас, за стеклом, украшенным витражом, был чей-то рабочий кабинет. Обтянутый тёмно-зелёной тканью стол, лампа, какие-то ещё предметы на нём. А вдоль стен – шкафы с книгами в старых, тёмно-бордовых переплётках.

– Поздно уже. Почему не спишь? – я ощутил тонкую вибрацию человеческого голоса и узнал в говорящем Штефана. Говорил он на человеческом языке и, наверное, не на русском – потому что самих слов я не понимал, но то, что они означали, каким-то образом чувствовал.

Голубоглазый подошёл к окну и, подняв голову, смотрел сначала прямо на нас – двух мышей – а потом на ночное небо.

– Я читал, – ответил ему с опозданием вкрадчивый баритон. Тоже до дрожи мне знакомый.

– Но книга закрыта, – подметил Штефан мягко. – Стэн, тебе пора отдыхать.

Константин встал из-за стола, и пространство вокруг него как-то неприятно, мелко-мелко задрожало, искривляясь волнами – будто вода, в которую кинули камень. Летучая мышь рядом со мной, почувствовав это, встрепенулась, резко раскинула в стороны крылья и взмыла ввысь. Моему маленькому тельцу инстинктивно захотелось сделать то же самое, но я удержал его силой воли.

Штефан пытается указывать гипнотизёру Константину, что делать – довольно дерзко с его стороны. Я просто обязан увидеть, чем это закончится!

– Спасибо, – ответил Константин спокойно. – Наверное, ты прав. Пора.

Удивлённый, я ещё долго шпионил за ними, но они больше ничего не говорили. Штефан продолжал смотреть в окно, любясь звёздами, а Константин стоял у стола за его спиной, не сводя с него своих чёрных глаз. Потом он беззвучно подошёл к юноше сзади и, положив руки ему на плечи, вдруг жадно припал губами к его шее. Тот вздрогнул от неожиданности, но ничего не возразил. Только закрыл глаза и легонько прикусил губу.

Интересно, зачем он это с ним сделал? Может быть, когда вампирам скучно, они иногда вот так развлекаются, попивая

кровь друг друга?..

Странные они, всё-таки. Наверное, у них и правда какие-то свои, звериные повадки, но и зверю, в теле которого я сейчас находился, не удавалось их понять.

Размяв косточки, я потянулся, расправил крылья и сорвался с крыши. Камнем полетел вниз, а у самой земли сделал взмах и взметнулся к небу. Я поднялся над их домом, над елями и соснами, над посёлком. И полетел куда-то на запад. Туда, куда меня звала звенящая тишина тёмной, дикой ночи.

Глава 23. Младше на 200 лет

Всю оставшуюся рабочую неделю я упражнялся в астральных переселениях и даже нашёл в них определённое спасение – если ночью я выходил из тела, то мне не снились кошмары. Правда, я во время таких переселений и не отдыхал тоже. Моё тело не спало, а находилось в какой-то неестественной отключке, будто бы под наркозом. Потом оно довольно тяжело «раскачивалось», руки и ноги были как ватные и совсем меня не слушались. И только спустя, может быть, полчаса или час после пробуждения я возвращался в себя окончательно.

Наверное, пройдёт ещё какое-то время, прежде чем я научусь так же хорошо контролировать себя в телах животных, как в своём собственном. Входить в них оказалось легче, чем сохранять при этом свои сознание и память. Особенно с последней были проблемы – едва попав в шкуру другого существа, я тут же напрочь забывал, какую цель ставил для себя перед переселением и нёсся куда-то, опьянённый чувством беззаботности и свободы. Так что ничего интересного мне больше увидеть не удалось.

Я пытался ночью слетать в теле летучей мыши в СКОК, но у меня пока ничего не вышло. Не долетел, отвлёкся на другие, как мне тогда казалось, более важные занятия – охотился и кормил своих мышат. А волком я туда попасть не смог

по другой причине – мешал высокий забор. Но вообще, прогресс, конечно есть. До этого, с утра – по дороге на работу – я отключился, сделав вид, что уснул, а сам сел на прожектор автомобиля маленькой незаметной синичкой. Так я и проехался на крыше с ветерком все два часа, запоминая дорогу до московского штаба. Жаль, что потом пришлось экстренно просыпаться – Михаил по прибытии так сильно тряс меня за плечо, что у синички чуть было не отказало от страха маленькое сердечко. Я поспешно вышел из неё и пошпионить не успел.

Что касается моего нового спецзадания, то с утра в среду меня на работе ждал очередной сюрприз. Михаил заглянул ко мне перед началом рабочего дня и, пыхтя, притащил с собой что-то не очень большое, но, судя по всему, довольно тяжёлое. Кряхтя, он издал такой звук, какой слетает с уст тяжелоатлетов, когда они вскидывают штангу кило на двести, и с массивным стуком взвалил мне на стол нечто золотистое и прямоугольное, похожее по форме на кирпич.

– Что это? – я моргнул, проверяя, не сплю ли.

– Это, Гришенька, аванс тебе. Чтобы, так сказать, работалось веселее. Чистое золото, между прочим! Тяжеленное, ух!..

Несколько шокированный масштабом задатка, я некоторое время просидел неподвижно – даже «спасибо» забыл сказать. Но потом всё же очнулся и взялся за дело, причём со всем возможным энтузиазмом. Уж очень любопытно стало

узнать, что такое сверхценное содержится в смоленской базе, если СКОК легко раскошелился на настолько странный, но, безусловно, внушительный, аванс.

Однако, несмотря на все приложенные усилия, орешек оставался весьма и весьма крепким. По всему выходило, что защиту на той стороне настраивали весьма серьёзные ребята, знавшие толк в своём деле, и взломать её будет всё же не так просто, как я думал изначально. Что же, дорогу осилит идущий. Я запустил несколько программ, перебиравших возможные уязвимости и активно искавших бреши в смоленской защите, и всё, что мне теперь оставалось – это набраться терпения.

Тем не менее, у меня было, чем заняться во время ожидания. Данные, которые я мог теперь с помощью виртуального ключа извлечь из московской базы СКОКа, интриговали меня ничуть не меньше, чем таинственные секреты их смоленских коллег. Объём информации был настолько огромным, что, как говорится, глаза разбегались – прямо не знаешь, с чего начать и за что хвататься. Вот, например, досье на многочисленных вампиров, находящихся в розыске. Я спешно пролистал неизвестные мне имена и фамилии и вдруг аж подпрыгнул на месте. Ух ты, какие люди! Это же сам Константин Цепеш! Описание сходится – ментал-гипнотизёр и экстрасенс первого типа. И фотка его – с тех пор он, совсем не изменился. Между прочим, обещают премию в тридцать три миллиона долларов тому, кто его поймает. Я

аж глаза протёр: это же сколько нужно золотых кирпичей?! Интересно, откуда у СКОКа такие бешеные деньги?.. Впрочем, наверное, это блеф. Всё равно они понимают, что шансы поймать Константина стремятся к нулю. Из его досье я ещё вычитал, что он заседает в думе под мирским псевдонимом Святослав Царёв – это его имя и фамилия по последнему паспорту. И хотя его, так сказать, место работы уже давно вычислили, никто из охотников, похоже, не решается вступить с ним в схватку. Или решаются? Я раскрыл список операций с его участием и ахнул. Нет же, решаются, да ещё сколько! Но каждый рейд заканчивается одним и тем же – вся группа охотников после встречи с ним пропадает без вести.

Я хмыкнул. Что тут скажешь. Похоже, Константин – достойный противник Касперу. Такой же неуловимый.

Помимо отчётов о многочисленных провальных операциях, в базе хранились и данные об успешной охоте на вампиров. И вместе с ними – подробные описания того, какие боевые тактики применялись и какое оружие использовалось. Кстати, а нельзя ли почитать поподробнее, чем можно пронять нашего брата?

Как выяснилось, очень даже можно. В одном из разделов были собраны и тщательно систематизированы материалы на тему того, что вообще известно СКОКу о вампирах, их способностях, уязвимостях, возможностях, эффективности применения против них различных видов боевых отравляющих веществ и иных способов воздействия: огня, кислоты,

электрического тока и многочисленных видов огнестрельного и холодного оружия. Часть информации поступала с полей, но в основном база содержала отчёты о результатах бесчисленных опытов, проведённых в лабораториях московского штаба. Мне всё больше и больше становилось не по себе по мере того, как я осознавал, чем изо дня в день занимаются в стенах нашей организации. Выходило так, что моих собратьев поневоле – вампиров, которым не посчастливилось попасть в цепкие лапы рыцарей креста и кола – с утра до вечера накачивали разной наркотической дрянью, облучали радиацией, травили ядами, пропускали через них электрический ток и просто резали на части. Чтобы потом, хладнокровно засекая время по таймеру, раз за разом заносить в свои протоколы скрупулёзные записи о том, как и за какое количество времени кристалл смог восстановить повреждённое тело. Само собой разумеется, весь спектр чувств вампира при этом никого не интересовал.

Меня невольно передёрнуло при мысли о том, что могло бы быть, если бы «коллеги» раскрыли мой маленький секрет. Я представил, как Рэмбо всаживает в меня пулю за пулей, Лариса отрезает своим ножичком по кусочку, а Козлиная борода, сменив рясу на белый халат, сидит за столом с секундомером и с задумчивым видом заносит ровные ряды записей в потрёпанный журнал... брр! При всём уважении, такие кошмары не под силу придумать даже Стелле.

Как выяснилось, большинство перечисленных выше спо-

собов показали свою неэффективность: кристаллы легко регенерировали тело после огнестрельных ранений и ожогов, очищали от ядов и радиации, сопротивлялись отравляющим газам и ультразвуку. Всего лишь несколько средств были отмечены как действенные – и всё используемое в настоящий момент бойцами СКОКа вооружение так или иначе базировалось на них. Первое – это старое-доброе серебро. Оказывается, оно способно не только ослаблять кристалл, но и воздействовать на парообразную кровь вампира. Регенерация в местах порезов и пулевых ран, сделанных серебром, замедлялась, а если контакт с серебром продолжался, то и вовсе останавливалась. Кровь сжижалась и начинала течь, как у обычного человека, раны не затягивались, отрубленные конечности не приживались назад. Ножам и пулям дело не ограничивалось, серебро пробовали применять всеми возможными способами – например, вводя жидкий раствор аргентума в кровь подопытных, экспериментаторы ослабляли их паранормальные способности, лишали физической силы и ловкости.

Мне вспомнился тот странный вампир, на которого я случайно наткнулся, когда заблудился в хитросплетении местных коридоров. Уж не капельницу ли с серебром ставили тому парню?..

Ладно, посмотрим дальше, что там ещё? Яркий свет, чеснок и, кто бы мог подумать, осина. Свет экспериментаторам особенно понравился. Несмотря на то, что никакой разру-

шительной силы он не имел, возможность во время боевых действий ослепить и даже на время парализовать противника была достаточно заманчива, и исследований на эту тему проводилось много. Выяснилось, что наиболее эффективен с этой точки зрения ультрафиолет: его направленный луч слепит вампира быстро и эффективно, дезориентирует и вызывает болевой шок. В СКОК было разработано множество опасных «игрушек» с его использованием – от наплечных фонарей и фонарей-дубинок для оперативников и охранников, до сверхмощных моделей, которые устанавливались на автомобили и даже на бронетехнику. Последние могли работать по большой площади и предназначались к использованию во время штурмов и других крупномасштабных операций.

Про чеснок я, похоже, уже всё знаю. В общем-то, тоже не опасная штука, но блокирует обоняние, тем самым «выключая» синдром хищника и сверхспособности вампиров-нюхачей. С меньшей эффективностью для этой же цели можно использовать перец и имбирь, но они, в отличие от чеснока, могут не подействовать на слишком голодного вампира, поэтому СКОК использует только чеснок – в чистом виде и в «чесночных» газовых баллонах.

Осина по своему действию аналогична серебру, однако сейчас от её использования отказались ввиду того, что металл функциональнее и практичнее дерева. Осиновый кол остался только на эмблеме СКОКа, а охотников этой шту-

ковинной больше, к счастью, не вооружают и даже осиновый экстракт в капельницах не используют из-за неудобства его получения.

Я снова вспомнил о несчастном вампире в смирительной рубахе и с иглой в вене. Уверен, где-то тут в базе должны быть и записи о том, кто сейчас содержится в заключении. Хорошо бы и их изучить, но не сейчас. Я сделал себе мысленную заметку на следующей неделе начать с того, чтобы поискать эту информацию. А пока пришлось побороть искушение задержаться подольше на работе, чтобы не вызывать лишних подозрений.

Тем более, сегодня пятница, а я за эту неделю явно заслужил короткий день.

* * *

Вечером, в 18:00, я подъехал к уже хорошо знакомому мне зданию больницы и припарковался напротив входа. Ехать решил прямо с работы, чтобы не терять времени. Константин велел быть у него именно в пятницу – не в субботу – а до полуночи, учитывая долгую дорогу, времени оставалось впритык.

«Привет. Я приехал за тобой. Выходи», – написал я Стелле, на что получил холодный ответ:

«Я закончу часа через два».

«Так не пойдёт! Мы опаздываем».

«Много работы».

Я проложил на навигаторе маршрут до места назначения и понял, что у меня в запасе всего полчаса на то, чтобы уговорить её свернуть. Стараясь не обращать внимания на подрагивающие ресницы, я хлопнул дверцей машины и решительно направился в здание больницы.

На посту отделения гематологии меня поджидала уже знакомая медсестра. Увидев меня, она толкнула в бок свою коллегу – совсем молоденькую девушку, которую я до этого тут не видел. Потом улыбнулась мне:

– Здравствуйте! Боюсь, вы снова не вовремя. Она попросила её не тревожить.

– Я-то, как раз, вовремя, – минуя пост, я пошёл дальше, скользя глазами по табличкам на дверях в поисках ординаторской.

– Молодой человек, вы меня не поняли! К ней нельзя!

– Мне можно, – отмахнулся я, не оборачиваясь.

А вот и знакомая дверь. Сначала в общую ординаторскую, а потом, слева, в её отдельный кабинет. Долго не сомневаясь, я опустил вниз скрипучую ручку.

– Я же просила никого ко мне не пускать!.. – возмутилась Вернер, услышав, как открылась дверь. Потом подняла глаза и осеклась.

– Стелла, честное слово, я пыталась его остановить, – с юмором пожаловалась из-за моей спины медсестра.

– Да, этого не остановишь, – буркнула та недовольно. –

Чёрт с ним, пусть сидит здесь.

Медсестра, пожав плечами, удалилась, а я прошёл к её столу и занял стул напротив – так же, как в прошлый раз, когда мы с ней только познакомились. Правда, сейчас я её совсем не интересовал – она была так погружена в работу, что как будто меня не замечала.

– Я же тебе написала, – бросила она, не переставая стучать по клавишам, – у меня сегодня много дел.

– Ничего, я подожду, – я окинул взглядом букет, стоящий на краешке стола, довольно кивнул сам себе и добавил. – Минут десять у нас есть.

Стелла потрясла перед моим лицом увесистой кипой медицинских карт:

– Мне нужно всем вот этим людям сделать выписки. Это часа на два, а то и на три.

Я промолчал. Она пожала плечами и продолжила печатать, изредка поглядывая на меня.

– От кого цветы? – поинтересовался я через пару минут.

Вернер, наконец, оторвалась от своего файла и внимательно на меня посмотрела. Буркнула:

– Не знаю, – и снова погрузилась в документ. Но через пару секунд, прищурившись, опять перевела взгляд на меня.

– Что-то не так? – спросил я.

– Уж не ты ли... – с вызовом проговорила она и прервалась.

– Не я! – я поспешно мотнул головой.

– Не ты?

– Делать мне больше нечего!

Она снова уставилась в свой монитор и, судя по выражению лица, некоторое время пыталась поймать потерянную мысль. Потом вздохнула:

– Нет, придётся им всё-таки забирать свои выписки в понедельник, – и решительно закрыла документ.

Выключив компьютер, Стелла достала вешалку из шкафа и принялась растёгивать пуговицы на своём халате.

– Не смотри на меня так! – приказала грозно.

Я ухмыльнулся. А ведь и правда, я, сам того не замечая, невольно следил за её руками:

– Прости... – я вскочил, помогая снять халат с плеч. Повесил на вешалку и передал ей.

Хлопнув дверью шкафа, она разгладила складки на своём чёрном платье и слегка поправила волосы – между прочим, сегодня она была без строгого хвоста, только боковые прядки заколола назад, чтобы не мешались. Но сейчас, посмотрев в зеркало, и их распустила.

Бросила быстрый взгляд на стол, осмотрела разложенные по нему бумаги, задержалась ненадолго на васильках. Потом снова повернулась ко мне:

– Помоги мне с чемоданом.

– Конечно! – я с готовностью схватился за ручку её дорожного чемодана, наклонил его, ставя на колёса, и тут же от неожиданности согнулся под его весом. – Ух ты, сколько

же там литров?!

– У Константина отменный аппетит, – мрачно проговорила Стелла. – А теперь ещё и ты появился.

– Я-то как раз много не ем... – кряхтя, я, тем не менее, повёз этот неподъёмный гроб к двери.

Выпустив меня первым из кабинета, она вышла следом и прикрыла было дверь, но тут до наших ушей донеслось:

– Я вот всё никак не пойму, это муж или любовник?..

Стелла застыла как вкопанная, так и не вставив ключ в замочную скважину.

– Да муж, конечно. Слишком уж он... самоуверенный.

Я хмыкнул.

– А я вот сомневаюсь. Кажется, он младше её. И на пальце кольца нет. Любовник всё-таки, наверное.

– Ой, не знаю. Мой тоже кольцо не носит. И вроде они примерно одного возраста.

– Ты второй год тут только, а я давно за ней наблюдаю. Она уже долго у нас работает, лет десять точно, так что ей уже тридцатка с хвостиком. Просто сохранилась хорошо...

Стелла снова открыла дверь и на этот раз, закрывая её, громко ей хлопнула. Тут же вставила ключ в замок и со скрипом дважды провернула его. Дамы на посту осеклись и замолкли.

Проходя мимо них, я не удержался. Остановился ненадолго и, прикрыв рот ладонью, громким драматическим шёпотом проговорил:

– Вы правы, я её младше. Думаю, лет на... на двести как минимум!

– Прекрати сейчас же, – сквозь зубы процедила Стелла, обернувшись на меня.

– Просто она молодо выглядит, – не унимался я. – Ведьма! А ведьмы не стареют...

– Волков! – рывкнула врач. Она поравнялась со мной и, взяв меня за рукав пиджака, настойчиво потянула к выходу, пока я ещё чего-нибудь не ляпнул.

– Ну! Что я тебе говорила! – тем временем ликующе воскликнула одна из медсестёр. – Видишь, у них фамилии разные!

Вторая ткнула её локтем, и та промямлила:

– Ой, извините... Я имела в виду... Ну, в смысле...

– Ну всё. В понедельник нас точно уволят, – мрачно проговорила младшая у нас за спиной, когда мы были уже у лестницы. – Обоих.

* * *

Мне пришлось порядком поднапрячься, чтобы затолкать большущий чемодан с кровью в машину. Несколько раз я приподнимал его и тут же, чертыхаясь, ставил обратно на асфальт. Перехватывал поудобнее – и снова терпел фиаско. Наконец, рыкнув от натуги, всё-таки вскинул его достаточно высоко, чтобы протолкнуть в багажник. Машина заметно

качнулась и опустилась. Перевернув чемодан на бок, я убедился, что он надёжно лежит и не ездит – впрочем, это было лишним, потому что в багажнике теперь совсем не осталось свободного места. Захлопнул дверцу и в изнеможении вытер пот со лба.

Когда я сел за руль, Стелла была уже на пассажирском. Она ничего мне не сказала и вообще отвернулась вправо, к своему окну. Сначала я даже не заподозрил неладное, но потом, присмотревшись внимательнее, заметил, что она плачет.

Я приблизился и заглянул в её лицо. Лицо как всегда серьёзное, будто каменное, ничего не выражающее, а по щекам текут слёзы. Ну и ну. Что-то всё-таки Каспер напутал, когда писал мне, что у вампиров нет сердца и души.

– Стелла, ты чего? – растерялся я. – Что тебя так расстроило?

Она, разумеется, не ответила. Только легонько закусила губу.

– Может, это из-за моих слов?.. Ну, не обижайся. На самом деле ты, конечно, не выглядишь на двести лет! Они меня просто разозлили своими длинными носами, и я так сказал горяча. А вообще тебе можно дать только лет шестнадцать от силы!.. Ладно, – я поспешно свернул опасную тему. Порылся в бардачке и выудил оттуда упаковку бумажных салфеток. – Наверное, это не моё дело. Вот лучше, держи.

Пристегнув её ремень безопасности, я неспешно тронулся

с места. Мы выехали за территорию больницы, там я оставил машину на аварийке и пробежался до ближайшего продуктового магазина.

– Если вдруг захочешь, – я коснулся её плеча.

– Что это? – она повернулась и смерила оценивающим взглядом сначала меня, потом бутылку воды, которую я ей протягивал.

– Минералка, – я развёл руками. – Крови у них не было. Ну, если хочешь, принесу из багажника.

Стелла поджала губы, потом всё-таки выдавила из себя:

– Спасибо.

Я открутил крышку, и она даже сделала пару глотков.

– Поехали, – сказала совсем тихо. – Опаздываем.

Всю дорогу до Смоленска она молчала, а я почти постоянно что-то говорил. Всё-таки пять с лишним часов езды – хотелось как-то их скрасить. Рассказывал ей истории из своей жизни. Про маму и папу, про бабушку с дедушкой, про своих друзей детства. Про развод родителей и переезд из Украины. Про отчима и сводную сестру. Про школу. Про то, как проводил лето на даче под Смоленском. Про Стёпку. Про Линкольна. Про институт и друзей-сокурсников. Про то, как устроился на работу. Про прогрессирующий диабет, больницы, лекарства. Про волонтерство и вегетарианство. Про Катю. Про мордобой на корпоративе. Про увольнение и потом, снова, стремительное трудоустройство. Про то, как нашёл Влада в лесу. Про мои новые мытарства по врачам в

попытках вылечиться от бессмертия. Про полную растерянность и непонимание, как жить дальше. Про ночные кошмары. Про странных товарищей из СКОК. Про то, как у них там всё устроено в московском штабе. Про базу данных, которая никак не поддаётся и которую теперь меня просят взломать. Разве что, про её дневник умолчал. И про письма Каспера тоже. Слишком много у неё к нему негатива, а помочь в его поисках я всё равно не смогу, так как сам ничего о нём не знаю.

Стелла ехала молча, ни разу меня не перебила. Интересно, слушала ли вообще? Или думала о чём-то своём?..

Только когда мы уже подъехали к воротам, она сказала негромко:

– Да, тебе, оказывается, тоже от жизни досталось.

Отстегнулась и вышла из машины, не оборачиваясь.

Глава 24. Алхимик

На участке возле калитки меня встретил небольшой белоснежный конь. Увидев меня, он громко заржал и встал на дыбы, перебирая в воздухе передними ногами. Я сначала подумал, что этот копытный сбежал из конюшни Константина, но потом рассмотрел у него во лбу ребристый, сияющий в ночи всеми цветами радуги, рог.

Мифическое животное подбежало ко мне и теперь скакало кругами, бодро цокая копытами по каменной дорожке.

– Влад, это ты что ли? – осенило вдруг меня.

Единорог фыркнул, раздув ноздри, повернулся вокруг своей оси, поднимая пыль, и предстал передо мной уже в человеческом облике:

– Привет! Привёз мне чего-нибудь вкусенького?

Мне аж совестно стало.

– Малыш, нет, извини. У меня тут только кровь, – я указал на чемодан, который с трудом вёз за собой.

– А четвёртая отрицательная есть?

– Не знаю, – я присел и расстегнул молнию, – давай вместе посмотрим. Так, это первая, это третья... а это четвёртая, но положительная... О, есть, нашёл! Держи.

Мальчишка ликующе взвизгнул, получив донорский пакет, и вприпрыжку поскакал с добычей к дому. Он и в человеческом теле ведёт себя немножечко как конь – хмыкнул я

про себя.

Константин поджидал меня в прихожей, прямо напротив двери. Словно бы между делом отобрав у пробегающего мимо Влада кровь, он окинул меня неприкрыто издевающимся взглядом. Затащив чемодан на последнюю ступеньку, я с облегчением выдохнул и уже в который раз смахнул со лба пот. Чёртова лестница. Чуть не задохнулся, пока поднимал сюда чемодан. Как же Стелла его возит?..

– Братик, ну пожалуйста, отдай! – тем временем заканючил Влад, прыгая вокруг него.

– Четвёртую отрицательную ты сегодня не заслужил, – строго отрезал Цепеш старший. – И вообще, на ночь есть вредно. Кошмар приснится.

– Ну брати-ишечка!..

– Марш спать!

Мальчик, понуриив голову, ушёл наверх, к себе в комнату. Константин же подошёл ко мне и внимательно принялся. Некоторое время водил носом в воздухе рядом со мной, потом вдруг громко расхохотался:

– Ха! Вот так номер! Раскол в ряду охотников! Такого даже я не предполагал!.. – воскликнув так, он резко умолк, и его сузившиеся зрачки быстро-быстро забегали слева направо. Мне даже показалось, что он сейчас читает моими глазами информацию из базы данных московского СКОКа.

Чтобы ознакомиться со всем тем, чем я занимался на протяжении рабочей недели, ему хватило пары минут.

Его взгляд остановился. Теперь он смотрел куда-то словно сквозь меня.

– Интересно... – протянул он. – Очень интересно... Значит, Б-4... В зелёном секторе... Хм...

Он стоял напротив меня в гипнотическом оцепенении, прожигая взглядом мой лоб, где-то в районе третьего глаза. Потом вдруг ни с того ни с сего встрепенулся и снова рассмеялся:

– Гриша, ты серьёзно?! Васильки?!.. – смех его душил, и он едва мог говорить. – Что за наивность. Неужели ты сам не видишь?..

– Не вижу что? – с напором переспросил я, очнувшись.

– Не видишь, что старое время прошло навсегда. Сейчас всё иначе. Она другая, – Цепеш прервался, потом уверенно отрезал. – У тебя нет шансов.

Ну точно, он в курсе. Как я и предполагал. Вопрос только в том, зачем ему это. Ещё одна пешка на его шахматной доске?..

– Признайся, ты её гипнотизируешь? – выпалил я.

– Вот ещё, – фыркнул брюнет.

– Тогда почему она ведёт себя так, будто её кто-то заколдовал?

– Не знаю даже, – Константин пожал плечами и с напускной наивностью закатил глаза вверх. Потом коротко стрельнул ими в сторону одного из портретов, висящих между первым и вторым этажом, над лестницей. Посмотрел на меня

и тут же снова устремил взгляд к потолку, повторив просто-душно. – Даже не знаю, Гриша.

Ещё раз пожав плечами, он поднёс к губам упаковку с кровью, которую отобрал у Влада, и за пару секунд осушил её до дна. Облизнулся:

– Будь добр, убери остальные пакеты в холодильник, – и пошёл по лестнице на второй этаж.

Ни в прихожей, ни в столовой, ни в гостиной больше никого, кроме меня, не было, так что приказ, судя по всему, он адресовал именно мне. Вздохнув, я начал носить пакеты в кухню, попутно их считая. Насчитал, между прочим, целых шестьдесят шесть штук. По 500 миллилитров – это получается больше тридцати килограммов, ничего себе! Да мне одному хватило бы этого количества крови на несколько лет! Видать, много калорий сжигает Константин своими гипнотическими приёмами...

Когда холодильник был под завязку наполнен, а ненавистный мне чемодан – пуст, я, наконец, сбросил с себя остатки наваждения и снова смог мыслить по-своему. И первое, что я сделал – откопал среди запасов ещё один пакет четвёртой отрицательной группы крови и отправился на поиски комнаты Влада.

Крайняя дверь от лестницы вела в спальню Константина – это я заметил ещё в предыдущий раз. Рядом, кажется, обитали Ян с Илоной. Сейчас эта дверь была приоткрыта, и в полной темноте там мерцал голубоватый свет экрана. Акку-

ратно заглянув внутрь через щёлочку, я увидел накаченную мускулистую руку с полупустым шейкером. Ян смотрел телевизор, лёжа на кровати. В одиночестве, без жены – я даже приоткрыл дверь чуть шире, но всё равно её не увидел и, испугавшись скрипа, поспешно отпрянул, пока меня не заметили.

Следующая дверь вела в спальню Стеллы. Она была плотно закрыта. Я машинально подёргал ручку – подумать только, даже заперлась на ключ! Уж не от меня ли?..

Хмыкнув, я пошёл дальше. Прошёл мимо санузла, прачечной, гардеробной. Вот моя комната, а рядом со мной, наверное, соседничает Влад.

Осторожно приоткрыв дверь, я прислушался. До моих ушей донеслось тихое сопение. Неужели уже уснул? Ну прямо ангелочек!

Крышка дубового, покрытого тёмным лаком гроба, стоящего посреди комнаты, была отодвинута. Мальчик, судя по всему, уже и правда видел десятый сон, перевернувшись на живот и уткнувшись лицом в красную шёлковую подушку.

Вокруг, на стенах спальни, были в несколько рядов развешены массивные деревянные полки, а с полок на нас смотрели большими жёлтыми глазищами... чёрные кошки! Много-много фигурок и статуэток разных размеров – и все чёрные как смоль. Значит, Влад – любитель котиков, понятно. Такой среднестатистический пятилетний малыш. Почти ничего особенного.

Я улыбнулся и положил рядом с его подушкой пакет крови. Не буду будить. Проснётся, выпьет.

Выйдя из его спальни, я вспомнил, что оставил свой рюкзак в машине, и не спеша отправился к лестнице, ведущей вниз. Мой взгляд снова уткнулся в пыльные портреты вампиров. Нахмурившись, я в который раз бегло осмотрел их и остановился на картине, на которую будто бы невзначай указывал Цепеш. Хм... Уж не Стелла ли так тщательно и регулярно протирает – именно с неё одной – пыль?..

Меня вдруг будто бы подбросило. Я побежал по коридору, слетел по ступенькам вниз на один пролёт и задержался напротив портрета желтоглазого брюнета в военной форме с орденами.

Мои руки вцепились в позолоченную узорчатую раму и, немного повоевав со старыми крючками, я снял картину со стены. Перевернул.

«General de Brigada Emilian Verner», – было подписано сзади на холсте, а внизу стояли даты: 1543-2017.

Выдохнув, я прижался к стене и опустил на корточки прямо с портретом Вернера в руках. Кажется, теперь всё встало на свои места. Мозаика как будто бы сложилась. И я, наконец, согласился с Константином. Может этот тип и не выбьет мне клыки, но шансов у меня нет.

Ночью я спал плохо, постоянно ворочался и не мог подобному приспособить подушку. Можно даже сказать, что не спал вовсе, а изредка начинал дремать, и тут же в тревоге просыпался. В этой неприятной, вязкой дремоте мне то и дело мерещился тёмный мужской силуэт, который я почему-то принял за Эмиля. Я отмахивался от него и поспешно просыпался. Так я и крутился в кровати часов до десяти утра, пока у меня не разболелась голова. Тогда я решил, что лежать больше нельзя и направился на поиски если не крови, то хотя бы крепкого чая.

У лестницы я столкнулся со Штефаном, выходящим из комнаты Константина. Натолкнувшись на меня, он смутился и отвёл взгляд, краснея. Даже не пожелал доброго утра, а жаль – «доброе утро» в его устах, возможно, могло бы и меня немного оживить.

Спустившись вниз, я понял, что не только я один сегодня мучаюсь с головой. Илона, судя по её прикиду, только недавно вернулась с какой-то ночной тусовки и, держась за висок, пила воду прямо из бутылки. Постойте-ка, уж не моя ли это минералка?..

– И тебе привет, Рыжик, – проговорила она, допив всё до последней капли. Голос у неё был привычно мурлыкающий, но хриплый, как у кошки, которая орала всю ночь.

Я оглядел её с ног до головы и поморщился. Красное короткое платье, на бретелях и с очень глубоким вырезом, всё увешано блёстками. Чулки-сетка – именно чулки, судя по кружевным резинкам на бёдрах. Ноги упакованы в туфли на платформе с нереальным высоким каблуком, а-ля «лабутены». Шею утягивает чокер с блестящим камнем, в ушах сверкают бриллианты. Ногти, кажется, стали ещё длиннее и на этот раз покрашены красным лаком. А в глазах... я пригляделся. В глазах, судя по «рыбьему» взгляду, цветные линзы – ярко-голубые.

Видок у неё, несмотря на всю помпезность, был какой-то потасканный. Ну точно, до утра тусовалась где-нибудь в клубе.

Глядя на меня, она вдруг рассмеялась:

– Не смотри так, Рыжик, дыру прожжёшь! – и вручила мне пустую бутылку из-под воды.

– Вчера был какой-то праздник? – неуверенно спросил я, бросая мусор в бак.

– Конечно. Пятница. У меня каждую пятницу праздник, – муркнула она, садясь за стол и подпирая голову рукой.

Только сейчас я заметил качка Яна, который, развалившись на диване в гостиной, демонстративно смотрел в окно и делал вид, что не замечает жену. Уж не поссорились ли они случайно до того, как я сюда спустился?.. Хотя, честно говоря, если бы моя жена по пятницам где-то гуляла до утра, я бы, наверное, тоже с ней постоянно ссорился.

Вскоре к нам присоединился Штефан – вышел из ванной весь такой романтически-благоухающий. Пахло от него, кажется, его любимыми розами. Следом за ним спустилась Стелла, а с улицы, снова разодетый в конную форму, вернулся Константин. Когда вся компания, наконец, была в сборе, я решил, что тянуть больше нельзя.

– Ну, рассказывайте.

– Хм? – издевательски взглянул на меня Цепеш. То, что это была именно издёвка, я даже не сомневался. Уж кто-кто, а он-то точно знал, что я имею в виду. Просто притворился, что не понял, проверяя мою решимость. Но отступить я не собирался.

– Я хочу узнать всё про Эмиля, – выпалил я и задержал дыхание со страху, опасливо покосившись на Стеллу. И не зря. Ахнув, она зыркнула в мою сторону. Взгляд у неё был пронзительный и какой-то как будто бы злой. Я затронул то самое, безумно дорогое, что у неё когда-либо было?.. Уж простите.

– О, неужели в нашем доме вновь, спустя два с лишним года, звучит это имя?.. – пафосно протянула Илона.

– Его ведь убили охотники, так?

– Каспер, – тихо поправил Штефан.

– Неужто сам Каспер собственной персоной? – не верилось мне. – Откуда вы это знаете, если его никто ни разу не видел?

– Он контролировал операцию дистанционно.

– Скорее всего это был его аватар, – мрачно уточнила Стелла.

– Аватар?

– Да. Мы подозреваем, что он действует не сам, а управляет чужими телами.

– Погодите, в СКОКе и такое умеют?! Он тоже гипнотизёр?

– Нет, вряд ли. Вероятно, в шестом отделе делают это с помощью технических средств. Но как именно, мы пока не знаем.

– С чего вы тогда взяли, что всё было именно так? – усомнился я. – Может Каспер тут вовсе не при чём...

– Эмиля столько лет не могли поймать обычные охотники. И только когда у руля встал Каспер, по всей России вдруг стали пропадать вампиры первого типа. Очень быстро он убрал почти четверть из них, – строго отчеканила Стелла. – Буквально за пару месяцев. За это время он не успел бы обучить и натренировать охотников, поэтому мы считаем, что это был он сам. Но, конечно же, своим собственным телом он рисковать не стал бы... Эмиль говорил мне тогда, что к нему приходил – и собирается прийти снова – очень странный клиент...

Я задумчиво ходил по гостиной. Мысли путались, я никак не мог выстроить логическую цепочку.

– Так, давайте с самого начала. Эмиль был пауком?

– Да, очень сильным. Он мог размотать любую красную

нить всего за несколько секунд. Легко устранил целые отряды охотников, просто по щелчку пальца, а на фронте... – Стелла поспешно осеклась, помолчала немного, потом сменила тему. – Но вообще у него, как и у Кости, было две сверхспособности.

– А вторая какая? – с интересом спросил я.

– Ооо, у него были золотые руки! – томно мурлыкнула Илона. – Точнее, только одна, левая. Но как мастерски он с ней управлялся!..

Я от неожиданности аж поперхнулся:

– Слушайте, девочки, избавьте меня от интимных подробностей, я к ним не готов.

– Рыжик, ты балбес, – хихикнула Барби. – Он алхимик. А не то, что ты подумал.

– Про короля Мидаса слышал что? – пробасил Ян издалека. Оказывается, он тоже следил за нашим разговором.

– Вроде да, – я напряг память. – Он... превращал всё, к чему прикасался, в золото?

– Ага, наш человек был! – с гордостью выпалил Ян. – Вампир тоже! Чистая кровь!

– Подождите, это получается... – в моей голове запустился энергозатратный мыслительный процесс, поэтому говорил я медленно. – Получается, Вернер мог, прикоснувшись... вот прямо что угодно... превратить в золото?

Невольно мне пришёл на ум тот самый кирпич, который я получил в качестве аванса – вроде и похож как две капли

воды на обычный, но в то же время отлит из чистого золота.

– За это на войне его особенно уважали, – проговорил Цепеш многозначительно. – А после войны Эмиль стал работать ювелиром, от клиентов не было отбоя, и он быстро прославился на всю Европу.

– С такой его способностью странно, что он не прославился на весь мир, – задумчиво проговорил я. – Знаете, мне только одно не понятно. Почему охотники его просто убили? Почему не скопировали кристалл?

Стелла в ответ только развела руками. Ну да, кто же их поймёт, этих охотников. Может быть, попался какой-то идейный, вознамерившийся, как отец Арсений, очистить мир от скверны. А возможно, и сам Каспер тоже из таких...

– Ладно, чёрт с ними. Что с них взять. Ну а ты-то, Штефан, – я с укором повернулся к голубоглазому. – Почему ты его не оживил?

– Я хотел, – простодушно ответил тот. – Только тело так и не нашли.

– Не нашли... погодите, вы это сейчас всё на полном серьёзе?!

– А что не так? – с напором спросила Стелла.

– С чего вы тогда решили, что он мёртв?!

– Будь он жив, он вернулся бы ко мне. Приснился бы мне. Или ещё как-то дал о себе знать.

– Ну вы даёте... – я задумчиво посмотрел в окно, окинул взглядом пруд и оранжереи. Потом резко обернулся к ним. –

Послушайте, вот что я вам скажу.

Вся честная компания как по команде уставилась на меня и притихла. Даже Илона перестала постанывать, держась за голову.

– Либо его кристалл скопировали и инициировали им кого-то, либо он жив. И я больше склоняюсь ко второму варианту.

– Ты говоришь ерунду, – голос Стеллы задрожал, и я даже подумал, что она вновь готова заплакать. – Поначалу мне тоже хотелось верить в чудо, Гриша. Но, увы. Лучшие уходят первыми...

– И здесь тоже не соглашусь. Я подозреваю, что он теперь спонсирует СКОК. Так что, я бы не стал называть его хорошим и, тем более, лучшим.

– Да как ты смеешь! – взвившись, Стелла подлетела ко мне и вlepила крепкую пощёчину. – Как у тебя только язык повернулся!

– Мой язык ещё и не так умеет, – «похвастался» в ответ я. – Предатель твой Эмиль! Слышала? И тиран! А ты тут сохнешь по нему...

Думаю, дело бы вскоре закончилось дракой, но окна в доме вдруг как-то странно задрожали, и повсюду поплыл серо-сизый туман.

– Гриша, ты слишком торопишься, – медленно прошептал Константин сладким, как сахарная вата, голосом. – Господа, не спешите. Давайте сейчас же забудем об этом неосторож-

ном разговоре.

Я внезапно понял, что дрожат вовсе не окна, а мои веки. Стелла расслабила ладонь, которой хотела отвесить мне очередную оплеуху и удивлённо посмотрела на свою руку, но, видимо, так и не смогла вспомнить, что именно её разозлило. Потом перевела взгляд на мою пылающую щёку и неуверенно нахмурилась.

– Ты что-то говорил про Эмиля?..

– Продолжим позже, – решительно перебил её Константин. – На сегодня хватит.

Глава 25. Добро пожаловать в Европу

Что же это получается? Стелла вознамерилась найти и убить Каспера, чтобы отомстить ему за Эмиля. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что, во-первых, не факт, что Эмиля убил Каспер, а во-вторых, не факт, что он вообще мёртв. Снова вспомнив «аванс», который я оставил в шкафчике на работе, я уже практически не сомневался, что он зачем-то инсценировал свою смерть, после чего заделался «спонсором» в московском штабе СКОК. По крайней мере, это хорошо объясняет, почему охотники в итоге поделились на два лагеря. Видимо, произошёл естественный отбор между теми, кто любит золотишко, и теми, кто искренне увлечён своей профессией. Только вот зачем это всё Вернеру?..

Какой-то второй голос внутри моей головы бухтел, что ничего такого на самом деле нет, и я просто всё это придумал из растущей ревности. Спорить с самим собой у меня не было сил, поэтому в итоге мы просто договорились, что в понедельник я первым делом найду в базе всё, что касается операции по охоте на Вернера. Будем надеяться, что эта информация хоть что-нибудь прояснит.

Чтобы как-то снять напряжение, возникшее у меня внутри, вечером я решил кое в чём помочь Стелле. Или, наобо-

рот, помешать. Я взял тряпку и, смочив её, принялся тщательно протирать пыль с портретов – но не с одного-единственного, как она, а со всех них без исключения. А то какое-то несправедливое неравенство получается. Будто господин Вернер здесь особенный.

На закате Константин уехал в одному только ему известном направлении. Вернее, ускакал на своём вороном коне. Я видел копытного в окно – огромного, с блестящими боками и заботливо расчёсанными гривой и хвостом. Казалось, пышущий энергией зверь был диким и неуправляемым – так бодро он скакал по двору, ржал и раздувал ноздри – но, стоило Константину позвать его и набросить ему седло на спину, тотчас же успокоился и послушно опустил голову – почти как человек выразил хозяину своё почтение.

Илона, сидя за обеденным столом, рисовала стрелки на веках – наверное, опять куда-то намылилась. Влад, ползая по полу в гостиной, собирал пазл – на картинке уже угадывался белоснежный волк и, кажется, такая же белая сова, вернее, пока одни только её глаза и немного головы. Ян и Штефан играли в нарды. Стелла делала вид, что следит за их игрой, хотя на самом деле, по-моему, украдкой следила за мной.

В который раз отжав тряпку, я провёл ей сверху вдоль рамы очередного портрета и сморщился:

– Ребят, а паутина у вас тут висит для атмосферы, или просто никто давно не убирался?

Чистокровные – однако не очень-то чистоплотные – вам-

пиры только пожали плечами мне в ответ. Ну да, им, привыкшим к вечности, неповадно тратить своё время на борьбу с вековой пылью, а вот мне пока это не кажется чем-то зазорным.

Встав на верхнюю ступеньку стремянки, я натянул тряпку на швабру и теперь орудовал этим приспособлением у потолка, накручивая и снимая паучьи сети.

– Надеюсь, ты не против? – снова поймав на себя холодный взгляд Стеллы, я окликнул её сверху. – Всё же, эту паутину плели твои... кхм... коллеги – пауки. У тебя нет возражений?

Она только недовольно вздохнула:

– Гриша, позволь мне отдохнуть от твоего искромётного юмора.

– Ничего, осталось ещё чуть-чуть. Скоро ночь, а ночью мне будет не до шуток.

Врач в ответ промолчала и отвернулась, снова вернувшись глазами к нардам.

– Послушай, – продолжал я. – Неужели нет никакого способа избавиться меня от этих снов?

– Нет. Я уже говорила, я не контролирую этот процесс. Мне и самой, знаешь ли, это всё не приносит радости... – она прервалась, а потом вдруг воскликнула громко. – Вот чёрт! Я же снотворное забыла!

– Снотворное?..

– Отвези меня в город в аптеку!

Я, не сдержавшись, хмыкнул:

– У тебя же есть волшебный кристалл, зачем снотворное?

– Чтобы глубоко уснуть до самого утра и не видеть всех этих снов. Без снотворного не получается.

– Ну нет, так не пойдёт, – я аж поперхнулся. – Ишь, хитрая! Она, значит, пьёт снотворное, чтобы спокойно выспаться до утра, а я должен мучиться? Едва уснув, просыпаться весь в кровище? И потом ещё всё утро отмывать квартиру?!.. Вот уж дудки! Никуда я тебя не повезу!

Впрочем, стоило ей проявить немного женской мудрости и замолчать, как я тут же спохватился и пошёл на поиски ключей от машины:

– Ладно, твоя взяла. Уговорила. Поехали.

По дороге в город, и даже часть обратного пути, мы оба не знали, что сказать. Я в общем-то не против был с ней поболтать, но, смотря в её глаза, полные немого пренебрежения, за которым скрывалась горечь, не мог подобрать слов. А что тут скажешь? Она обижена на меня за то, что я с утра затронул болезненную для неё тему. И, хотя у меня и оставался ещё миллион вопросов по поводу всего этого, я старался оставить их при себе.

Что из себя представлял этот Эмиль? Что у них были за отношения? Ссорились ли они, или же это была скрытая, холодная война? Почему-то мне совсем не верилось в то, что он исчез из её жизни просто так, без причины, при этом слу-

чайно «забыв» сказать ей, что жив. Наигрался? Приелось?..

Я задумчиво смотрел на тёмные ели по обочинам дороги, кивающие в ответ на мои немые вопросы.

Ну а Стелла? Почему она до сих пор носит обручалку? Что это, бессмертная любовь и верность? Дань прошлому? Дезориентация и желание найти в этом браке некую опору? А может быть, просто невыплаканное горе и неумение принять произошедшее?

Золотое кольцо мерцало в тусклом свете фар моего же авто – единственного едущего в столь поздний час по тёмной дороге. Кажется, это не просто золото. Там ещё есть камень. Я покосился краем глаза на её безымянный палец. Да, точно, небольшой красный камень – алый, цвета крови.

– Это гранат? – вдруг сорвалось с моего языка, и я, наконец, нарушил гробовую тишину.

Стелла встрепенулась и посмотрела сначала на меня, а потом, следом за мной, на свою руку.

– Да, – бросила коротко и снова отвернулась к окну.

– Давай поговорим, – выпалил я вдогонку.

– Остановись, – приказала она уверенно. Подумав, что она просто не хочет заводить серьёзные разговоры на ходу, я послушно припарковался у обочины. Но она, к моему удивлению, говорить вовсе не собиралась. Отстегнулась и выпрыгнула из машины со словами «дальше сама дойду». Даже не повернулась ко мне! Просто хлопнула дверью и решительно направилась к коттеджному посёлку, цокая длинными

каблуками по асфальту.

Я дал ей немного отдалиться, потом тоже тронулся и потащился следом со скоростью черепахи. Что ж, значит, Константин прав, и для серьёзных разговоров пока рано. Но, в любом случае, не оставлять же её здесь ночью одну. Вот я и полз за с ней на пяти километрах в час. И, как выяснилось, не зря.

Когда она проходила мимо заправки, к ней привязалась компания из троих быдловатых и явно не трезвых ребят с сигаретами в зубах. Ещё бы, стройная девушка в коротком платье и на шпильках – практически в глухом лесу, далеко от цивилизации, в полночь, да к тому же без сопровождения.

Я опустил стекло и отстегнулся, приготовившись, в случае чего, оперативно прийти на помощь. Выходить сразу не стал. Возможно, всё ещё обойдётся.

– Опа, ребзя, глядите, какая чика! – самый небритый из парней перегородил ей дорогу, выплюнул папиросу и изрыгнул развязно. – Киса, куда торопишься? Тебе случайно муж не нужен?

Даже издалека я почувствовал, как от него за версту пасёт алкоголем.

– Муж, да?.. – Стелла вздохнула устало. – Понятно. Сейчас, подождите минутку, мальчики.

Она отвернулась, вытащила из сумочки дольку чеснока и, одним движением большого пальца очистив её, запустила в рот. Зажала зубами и снова повернулась к компании:

– Вот теперь начинайте. Что вы там хотели. Может быть, попросите прикурить или мобильный позвонить?

– Нет, детка, мобильником не отделаешься, – парень неприятно заржал, оголяя кривые зубы, некоторые из которых отсутствовали.

Двое других зашли сзади. Сначала они просто медленно окружали её, потом один схватил её за плечи, второй – за талию, а третий, который спереди – полагаю, за грудь. Бросив машину, я выскочил на улицу, но так и застыл, потрясённо держась за дверцу.

События и без меня уже развивались достаточно стремительно, как в каком-то боевике. Ударив того, что спереди, ногой в челюсть, Стелла выкрутилась, присела и выхватила то ли из кармана жакета, то ли из рукава раскладной нож. Снова вскочила, разворачиваясь. Всего пара-тройка взмахов – и парни потеряли свою смелость. Кажется, они даже протрезвели, схватившись кто за бедро, кто за плечо, кто за щёку.

Я ошеломлённо опустил обратно на сиденье. Нет, похоже, что помощь ей не нужна. И без меня справилась. Не на ту напали.

Отряхнув платье, Вернер снова накинута сумочку на плечо, надела соскочившую с ноги туфельку и невозмутимо пошла дальше, оставив компанию смоленских гопников зализывать раны. Я тоже тронулся с места, но подъехать ближе всё же не решился. Так и тащился за ней как телохрани-

тель-неудачник всю дорогу до вампирского замка.

* * *

Поднимаясь на второй этаж к себе, я снова столкнулся со Штефаном. Голубоглазый стоял у комнаты Константина с кружкой какао в руках. Увидев меня, он вздрогнул и едва не расплескал дымящийся напиток. Потом скромно улыбнулся и проскользнул в покои гипнотизёра, поспешно закрыв за собой дверь.

И тут, кажется, до меня, наконец, стало что-то доходить. Повернувшись к Стелле, идущей по лестнице следом за мной, я замямлил, не зная, как бы помягче выразиться:

– Послушай... а Константин и Штефан... Они что... эмм... ну... спят в одной спальне?!

– Да, – Стелла безразлично пожала плечами. – А чему ты так удивляешься? Добро пожаловать в Европу.

На этой короткой сцене моё знакомство с европейскими нравами не закончилось. Напротив, оно, похоже, ещё только начиналось. Самое интересное поджидало меня впереди. И хотя я на ночь уединился в своей спальне, стараясь лишний раз оттуда до утра не выходить, это меня не спасло.

В половине третьего вернулась с очередной тусовки Илона: подъехала к самому дому на такси и, громко чертыхаясь, начала подниматься по ступеням. Судя по всему, количество выпитого не позволило ей договориться со своими ногами,

потому что ругалась на лестнице она довольно долго – сначала снаружи дома, а потом и внутри.

Чёрт знает, планировала ли она зайти ко мне или же просто с перепоя ошиблась дверью, но когда она появилась на пороге моей комнаты, раздражённо откинув в сторону туфли, я возмутился:

– Эй, ты на часы смотрела? Ночь на дворе. Иди спать.

В ответ она вдруг уверенным жестом расстегнула молнию на платье, и кусок тонкой материи, и до того ничего особенно не прикрывавший, упал к её ногам. Её тело под платьем было утянуто кожаной портупеей. Множество расходящихся во все стороны ремней опоясывали шею, плечи, изгибы талии, бедра, но вот нижнего белья на ней не оказалось – ни соски, ни другие прелести совсем ничем не были прикрыты.

– Рыжик, понимаешь, мне что-то сегодня совсем не спится... – муркнула она томно.

Её голос и духи были такими приторными, что мне захотелось срочно принять дозу инсулина. А лучше сразу десять. Я сделал шаг назад.

– Илона, знаешь, я... Я, пожалуй, всё же переночую сегодня у себя на даче. Да, точно. Тут недалеко. Совсем забыл, мне же ещё нужно собаку покормить!.. – я выдавил из себя непринуждённую улыбку и, не дожидаясь ответа, дал дёру – метнулся к открытому окну и спрыгнул в траву прямо со второго этажа.

Когда я скакал к воротам, по пути вправляя вывихнутую

ногу, в коттедже было темно и безмолвно.

«Ещё бы, – подумал я, – все уже давно легли спать, спасения ждать не от кого».

И если бы позади за моей спиной не раздался вдруг тихий шорох и всплеск, я бы даже не заметил, что в одном из окон всё ещё горел слабый свет ночника. Я повернулся и поднял глаза. Случайно столкнув с подоконника стакан с протеиновым коктейлем, Ян встрепенулся и сделал шаг назад, прячась в глубине своей спальни. На долю секунды наши взгляды встретились и, готов поспорить, в его глазах, пристально смотрящих на меня, больше не было неприязни. Только растерянность и немного тоски.

Конечно, убежать далеко я не смог – ведь невидимый ошейник Константина никто не отменял. Но, к счастью, Илона не стала меня преследовать и искать, и я смог спрятаться на территории – в сколоченном из досок домике, висящем на одном из деревьев позади коттеджа. Этот самодельный шалаш я заметил ещё на прошлой неделе, но раньше любовался им только издалека, а сейчас решил подняться по деревянной лестнице с перекладинами и заглянуть внутрь. Наверное, кто-то построил этот домик для игр Влада, потому что взрослый человек в нём помещался с трудом – сидя на дощатом полу, я вынужденно согнул и чуть подтянул к себе ноги. Но всё же здесь было довольно уютно, а главное – спокойно. Уж сюда-то эта нимфоманка явно не решит заявить-

ся, а если и заявится, то по такой лестнице она, вдребезги пьяная, точно не поднимется.

Да уж, мир стремительно меняется не в лучшую сторону и, похоже, даже вечные существа оказались не способны противостоять его тлетворному влиянию. Чистокровные потомки графа Дракулы в двадцать первом веке вдруг растеряли всё своё достоинство и аристократичность. Точно так же, как и простые смертные, они поддались веянию извращённой моды и утонули в соблазнах теперешней Европы. Ну и дела!

Глядя через маленькое прорубленное окошко на ночное звёздное небо, я сам себе удивлялся. Однако, что за странная отмазка пришла ко мне в голову? Покормить собаку... Почему я это ляпнул, убегая? Как будто это вырвалось откуда-то из глубин подсознания. Подумав так, я тут же пристыдился, вспоминая про Линкольна. А ведь и впрямь, он там, наверное, дико голодный.

Нет, тянуть больше нельзя. На следующей неделе нужно обязательно отвезти его к этой подружке Стёпки. Как её там... Лина, кажется.

Достав из кармана телефон, я задумчиво покрутил его в руках. Три часа ночи. Время, безусловно, не подходит для звонков. Но почему-то мне показалось, что если я не заставлю себя этого сделать сейчас, то никогда не решусь. Что-то такое делалось с моим кристаллом каждый раз при мыслях о Лине. Он трепыхался в груди и постукивал как-то неровно –

будто бы не кристалл вовсе, а обычное человеческое сердце.

– Слушаю.

– Лина, здравствуйте. Простите меня за поздний звонок.

Звёзды на небе вдруг задрожали, то приближаясь, то снова отдаляясь. Моё дыхание спёрло, лёгкие сжались, отказываясь впускать кислород.

– Я слушаю, – повторил голос на том конце невидимого провода.

– Извините, Лина, – сглотнув, выдавил я из себя. – Нам... нужно встретиться.

– Кто вы?

– Никто.

– Никто?..

Действительно, нужно же было ляпнуть такую глупость. Сейчас она подумает, что я какой-то придурок и повесит трубку. Надо взять себя в руки. А что такое со мной происходит – разберусь потом.

– Я Гриша, – представился я. Сказать по правде, я так растерялся, что мне стоило больших усилий вспомнить как меня зовут. – Гриша Волков. Но это неважно. На моём месте мог быть кто угодно. Просто я должен... понимаете... должен помочь своему старому другу.

– О ком вы говорите? – её голос дрогнул.

– Я друг детства Стёпы.

– Вот как.

Почему-то у меня сильно заныли ноги, особенно правая.

Что-то загудело, забулькало в ушах. В глазах потемнело.

– Как насчёт понедельника? – спросил я сквозь липкую дурноту.

– Зачем ждать до понедельника, говорите сейчас.

– Нет, Лина, это не телефонный разговор. Вы свободны в понедельник вечером?

– Какое это имеет значение...

– Я подъеду куда угодно. Просто скажите, куда.

В трубке повисла тишина.

– Мне надо спросить у моего парня, – наконец ответила она неуверенно.

– Пожалуйста, сообщите мне, когда узнаете. Можете писать или звонить в любое время. Хорошо?

– Ладно.

Она отключилась. Уф!.. Откинув телефон, я долго пытался успокоиться и отдышаться. Ещё никогда в жизни мне не было так сложно вести разговор. И морально, и физически – будто я говорил с ней сквозь нереально тяжёлую толщу воды, лёжа где-то глубоко-глубоко на океаническом дне. Что же за наваждение такое...

Спустя полчаса мой телефон завибрировал. Я подскочил от неожиданности и моментально разблокировал экран.

Нет, это не Лина. Это снова письмо от Каспера. На этот раз очень короткое – всего четыре слова.

Бордово-бурым шрифтом, похожим по цвету на спёкшуюся кровь, было напечатано:

«Не ходи к ней».

И всё. Никаких объяснений. Больше ничего.

Глава 26. Самый тёмный час

Ослушаться самого Каспера. Мог ли я когда-нибудь хотя бы вообразить о таком? Кажется, я с каждым днём становлюсь всё более дерзким, и не только со Стеллой. Интересно, что он сделает со мной за такую вольность? Я ведь, судя по всему, не просто под его контролем, а прямо у него на «мушке», под прицелом и постоянным мониторингом. Похоже, что он следит за мной в режиме онлайн – и даже этот поздний звонок Лине в три часа ночи не скрылся от его всевидящего ока и моментально получил отклик.

Было немного тревожно, но всё же, раз я начал это дело, нужно хотя бы попробовать довести его до завершения. В конце концов, если вопрос настолько принципиальный, то Каспер найдёт, как меня остановить.

– Придётся тебе сегодня вечером возвращаться в Москву одной, – сказал я за завтраком Стелле.

– Обиделся что ли? – фыркнула та. – Или тебе тут так понравилось, что ты решил остаться?

Кажется, теперь она начинает меня подкалывать.

– Нет, я приеду, только чуть позже. Просто мне нужно будет заехать на дачу, забрать там кое-что... Давай я подкину тебя до вокзала, идёт?

– Не стоит. Я вызову такси.

– Ну разве таксист будет сносить твои выкрутасы так же

терпеливо как я! Ехать за тобой следом целый час, если ты вдруг решишь, как вчера, прогуляться пешком.

– Надеюсь, мне попадётся неболтливый таксист, и этого не понадобится, – парировала Стелла.

– Кстати, я под впечатлением. Ты так ловко управляешься с ножом. На войне научилась?

Она в который раз прожгла меня своими ледяными глазами и невозмутимо выдала:

– Да. Ещё на первой мировой.

– Врёшь.

Константин, проходя мимо нас, задержался ненадолго и поводит носом в воздухе. Как будто пытался понять, подерётся ли мы снова или всё же угомонимся без его вмешательства.

Вздыхнув, я встал из-за стола. Лучше пойду прогуляюсь.

Мне снова захотелось уединиться в оранжерее, но, вспомнив, как ревностно Цепеш прогнал меня оттуда в прошлый раз, я быстренько передумал. Теперь мне было понятно – к любовнику Константина, как и вообще ко всему с ним связанному, лучше лишний раз не приближаться.

Бесцельно накрутив несколько кругов по территории, я в итоге нашёл себе успокоительное занятие – встал на каменном мостике и, перегнувшись через перила, смотрел за тем, как плещутся в пруду мелкие чёрные рыбёшки. Это только поначалу казалось скучным, но со временем я так глубоко

погрузился в свою дзенскую медитацию, что даже не заметил, как кто-то подошёл ко мне и встал рядом, опираясь на парапет.

– Слыш, ты это... забудь, чё я тебе наговорил.

Вздвогнув от неожиданно прогрохотавшего раскатистого баса, я чуть не упал в пруд. Ян сделал пару глотков из своего шейкера и добавил:

– Херня это всё.

– Ты о чём? – осторожно уточнил я.

– Неплохой ты парень, – выдавил из себя качок. – Хоть и нечистокровка.

Кажется, теперь понятно.

– Я слышал, чё у вас там было вчера ночью, – продолжал он, подтверждая мои догадки.

– Ничего не было, – поспешно вставил я.

– Да в курсе я, братан. В курсе, – Ян поднял ладони вверх, видимо показывая тем самым, что претензий у него ко мне нет. – Ты только это... ты не думай ничё. Я не шпионил, нах мне это не надо. У меня просто слух очень... как его... чуткий. Я аудиал.

– Значит, и на большом расстоянии ты всё слышишь? – полюбопытствовал я. – За сколько метров?

– Да километров сто легко!

– Ничего себе! – я искренне удивился. – Как же ты живёшь с этим?

– Слушай, да пока не был женат, нормально жилось во-

обще, – качок пожал плечами. – Не жаловался. А когда она шляться начала, тут уж... да...

Он прервался, весь передёрнулся и нервно сплюнул прямо в пруд.

– И давно у вас так?

– Да сразу почти. Всё ей не хватает чего-то. Типа недостаточно я мужик.

– Темпераментная она у тебя, – деликатно подметил я.

– Да ваще! А я... понимаешь... теперь не могу. Совсем. Как отрезало, – он отвернулся, пытаясь сохранить лицо. Только чуть дрогнувшие губы искривились. – Вот она и шляется. И никто не против, прикинь. Ты первый такой.

– И что же... – я старался как можно аккуратнее подбирать слова, – получается, твой кристалл тебя... не лечит?

– Не лечит, – развёл руками Ян.

– Тогда, может быть, ты вовсе и не болен? – тихо проговорил я.

– В смысле?

– Не ты, а ваши отношения – больны, – выпалил я. Довольно смело было с моей стороны. Но он не рассердился, только тяжело вздохнул в ответ:

– Точняк, – и снова отхлебнул из своего шейкера. – И посылать её не могу, и жить так тошно. Вот держит что-то... держит и всё.

– Знаешь, Ян, я вряд ли в силах чем-то помочь. Это всё же личное ваше дело, понимаешь?... Но ты точно можешь быть

уверен, что я на её провокации не поддамся. И вообще, буду запира́ть свою комнату на ночь.

– Спасибо, братан. Верю! Слыш, а у тебя у самого это... девка есть?

– Скорее нет, чем да.

– А была?

– Была. Тоже темпераментная. Ушла к моему начальнику.

– Шкура, – он снова пренебрежительно сплюнул. – А чего снова не замутишь ни с кем?

– Как тебе объяснить... У меня сейчас сложный период. Это вообще самый тяжёлый этап – когда старое уже отжило своё, а новое ещё не появилось, не окрепло, не набрало силу... Похоже на... на время перед рассветом. Самый тёмный, самый холодный час... Понимаешь?

– Неа, – честно ответил Ян. – Не даёт, что ли?

– Ну... типа того, – я скромно улыбнулся.

Он похлопал меня по плечу, залпом опрокинул в себя остатки протеинового коктейля и со словами «Всё будет, ты главное не спеши» снова оставил меня в одиночестве – думать над его таким простыми и одновременно такими сложными словами.

* * *

Вечером в Москву я вернулся уже с Линкольном. Хозяйка с нескрываемой радостью вручила мне его намордник и

поводок, а вдогонку – ведёрко свежей клубники с огорода. Доберман хоть и смотрел на меня с подозрением, но всё же согласился запрыгнуть ко мне на заднее сидение и всю дорогу мирно храпел там, положив голову на скрещенные лапы.

Приехав домой, первым делом я как следует покормил его и напоил, а потом выгулял в парке на ночь. Удивительно, но ни намордник, ни даже поводок мне не понадобились. Пёс покорно слушался моих команд, шёл рядом у левой ноги, реагировал на «гуляй» и «ко мне». Уж не та самая Лина ли его так строго надрессировала?..

Кстати, от последней весь день не было вестей, и я уже даже начал немного переживать, что моя идея может сорваться. И только поздним вечером, когда я уже отважился лечь спать, мне пришла от неё смс-ка с адресом, а следом – пояснение: «Завтра в 21:00».

Не очень-то доброжелательно, но ничего не поделать. Это ведь мне от неё что-то нужно, а вовсе не ей. Поэтому и доброжелательность придётся тоже демонстрировать мне:

«Лина, большое спасибо, я приеду», – написал я в ответ и выключил ночник.

Некоторое время я просто лежал с закрытыми глазами, морально готовясь к очередному кошмару, но мне не дал уснуть неожиданно поднявшийся ветер, потом сильный дождь, барабанивший по металлическому подоконнику. А следом и вовсе грянула гроза – прямо перед моим лицом сверкнула, разрезая небо напополам, яркая молния. От

неожиданности я вздрогнул и открыл глаза. И тут же вздрогнул ещё раз, поняв, что нахожусь не дома.

Я вообще вовсе не лежу, а сижу – в кабине самолёта, летящего через тяжёлые грозовые тучи.

Кажется, я пилот. Во всяком случае, сижу в пилотском кресле и держусь обеими руками за штурвал, пытаюсь лавировать между воздушными ямами и молниями. Лампочки на пульте мигают разными цветами, но больше – красным. Раздаётся какой-то неприятный низкий писк, похожий на сигнал тревоги. Радары не работают, куда лететь – непонятно. И как вообще лететь сквозь такой сильный шторм – непонятно вдвойне.

– Сколько человек на борту? – спрашиваю, не отрывая взгляда от лобового стекла.

Второй пилот – а может, стюардесса – нахально откидывается в своём кресле и закидывает скрещенные ноги в высоких туфлях прямо на приборную панель. Её узкая короткая юбка задирается вверх до неприличия.

– Не знаю, – отвечает безразлично. – Может быть, двести или триста.

– Будь добра, убери ноги. Вдруг ненароком чего-нибудь нажмёшь, а я пока ещё сам не разобрался, для чего нужны все эти кнопки.

– Какая разница. Всё равно вы все обречены.

– Хочешь сказать, ты всех этих людей трогала руками?

Она кровожадно улыбается:

– Ты и представить не можешь, сколько за моими плечами жертв.

– То есть, эти ребята уже мертвы?

– Мертвы, но пришли тебя поддержать, – она фыркает. – Я решила, что так будет интереснее.

Стиснув челюсти, я выруливаю штурвалом между расходящихся по небу молний.

– Знаешь, если ты хочешь напугать меня чувством ответственности перед этими людьми, то зря. Меня это вовсе не трогает. И своей собственной смерти я не боюсь. Высоты тоже. Но во всём этом кошмаре есть кое-что, что заставляет меня сейчас до посиневших пальцев сжимать штурвал и бороться. Знаешь, что это?

– Что же? – пренебрежительно переспрашивает она.

– Это ты. Ты вместе со мной здесь. Летишь в самолёте, который терпит крушение.

Она потрясённо молчит, а я продолжаю:

– Пожалуйста, просыпайся. Надеюсь, ты не пила эти свои снотворные таблетки. Я не хочу, чтобы ты стала жертвой своих же собственных ужасов.

– Ты, наверное, дурак, – улыбается она. – Неужели ты думаешь, что они могут причинить мне вред? Как будто паука может ранить его собственная паутина...

– Может, Стелла. Может. Можно и в своей паутине запутаться. Пожалуйста, проснись.

Наш спор прерывает раскат грома, и в ту же секунду мол-

ния ударяет под левое крыло, в одну из турбин. Люди на борту кричат от страха. Самолёт наклоняется. Стелла, не удержавшись, падает прямо ко мне в руки. Я выпускаю штурвал, и теперь всё вокруг крутится с невероятной скоростью в каком-то безумном штопоре.

Откуда-то сверху на меня вываливается рюкзак с парашютом, и мне ничего не остаётся, кроме как вручить его Стелле. Я открываю аварийный люк и выталкиваю её из кабины прежде, чем она успеваает что-то возразить.

Вспышки молний неистовствуют, самолёт теперь трясётся от их ударов будто бы под расстрелом. Кажется, он совсем близко к земле – падает с умопомрачительной быстротой. Я уже готовлюсь разбиться и снова по осколкам собирать свои косточки, как вдруг очередной разряд молнии разрывает железо кабины напополам и прошивает моё тело, расходясь обжигающим ударом по всем его уголочкам.

Гром ревёт как сумасшедший. Стихия празднует очередную победу над хрупкими людишками. Моё лицо искривляется гримасой боли, но даже в этот момент меня больше пугает не физическое страдание, а внезапно промелькнувшая в голове, подобно такой же яркой молнии, резкая мысль:

«Успел ли раскрыться её парашют?..»

Я проснулся от грозного рыка. Оскалившийся Линкольн, сверкая осатанелыми глазами, прыгнул на меня сверху и накинуся с клыками прямо на мою светящуюся грудь. Пока

я спросонья пытался понять, что к чему, он успел меня тпнуть и, кажется, останавливаться на этом не планировал.

Такое впечатление, что он каким-то образом смог увидеть, как зажётся мой кристалл, и от этого зрелища пришёл в ярость.

– Фу! Линкольн, нельзя! – кричал ему я. – Фу! Кому говорят!.. Как тебе не стыдно! Зря я тебя кормил что ли...

Увернувшись от очередного его броска, я кинулся в ванную и закрылся там, прихватив с собой мобильник. Честно говоря, его поведение меня так ошарашило, что я поначалу готов был вызвать ему ветеринаров и сдать его им как больного бешенством. Но, едва взглянув на себя в зеркало, ахнул и позабыл обо всём.

Так вот, оказывается, как выглядит человек, в которого ударило молнией. Картина, как всегда, живописная! По моей коже расходилась во все стороны витиеватая сеть сосудов или, точнее, причудливо изгибающихся ожогов, которые оставила молния, проходя через моё тело. Множество ломаных линий, похожих на ветки деревьев, кораллы или рисунки инея на стёклах – в каких-то местах тёмно-синие, в каких-то фиолетовые. Они исполосовали мне живот, грудь, плечи, руки, шею, ползли на спине по обеим сторонам от позвоночника, и даже правая щека была раскрашена немилосердной стихией.

Присвистнув, я крутился перед зеркалом и рассматривал себя со всех ракурсов. Потом включил камеру на телефо-

не и поспешно сделал несколько селфи – вернее, фоток своих торса и спины – пока ожоги не исчезли. Поколебавшись немного, всё же отважился скинуть их Стелле с подписью:

«Как тебе мои новые татуировки?»

Пару минут подождал ответа. Нет, увы, она никак не среагировала. Даже не прочитала сообщение. Наверняка всё же напилась снотворного и спит. Что ж, надеюсь, ей хотя бы под утро приснится что-то хорошее.

Через пару минут, когда кристалл закончил свою работу и сбавил яркость, я аккуратно приоткрыл дверь, проверяя реакцию Линкольна. Доберман лежал на коврикe рядом с моей кроватью и, глядя на меня виноватыми глазами, тихо покусывал.

– Ладно, приятель, так и быть, – проговорил я с облегчением. – Не буду я сдавать тебя санитарам. Но ты меня очень расстроил. Уж от кого-кого, а от тебя я такого не ожидал. Мы же друзья. Не делай, пожалуйста, так больше. Договорились?

В ответ он неуверенно махнул хвостом и, положив голову на вытянутые лапы, шумно вздохнул.

Глава 27. Жёстко спать

С утра на работе, едва включив компьютер, я пустился во все тяжкие.

Причин торопиться с выполнением своего основного задания у меня не было – даже, скорее, наоборот. Те данные, которые уже были в руках, мне казались более интересными, чем база смоленского штаба. Программы для поиска уязвимостей удалённого сервера потихоньку крутились, перебирая возможные варианты проникновения к «врагу», а я тем временем продолжал методично раскапывать закрома московского офиса.

В первую очередь я попробовал разобраться в отчётах о боевых операциях по захвату вампиров в надежде найти что-нибудь по Эмилио. Увы, так просто ларчик не открывался. Ничего похожего в близких по дате рапортах мне найти не удалось. Действительно ли московский офис охотников не имел отношения к его таинственному исчезновению или дело настолько секретное, что информацию о нём не стали вносить даже в зашифрованную базу? Ладно, так сразу сдаваться я не собирался. Попробуем зайти с другой стороны, сказал я себе, и, отфильтровав записи за 2017 год, стал искать, не поступало ли за этот период в нашу бастилию каких-нибудь особо важных «объектов». И, спустя почти два часа, убитые на скрупулёзный пересмотр всех подряд записей, я, кажет-

ся, нашёл то, что искал! Май семнадцатого года, алхимик и паук первого типа, высший класс секретности, важнейший приоритет – ни в этом году, ни даже в прошлом и последующем других «пациентов» с такими отметками к нам не завозили. Зарегистрирован под кодовым именем. Долгое время содержался в красной зоне – наиболее строго охраняемой и безопасной части тюремного комплекса. А потом начались странности. Стояла отметка о переводе – только не в другую камеру, а в исследовательский комплекс, вроде как для опытов. Такие отметки я встречал довольно часто у других заключённых: обычно они означали, что объект изымался в лабораторию на несколько часов или суток, а потом возвращался назад. И только этот экземпляр в один прекрасный день был изъят для опытов и так и не вернулся к себе в камеру. Неужели побег? Нет, такого не может быть. Если бы он вдруг сбежал, запись об этом инциденте тоже внесли бы в базу. Но, с другой стороны, если бы он схитрил и, например, подкупил охрану, чтобы его отпустили, то в этом случае информацию о его пребывании здесь удалили бы полностью, чтобы спрятать концы. Что же тогда с ним произошло?!

Так и не найдя подходящего объяснения, я прогрузился в изучение данных о московском тюремном комплексе – принялся изучать карту расположения камер и подробные записи о перемещении содержащихся в них пленников – поступлении вновь прибывших, перевода из камеры в камеру и так далее. В базе всё фиксировалось очень подробно, хо-

тя «обитатели» некоторых особо охраняемых камер содержались под кодовыми именами, и понять, кто они, на основании доступных мне записей было нельзя. Все ссылки на данные по этим объектам вели в шестой, засекреченный отдел, доступа к которому у Михаила – а значит и у меня – не было.

Интереса ради я попытался найти информацию о случайно встретившемся мне вампире из камеры Б-4, на которого я наткнулся, заблудившись по пути в столовую. Я покрутил так и эдак виртуальную карту, стараясь понять, где я мог свернуть не туда. Действительно, как выяснилось, по одному из коридоров можно было выйти в тюремный комплекс, если выбрать неверное направление. И именно оттуда в тот памятный день осуществлялся перевод заключенного в другую зону. Ух ты! Оказывается, этот фрукт тоже не из простых: пленник содержался под кодовым именем – вернее, имени у него не было вовсе, только код камеры – а подробная информация по нему тем более отсутствовала.

Я откинулся в кресле, отодвинулся от компьютера и задумался. Было над чем: что-то вместо ответов мои исследования только подкидывают мне одну за другой новые загадки.

На экране передо мной по-прежнему отображалась карта московского комплекса. Некоторое время я бесполезно пялился на её, а потом вдруг ко мне в голову пришла озорная мысль. А что если мне оторваться, так сказать, от бумажной работы и выйти в поля? Например, проверить, насколько

ко достоверна эта карта. Для начала я решил поискать выход к лифту, через который отец Арсений водил меня покурить. Он, конечно же, небезосновательно полагал, что я сходу не запомню все эти бесчисленные повороты и закоулки, которыми он меня тогда провёл. Но что если он недооценил мою очень, очень хорошую память? Могу же я повторить наш путь и сходить подышать свежим воздухом? Тем более, дедуля не говорил, что без него этого делать нельзя. Может, и вправду это не запрещено? Я улыбнулся.

Найти выход в «курилку» на компьютерной карте оказалось совсем не сложно, равно как и запомнить последовательность поворотов. Что ещё более интересно, заблудиться и попасть в тюремный комплекс, следуя по этому маршруту, было ещё проще, чем по пути в столовую. Не нужно было, как я в прошлый раз, плутать по коридорам, достаточно в одном месте свернуть не туда – и можно зайти в гости к тому странному пациенту. Но только вот что я ему скажу? «Привет, брат вампир»? «Как поживаешь тут, в клетке»? «Тебе привет от Константина Цепеша»?.. Довольно глупо, но меня, тем не менее, охватил какой-то странный азарт, и я решил немедленно попытаться.

К сожалению, а может и к счастью, моему «гениальному» плану не суждено было сбыться. Нет, нужный коридор я нашел без труда, и уверенно «заблудился», свернув не в ту сторону в правильном месте. А вот дальше... О чём я только думал? Неужели я ожидал, что мне вот так просто мож-

но будет пройти к камерам? В конце коридора я обнаружил огромную железную дверь, похожую на круглую сейфовую – как в банковском хранилище, какую обычно показывают в фильмах про грабителей. Дверь охранялась двумя традиционно недружелюбными охранниками и одним доберманом. Последний, впрочем, не обратил на меня никакого внимания, а вот господа с автоматами принялись прямо-таки прожигать меня подозрительными взглядами и явно ожидали каких-то комментариев по поводу моего появления.

– Эээ... привет, ребята! А я тут... не подскажите, как мне выйти к лифту на поверхность? Вот, покурить хотел, только новенький я, заблудился, похоже, немного... – как можно непринуждённое завил я, побрякивая перед ними жетоном охотника.

Охранники, кажется, немного расслабились. Старший из них, лысоватый мужичок с длинными усами, снял руку с автомата и даже немного ухмыльнулся.

– Точно, заблудился ты, браток. Да ты не грусти, ты не первый, ты не последний. Разворачивайся давай на 180 градусов и топай до конца коридора. Там ты не туда и свернул. Тебе нужно не сюда, а в другой проход. Там два раза направо и будешь на месте. Давай, иди. Нечего тебе тут делать.

Я изобразил глуповатую улыбку, кивнул несколько раз и попятился назад. Эх, ладно – разведка не удалась, так пойду хотя бы воздухом подышу!

На этот раз всё прошло без сучка и задоринки. Ребята на

посту охраны у лифта были те же самые, что и в прошлый раз, когда мы проходили мимо с отцом Арсением. То ли они меня узнали, то ли тут народ постоянно бегают покурить – так или иначе, охранники даже ничего спрашивать не стали – лениво кивнули, и всё. Выйдя на поверхность, я набрал в грудь свежего воздуха, полного лесных ароматов, с удовольствием потянулся... да так и замер, в первый момент забыв даже выдохнуть от удивления.

В паре метров от входа, одетый в больничную пижаму и тапочки, стоял, придерживая левой рукой стойку капельницы, а в правой зажав дымящуюся сигарету, мой давешний знакомый «пациент». Совершенно один. Без охраны и сопровождающих в белых халатах. Стоял и пристально смотрел прямо на меня. Кристалл снова мигнул и хаотично запульсировал.

Вот тебе раз. Как этот парень сюда попал? Это что же он, получается, сбежал? Выпил досуха пару охранников и теперь решил покурить тут, подумать, что делать дальше? Или вылез через окно, и я сейчас стану его первой жертвой? Как быстро он догадается, что я тоже вампир? Что мне делать – орать во всё горло, бежать назад к лифту или попытаться его обезвредить? Или крикнуть ему «спокойно, свои»? Все эти мысли за секунду пронеслись у меня в голове, пока я стоял неподвижно.

– Да вы что так нервничаете-то, юноша? – вампир, ухмыляясь, покачал головой и махнул рукой с сигаретой, пригла-

шая меня подойти поближе. – Руки-то опустите уже, так и будете стоять, гимнаста изображать? Идите, идите сюда, не робейте. Я не кусаюсь. По крайней мере, когда добрый.

Его губы растянулись в стороны ещё сильнее, демонстрируя клыки. Улыбка выглядела довольно зловещей, но в то же время неподдельной. Похоже, кусать меня прямо сейчас он всё-таки не собирается.

Мне было неловко за свою первую реакцию, и всё же я не совсем понимал, что происходит. Испытывая странную смесь страха и смущения, я последовал совету своего собеседника, опустил руки и подошёл, стараясь рассмотреть его получше. Выглядел он, надо сказать, неважно. Лицо, покрытое неровной щетиной, осунулось и пожелтело, темные волосы всклокочены, а глаза затянуты мутной поволокой – правда это не мешало его ироничному взгляду быть твёрдым и уверенным.

– Вы, наверное, новенький тут, не знаете всех порядков? – он затянулся сигаретой, при этом парадоксальным образом не сводя с меня глаз и продолжая ухмыляться. – У нас тут не для всех строгий режим. Тем, кто хорошо себя ведёт и делает, что попросят... сотрудничает, так сказать... даётся много... послаблений. Сигареты дают. Свежую прессу. Чаёчек. Погулять отпускают.

– И кровушкой поят? – рискнул я сделать свой ход в диалоге.

Мой собеседник на секунду замер и внезапно расхохотал-

ся:

– «Кровушкой»! Да вы шутник, молодой человек! Зачем вы пошли сюда работать? Возможно, ваше место на сцене? Ах, ладно-ладно, не обижайтесь. Я не хотел сказать вам неприятное.

Я отметил, что он говорит с каким-то совсем слабым, неуловимым акцентом. Да и фразы некоторые строит вроде бы правильно, но как будто совсем чуть-чуть не по-русски. Тем временем, он продолжал, как ни в чем не бывало:

– Кровушкой не поят. И вашей мне не надо. Не говорите, я вижу, вы об этом подумали. И ругать вас за то, что вы со мной поговорите, тоже не будут. Начальник ваш, Миша, в курсе, что мне тут можно гулять, – он снова взмахнул рукой с сигаретой. – И Палыч тоже в курсе. Все в курсе, расслабьтесь вы уже. Идите лучше, я вас сигареткой угощу. В такую хорошую погоду разве можно не покурить? А мне, знаете, немного одиноко тут, недостаёт простого человеческого общения.

– Спасибо, я не курю. Вредно для здоровья.

– А... вот как, – он задумчиво посмотрел на сигарету и плавным, отточенным движением пустил её по дуге далеко в кусты. Освободившуюся руку протянул мне. – Будем знакомы, юноша? Моё имя вам вряд ли пригодится, простите, а вот ваше я рад был бы услышать.

– Григорий, – на автомате ответил я и также, не задумываясь, пожал протянутую руку.

И словно провалился в какую-то бездну. Кристалл, дёрнувшись, совсем потух. Стало так непривычно темно-темно. Потом в этой крошечной мгле начали постепенно проявляться очертания, смутно похожие на сюжеты моих кошмаров. Будто зарисованные беглыми скетчами, они дрожали и быстро сменялись один на другой.

Самолет, окутанный дымом от горящего двигателя, ревя, падал сквозь грозное облако. Или это дым костра, пожирающего мои утопающие в нём ноги?.. Нет, я тону вовсе не в огне, а в вязкой морской пучине – иду на дно за привязанной красной нитью. Но тут же та самая нить дёргается и поднимает меня, словно марионетку, на крышу многоэтажного дома – в самое пекло бушующих смерчей. И я, оказывается, вовсе не взрослый человек, а маленький мальчик, сжимающийся от страха в лесу при виде сумасшедшего лесника с топором. В конце концов, меня ударила по голове чья-то золотистая книга, свалившаяся с верхней полки Хроник Акаши, и я вдруг очнулся.

Мой кристалл, снова ярко загоревшись, разогнал тьму навяздения и притих, словно успокоившись. Я осторожно отпустил руку. Ладонь у вампира была шершавая и какая-то липкая – мне едва удалось «отклеиться».

Он плотно сжал губы и склонил голову на бок. Его левая бровь чуть заметно поднялась вверх:

– Ой, как интересно, Гриша... как интересно. Вы хорошо чувствуете себя? Не нервничаете? Может быть, проблемы со

сном? – он заговорщицки подмигнул, словно намекая на какую-то только нам двоим известную тайну.

– Что-то вы уже не первый, кто спрашивает. Отец Арсений вот тоже интересовался.

– Да? И что вы ему ответили?

– То же, что и всем. Не дождётесь. Всё в порядке у меня с самочувствием. И со сном тоже всё отлично.

– Даже так... В этом случае, рад за вас. Очень, искренне рад. Как ваши успехи на работе? Освоились, всё получается?

– А вы, простите, с какой целью интересуетесь?

– Что же вы такой недоверчивый, Гриша! Всего боитесь. Я же просто поддерживаю светскую беседу. У нас тут почти никаких развлечений, верите? Ни вам танцев, ни кино, в шахматы даже сыграть не с кем.

– Мне, знаете ли, совсем не до игр. Я сюда не развлекаться приезжаю, – строго сказал ему я.

– Понимаю, похвально. В таком случае, похоже, и мне пора. Заболтался я с вами. Очень рад был бы поближе познакомиться, но – режим. Надо... принимать лекарства. Ещё увидимся! – он сделал небольшую паузу и потом добавил с издёвкой. – Может, в следующий раз, когда мы встретимся, вы не будете таким напуганным.

Он снова подал мне руку, на этот раз на прощанье, но я только мотнул головой и сделал шаг назад.

Снова расхохотавшись, вампир пригладил свои нечёсанные волосы, поправил халат и, катя за собой капельницу, захро-

мал в противоположную сторону – к небольшому белому зданию, находившемуся метрах в ста от выхода из лифта. Дверь здания открылась, ему навстречу вышла пара человек в камуфляже. Они поравнялись с ним, чтобы сопроводить его до входа. Провели внутрь и закрыли дверь.

Уф! Я в изнеможении прижался к стене и сполз на землю. До чего неприятный тип. Выжал меня всего до капли – не физически, так хотя бы морально. И ведь говорит он вроде как вежливо, но сколько же яда таится за каждым его словом!

Мягко стелет, да жёстко спать.

* * *

В 21:00 я подъехал к зданию кафе, адрес которого дала мне Лина, и встал на парковке, поджидая её. Из машины решил пока не выходить и, тем более, не светить раньше времени Линкольном.

Я увидел кинолога ещё издалека, и почему-то сразу её узнал. Нет, выглядела она неприметно, обычная молодая девушка. Загорелая шатенка с длинными волосами, зачёсан-ными набок. Одета просто – голубые джинсы, ярко-белая футболка и чёрная короткая кожанка, разве что вся увешана золотыми украшениями: несколько цепочек разной длины, кулоны, браслеты, кольца на пальцах и кольца-серьги в ушах. Даже брошь на отвороте куртки – и та из жёлтого золота.

Золото – это, конечно, не серебро, но меня при виде такого количества украшений на ней почему-то снова начало ломать, причём гораздо сильнее, чем раньше. Я уже заглушил двигатель и хотел выйти, но понял, что не смогу сделать ни шага, и снова опустился на сиденье.

То ли я испугался, то ли разозлился – я не понимал сам. Мой кристалл быстро-быстро стучал, руки сжались в кулаки, а следом за ними напряглось и всё тело. Грудную клетку снова сковало тисками. Я закрыл глаза и попытался насильно заставить себя вдохнуть, чтобы успокоиться. Но не тут-то было. Лёгкие будто бы одеревенели, и воздух в них не шёл. А когда мне всё же удалось сделать один слабый вдох, я будто бы захлебнулся чем-то и закашлялся.

Отдышаться не получалось. Я почувствовал, как что-то натянулось во мне, словно некто с силой дёрнул за металлический прут, проходивший через мой позвоночник, и выдернул его из тела. Жутко, просто ужасно, заболели ноги, и от коленей до стоп по ним разошлась невыносимая слабость. Я согнулся вперёд и наткнулся на какую-то преграду. Мой лоб коснулся холодного стекла. Что это? Я случайно уснул и словил кошмарный «трип»?..

Тем временем, я уже не сижу, а лежу в какой-то прохладной белой комнате. Словно на операционном столе. Повсюду яркий свет, но мои глаза, к счастью, закрыты, и я ничего не вижу. Просто чувствую кожей эти большие круглые лампы. Тело очень тяжёлое, и я не могу пошевелиться, будто на ме-

ня сверху давит вода или, скорее, какое-то вязкое желе. Эта же липкая субстанция наполняет теперь мои лёгкие и рот. Не надо было его открывать...

Что-то протяжно пищит над моей головой, раздаются приглушённые голоса. Их четверо или пятеро. Будто бы консилиум врачей переговаривается по поводу безнадёжного пациента, решая, вернуть ли его к жизни или дать спокойно уйти.

– Давление слишком высокое.

– Дурень, не дыши!

– Добавьте ему релаксант!

– Нет, нельзя превышать дозировку. Мы так убьём его!

– А если он очнётся, то убьёт нас! Нужно действовать в соответствии с протоколом.

Пока врачи спорят, я пытаюсь понять, что происходит. Это что, очередной кошмар? Про клиническую смерть на операционном столе? Или про фашистские опыты над вампирами в СКОК? Снова дело рук Стеллы? Но её, кажется, нет рядом. Да и вообще, когда я успел уснуть?!

Что-то горячее разливается по моей левой руке. Будто лава или воск. Медленно, как змея, ползёт от локтя к плечу. Моя кисть постепенно расслабляется. А вместе с ней и сжатые челюсти, а потом грудь.

Наконец-то эти дурацкие тиски исчезли! Я смог свободно вдохнуть, и даже боль в ногах прошла. Несколько секунд я пытался открыть глаза, чтобы сказать врачам, что мне ста-

ло лучше, но веки как будто слиплись и меня не слушались. Только после минуты борьбы с самим собой мне удалось расклеить ресницы. Я огляделся по сторонам в поисках моих спасителей, но никаких врачей вокруг не увидел.

Я сидел в машине – всё там же, где и «отключился». На парковке у летнего кафе. Людей рядом не было, приборов, которые могли бы пищать – тоже. Только Линкольн тихонько поскуливал и, просунув голову между передних сидений, лизал мою левую руку. А вдалеке, рядом со входом, всё так же ждала меня, поглядывая на часы, Лина.

Дотронувшись до груди, я успокоил полыхающий кристалл. Наверное, это проделки всевидящего Каспера – хотел припугнуть меня, намекнув, что за непослушание он сделает со мной что-нибудь крайне мучительное и неприятное. Но, кажется, этот тип тоже, как и Стелла, не смог меня одолеть. Вот он я – живой и невредимый – планирую закончить начатое.

Не на того напали.

Глава 28. Диковат

– Лина, здравствуйте! – окрикнул я девушку, выходя из машины. Доберман, увидев открытую дверь, выскочил вперёд меня и кинулся к ней, виляя хвостом.

– Привет-привет, мой хороший, – кинолог потрепала его по макушке, а потом подняла взгляд на меня. – Вот, значит, какой у вас был разговор. Я ведь уже говорила, что...

– Лина, давайте присядем, – я отодвинул перед ней стул на летней веранде. – Ну, мы же всё равно уже оба сюда пришли. Можно хотя бы сначала выпить чая, прежде чем вы меня пошлёте. Не знаю, как вы, а я бы с удовольствием выпил.

Девушка озадаченно вздохнула:

– Ладно, давайте, – и опустилась на стул, а Линкольн послушно лёг рядом у её ног.

Она заказала себе кофе, а я травяного чая – специально спросил чего-нибудь успокоительного. Жаль, что у них не было валерьянки, неплохо было бы накапать мне в чай пару десятков капель. А ещё лучше – пару пузырьков.

Пока мы ждали наш заказ, я молча разглядывал Лину, а она почти без остановки оправдывалась:

– Вы поймите, как вас там...

– Гриша..

– Да, Гриша. Поймите меня правильно, я не со зла. Не потому что я безразлична к Линкольну и вашей просьбе. Нет.

Я его знаю, можно сказать, с пелёнок и очень люблю. Но я правда не могу его взять к себе, так сложились обстоятельства. Мой молодой человек против. Он у меня животных не любит и... В общем, просто поверьте, что псу будет лучше и безопаснее в любом другом месте.

Я почему-то снова начал злиться.

– А вот Стёпа бы так не поступил, – это всё, что я смог из себя выдавить.

– Я понимаю, он ваш друг...

В этот момент официант поставил перед ней большую чашку капучино, а передо мной чайник с чаем. Мы ненадолго замолчали, и в этой тишине я принялся с интересом рассматривать её украшения. Первое, что привлекало внимание – утончённые и искусно проработанные кулоны в виде миниатюрных насекомых. Вот крохотная пушистая пчела, вот пухлая божья коровка, вот кузнечик, а это маленькая стрекоза с тонкими-тонкими золотыми крылышками. Все удивительно похожи на настоящих. Кольца на пальцах тоже были необычными – будто скрученными из золотых травинок, листиков и ягодок. Такая детальная проработка, очень натуралистичный, узнаваемо неповторимый стиль. Должно быть, ювелир потратил не один час на создание каждого из этих шедевров, чтобы с точностью до мелочей передать свою любовь к природе. Или же... или всё наоборот?..

Моя мысль оборвалась, потому что в этот момент я вдруг заметил, что одна из её цепочек, уходящая под футболку,

оказывается, вовсе не золотая, а серебряная. Стало быть, на ней висит не подарок от щедрого бойфренда, а что-то ещё более важное, что обязательно должно быть сделано из серебра. Хм...

– Вы работаете в СКОК, – скорее утвердительно, чем вопросительно выпалил я.

Она вздрогнула и, так и не донеся чашку до губ, поставила её обратно на блюдце, чуть расплескав содержимое. Проследила за направлением моего взгляда и дотронулась до серебряной цепочки на шее.

– У вас там жетон охотника, – добавил я. – Не переживайте. У меня есть такой же.

– Из какого вы отдела? – спросила она, отправившись от изумления.

– О, ничего особенного. Обычный программист. А вы, значит, кинолог? Натаскиваете этих милах-доберманов?

– Да, – Лина опустила руку под стол и ещё раз потрепала Линкольна по голове.

– Тогда тем более не понимаю, в чём проблема. Возьмите его к вам в штат. Он отлично воспитан и, кажется, уже адрессирован находить кристаллы, – я непроизвольно коснулся пальцами груди в том месте, в котором доберман ещё недавно пытался меня разодрать.

– Да, – повторила кинолог. – Ему там, конечно, найдётся применение. Но, понимаете, Линкольн не совсем обычный пёс. Ему будет опасно находиться у нас в Москве. Если у вас

нет других вариантов, то я, конечно, могу попробовать предложить его седьмому отделу в Смоленске, но не уверена...

– По-моему, отличная идея. Давайте так и поступим.

Побарабанив пальцами по столу, Лина тяжело вздохнула:

– Тогда мне надо сделать пару звонков.

Она ушла, а мы с псом остались обдумывать новую информацию.

Итак, что я понял из всего этого разговора?.. В общем-то, почти ничего. Линкольну в Москве небезопасно, потому что некий строгий бойфренд Лины его не любит и может сделать с ним что-то нехорошее. Интересно, откуда растут ноги у этой лютой неприязни? Кто он вообще такой – этот бессердечный тип? И совпадение ли, что его девушка с ног до головы, как ёлка, увешана золотом?..

Меня почему-то снова начало потряхивать и, чтобы успокоиться, я залпом влил в себя одну за другой несколько чашек чая, пока не опустошил чайник до дна.

– Вам повезло, – бросила Лина, вернувшись. – Мне удалось договориться с ребятами. Завтра Линкольн поедет в Смоленск.

– Спасибо! – проговорил я с облегчением. – Знаете, я думаю, это правильно. Так всем нам будет спокойнее. И вам, и ему, и мне, и Стёпе.

Дёрнувшись, девушка задела кружку с кофе, к которому так и не притронулась, и на этот раз разлила его весь.

– Как он там? – её голос дрогнул.

О Боже, как это понимать? Неужели ей не сообщили о его смерти, и теперь это должен буду сделать я?

– Стёпа умер, – сказал я тихо, глядя, как по белой скатерти расплзается тёмное пятно.

– Как?! – она ахнула. – Нет, не может быть! Когда?!

– Он разбился. На мотоцикле, два года назад. Разве вы не знали?

– Ах да, два года назад... Я поняла. Простите. Надо позвать официанта, чтобы забрал скатерть...

Бедняжка, наверное её так сильно шокировала смерть, что она забыла о ней и не осмысливала случившегося до того момента, пока я про это не напомнил, а теперь спешно меняет тему, чтобы не пускать в себя горе. Защитная реакция психики – где-то я о таком читал.

– Лина, пожалуйста, не переживайте, – я махнул рукой официанту. – Я и так вас задержал. Вот поводок Линкольна. Идите. Остальное я улажу сам.

Оставив официанту чаевые, которые по моим меркам должны были бы покрыть весь ущерб от бедствия, я ещё раз извинился перед ним. Потом уже в одиночестве вернулся в машину и построил маршрут до дома.

Несмотря на поздний час, на дорогах ещё были пробки, в том числе кое-где и «бордовые». Пока я стоял в одной из таких, мне неожиданно позвонила Стелла. Что-то долго её не было слышно – целый день – даже никак не откомментировала с утра мои откровенные фото. Впрочем, может и пра-

вильно. Кто-то из нас двоих должен быть умнее.

– Привет, я скучал.

– А вот я не успела соскучиться, – хмыкнул её голос из динамиков авто. – Сегодня весь день всё напоминало о тебе.

– Правда что ли?

– Правда. Мне звонила твоя Катя.

– Ого! Как же она тебя нашла?!

– Не знаю, но в том, что ей нужна именно я, сомнений нет. Названивала мне целый день, пока я не согласилась её выслушать. Вернее, её требования. Так она сама и сказала – «выслушайте мои требования». Я даже сначала решила, что ты у неё в заложниках или что-то вроде того, – Стелла фыркнула. – А потом оказалось, что всё наоборот. Это ты, по её мнению, у меня в плену. Впрочем, знаешь, она не далека от истины...

– Что же она у тебя требовала?

– Вернуть ей тебя обратно.

– Ха. Понятно. А ты?

– А я сказала, что вовсе не против, если ты покатишься ко всем чертям, куда-нибудь от меня подальше.

– Вот спасибо!

– Но она почему-то мне не поверила. И долго ещё ругалась, а потом плакала.

– Стелла, мне очень жаль, что тебя всё это коснулось. Я думал, что она успокоится со временем, но нет, не похоже. Придётся мне самому с ней поговорить... Хотя, ладно, это

всё ерунда. Разберёмся. Послушай лучше, тут у меня сегодня вышло такое дело...

– Если ты про татуировки, то я оценила. Не знала просто, что ответить. Сказать, что мне жаль?.. Но мне не жаль.

– Да нет, – я махнул рукой. – Про них тоже забудь. Тут случилось кое-что поинтереснее... Скажи, я могу астрально вселяться в людей?.. Мне кажется, что сегодня я ненадолго вселился в другого человека... или в вампира.

– Нет, ты анималист. Такое исключено.

– А путешествовать во времени?

– Волков, не мни себя всемогущим. Что у тебя там стряслось?

Хотел бы я сам знать ответ на этот вопрос. Таинственные врачи – или экспериментаторы – всё никак не выходили у меня из головы. И каким образом мне объяснить случившееся Стелле, если я сам для себя не могу никак это объяснить?

– Понимаешь, я сегодня познакомился с девушкой. Она кинолог в СКОКе. И она... она почему-то так меня взволновала... при виде неё у меня всё очень сильно напряглось внутри...

– О, ну замечательно. Рада слышать. Надеюсь, скоро твоя Катя начнёт звонить ей, а меня оставит в покое, – выпалила Вернер и вдруг бросила трубку.

Вот так раз. Что это с ней? Уж не нотки ли это ревности? Или даже не нотки, а целый тяжёлый аккорд. Я улыбнулся и написал ей вдогонку сообщение:

«Ты всё не так поняла, у неё уже есть парень...»

«...и, кажется, это твой муж» – хотел добавить я. Но решил, что это будет уж слишком, поэтому ограничился многоточием.

* * *

До чего же отвратительный сон приснился мне этой ночью! Такой мерзости я раньше даже не мог бы себе вообразить.

Я муха. Нет, вернее, я всё же человек – с руками и ногами – но за спиной у меня полупрозрачные крылышки, будто вырезанные из тонкого пергамента. И этими самыми кукольными крылышками я приклеен к гигантской белой паутине, висящей где-то во вселенской тьме, которой нет конца и края. Ворочаясь и пытаюсь освободиться, я лишь сильнее запутываюсь. Сначала я не могу пошевелить только плечами, но вот уже и мои локти обездвижены и обвиты липкими нитями.

А потом появляется он. Я застываю как мёртвый при виде этого существа и даже перестаю дышать. Чёрт побери, что это такое?! Огромный зверь ползёт ко мне по паутине, ловко перебирая восьмью чёрными паучьими лапищами. Но это не паук. У него голова, грудь и передние лапы льва, при этом он размерами с человеческий рост и весит, навскидку, минимум полтонны. Глаза у него тоже львиные, ярко-жёлтые с

узкими щёлочками-зрачками, но их четыре пары, и они расположены на лбу в два ряда. Из рта у этого монстра торчат длинные чёрные клыки – вернее, это членистые паучьи клешни, которыми они прокусывают свою жертву. Чуть ниже рёбер львиная рыжая грудь плавно переходит в раздутое чёрное паучье брюхо с волосатыми лапами, а из задницы вместо хвоста торчит вверх, довершая картину, изогнутое скорпионье жало.

При виде этого мерзкого уродища мне становится так плохо, что меня едва не рвёт от отвращения. Нет, совершенно точно, это не почерк Стеллы, но если не её, то чей?..

Чудище, тем временем, агрессивно шипя, подбирается ко мне. Брюхо у него такое толстое, что если он сожрёт ещё и меня, то точно лопнет. Представляя, как всё вокруг забрызгивают его гадкие зелёные кишки, я чуть не отрубаясь от дурноты. А ведь он ещё даже не начинал пускать в меня свой яд...

Мою грудь обхватывают его липкие лапы – сначала только передние, но потом все четыре пары крепко удерживают меня, а скорпионье жало тянется к моей сонной артерии. Сопротивляться я не могу – весь парализован страхом. Говорить и звать на помощь – тоже.

Лев вдруг цыкает своими паучьиими челюстями и начинает смеяться – практически человеческим голосом. Его жало уже щекочет мою шею, но он медлит. Как будто хочет сначала как следует пощекотать мне нервишки.

– Не трогай его! – вдруг раздаётся резкий крик. – Нельзя! Кыш!..

Ничего себе, это же Стелла! Прыгает сверху на спину паука и хватается обеими руками за жало, отводя его назад, подальше от моей шеи. Львиная голова удивлённо поворачивается к ней.

– Просыпайся, пока не поздно! – кричит мне она. – Давай-давай, быстро! У тебя всего пара секунд!

– Я не могу, – шепчу я одними губами, весь онемевший от страха.

– Можешь. Вспоминай, где и когда ты уснул. Ну, давай же!

– Я пытаюсь. Не получается. Прости...

Стелла ругается в мой адрес и вдруг исчезает – так же резко, как появилась. Лев продолжает в изумлении крутить головой, ища её взглядом. Но она будто бы провалилась сквозь землю. А через пару минут начинает играть так хорошо знакомая мне песня «Металлики» под аккомпанемент дребезжащей вибрации.

Паутина содрогается. Лев рассерженно рычит и, заноса надо мной широкую лапу, бьёт меня по лицу. Но он промахивается. Меня здесь больше нет. Я оставляю тонкие крылышки на его паутине, а сам просыпаюсь.

Уф! Успел.

– Гриша, чёрт тебя дери!.. – выдохнула в трубку Стелла. И дальше мы оба молчали минуту или две. Отдышавшись, она уже обычным голосом добавила. – Тебе повезло, что ты

оставил звук включённым на ночь.

– Да уж, – выдавил я хрипло. Других слов не нашлось. Вернее, сказать хотелось многое, но говорить у меня пока ещё получалось плохо.

Не прерывая вызова, я прямо с мобильником пошёл на кухню и выпил залпом полный стакан холодной воды, а потом умылся. Постепенно коматозное оцепенение начало меня отпускать, онемевший язык ожил, и я, как обычно пытаюсь придать голосу весёлой бодрости, затараторил:

– А ещё мне очень повезло, что ты, в отличие от меня, умеешь просыпаться. И, судя по всему, на этот раз не пила на ночь снотворное.

– Не пила, – подтвердила Стелла тихо.

– Слушай, я, конечно, под впечатлением. Что это вообще за чудо природы? Неужели это ты его придумала?

– Нет, – голос Стеллы до сих пор подрагивал. Кажется, она тоже не на шутку переволновалась. – Не я. Это кот Эмиля.

– Кот?! – переспросил я. – Ну просто прелесть этот котик! Только немного диковат. Какая порода? Бенгальский, наверное?..

– Гриша, сейчас точно не до шуток, – проговорила Стелла строго, но без свойственной ей холодности в голосе. – Выслушай меня внимательно. Сегодня произошло что-то нехорошее. Я не знаю, что именно, но... Похоже, что твоя красная нить закончилась.

Глава 29. Беспощадный гипноз

Когда наступает полночь, карета превращается в тыкву, лошади в мышей, кучер в крысу, а роскошный наряд – в лохмотья.

Но у объекта из камеры Б-4 всё с точностью до наоборот. Ровно в полночь он отключает от вены капельницу с раствором серебра, и через несколько секунд его лицо преображается. Кожа приобретает здоровый оттенок, мимика становится живой, улыбка обаятельной, а глаза проясняются. Он принимает душ, бреется, зачёсывает блестящие волосы назад в модную укладку. Его больничная одежда, как по маху волшебной палочки, превращается в чёрный парадный костюм с фраком, из-под которого виднеется острый ворот белой рубашки. Вставляет в манжеты запонки. Повязывает бордовый галстук-аскот. Достает из-под кровати чёрные лакированные туфли. Брызгается удушающе-сладкими, с горчинкой, духами. Надевает на руки белые перчатки, а сверху перстни с красными камнями – и только на безымянный палец, будто бы случайно, забывает надеть кольцо. Но я видел – оно у него есть. Лежит в маленькой шкатулке в ящике письменного стола.

А потом он выходит из своей камеры, отперев дверь ключом, и охранники делают вид, будто бы его не замечают. Он спокойно идёт к гаражам, садится в вымытый до блеска чёр-

ный «бугатти» и уезжает в Москву.

Так происходит каждую ночь. И лишь на рассвете, около семи часов утра, всё снова встаёт на свои места. Вернувшись, он перевоплощается обратно – в несчастного, измученного капельницами, голодного узника. Вот только взгляд у него меняется не сразу – ещё какое-то время это глаза наглого, довольного кота, досыта нажравшегося сметаны.

Спросите, знаю ли я, что он делает в Москве? Знаю. Это я тоже успел разведать...

С той самой ночи, когда я повстречался с паукольвом, Стелла запретила мне спать до выяснения обстоятельств. Да я и сам не решился бы ещё раз наведаться в гости к этой твари. По крайней мере до того момента, пока не пойму, как её обезвредить. Константин говорить на эту тему по телефону отказался, отложив разбирательство до выходных. Ему легко. А вот попробовал бы сам не спать несколько дней – может по-другому заговорил бы.

Однако был в этой ситуации и положительный момент – я мог как следует поупражняться в астральных перевоплощениях. Кем я только не был за эту неделю! И волком, и лисом, и кабаном, и орлом, и даже бурым медведем! А сейчас я маленький незаметный паучок. Сажу на разошедшейся оконной раме, заглядывая в камеру под номером Б-4.

Сегодня он делает то же, что и всегда. Приводит себя в порядок перед привычной поездкой в Москву. Но какая-то мысль, похоже, не даёт ему покоя. Он медлит. Задумчиво пе-

ребирает содержимое ящика стола. Потом подходит к окну. Сначала он смотрит на ночное тёмно-синее небо, на высокий, с колючей проволокой, забор, на лес. И вдруг его глаза замечают меня. Улыбаясь, будто его озарила внезапная идея, он открывает окно. Не удержавшись на оконной раме, я теперь вишу на уровне его глаз на тонкой паутинке, дрожащей на ветру. Он подносит ко мне правую руку и сажает меня к себе на ладонь. Некоторое время мы смотрим друг на друга – огромный вампир и крохотный паучок. Его губы с каждой секундой растягиваются всё шире. А потом он дотрагивается до меня указательным пальцем левой руки, и моё тельце замирает. Я только вижу, как тоненькие чёрные лапки, будто тронутые невидимой кистью, раскрашиваются в золотисто-жёлтый.

Из невзрачного, неприметного паучка я превращаюсь в яркое произведение искусства. В красоту, которая будет жить вечно. Но для меня самого жизнь на этом заканчивается. Наступает холод и темнота...

* * *

В пятницу вечером я, по старой доброй традиции, заехал в больницу за Стеллой. И даже поднялся в отделение, чтобы снова помочь ей спустить чемодан по ступеням. Но каково же было моё удивление, когда помимо Стеллы я обнаружил в её кабинете Катю в довольно возмущённом настроении. Вот

чёрт, я ведь совсем про неё забыл!

– О, тут как тут, явился не запылится! – воскликнула она при виде меня. – Так я и думала! На дачу, наверное, намылились!

Стелла, сидя за рабочим столом, устало подняла глаза. Видимо, она уже исчерпала все свои аргументы в очередном бесполезном споре, и теперь ждала моей подмоги.

– Катя, – сквозь зубы проговорил я. – Выйди отсюда, пожалуйста. Что ты творишь?..

– Это ты что творишь! Ты почему к телефону не подходишь?! И на сообщения мои не отвечаешь?!

– Да ты у меня давно уже во всевозможных чёрных списках.

– Ах вот оно что!

– Стелла, прости, я... с этими событиями... совсем запятовал...

– Позже поворкуете! – решительно перебила меня Катя. – Ты должен мне помочь!

– Ничего я тебе не должен.

– Ты же ещё не знаешь, о чём я говорю!

– И не хочу.

– Не бойся, я от тебя не беременна!

– Ещё бы, мы не спали больше полугода.

Стелла тихо простонала и обхватила голову руками, показательно закрывая ладонями уши. Похоже, её весь этот шум уже порядком утомил. Взяв чемодан за ручку, я решительно

покатил его к выходу. Катя посеменила за мной и, наконец, перестала сотрясать воздух в ординаторской.

Такой же шумной процессией мы спустились вниз и вышли за территорию больницы. Бывшая всё это время награждала меня новыми нелицеприятными эпитетами, сетуя на мои безразличие, бессердечность и даже бездушие. Стелла молча шла сзади, выдерживая безопасное расстояние. И только когда я открыл для неё дверь машины, приблизилась, чтобы туда сесть.

Я тоже сел на водительское и завёл двигатель, но так просто отделаться нам не удалось – Катя решительно перегородила дорогу, не давая выехать с парковки:

– Да выслушай же меня, наконец! – крикнула она, стуча по стеклу. – За мной следят!

– По-моему, это ты за мной следишь! – раздражённо выпалил я. Пришлось снова выйти из машины, и дальше мы ругались уже у капота. – Катя, я тебя прошу, перестань. Отойди с дороги, мы опаздываем.

– Ты должен мне помочь! – тараторила она. – Это всё из-за Валеры...

– Да! – воскликнул я. – Именно! Ну наконец-то до тебя дошло! Не было бы Валеры, не было бы и этого разговора. И вообще, всей этой ситуации. Я был бы сейчас с тобой, и тебе не пришлось бы сгорать от этой унижительной ревности.

– Ты не понял...

– Катя, это ты не поняла.

Она прервалась и надулась:

– А знаешь, что. Я не ревную. Тем более, она у тебя немодная! И чёрный цвет её старит!

Я аж потерял дар речи от такой наглости. Только молился внутренне, чтобы Стелла этих слов не услышала. Но, похоже, они до неё всё-таки долетели, потому что она тут же взглянула на себя в зеркало, поправила укладку и вышла к нам со словами:

– Котик, поехали скорее, а то опоздаем, – и с показательной нежностью погладила меня по плечу, а потом взяла за руку и повела за собой. Уже садясь в машину, словно ненароком оглянулась и бросила. – Катя, чёрный цвет тут не при чём, просто я его старше лет на двести... а впрочем, что тут таить, на все пятьсот! Но, как говорится, любви все возрасты покорны. Оставьте нас, пожалуйста, в покое. Ваш поезд ушёл.

Она хлопнула дверцей, пристегнулась и помахала мне рукой – мол, поехали быстрее. Надо сказать, её короткое выступление неожиданно подействовало. Катя удивлённо заткнулась, отступила в сторону – и мы смогли, о чудо, отъехать от парковки. Когда территория больницы скрылась из вида, я хмыкнул и повернулся к Стелле:

– Как ты там меня назвала? Котик?!..

– А что ещё мне оставалось, – мрачно буркнула она. – От ваших разборок уже стало тошно. И потом, мы правда опаздываем.

Я с умилением улыбнулся:

– Старушка и её котик – мы просто созданы друг для друга, – и дотронулся пальцами до её локтя, лежавшего на подлокотнике.

– Волков, держи руль! – гаркнула она и отдернула руку. – Ты что, шуток не понимаешь?..

– Понимаю, Стелла. Я всё понимаю. Пожалуйста, не переживай.

Некоторое время мы ехали молча и оба не могли надышаться воцарившейся, наконец, тишиной. Уже отъехав несколько десятков километров от Москвы, остановились у кофейни – Стелла попросила купить ей кофе. Потом, спустя полчаса, она вдруг решила заехать в аптеку. А ещё минут через десять – в торговый центр. В этом месте я стал с подозрением на неё коситься. Но она с невозмутимым видом потащила меня сначала в супермаркет, чтобы купить фруктов и ягод, а потом, о ужас, по обувным магазинам, уверяя, что ей срочно нужны новые туфли, потому что эти – натирают. Я уже даже решил было, что она чересчур вжилась в роль моей девушки и, вздыхая, бросал недвусмысленный взгляд на часы, но она будто бы не замечала моих намёков.

И только когда мы, погрузив покупки в багажник, снова выехали на шоссе, она сказала своим обычным строгим тоном:

– Похоже, твоя Катя не обманывала.

– Ты о чём? – с непониманием переспросил я.

– Постарайся не показывать вида, когда я тебе скажу.

– Ммм?

– За ней и правда был «хвост». А теперь они следят за нами.

Так вот оно что! От неожиданности я аж ударил по тор- мозам, и чуть не словил поцелуй от едущего сзади авто.

– Волков, я же просила! – всплеснула руками Стелла.

– Извини. Для меня это новость. Кто? Сколько их?

– Вон та зелёная «школа» справа сзади. Их трое. Это охот- ники.

– Ты уверена? – я взглянул в боковое зеркало. – Охотники, насколько мне известно, ездят на «уазиках».

– Машина не служебная. Но это точно они. Я, если ты ещё не понял, не потому так долго разглядывала туфли. Вернее, я разглядывала. Но не туфли, а этих товарищей. Они все с же- тонами. И при полном обмундировании, хоть и попытались скрыть под куртками кобуру...

– Хм... – задумчиво протянул я. – Что ж. В таком случае, давай сперва заглянем вот на эту заправку.

– Не веришь мне, – поджала губы Стелла.

– Просто хочу своими глазами убедиться. И, к тому же, бензин правда заканчивается.

Подъехав к колонке, я не спеша открутил крышку с ба- ка и так же неторопливо взялся за топливный пистолет, всё это время мониторя окрестности. Тёмно-зелёная «школа»

и впрямь повернула на заправку следом за нами и встала неподалёку от магазинчика. Один из пассажиров вышел и пошёл к кассе. Но покупать ничего не стал, просто задумчиво ходил между стеллажами. Дождался, пока я расплачусь, и тоже вышел, так ничего и не взяв.

Вернувшись в машину, я признал:

– Похоже, ты права. Что будем делать?

– Везти их на «хвосте» в Смоленск нельзя. Это точно. А вообще – не знаю. Мы в довольно щекотливом положении. У нас в багажнике тридцать литров крови.

– Спокойствие, – я плавно отъехал с заправки. – Надо позвонить Константину. Только не сейчас. В дороге.

Водитель тёмно-зелёного седана поспешно включил фары и вырулил на шоссе за нами. Только держался постоянно в правом ряду и ехал чуть медленнее, а в целом продолжал методично нас преследовать.

– Костя, привет, – включив на телефоне громкую связь, заговорила Стелла. – У нас ЧП.

– Знаю, – перебил Цепеш. – Ян услышал и уже передал мне. Они ищут некоего Валерия Юрьевича. Всего-то лишь. Проверяют его близкие контакты...

– Никакой я ему не близкий контакт! – буркнул я.

– ... И близкие контакты его близких контактов, – хладнокровно закончил Константин. – Приезжать сегодня не надо. Указание снимается. Ваша задача сейчас вести себя как обычные люди. И тогда всё будет хорошо.

– Это как? – с непониманием уставилась на трубку Стелла.

– Сегодня пятница. Что делают люди по пятницам?

– Что?

– Езжайте в бар, – проговорил Цепеш, и я, даже не видя его, почувствовал, как его губы растягиваются в улыбке. – Хотя нет. Вы там напьётесь и точно что-нибудь не то натворите. Лучше устройте романтический вечер. Снимите на ночь номер в отеле.

– Что-о?! – задохнулась Стелла. – Костя, ты серьёзно?! Пусть он просто отвезёт меня домой!

– А ещё проще – сразу сообщить им свой домашний адрес, – саркастически хмыкнул Константин.

– Он прав, – тихо подал голос я. – Домой нельзя.

– Да я... да я лучше охотникам сдамся!..

– Не надо никому сдаваться, Стелла, – бархатным голосом, делая большие паузы между словами, ответил ей Константин. – Просто немного притворись. Вы сейчас остановитесь в гостинице. Выспитесь как следует. А завтра, когда «хвоста» не будет, приедете, и мы всё решим.

– Костя!!! – она уже держалась за висок, но гордость не позволяла ей так быстро смириться с очередным внушением.

– Это не совет, а приказ, – его довольный баритон пробрал меня до самых костей. Совершенно не задумываясь, я снял с держателя свой телефон и открыл в навигаторе поиск по ближайшим гостиницам. Выбрал из них самую приличную по отзывам и проложил маршрут. Ехать нужно было целых

полчаса, но я подумал, что ничего плохого в том, чтобы ещё немного помурожить этих парней, не будет, даже наоборот. Чем быстрее они устанут, тем быстрее от нас отцепятся.

Швырнув мобильный в подстаканник, Стелла закрыла лицо руками. Может быть даже всплакнула от безвыходности – не знаю. Но когда мы приехали на место, она, кажется, уже смирилась с происходящим и даже надела на лицо улыбку.

– Придётся нам ещё ненадолго прикинуться парой, – сказала она мне. – Не принимай это на свой счёт. Просто надо сделать всё, чтобы эти трое побыстрее потеряли к нам интерес и свалили.

– Угу, – коротко ответил я, гася двигатель. Зелёная «шкода», проехав мимо, невозмутимо остановилась в дальнем углу парковки.

Продолжая улыбаться так, будто хочет сказать мне что-то приятное, Стелла склонилась к моему уху и приказала строгим шёпотом:

– Иди открой мне дверь.

Я послушно обошёл машину и открыл ей пассажирскую дверцу. Но и тогда Вернер выходить не торопилась, стрельнув куда-то вниз глазами. Я сначала в непонимании пялился на неё, не соображая, что ей от меня ещё нужно. Потом, наконец, догадался и подал руку. Ухватившись за меня, она поднялась, кокетливо рассмеялась и, качнувшись, якобы случайно, притёрлась ко мне. Потом, взяв меня под руку, уверенно повела к зданию отеля.

Ох уж этот Константин и его беспощадный гипноз! Нет, ну мне-то подобная игра даже нравилась, а вот Стелла, полагаю, внутри скрежетала зубами.

Двое ребят вылезли из «шкоды» и неторопливо потащились за нами. Прошли следом до стойки администратора и встали так, чтобы сильно не палиться, но при этом слышать наш разговор.

– Мы с моей девушкой хотели бы снять номер на ночь, – проговорил я, краснея. Никогда не любил театр, не моё это всё же. Но, к счастью, главную роль взяла на себя Стелла.

– А у вас есть что-нибудь такое... ну... романтичное, – копируя сладкое мурлыканье Илоны, протянула она.

– Есть сыют для молодожёнов, он сейчас как раз не занят и уже украшен, – улыбнувшись, ответила администратор.

Я почувствовал, как рука Стеллы, которой она держала меня под локоть, напряглась, пальцы сжались на моей коже. Ей страшно? Или противно играть в столь унижительном спектакле?.. Я положил ладонь на её руку, чтобы хоть как-то поддержать.

– Да, это то, что надо! – пискнула она после небольшой драматической паузы. И коротко чмокнула меня в щёку.

Покосившись через плечо назад, я увидел, как один из охотников устало закатил глаза, а второй принялся тыкать в своём телефоне. Похоже, нужный эффект почти достигнут.

Получив ключи, мы поднялись на второй этаж – на этот раз нас уже никто не провожал. Едва дверь в номер захлоп-

нулась, Стелла сбросила с лица улыбку и со стоном выдохнула:

– Ну всё! Наконец-то!..

Потом она поспешно оглядела панорамные окна огромного номера, прошла через гостиную в спальню и поправилась.

– Нет, ещё чуть-чуть. Последний штрих. Надо показать им, что мы здесь надолго. Встань у окна, пожалуйста, и выгляни, как будто смотришь на пейзаж. Они там?

– Там, – подтвердил я. – Пялятся прямо на нас.

– Отлично. Стой так и не оборачивайся. А когда я скажу, задвинешь штору. Понял?

– Ага.

В отражении стекла я увидел, как она, стоя у кровати, откинула волосы вбок, а потом медленно расстегнула сзади молнию на платье, и чуть не поперхнулся от досады. Мир несправедлив! Этим охотникам за какие-то сомнительные заслуги выпала честь смотреть такое представление, а я должен отвернуться и довольствоваться только бликами на окне. Надо сказать, эти ребята весьма бесстыдно тарацились на неё, пока она раздевалась, и даже глаз не отвели. Но радость их была недолгой.

– Хватит, – скомандовала Стелла через несколько секунд.

В тот же момент я дёрнул плотную штору, закрывая окно, и резко обернулся, но за мгновение до этого она уже успела выключить свет, и я так ничего и не увидел. А потом она и вовсе скользнула под одеяло, одновременно накидывая го-

стиничный халат. Легла посередине огромной двуспальной кровати, усыпанной искусственными лепестками роз и нахально уставилась на меня:

– Там, в гостиной, есть диван. Спокойной ночи.

«Вот так всегда! – бубнил я про себя, накрываясь диванным пледом и устраиваясь поудобнее. – Женщины... Возишь их, значит, весь день по кофейням да по магазинам за шмотками, а они в итоге демонстрируют свои прелести каким-то посторонним счастливым и отправляют тебя спать на диван...»

Впрочем, немного подремать я и впрямь не отказался бы, и даже диван этот мне сейчас показался жутко удобным. Ох, как же я устал за неделю! Хотя сейчас, наконец, можно немного расслабиться, ведь Стелла здесь, рядом. В случае чего, она просто проснётся и разбудит меня...

Глава 30. Зверь в клетке

Всё получилось с точностью до наоборот. Посреди ночи я проснулся от странных шорохов. Стелла вертелась в своей постели и шуршала одеялом. Кажется, ей снился какой-то волнующий сон. Уж не кошмар ли?..

Я вылез из-под пледа и подошёл ближе, встав в проёме спальни. Присмотрелся и прислушался, пытаюсь понять, что происходит. И тут, развеивая мои тревоги, она вдруг довольно хихикнула во сне и, повернувшись на бок, лицом ко мне, тихо проговорила:

– Почему ты стоишь там так далеко? Иди сюда...

Удивившись, я, однако, повиновался. Присел рядом с кроватью и заглянул в её лицо. Нет, она точно спит. Глаза закрыты.

– Привет, мой хоро-оший! – довольно тянет она. – Как же давно мы не виделись!.. Я очень скучала!

Ну, понятно. Говорит она, конечно же, не со мной.

– Мне так плохо без тебя, – негромким и каким-то уж очень нежным голосом продолжала она. – Так холодно. Будто меня заколдовали...

Я машинально натянул её одеяло повыше – чтобы оно прикрывало спину. И так и оставил руку на её плече, потому что вслед она проговорила смущённо:

– Пожалуйста, обними меня покрепче...

Ночь была такой чёрной-чёрной. Звёзды все куда-то спрятались, и даже фонари на территории отеля уже погасили. Темно, спокойно и почему-то очень, очень горячо. Она мёрзла, а меня вдруг всего бросило в жар.

– Поцелуй меня, – проговорила Стелла тихо. – Расколдуй...

Голос у неё был такой ласковый, и сама она такая трогательная – с этими вьющимися волосами, разметавшимися по подушке, с этим румянцем на щеках, с этой радостной улыбкой... Короче говоря, меня не пришлось упрашивать дважды.

Я приблизился и коснулся губами её губ. Всего пару секунд длилось наше общее наваждение, потом она вдруг резко открыла глаза, оттолкнула меня и выпалила возмущённо:

– Ты?!

– Ну, не Эмиль же, – я не полез за словом в карман.

Вскочив на постели, она схватила с пола свою сумочку и огрела меня ей по голове. Тяжёлая! Что же она там носит?..

Она замахнулась ещё раз, но я перехватил её руку. Крепко обнял её, прижимая к себе как буйную пациентку:

– Тише!

– Отпусти меня!

– Нет. Сначала успокойся.

– Пусти! Я не шучу, Гриша!

– Я тоже, Василёк.

– Что-о?!

Гулять так гулять – решил я. Она меня в любом случае уже готова убить за этот неосторожный поцелуй, поэтому момент как нельзя лучше подходит и для другого, не менее отчаянного откровения.

– Выслушай. Только тихо. Мне сложно говорить... Я... я всё знаю про тебя. Про Свету. Про войну. Про всё, через что ты прошла... – она только ахнула в ответ. – Но я не причиню тебе вреда. Пожалуйста, не бойся. Я никому не расскажу. Я... я проникся твоим дневником. Кажется, между нами возникла какая-то особая, очень тесная связь, когда я читал твои записи, и это не просто красная нить. Ты стала мне очень близка. Я переживал за тебя как за родную. И ещё, наверное, я... я...

Но самые главные слова застряли у меня в горле, и я их так и не произнёс. Мои руки вдруг бессильно опустились:

– Прости. Я знаю, как он дорог тебе... Я был не прав.

Мой голос ослаб, будто закончилась какая-то батарейка внутри меня. Я потерянно поднялся с кровати и вышел из номера, оставив её потрясённо молчать наедине со всей этой информацией.

Обратно я так и не вернулся. Сначала, попросив у администратора сигарету, долго курил на площадке перед отелем, а потом ушёл спать в машину, хотя, заснуть так и не смог.

Что-то подсказывало мне, что и Стелле в эту ночь тоже больше не спалось.

Как можно было догадаться, одной единственной сигаретой дело не ограничилось. Чем ближе было утро, тем сильнее я нервничал, не зная, как теперь буду смотреть ей в глаза. На рассвете я съездил до ближайшего магазина, купил целую пачку сигарет и теперь курил прямо в салоне – практически без перерыва, одну за другой. В какой-то момент я даже готов был трусливо уехать, не дождавшись Стеллы. Но, представив, каким идиотом буду тогда смотреться перед ней, практически насильно заставил себя остаться. Только отгородился со всех сторон, для самоуспокоения, плотной стеной сигаретного дыма.

В восемь, сев ко мне в машину, Стелла закашлялась и несколько раз махнула в воздухе раскрытой ладонью:

– Это что за дымовая завеса? – сдавленно проговорила она. – От кого прячемся?

– От самого себя, наверное. Сейчас открою окна, на ходу проветрится – пожал плечами я. – Но для начала надо решить, едем мы куда-то или нет.

– А разве есть выбор? – она снова кашлянула. – Фу, какая же гадость! Тебе самому-то не противно?

– Противно. Но не от сигарет.

Она перестала фыркать и внимательно посмотрела на меня. Да так пристально, что у меня внутри всё перевернулось.

Наверное, скажи она сейчас хоть одно резкое слово, она могла бы меня убить этим покруче, чем во всех своих кошмарах вместе взятых. Такой я в тот момент был открытый и чувствительный. Но она всего лишь скромно улыбнулась одним уголком рта и проговорила:

– Ох, Гриша. Не везёт тебе с твоими девушками...

Не везёт? С девушками?.. Это что же получается... Я аж поёрзал на месте от удивления. Она, что ли, себя сейчас назвала... моей девушкой?!

Всю мою тревогу вмиг сняло как рукой. И даже жить немного захотелось.

– Вообще-то твои парни все тоже какие-то... мягко говоря, не очень, – я слабо улыбнулся ей в ответ и выкинул полупустую пачку сигарет прямо в окно.

– Нет, ну до этой истории с сигаретами... ты был в целом ничего, – хихикнула она.

– Прости, больше этого не повторится!

Мне вдруг снова стало так тепло-тепло и спокойно. Нельзя сказать, что ситуация хоть как-то прояснилась, но, во всяком случае, меня не убили и даже не отвергли, со мной говорят и, более того, шутят!

Выдохнув облегчённо, я взял курс на Смоленск.

«Хвоста», к счастью, больше не наблюдалось. Ни зелёной «шкоды», ни каких-либо других машин, постоянно следующих за нами, не было. Однако мы всё равно ехали долго, потому что вёл я как-то заторможено, погружённый в свои

мысли, и ни музыка, ни свежий ветерок в окне не могли выдернуть меня обратно.

Значит, вчера алхимик, приехав домой после очередного любовного приключения, решил вдобавок немного размять астральные косточки и явиться в сон к Стелле. Причём, явился он ей явно не в виде чудовища, а в самом что ни на есть человеческом облике, раз она его узнала и даже позвала к себе. Зачем ему это? Осматривает свои некогда «завоёванные» владения, чтобы в его отсутствие туда не просочился враг? Стережёт запасной аэродром? Или же просто таким образом собирает со Стеллы дань в виде убиенных ею душ? Если так, то неудивительно, что даже «кот» у него зажрался до ожирения.

Интересно, а видел ли он меня и этот наш незапланированный поцелуй? Как тебе такое, Эмиль Вернер?.. Я рассмеялся в ответ на свой собственный вопрос. Впрочем, что-то мне подсказывало, что если он нас застукал, то скоро мне будет вовсе не до шуток.

Стелла тоже всю дорогу молчала, занятая какими-то своими думами. Мне было, конечно, очень интересно её отношение ко всему этому, но я решил пока взять паузу в щекотливых обсуждениях.

Только когда мы подъехали к воротам, я обратился к ней, сказав поспешно:

– Подожди-ка секундочку! – и, выбежав из машины первым, открыл перед ней дверь.

На этот раз туфли ей уже не натирали и её не качало, да и спектакль было уже устраивать не перед кем, но всё же она вложила свою руку – в чёрной бархатной перчатке – в мою ладонь, а я крепко сжал её, словно боясь отпустить.

За нашими спинами раздалось мурлыкающее:

– Вот это да! Вы только посмотрите, что с Рыжиком творится! То ли гипноз ещё не развеялся, то ли они заигрались... – повернувшись к мужу, Илона добавила, склонив голову. – Только не пойму... всё-таки что-то было?.. или нет?

– А чё ты на меня-то пялишься? – возмутился Ян. – Я не подслушивал!

– Вы уже ставки делаете? – холодно, будто бы между прочим, спросила Стелла, проходя мимо них в дом.

– Ян нет. Он у нас не азартный, как оказалось. А вот мы с Константином вчера поспорили. Он был уверен, что вы побиваете друг друга, а я...

– Спешу вас огорчить, – перебила Стелла. – Вы оба проиграли. Где он, кстати? Нам нужно многое обсудить.

Константин подждал нас в гостиной, стоя у окна. Едва увидев меня, он встрепенулся и подозвал подойти ближе. Потом скомандовал коротко:

– Руки...

Я поднял в воздух раскрытые ладони, а он очень тщательно обнюхал их. К левой быстро потерял интерес, а вот около правой ещё долго водил носом.

– Какая же тварь... – протянул вдруг и, поморщившись,

сделал шаг назад. Потом, закатив глаза, вдруг рассмеялся. – Что ж, пусть попробует, умник... Честное слово, Гриша, как тебе это удаётся?! Ты каждый раз приносишь на себе столько новостей! Тебе бы в разведке работать! Надо рассказать деду, пусть тоже посмеётся!..

Выкладывая на стол фрукты и ягоды, Стелла краем глаза косилась на нас. Но никаких вопросов не задавала.

– Знаешь, я с тобой согласен, – процедил вдруг Цепеш, глядя мне в лицо. – Я тоже считаю, что мосты нужно сжигать. А иллюзии должны в конечном итоге стать реальностью.

Не очень-то понятно, но переспрашивать не решился. К счастью, дальше он говорил уже яснее:

– Один ты с ним не справишься. Не пытайся даже. Я помогу, и не только я, но для этого нам нужна база данных из Москвы. А пока у нас её нет, придётся тебе позабыть про сон.

Значит, Цепеш прекрасно знает, что Вернер жив. И, судя по всему, тоже точит на него зуб, как и я. Но если у меня вполне понятная личная причина, то что там стряслось между старыми товарищами – остаётся загадкой. А может быть, Константина возмущает сам факт того, что вампир предал свой собственный клан и встал на сторону охотников?..

– Я ничего не поняла, – подала голос врач.

– А от тебя этого и не требуется, – как-то чересчур уж приторно ответил потомок Дракулы.

– Но что делать с котом?

– Перестать его кормить. Это же так легко, Стелла! Про-

сто. Перестань. Его. Кормить.

– Нет! – вдруг воскликнула она громко. – Никогда! Я обещала Эмилю, что не оставлю его и позабочусь о нём!

– Это существо само способно о себе позаботиться.

– Костя, ты не можешь мне такое приказывать!

– Могу, – он оголил клыки в усмешке. – Но не буду. Пока не буду.

* * *

В отличие от Стеллы я почему-то почти не сомневался, что никакого отдельно существующего кота на самом деле нет. Скорее всего этот гадкий монстр – ни что иное как разросшееся до масштабов вселенной огромное эго Эмиля.

И если он сегодня ночью не придёт в сон ко мне, то тогда снова явится к ней. А надо ли говорить, что меня такой расклад крайне не устраивал? Нет, пусть уж лучше этот мракобес снится мне. Я придумаю, чем его развлечь. Но для начала полечу-ка я всё же разведаяю, что творится по выходным в московском штабе охотников, и чем занят объект Б-4 наяву.

Когда я, неприметным серым воробушком, сел на уже хорошо известное мне окно камеры, то никого там не увидел. Что странно – ведь полночь ещё не наступила. Может быть, по субботам у Вернера «короткий день», и его отпускают гулять пораньше?.. Капельница и впрямь сиротливо стояла в углу, но в то же время и галстук висел на стуле нетронутым,

и коробка с перстнями и запонками валялась на столе – раскрытая, с рассыпанным вокруг содержимым. Будто её в гневе швырнули в зеркало, висящее над столом.

И вот я уже маленькая юркая мышка. Бегу по коридорам СКОКа со скоростью ветра. По крайней мере, моим коротеньким лапкам так кажется – они едва успевают за этим быстро-быстро стучащим сердечком. Нюх у меня очень чуткий. Я в два счёта найду его – по горько-сладкому, удушающему аромату духов.

Почти все двери закрыты, некоторые даже опечатаны. Неудивительно – большинство сотрудников на выходные отпустили по домам. И только в конце коридора из щёлочки приоткрытой двери мерцает неяркий жёлтый свет. Несусь туда со всех лап. Кажется, я уже близко.

В носу свербит от приторного запаха, смешивающегося с чем-то химическим. Да, это он, без сомнения! Хотя и спрятался в каком-то очень вонючем месте. Толкаю мордочкой дверь, незаметно забегаю внутрь и прячусь в углу.

Кажется, это лаборатория. Повсюду расставлены разноцветные пробирки и аппараты-анализаторы. На металлических столах возвышаются микроскопы, а за ними сидят люди – сейчас их трое. Наверное, лаборанты – единственные, помимо охранников, кто вынужден дежурить здесь и в выходные, и по ночам. Мало ли, какие срочные анализы могут понадобиться узникам, напичканным сомнительными препаратами.

Но алхимик, похоже, пришёл к ним вовсе не сдать анализ. По всей видимости, ему нужен был компьютер, и в выходной, да ещё и ночью, он смог найти его только здесь. Судя по звуку, он звонил кому-то по видеосвязи, но на том конце ему не торопились отвечать. В динамиках тянулись длинные гудки. Я просеменил поближе и увидел, что на мониторе светится белая витиеватая буква «К» на чёрном фоне. Уж не самому ли Касперу он звонит?.. У меня аж лапки похолодели от любопытства. Неужели я сейчас увижу его, автора этих странных писем?!

Нет, увы, невидимый хитрец снова «обломал» нас обоих. Гудки прекратились, картинка исчезла. Вернер попытался позвонить ещё несколько раз подряд, но ему так никто и не ответил.

– Чёрт, почему он не выходит на связь?! – прошипел Эмиль и повернулся к главному лаборанту – парню в голубом халате и очках, которого я уже имел честь встретить как-то в коридорах СКОКа.

– Не думаю, что Каспер будет сидеть на рабочем месте поздним вечером в выходной. Во всяком случае, будь я Каспером, я бы так поступать не стал.

– Мне не интересны ваши фантазии! Сделайте что-нибудь! Я должен с ним поговорить!

– Мы уже сделали всё, что могли, – отрезал тот. – Поддались на ваши угрозы и впустили вас сюда ночью, не обсудив это с Михаилом. О чём я уже жалею. Да ещё и дали доступ

к компьютеру. Знаете, может и к лучшему, что он вам не отвечает. Вы прямо сейчас могли бы сорвать всю операцию!

– Если я не могу поговорить с ним, тогда ответьте вы! Каким образом, – грохотал Вернер, – дневник моей жены, который, между прочим, должен был храниться в моём личном сейфе, попал к этому придурку-программисту?!

– Так вы женаты?

– Отвечай!!! – орал Эмиль. – Кто забрал её дневник?! И, главное, зачем?!

– Не могу знать, – пожал плечами парень в очках. – Вероятно, тут действительно замешан Каспер. Экспериментирует с красными нитями.

– Это уже слишком! – Вернер ударил кулаком по столу. – Я не собираюсь больше оставаться в тени! И сидеть там с капельницами, пока моя жена...

– Вы ведь заранее согласились с нашими условиями, – спокойно ответил парень и, устав препираться, снова повернулся к микроскопу. – Вы находитесь в лаборатории. Наденьте, пожалуйста, халат.

– Я не знал, что получится вот так!

– И бахилы, – не отрываясь от микроскопа, добавил очкарик. – У нас здесь стерильная зона.

Ага, стерильная – я хмыкнул себе в усы. Особенно я – в моём нынешнем теле – просто верх стерильности! Сажу тут на самом видном месте, а они так увлеклись, что даже не замечают мыши у них перед самым носом.

– Он... они с ней... Плевать они хотели на красную нить! – рычал тем временем Эмиль. – Если вы ничего с этим не сделаете, то я уберу его сам!

– Уж не из-за вашей ли ревности мы сейчас должны поставить под угрозу срыва всю операцию? – не обращая внимания на ответный рык, лаборант добавил спокойно. – Потерпите ещё немного. Он взломает базу, а потом вы сможете лично разобраться с ним так, как посчитаете нужным.

Раздался звон стекла и металла. Разъярённый Вернер смёл все предметы с лабораторного стола, в том числе микроскоп, и начал нервно расхаживать туда-сюда по помещению. Ну прямо как зверь в клетке – подумал я и вдруг, неожиданно для самого себя, почувствовал, как моё тело где-то далеко-далеко в кровати улыбнулось.

Лучшего сравнения не придумать. Так и есть. Зверь. В клетке.

Глава 31. Мёртвые внутри

Вампирский замок-коттедж встретил меня тёмными окнами. Влетев летучей мышью во двор, я сделал напоследок несколько кругов в воздухе и спикировал под козырёк одного из окон. Честно говоря, я хотел немного подглядеть за Стеллой – узнать, как ей спится в эту ночь – но по неопытности промахнулся и оказался напротив спальни Константина.

От греха подальше мне стоило улететь сразу же, как только я это понял, но любопытство перевесило, и я всё же задержался на несколько минут. Тем более, что я никак не ожидал увидеть грозного Цепеша на полу – на коленях перед Штефаном, который апатично сидел на кровати. Скорее уж я мог бы вообразить себе обратную картину. И так мне стало интересно, что там у них происходит, что я наострил уши, дабы не просто подсмотреть, но ещё и немного подслушать.

– Что-то мне не по себе, Стэн, – тихо сказал Штефан.

– Что случилось, милый?

– Ты... Ты видел их сегодня, Гришу со Стеллой?..

– Видел, конечно, – хмыкнул Константин.

– Они оба так изменились. Как ты думаешь, это любовь?

– Нет, – уверенно отрезал Цепеш. – Просто они ведут себя как люди. Наивные и непостоянные. В плену у эмоций. Сегодня ненавидят, завтра любят, а послезавтра – опять лютая ненависть. А послепослезавтра они уже любят других. Нет!

Нет, эти двое ничего не знают о вечной любви.

– Тогда почему, когда я смотрю на них, мне так плохо, Стэн?.. И что-то тянет вот здесь, в груди...

– Ты просто устал, – голос Константина снова стал горячим и вязким, как раскалённая лава. – Сейчас ты отдохнёшь, и всё наладится. Со мной тебе всегда будет хорошо...

Он нежно гладил Штефана по щеке, а юноша, как ласковый пёс, тёрся об его руку, закрыв глаза.

– У тебя всегда будет то, в чём ты нуждаешься, – продолжал Константин обволакивающим шёпотом. – Что захочешь. Только попроси. Я дам тебе всё – покой, наслаждение, безопасность. Не бойся, я не оставлю тебя. Я буду здесь. Рядом. Всегда. Заберу всю твою боль, горькую память, страхи. Развею их по ветру. Укрою, защищу, заслоню собою. Только, прошу, испей со мной эту чашу вечности. Раздели её со мной – бесконечность...

Он ещё долго говорил в таком духе, и если бы Штефан в какой-то момент не нахмурился, пытаясь унять заметную дрожь в веках, я бы совсем ничего не заподозрил. Подтверждая мои догадки, рука юноши, лежавшая на покрывале, вдруг сжалась в плотный кулак. Он с силой закусил губу и напрягся всем телом.

– Не надо, – строго произнёс Константин, и побелевшие от напряжения пальцы, подрагивая, постепенно расслабились. – Вот так... Всё хорошо. Вдох. Выдох. Дыши, милый...

Сорвавшись с козырька, летучая мышь взмыла в ночное

небо. Я почему-то не смог больше её удерживать. Мне вдруг очень захотелось отпустить её – такую маленькую и беззащитную – на свободу, а самому снова стать собой. К тому же, подглядывать нехорошо. Много знать – тоже. Не потому ли, что я такой любопытный, я в последнее время чрезвычайно плохо сплю?..

Увиденное и впрямь не давало мне покоя до самого рассвета. Я всё крутился и крутился в постели, пытаюсь уснуть, но Морфей – то есть, простите, Эмиль – в эту ночь меня так и не дождался.

Я всё думал: должен ли я вмешаться в то, что происходит? Или моё дело – быть простым наблюдателем и не нарушать уклад, который сложился в этой семье несколько лет, а может быть и столетий, назад?

Что такое на самом деле любовь, а что – зависимость? Где провести границу между той вечной любовью, о которой говорил Цепеш, и магическим наваждением? Что будет, если чары Константина сейчас рассеются? Будет ли Штефан счастлив от обрётённой свободы? Или, наоборот, жизнь покажется ему пустой и он, не видя больше в ней смысла, зачахнет как те розы в его оранжереях?

Мне хотелось как-то ему помочь, но в то же время я боялся навредить. И от этого становилось совсем жутко. Как нож в грудной клетке у человека – и смотреть страшно, и вытаскивать нельзя, потому что откроется кровотечение.

– Он гипнотизирует его, – выпалил я, столкнувшись утром со Стеллой на кухне.

– Он всех гипнотизирует, – спокойно ответила она, ничего не переспросив. То ли догадалась, о чём я говорю, то ли не сочла это важным. – Завтракать будешь?

– Что-то аппетита нет.

– Зря, – Вернер села за стол с наполненным до краёв бокалом крови. – А я всё же перекушу. Вчера снова стащила из больницы четвёртую отрицательную. Редкая удача.

– Стелла, нужно решить, что делать!

– Успокойся, мы тут ничего не решаем, – она сделала несколько глотков и закрыла глаза, имитируя удовольствие. – Ммм, вкусно... И, главное, никакого адренохрома. Можно просто пить и наслаждаться...

– Это же насилие!

– Тебе стоит попробовать.

– Да отстань ты со своей кровью! – я треснул кулаком по столу. – Штефана надо спасать!

Она облизнула губы и, наконец, отставила в сторону бокал. Посмотрела на меня светлыми как иней глазами.

– Гриша, почему ты постоянно лезешь не в свои дела? Займись, наконец, собственной жизнью.

– Хм, это тоже можно. Пошли сегодня в кино? У вас тут есть кинотеатр где-нибудь? Какие фильмы ты любишь?..

Проигнорировав мои вопросы, она отвернулась и молча вышла из кухни. Я пожал плечами и потянулся к её почти

нетронутому бокалу. Поднёс его к лицу, лизнул ободок. Отхлебнул. Причмокнул, пытаясь прочувствовать вкус. Вздохнул. По-моему, ничего особенного. Кровь как кровь.

– Как жалко, что Рыжик у нас не гипнотизёр! – раздался за спиной голос Илоны. – Ты, наверное, просто завидуешь Константину?

– С чего это? – надулся я.

– Опять тебя отшили, увы и ах! А обладай ты способностями Константина, признайся, что бы ты сейчас приказал нашей Стелле? Только честно!

– Ничего.

– Точно, красавчик?

– Точно. Никогда не имел желания управлять людьми как марионетками. Да я... я лучше умру, чем буду таким заниматься!

– Боже праведный, какой самоотверженный альтруизм! – томно муркнула Илона. Сев за стол напротив меня, она вся подалась вперёд, демонстрируя мне свою грудь, едва не вываливающуюся из выреза розового шёлкового халата. – А вот я, не буду скрывать, использовала бы против тебя гипнотические чары, если бы они у меня были...

– Где Ян? – строго спросил я.

Едва услышав имя супруга, Илона суксилась:

– Весьма неприлично с твоей стороны напоминать мне о моём статусе.

– Кто бы тут говорил о приличии.

– Ладно, дружочек, проехали, – она фыркнула и плотнее запахнула халат. – Я слышала краем ушка, что сегодня у нас на завтрак четвёртая отрицательная. Ням-ням...

Илона полезла в холодильник и принялась перекапывать пакеты с кровью, а я хотел было уже уйти с кухни, но обернулся и вдруг замер как вкопанный.

– Я готова, – хитро улыбнулась мне, стоя в дверном проёме, Стелла. Теперь она была уже не в домашней одежде, а в лёгком и очень коротком платице с кокетливыми кружевами. – Куда мы там хотели? В кино?..

– Эй, Константин! – наигранно громко крикнула Илона. – Срочно иди сюда! Тут у тебя эти двое так и не вернулись из гипноза!..

* * *

Москва вечером воскресенья встретила нас ливнями. Ни у меня, ни у Стеллы зонта не оказалось, поэтому я безжалостно пожертвовал своим пиджаком, чтобы довести её до подъезда. Когда мы встали под козырьком – оба всё равно мокрые – она, смотря куда-то вбок, на лужи, по которым плыли пузыри, проговорила:

– Надеюсь... за эту неделю... Надеюсь, всё будет хорошо. Ты только не выключай телефон.

– Не буду, – мотнул головой я. – Да и спать мне некогда. Ещё много всего нужно разузнать. Кстати, а могу я переиме-

новать тебя в записной книжке твоим настоящим именем?

– Разумеется нет. И называть меня так нельзя.

– Почему?

– Потому что той девочки больше нет. Она умерла.

– Я понимаю. Там, в той прошлой жизни, было слишком много страха и боли. Так много, что проще похоронить её заживо.

– Какая разница, пусть даже и так. Зачем туда лезть? Хочешь сделать мне больно?

– Нет конечно! Просто... – я склонился к её уху и прошептал чуть слышно. – Просто мне кажется, что я её люблю!

– Глупый!.. – она отскочила на шаг назад, склонила голову набок, а потом вдруг спросила с издёвкой. – И как тебе это – любить мёртвую?

Вместо ответа я снова шагнул к ней и приблизился губами к её правой щеке. Хотел поцеловать, но Стелла отстранилась. Может быть, случайно?.. Нет, увы, и левая щека, едва я потянулся к ней, от меня увернулась.

– Ну хорошо, – я хмыкнул, опустив голову. – Понял. Поздно уже. Побегу.

Я коснулся на прощание её плеча и вынырнул из-под козырька навстречу дождю. Даже не накинул пиджак, а зря – хотя машина и стояла перед подъездом, моя рубашка всё равно за пару секунд промокла насквозь. А может это и неплохо. Немного охлаждаюсь.

Как удивительно всё перемешалось в этой истории – думал я по пути домой. Мёртвые на самом деле оказываются живыми, а живые, наоборот – мёртвыми.

Эх, что же я опять наделал! Куда я постоянно тороплюсь?! Напугал её, наверное, а может и разозлил. Но на этом месте внутренний голос услужливо подсказал мне, что в моей ситуации промедление ещё опаснее. Кто знает, проснусь ли я завтра. И, тем более, доживу ли до пятницы. Нет, все вставшие комом в горле слова нужно было сказать сейчас, а если умирать – так со спокойной душой.

В какой-то момент ливень стал таким сильным, что даже дворники, работавшие на полную катушку, с ним не справлялись. Встав у тротуара на аварийке, я откинулся на спинку кресла, положил голову на подголовник и закрыл глаза. Дальше ехать было, объективно говоря, невозможно. Придётся переждать, пока дождь успокоится. И я вместе с ним...

А вот серого нахохлившегося голубя, который слетел с крыши на её подоконник, ни дождь, ни человеческие эмоции совсем не пугали. Он деловито расхаживал туда-сюда, вытягивая шею и заглядывая через окно внутрь. Стелла сидела за столом в своей комнате, с мобильным телефоном в руках. А на экране было, кто бы мог подумать, моё фото, открытое из списка контактов. Возможно, она хочет удалить мой номер? Или занести его в блэк-лист?.. Голубь, поворачивая голову то одним, то другим боком, тарасил глаза.

Нет, она всего лишь задумчиво смотрела на мою физио-

номию, может быть минуту или две. Соскучилась? Говорила со мной мысленно? Или представляла, как жжёт меня на костре?.. Потом она открыла нашу переписку. Пролиставла несколько последних сообщений. Пожала плечами. Снова призадумалась. Пальцем с длинным ногтем набрала на клавиатуре всего две буквы. Зато какие! Ух! У голубя аж пёрышки встали дыбом!

Она написала: «И я».

Выдохнула напряжённо. Пробормотала:

– Нет, чушь какая-то.

Быстро удалила текст. Нахмурилась, напряглась вся, а потом и вовсе рассержено швырнула телефон в стену. Испугавшись резкого звука, голубь отшатнулся назад и сорвался с подоконника. К счастью, крылья его не подвели, и, не долетев до земли, он снова взмыл в воздух. Поднялся мимо мокрых подоконников и горящих тусклым светом окон – и снова юркнул под крышу, на чердак – через раму с разбитым стеклом.

В стекло моего авто, тем временем, уже всю стучал припарковавшийся рядом гаишник. Ещё чуть-чуть, и он бы тоже, наверное, разбил его. Судя по звуку, он уже начал терять терпение, пытаясь меня добудиться:

– Эй, чего стоим? Какие-то проблемы? – гаркнул он мне, когда я опустил стекло. Увидев моё бледное лицо, чуть смягчился. – Может, вам плохо?

– Нет, – проговорил я растеряно, а потом уже громче. –

Мне хорошо. Спасибо. Мне очень, очень хорошо!

Я выключил аварийку и рванул с места. Удивительно, но он даже не стал гудеть сиреной или орать в громкоговоритель, чтобы я остановился. А вот я, на его месте, не только проверил бы у такого странного типа все документы, но ещё и заставил бы дунуть в трубочку, предположив, что он до чёртиков напился.

Впрочем, можно сказать, что я и правда был в стельку пьян, только не от каких-то там ядов-химикатов, а от своих собственных чувств.

Интересно, жив ли её телефон?.. Впрочем, это ведь такая суцкая ерунда. Я куплю ей новый. Только пусть пишет – пишет и стирает эти свои странные сообщения...

* * *

У дома меня встретил курьер – почти такой же промокший насквозь, как и я. Заждался он меня сегодня, наверное. Вот ведь работка у человека. В который раз расписавшись в его бланках, я получил в руки очередной бордовый конверт. Интересно, что же на этот раз приготовил для меня Каспер?..

«Ну и дурень же ты! Чуть не сорвал нам всю операцию! – ругали меня наклеенные на лист бумаги газетные буквы. – Неужели ты забыл? Выигрывает тот, чьё сердце не знает любви. Для победы нужно хладнокровие».

На минуточку мне показалось, что это он пишет не мне, а

кому-то другому. Должно быть, это письмо адресовано Вернере?.. Но нет, конечно нет. Дальше он уже обратился ко мне по имени:

«Впрочем, Гриша, я и не рассчитывал, что ты меня слушаешь. И, в каком-то роде, был к этому готов. Операция продолжается. Финал не за горами. Пожалуйста, соберись и жди дальнейших инструкций».

А ещё в конверте меня снова ждали несколько пыльных листов дневника. Как же я по ним соскучился! Потерев бумагу пальцами, я поднёс её к носу. Вдохнул запах, пытаюсь перенестись в прошлое. Коснулся губами ровных, аккуратно выведенных строчек. В них, наверняка, снова так много боли, но меня это не отталкивает. Даже её горести для меня такие дорогие, такие вкусные. Будто сладкий нектар течёт с её пальцев на бумагу и застывает в словах...

Я улыбнулся сам себе. Кажется, я начинаю изъясняться фразами Константина. Быть может даже, мне тоже со временем откроется тайна вечной любви?..

«Эмиль заставил меня выучить румынский язык. Спустя три года, когда я смогла свободно говорить на нём, он познакомил меня со своими друзьями и семьёй. Всем им представил меня как чистокровную. Он считает, что правду говорить нельзя, иначе его не поймут. Сказал, что мне нужно будет сначала притвориться и просто вести себя так же, как они, а потом я привыкну. Но это вовсе не просто. И разве можно когда-нибудь к этому привыкнуть...

С ними рядом так холодно и странно. С виду они такие же, как обычные люди, но в них нет ни капли человеческого тепла, и даже улыбки у них замёрзшие, как лёд. С виду живые, а внутри мёртвые и съедены до костей. Если это и есть бессмертие, то я не хочу быть бессмертной. Сердце моё, пожалуйста, не замерзай!..

Эмиля с детства растила мать. Она вместе со старшими детьми живёт здесь же, в Румынии. Он последний её сын, почти сразу после его рождения отца убили охотники. Так говорится в их семейной легенде. А вообще, тему смерти вампиры предпочитают не поднимать. Делают вид, что её нет. Только вешают в коридорах да гостиных портреты своих погибших близких. Я была у них в гостях однажды, но портрета отца не видела. И пообщаться с матерью мы так и не смогли – Эмиль запретил мне это делать. Сказал, что его мать всегда очень боялась, что он женится неудачно, и не дай бог это будет нечистокровка или вообще смертная. Если она меня разоблачит – быть скандалу. Но, кажется, она всё равно что-то заподозрила. Слишком уж она была строгая и немногословная, когда он нас познакомил. И смотрела на меня как-то странно, словно сразу догадалась, кто я такая на самом деле. А ещё она весь вечер постоянно отчитывала его за какие-то мелочи, критиковала, придиралась и учила жизни. Смешно даже, ведь ему уже не одна сотня лет!

Тот друг, которого я повстречала вместе с ним на войне – это, оказывается, сам Цепеш! Но не граф Дракула, нет,

а один из его внуков, Константин. Надменный, холодный и бессердечный тип. И дружба у них какая-то странная. Будто бы не дружба вовсе, а скрытое соперничество. Хорошо хоть, что по поводу женщин они не соревнуются, потому что Эмиль любит меня, а Константин... В общем, у него есть возлюбленный. Тоже из знатного рода, но полная ему противоположность. Если Константин вечно весь такой серьёзный, сознательный, сдержанный и рассудительный, то у Штефана – ветер в голове. Сколько лет этому мальчику? Возможно, сто или двести, но выглядит он на шестнадцать и ведёт себя так же. Занимается то одним, то другим, быстро теряет интерес к любому делу и бросает его, не доделав. Вечный ребёнок. Живёт одним днём – не работает, ничем не увлекается, только пудрит носик, завивает кудри, выщипывает брови да ходит с Константином на закрытые вампирские балы.

У Кости много братьев и сестёр, но они почему-то почти не общаются между собой. Вернее, как мне кажется, его все побаиваются, потому что только он один унаследовал от деда дар гипноза. И лишь с младшей сестрой – Илоной – они дружат. Илона эта тоже та ещё ягодка! Что могло заставить девушку румынских кровей – смуглую и кареглазую – краситься в блондинку, отбеливать кожу, надевать голубые линзы, увеличивать губы и грудь и гоняться за модой?.. Глуповатая, высокомерная, и с мужем у неё вечный холодный конфликт. Как-то она сказала мне надменно, что он просто «не понимает её тонкую натуру». Я, кажется, тоже не понимаю. Дума-

ла, мы подружимся, но это так сложно. Мы будто бы живём в разных мирах... Ох, а сколько же у неё было любовников! Как только Ян это терпит! А главное, почему?! Может быть, это всё потому, что он ниже её по статусу? Мать у него – не румынка, а то ли полячка, то ли еврейка, и шанс жениться на чистокровной румынской девушке, да ещё и из рода Цепешей, был для него чем-то вроде благословения. По-моему, он комплексует, и поэтому так на этом помешан. Уж чересчур рьяно и агрессивно выступает за чистоту вампирской крови и лютой ненавистью презирает нечистокровок...

Когда я увидела его первый раз, то жутко испугалась. Лысый, накаченный, весь в наколках, вечно ходит с серебряным кастетом... У меня сердце в пятки так и ухнуло, и я стала в два раза старательнее притворяться чистокровной. Я тогда не сомневалась: узнает, что я нечистокровка – в тот же миг убьёт!

А потом я увидела его другого – за всем этим устрашающим образом прятался неуверенный в себе, сильно раненый поступками своей же жены мужчина. Сколько у него было сердечных приступов на моей памяти за всё то время, что мы общаемся?.. Не сотни даже, а тысячи! Иногда и по несколько раз в день. Хватается за сердце, синеет, стекает на пол. Ох, как же больно ему, наверное, в этот момент! Но уже через минуту он поднимается, как ни в чём ни бывало, и идёт дальше. В спортзал – тренировать своих тяжелоатлетов. Или на главную площадь – бить кастетом нечистокровок. Гнёт свою

линию, будто бы всё в порядке и под контролем. Да, может быть, конечно, сердце у него отказывает не от несчастной любви, а от тех препаратов, которые он колет для увеличения мышц. Но всё же, как мне кажется, они тут не при чём. Просто он глубоко несчастен внутри. Весь мёртвый, как и подобает вампирам, но сердце у него живое. Вот оно и умирает каждый раз, не выдержав душевной боли...

Так жалко его. И вообще, всех их жалко. Но больше всего – себя. Я такая чужая здесь. Вечно не в своей тарелке. Поэтому сейчас, когда Эмиль сделал мне предложение, я даже не обрадовалась. Я испугалась. Войти в их род, навечно обручив себя с холодом и тьмой... Смогу ли я? Выдержу ли? Примут ли они меня?

Мне жутко, просто ужасно страшно. А ещё страшнее осознавать, что все, кого я знала там, в своей прежней жизни, уже умерли. Их нет. И всё, что мне остаётся – вот эта, новая, чужая семья – существа без сердец и с ледяными глазами...

6 июня 1993 г.

Бухарест».

Глава 32. Несокрушимая армия

Ох и навёл я в СКОКе шухера за следующую неделю! Нет, в первые дни всё было довольно обыденно. Как и всегда, днём я делал вид, что усердно работаю, а в 18:00, собрав вещи, уезжал, но спустя несколько часов снова возвращался сюда – на этот раз уже в чужом теле – чтобы следить за Вернером и его тайной жизнью.

А вот в четверг ко мне внезапно пришла сумасбродная идея. Я решил, прямо на рабочем месте, ещё разок пообщаться с Линой. Окончание нашего с ней разговора не давало мне покоя. Что-то в нём всё никак логически не сходилось у меня в голове. Что если я ошибся? Возможно, она вовсе не убита горем, как я подумал сначала, а просто знает что-то, что не предназначено для посторонних ушей.

Отыскав на карте московского штаба площадку кинологов, я сделал вид, что иду ненадолго подышать свежим воздухом, а сам направился туда. Небольшое здание, в котором держали собак, никак не охранялось, и неудивительно – ни один вампир не решит сюда зайти по собственной воле, слишком уж устрашающе выглядят эти ребята-доберманы. Однако железная входная дверь была закрыта. И, похоже, никакой замочной скважины в ней не было. Разве что рядом висел сканер радужки, а чуть ниже – прямоугольный магнитный считыватель. Поколебавшись пару секунд, я решил ра-

ди интереса приложить к последнему свой жетон охотника и не ошибся.

Вот это да! Оказывается, это всё-таки не просто побрякушка, но ещё и магнитный ключ! Замок щёлкнул, и дверь приоткрылась, пропуская меня внутрь.

Свет в помещении был выключен, и даже мне – обладателю кристалла – понадобилось некоторое время, чтобы разглядеть хоть что-то перед собой. Я оказался в узком коридоре, по обеим сторонам которого тянулись высокие клетки с добротными металлическими прутьями – с палец толщиной, не меньше. Доберманы, которых тут было штук пятьдесят, увидев меня, поднялись с пола и приклеились к решёткам, просовывая влажные носы в щель. Один из них гавкнул, но я приложил палец к губам:

– Шшш!.. – и он, послушавшись, тоже притих.

Дойдя до конца коридора, я толкнул деревянную дверь и попал в большое помещение, похожее на спортивный зал. Наверное, это площадка для занятий, но там тоже было так темно, что я ничего не рассмотрел.

– Лина, вы где? – крикнул я в темноту, и почти в ту же секунду в зале зажёгся яркий свет. Для моих глаз даже слишком яркий. Прикрыв лицо рукой, я сквозь пальцы пытался разглядеть хоть что-то.

– Ах, это снова вы, Гриша. Удивительно, вы сейчас ведёте себя прямо как...

– Не выдумывайте, – перебил её я. – Просто долго бродил

тут в темноте, пока вас искал.

Она щёлкнула выключателем, и площадка снова погрузилась во мрак.

– Так лучше?

– Пожалуй.

– Зачем вы здесь?

– Хочу задать вам пару вопросов о Стёпе. В прошлый раз я растерялся, и нам с вами не удалось как следует поговорить...

– Не думаю, что могу быть в этом полезной. О Стёпе я знаю не больше, чем вы.

– Я, как выясняется, совсем ничего о нём не знал, хотя мы с ним дружили с начальной школы и много времени проводили вместе. Только позже, в институтские годы, потерялись, о чём я очень жалею...

Лина посмотрела на меня внимательно, будто что-то обдумывая и прикидывая. Потом вздохнула:

– Ладно. Пойдёмте ко мне в комнатку, поговорим.

Она повела меня куда-то вдоль коридора с клетками, мы дошли почти до самого выхода, а потом повернули в узкий, неприметный закуток и попали в маленькое помещение, куда втиснулись, да и то с трудом, только выдавший виды письменный стол, компьютерный стул, ещё советский – с металлической ножкой – и маленькое раскладное креслице. Последнее, наверняка, притащили сюда для красоты, потому что разложить его в такой тесной каморке всё равно было бы

негде.

На столе стояла дряхлая лампа с абажуром, которая, к счастью, тоже светила неярко. Других источников света не было.

– А вы сама-то часом не вампир? – пошутил я, садясь в кресло. – Темно у вас тут как в склепе.

Лина улыбнулась, садясь за стол, и махнула рукой:

– Да это мой парень темноту любит, – и тут же осеклась, поняв, что сказала лишнее. – А вообще, собаки у нас с раннего возраста приучаются видеть и охотиться в темноте. Мы их тренируем в тех условиях, в которых они потом работают.

– Что ж, разумно. Я понимаю.

Мы ненадолго замолчали, и я принялся вновь её рассматривать. Сейчас она была в камуфляже защитного цвета и в высоких армейских ботинках – таких же, как у Ларочки. Золотые висюльки были запрятаны под одежду, только цепочки на шее позволяли догадаться, что свои украшения она на работе не снимает. Прищурившись, я различил на её левом запястье браслет с кулоном, которого раньше не было.

– Какая красивая подвеска у вас на руке, – проговорил я аккуратно. – Позвольте взглянуть?..

Она протянула мне кисть и я, придерживая пальцами украшение, тут же узнал его – крохотного паучка с тонкими лапками, в теле которого я гостил последние секунды и без того короткой паучьей жизни.

– Как настоящий, – «удивился» я, цыкнув. – Ваш ювелир,

должно быть, удивительный, одарённый человек...

– Так о чём вы хотели меня спросить? – поспешно закрыла тему Лина.

– О многом, – мне понадобилось время, чтобы собраться с мыслями и вспомнить, для чего я здесь. – Стёпа ведь тоже был охотником?

– Ну да. Я думала, вы в курсе...

– Говорю же, я, оказывается, плохо его знал. В Смоленске?

– Да, мы оба тогда работали в седьмом отделе смоленского штаба. Я кинологом, а он выезжал на рейды. Но вас же на самом деле вовсе не это интересует?

– Вы правы. Я просто не знаю, как спросить. Правильно ли я понял, что вы... считаете, что он жив?

– Да, Гриша, я так считаю. Но я не планирую убеждать вас в обратном.

– Расскажите мне подробнее об этом. Что на самом деле произошло?

– Стёпа был очень одарённым. Хорошая память, острый ум, сильная интуиция... а может быть, это просто такая сложная логика, которой никто не понимал.

– Да, я помню, что он ещё в школе получил мастера спорта по шахматам. Пытался даже меня учить, но, – я махнул рукой, – куда мне. Я вот только старенький рабочий компьютер обыграть могу...

– Он в два счёта вычислял зубастых. Мог просто изучить досье на вампира, а через час или два сообщить его точное

местонахождение. И ни разу на моей памяти не ошибся! Когда и как именно ловить конкретного вампира – это он тоже откуда-то всегда знал. Прописывал план действий до мельчайших подробностей, и если ему следовать, то всё проходило без осечек. В общем, его быстро повысили до командира сначала их рейд-команды, а потом и всего отряда. После чего стали настойчиво предлагать перейти в шестой отдел для работы над закрытыми проектами. Звали его туда несколько раз и так навязчиво, но он не соглашался. Говорил мне, что работать там сложно, степень секретности такая, что о своей собственной жизни можно сразу же забыть. А потом, через пару месяцев, в ту самую ночь, перед тем как он разбился... вернее, пропал... Он зашёл ко мне на площадку и говорил такие странные слова. Он сказал, что, как бы ни сложились обстоятельства, он всегда будет где-то рядом. Что он будет помнить обо мне. Что скоро наступит зима – но это будет временно, потому что всё в жизни временно. Что для того, кто умеет ждать, весной распускаются первые цветы... Может из-за этих его странных слов я и не верю в то, что он умер. Да, нашли похожее тело. Да, мотоцикл был его. Документы тоже его. И одежда. И даже жетон охотника. Но я всё равно не верю. Зачем ему старый жетон, если в шестом отделе ему выдадут новый номер?.. Можете считать меня сумасшедшей, Гриша. Я плохо его знала. Мы по сути и не встречались, просто дружили. Хотя, мне кажется... мне кажется, что у него были ко мне чувства. Просто он никогда не при-

знавался. Может и правильно, потому что я не знаю, ответила бы я ему взаимностью или нет...

– А что было потом? – строго перебил её я.

– Потом и правда наступила зима. Настоящая. И в СКО-Ке всё очень сильно поменялось, меньше чем за полгода. В это время в первый отдел пришёл Каспер и быстро навёл в наших рядах порядок. Работать стало сложнее, приходилось выкладываться полностью. Я приходила домой вся выжатая – как лимон. Но, конечно, позитивных изменений было больше. Во-первых, были пойманы несколько сильных вампиров, которые отравляли Европе жизнь последние столетия. Во-вторых, возродился, практически как птица-феникс из пепла, московский СКОК. В-третьих, нам стали значительно больше платить. Но и нагрузка сильно возросла. А потом мне предложили перевод в Москву. Их штаб активно расширялся, нужны были специалисты. Мне пообещали очень хорошую зарплату.

– И вы согласились? – сквозь сжатые челюсти процедил я. – Не стали ждать... весны?

Почему-то она снова начала меня злить.

– Согласилась, конечно. Я восприняла это как шанс начать новую жизнь.

– Получилось?

– Да. Тут, в Москве, всё закрутилась так, как я и представить себе не могла.

– Я тоже не мог бы себе такого представить, пока не по-

знакомился с вами... – проговорил я, с трудом сдерживаясь, чтобы не сказать ещё какую-нибудь гадость.

Виданное ли дело – охотница на вампиров легла под вампира за несколько золотых побрякушек и покатушки на дорожной тачке. Я невольно вспомнил о Кате – точнее, о Валерке, чей доход, по странному совпадению, тоже значительно превышал мой – и в сердцах ляпнул:

– Вы, конечно же, знаете, что он женат?

Она дёрнулась и отодвинулась от меня на крутящемся стуле.

– Какое это имеет значение, – проговорила наконец. – Это он выбрал меня, а не я его.

– Но вы согласились!

– Мне пришлось.

– Не говорите чушь, Лина! Вас в койку к вампиру никто насильно не толкал!

Так, Гриша, стоп. Выдыхай. И дыши глубже. Надо остановиться. Чувствуя, что мне снова начинает не хватать воздуха, я вскочил и выбежал из комнатки, а потом и из самого здания.

Наверное, прервать разговор было на данный момент лучшим решением – причём это следовало сделать ещё несколькими репликами ранее. Мне не о чем с ней больше говорить – и так уже всё понятно – а моих оскорблений она, объективно говоря, не заслужила.

Но почему же так тяжело внутри, почему так темно и оди-

ноко?.. Я ведь давно уже смирился с поворотами своей судьбы. Или, всё-таки нет?..

Когда я проходил мимо охранников на входе в основное здание, один из них, сидящий у мониторов, окликнул меня:

– Записи с камер наблюдения удалить? – он был бледный и какой-то взвинченный.

– Удалите, – буркнул я, погружённый в свои мысли. Прошёл мимо сканера и, не оборачиваясь больше, отправился обратно в офис.

И только через несколько минут, когда мне удалось немного успокоиться, я задался закономерным вопросом: а что он, собственно, имел в виду? И почему обратился с этим ко мне?..

Но не возвращаться же теперь обратно и не переспрашивать у него. Тем более, что сейчас-то, наверняка, всё уже удалено.

* * *

«Вдруг откуда-то летит маленький комарик, а в руке его горит маленький фонарик», – мысленно процитировал я, на лёгких крыльях крохотного насекомого рассекая ночные коридоры СКОКа, освещённые унылыми желтоватыми лампами. Никакого фонарика, правда, у меня в руке, то есть в лапке, не было, но видел я всё достаточно хорошо. После эксперимента с паучком я начал подозревать, что вижу мир не

глазами животных-проводников, а каким-то особым зрением своего странствующего духа, больше похожим на человеческое.

Возможность вселяться в тела маленьких и незаметных существ открывала передо мной огромные перспективы. Теперь я мог безнаказанно исследовать закрытые и особо засекреченные зоны московской базы. Кто знает, раз уж я нашёл тут Эмиля, быть может, найду и Каспера?.. Я смело направлялся по заранее выученному пути, нахально пролетая мимо вооружённых до зубов постов ночной охраны. Если, наблюдая за алхимиком, я поначалу немного опасался, что он каким-нибудь сверхъестественным чутьём сможет заподозрить неладное, то оказавшись среди людей, я действовал решительно и нагло.

Отсчитав нужное количество переходов и поворотов, я, будучи уже совсем близко к нужной мне цели, нетерпеливо завис перед запертой сейфовой дверью. Эх, ни тебе щёлочки, ни замочной скважины. Я прилепился лапками к потолку, размышляя, что же мне делать дальше. К счастью, долго мучиться не пришлось – совсем скоро я услышал, как по коридору приближаются двое. И один из них – отец Арсений, куда же без него! Только одет он на этот раз был по-граждански: вместо рясы или белого халата – потертый свитер, серые бесформенные брюки и грязные, пыльные ботинки, покрытые налипшей глиной. Небрежно зачёсанные назад сальные волосы едва прикрывают лысину, всклокоченная борода, как

обычно, торчит в разные стороны в творческом беспорядке.

Его спутника я тоже узнал – молодой человек в очках – тот самый лаборант, который недавно воевал с Вернером. Очкарик выглядел куда приличнее отца Арсения. Обоих, похоже, подняли и вызвали среди ночи из дома, но парень подготовился не в пример лучше – выглаженная, крахмаленная голубая рубашка, блестящие туфли, сверху на гражданскую одежду успел нацепить чистый белый халат.

– Арсений Павлович, надо бы как-то усилить контроль над Эмилом. В последнее время он ведёт себя совсем уж несносно. Ворвался вчера в лабораторию, как к себе домой, потребовал организовать ему связь с Каспером. Потом принялся громить всё... честное слово, я был близок к тому, чтобы нажать тревожную кнопку и вызвать группу захвата, чтобы скрутили его и отправили «отдохнуть».

– Ууу, адово отродье! – отец Арсений в сердцах сплюнул и осенил себя крестным знаменем. – Чёрт его дери! Знали ведь, на что шли, когда с ним связались, а всё равно противно. Впрочем, терпение... «Терпение нужно нам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное!». Потерпим пока! Не пришло ещё время. Ты ключ взял?

– Само собой.

– Давай, не болтай, открывай. На счёт три...

Очкарик вытащил из-под рубашки висевшую у него на цепочке белую пластиковую карту. Такую же, только чёрную, извлёк из кармана отец Арсений. Оба подошли к сей-

фовой двери и, встав по разные стороны от замка, одновременно приложили свои ключи к считывателю. Замок мигнул, щёлкнул, механизм внутри стальной двери глухо зарокотал и заворочался. Примерно через полминуты он замолк, и толстенная дверь бесшумно распахнулась, открыв проход куда-то вниз, в тёмное, полуподвальное помещение.

– Дверь оставь открытой, Миша с Ларой скоро приедут.

Оба товарища вошли внутрь, ботинки застучали по ступеням металлической лестницы. Я спешно влетел за ними. Где же мы? Лампы не горят, почти ничего не видно. Похоже на большой зал, и он почти полностью погружен во тьму. Только изредка вспыхивают среди черноты красные, зелёные и голубые огоньки. Похоже, это тускло мерцают светодиоды на контрольных панелях многочисленных приборов. Больше ничего я разглядеть не смог.

Отца Арсения и его спутника кромешная темнота, впрочем, несколько не смущала. Очкарик достал из кармана небольшой фонарь, и, освещая себе путь, уверенно зашагал куда-то. Арсений за ним.

– Во сколько пришел сигнал?

– В половине четвертого, Арсений Павлович. Я сразу вам позвонил, а потом на пост и вызвал себе машину.

– Понял.

Они подошли к середине зала. Фонарь очкастого высветил офисное кресло и стол, на котором стоял компьютер. Передав отцу Арсению фонарик и поправив полы белого хала-

та, юноша сел в кресло. Арсений положил ему руку на плечо.
– Ну, с богом. Врубай. Посмотрим, что там.

Вспыхнул монитор компьютера, выведенного из спящего режима. Застучали клавиши, замелькали белые буквы на чёрном фоне – скорее всего, специальная сборка Linux. Молодой человек быстро набрал пару команд и откинулся в кресле. Несколько секунд ничего не происходило, потом раздалось протяжное гудение, и один за другим, прозвучали резкие, громкие щелчки. На потолке начали последовательно загораться огромные круглые светодиодные лампы, заливая помещение холодным голубоватым светом.

Заинтригованный, я огляделся – и едва не свалился на пол, от потрясения, забыв о том, что мне нужно часто-часто махать моими тоненькими крылышками.

В первую секунду мне показалось, что мы находимся в дата-центре и в зале ровными рядами выстроились в шеренги серверные шкафы, а на полу кишели протянувшиеся к ним бесчисленные провода. Я ещё подумал, что вычислительная мощность, должно быть довольно велика, раз им потребовалось такое большое их количество – не меньше пятидесяти стоек! Но спустя несколько мгновений я осознал свою ошибку.

Никакие это были не стойки и не серверные шкафы. Это были гробы! Полный зал стоящих вертикально угловатых металлических саркофагов с прозрачными крышками. А внутри – мужчины и женщины, безмятежно спящие под

ритмичное мерцание приборных панелей и попискивание каких-то датчиков.

– Вы думаете, мы поступаем правильно, Арсений Павлович? – неожиданно для меня прозвучал голос лаборанта.

Отец Арсений, казалось, не слышал своего собеседника. Отвернувшись, он нервно теребил бороду, брови его нахмурились, в глазах появилось отсутствующее выражение. Казалось, вместо того, чтобы отвечать на вопрос, он разговаривает сам с собой:

– Тьма должна пожрать саму себя! Это единственный путь! Мы должны заполучить эту силу и взять её под контроль, иначе мы будем неспособны противостоять злу! Много лет мы работали без устали, пытаясь отнять у мерзких тварей их дьявольскую мощь и поставить на службу человечеству. Увы нам, самая суть её слишком темна, слишком порочна... Проклятая сила, проклятая! Она награждает чудовищным безумием всякого, кто попытается обрести её, превращает в кровожадного монстра, теряющего рассудок и готового растерзать любого, в чьих жилах течёт человеческая кровь!..

Раздались гулкие шаги, и он осёкся. В комнате появились Лариса и Михаил.

– Опаздываете, господа! – прошипел Арсений.

– Палыч, не бухти, – добродушно отозвался Михаил. – Ты нас чего позвал? Что за кипиш?

– Пойдёмте!

Все четверо двинулись дальше вглубь зала. Там стояло еще несколько столов, заполненных какими-то лабораторными приборами – пластиковыми ящиками и ёмкостями с колбами, центрифугами и котелками, похожими на мультиварки. Отец Арсений остановился у стола и, пафосно раскинув руки, указал своим товарищам на расставленные вокруг гробы:

– Наши братья и сёстры! Самые отважные и самоотверженные, один за другим решившиеся рискнуть и телом своим, и душой, чтобы принять в себя тёмную силу кристаллов. Лучшие из лучших, отобранные, чтобы стать воинами нашей новой армии! Армии, не боящейся ни пули, ни клинка, сильной и могучей, готовой на равных противостоять вампирам и их прислужникам! Люди, по нашему замыслу сохранившие живое сердце и душу, но получившие способности проклятых тварей. Тёмные паладины человечества! Какое великое чудо, какое торжество разума и духа!.. И вот, наконец, их инициация завершилась! Они готовы пробудиться!

– Но отец Арсений! – прервала его Лара. – Это, звучит потрясно, только они ж сразу сожрут нас, как это было с теми парнями. Ну, помните? Они вели себя как чокнутые и бросались на всех, выпустив клыки...

– Ларочка, проблема давно решена. Вакцина готова. Предварительные испытания уже успешно завершены. И теперь нам уготовано стать теми, кто поведёт за собой первые отряды несокрушимых воинов!

– Да не больно-то они несокрушимые, – хмыкнула Лариса. – Способности у них слабые, а все крутые экземпляры кристаллов Смоленск занюкал у себя. Эти-то у нас так и будут железо в дерево превращать да спички поджигать взглядом. Давайте они ещё немного поспят пока.

Отец Арсений стукнул кулаком по столу. Склянки и колбы задребезжали и зазвенели:

– Мы не можем больше ждать! Этот демон Эмиль сходит с ума и наверняка готов предать нас в любую минуту! Как жаль, что в этом деле мы не могли обойтись без его распроклятого золота! – он нервно потеревил в руке висящий поверх свитера огромный золотой крест. – Нам нужно действовать быстрее! Миша, чем занимается этот проклятый Григорий? Почему так долго, что он тянет резину, лоботряс! Поторопи его! Нам срочно нужны данные смоленской базы, срочно, ты слышишь? Тут у нас шесть десятков преображённых, но у меня есть уже более сотни добровольцев, преданных и верных, готовых принять в себя квинтэссенции лучших кристаллов, которые только удалось добыть! Повторяю, они нам нужны уже сегодня, а ещё лучше вчера, так что надо бы твоему подопечному перестать чесать яйца и взяться, наконец, за дело! А то и он нас, того гляди, тоже предаст и сольёт кому-нибудь!

Вот ведь сволочь этот Арсений. Как со мной, так «Гришенька, Гришенька». А тут вон, оказывается, как заговорил. Тьфу ты, козлиная старая. Мне так обидно стало, что я даже

начал подумывать, а не тянуть ли его куда-нибудь в неприятное место, как князь Гвидон повариху, но всё же удержался. Очень уж хотелось послушать, чем кончится дело.

– И Цепеша надо брать быстрее! А то его или смоленские перехватят – и не видать нам тогда его кристалла – или же он сам нам какую-нибудь свинью подложит!

Ну вот, а теперь ещё и свиньей обозвали. Я недовольно загудел, присев на лысину отца Арсения, но он был так увлечён своей речью, что даже меня не заметил, и продолжил как ни в чём не бывало:

– Трясите этого Эмиля! Он же обещал нам помочь поймать Константина!

– Ладно, – недовольно буркнул Михаил. – Поговорю с ним. Придумаем что-нибудь. Попробуем на этот раз не сплосковать.

– Так, всё, – встрепенулся поп, – хорош трепаться. Закапывайте рукава. Сейчас Борис нам прививки делать будет.

Парень в белом халате деловито кивнул, протёр очки и достал из холодильной камеры три ампулы с бесцветным содержимым. Набрал вещество в шприцы и поочерёдно сделал уколы Арсению, Ларисе и Михаилу. Попросил их в течение недели наблюдать за собой и сообщать ему обо всех необычных ощущениях и побочных эффектах.

– Время пошло! – судьбоносно возвестил отец Арсений. – Через неделю мы должны быть полностью готовы. Не подведите!

Глава 33. Пейнтбол

Утром в пятницу, спустя полчаса от начала рабочего дня, к нам в офис неожиданно нагрянул некий человек в строгом чёрном костюме и с гарнитурой в ухе. Выглядел он очень поделовому и так же деловито говорил. Похлопав в ладоши для привлечения внимания, он громко объявил:

– Уважаемый пятый отдел! Просьба всем срочно пройти на экстренное собрание в актовъй зал!

Едва услышав его, коллеги оперативно отодвинули от себя кто папки с документами, кто клавиатуры, вышли из своих рабочих аккаунтов, заблокировали компьютеры и все куда-то заторопились. Помещение постепенно опустело, и, оставшись один, я тут же заскучал. Может быть, ещё не поздно и мне присоединиться к хвосту этой процессии и дойти до актового зала? В конце концов, я тоже – ну, практически – пятый отдел.

Актовъй зал был похож на выдавшую виды аудиторию в вузе – сцена со старой кафедрой, криво висящий экран проектора и много-много обтянутых потёртой зелёной тканью стульев. На один из таких я и присел – рядом с Михаилом, который поначалу меня не заметил, переговариваясь по рации.

Некоторое время прибывал народ из разных отделов – здесь были и простые охотники, и охрана, и кинологи, и на-

учные сотрудники в белых халатах, и медики с лаборантами – в голубой спецодежде, и такие же «люди в чёрном», как тот, который нас сюда позвал. Один из мужчин в строгом костюме поднялся на кафедру и постучал по микрофону, проверяя звук. Когда все притихли, он проговорил, нахмурившись:

– Господа хорошие, мы все здесь собрались, потому что у нас крупные проблемы. К нам едет ревизор. Точнее, Каспер. А ещё точнее, он уже здесь.

Все ахнули и начали взволнованно переговариваться, и только я один, поняв, в чём дело, рассмеялся.

– Гриша, вы чего ржёте, – недовольно ткнул меня в бок Михаил. – Дело серьёзное... Стоп, а вы что вообще здесь делаете?!

– Не знаю, – пожал плечами я. – Объявили срочное собрание, и все куда-то побежали. Ну я и побежал с ними. Решил, что меня тоже касается.

Вообще, если быть честным, то меня это в первую очередь и касается. Я вспомнил, как вчера прикладывал жетон охотника к магнитному считывателю. С этого-то всё и началось – наверняка они отследили логи посещений и увидели личный код Каспера. Какой он всё же хитрый. В самый разгар важной операции навёл тут у них шухер, а сам при этом палец о палец не ударил. Смех продолжал меня душить.

– Гриша, да прекратите вы уже! – Михаил снова ткнул меня локтем.

– Простите, – хихикая, выдавил из себя я. – Просто клич-

ка такая смешная – Каспер. Это как маленькое привидение что ли?

– Это большое, очень большое привидение, Гриша, – шёпотом возразил Рэмбо и тут же подал голос, обращаясь к говорившему с кафедры. – Видео с камер смотрели?

– Все видео стёрты.

Я, сдерживая очередную смешок, опустил голову. Теперь ясно, почему охранник на посту вчера сам был похож на призрака. Что ж, к нему никаких претензий. Будь я Каспером, я бы выписал ему премию за добросовестно выполненную работу.

– Нужно прямо сейчас составить документы о государственном финансировании за последние два года! – тем временем суетился Михаил. – Всё лишнее прячьте по сейфам! Коды доступа поменять! Охрану, сами знаете где, усилить! Алхимика срочно в красный сектор! Где он вообще шастает?

– Я тут, – недовольно подал голос с порога Эмиль. – Простите, задержался, приводил себя в порядок.

Он и впрямь выглядел очень прилично. До этого я видел его таким только по ночам, перед свиданиями – причёсанный, побритый, благоухающий парфюмом, в парадном костюме. Молниеносно отыскав меня в толпе, он прожёл моё нутро своими прищуренными жёлтыми глазами. Его руки сжались в кулаки. Я хмыкнул и нагло подмигнул ему. Так и хотелось сказать: «Эй, осторожнее! Смотри от злости не преврати сам себя в золотую статую!».

– А ну марш в камеру! – зашикал на него Михаил. – Ты что вытворяешь! Где капельница?! Ты слышал, что тут у нас происходит?

– Слышал. И позволю себе не согласиться. В красном секторе дует из щелей. И кровати жёсткие. Вы точно уверены, что это необходимо?

– Абсолютно! – прогрохотал Михаил. – Ну же! Иди! Или тебя отвести?.. И переоденься сейчас же!

Как всё-таки они занервничали. Забили тревогу. Поджав губы, объект Б-4 удалился, а Михаил, отдышавшись и успокоившись, продолжал:

– Так, теперь с этим нашим... типа программистом, – он повернулся ко мне. – Гриша, скажите, вы из дома работать сможете?

– Вы имеете в виду, что... – я не поверил своим ушам, – что мне больше не нужно приезжать к вам сюда в офис?!

– Не просто не нужно, а запрещается! – отрезал Михаил. – До особого распоряжения!

– Что ж, ясно. Смогу и из дома. Только мне надо будет переписать с моего рабочего компьютера кое-какие файлы...

– Так бегите быстрее, – Михаил поторопил меня, замахав в мою сторону руками. – Бегите, переписывайте всё, что надо!

Мне хотелось сказать ему, что спешить бесполезно, ведь Каспер уже и так знает, что я здесь. И, судя по всему, даже не против такого расклада. Но перспектива работать дистанци-

онно, да ещё и прихватив с собой доступ к московской базе данных, была уж слишком заманчивой, поэтому я скромно промолчал.

* * *

– Ух, что там нынче у них в СКОКе творится! – едва Стелла села ко мне в машину, я поделился с ней свежей новостью и весело потёр руки. – Представляешь, они испугались, что к ним приехал Каспер, и отпустили меня на удалёнку!

– Каспер? В московском штабе?!

– Ну да.

– Отвези меня туда! – вдруг выпалила Стелла. – Сейчас же!

Я улыбнулся. Как я мог забыть о её желании любой ценой отомстить главному охотнику!

– Послушай, – осторожно начал я. – Я в целом не против, но не могу не отметить, что идея плохая. Во-первых, у них там очень серьёзная система охраны. Туда просто так не проехать и не пройти. Во-вторых, ты не знаешь, как этот Каспер выглядит. И никто из них не знает, поэтому они так и паникуют сейчас. Ну а в-третьих... В третьих, никакого Каспера там на самом деле нет.

– Это как?!

– Вот так. Он их просто решил припугнуть. Или подшутить над ними.

– А ты откуда знаешь? – с подозрением посмотрела на меня Стелла. – Опять твоих рук дело?

– Чего сразу моих-то? – я надулся. – Чуть что – сразу я!..

– Ты можешь объяснить нормально?

– Нет, не моих. Ну, или не совсем моих. Я считаю, что в первую очередь это была инициатива самого Каспера.

Врач продолжала сверлить меня взглядом.

– Это сложно объяснить, – извиняющимся тоном добавил я. – Просто поверь. Ты его сейчас там не найдёшь.

Возможно, мне действительно пора было рассказать ей о письмах Каспера, но почему-то не хотелось. Да и зачем? Не буду же я помогать ей мстить ему. Мне моего собственного тяжкого прошлого достаточно, и если бы я хотел кому-то отомстить, то начал бы со своего списка врагов.

– Может ты и прав, – задумчиво протянула она. – Надо сначала подготовиться.

По дороге в Смоленск мы с ней мило болтали все пять с лишним часов. О какой-то неважной ерунде – обо всём и ни о чём одновременно – но, похоже, оба получали удовольствие от этого разговора. Мне даже показалось, что она была рада меня видеть. А ещё, к огромному своему удивлению, на этот раз я не увидел на её пальце кольца. Вот так раз! Меня жутко подмывало спросить, забыла ли она его или умышленно сняла, но я решил ради интереса притвориться, что ничего не заметил. Разве что стал себя чуть смелее вести.

Поздним вечером, когда мы уже свернули на прямую до-

рогу к коттеджному посёлку, я, вдохновлённый её настроением, спросил:

– Какие планы на остаток вечера? – и затаил дыхание, готовый к тому, что меня сейчас как обычно перебьют или перестанут со мной говорить. Но Стелла только улыбнулась и пожала плечами:

– Не знаю. Спать пока не хочется.

– Тогда, может быть, устроим... романтический вечер?

На этот раз она уже не просто улыбнулась, а аккуратно хохотнула:

– Это как?

– Ну... – протянул я. – Как обычно вампиры проводят романтические вечера?..

– Без понятия.

– Что же, Эмиль за столько лет не подал положительного примера? – ляпнув так, я замер, ожидая очередной взбучки, но и тут Стелла среагировала спокойно:

– Он был из тех, кто придерживается строгих взглядов.

И это чистая правда. Наблюдая за алхимиком уже не первую ночь, я не мог не согласиться – ухаживать он то ли не любит, то ли не умеет, то ли ему скучно. Все их вечера с Линой чертовски были похожи один на другой. Никакой романтики.

– Наверное, – тем временем рассуждал я, – вампиры менее строгих взглядов сначала пьют вместе кровь на брудершафт из высоких красивых бокалов, дальше они любуются

на полную луну и философствуют о вечности, потом танцуют под медленную и грустную музыку и, в конце концов... ложатся в гроб?

– В гроб? – Стелла хмыкнула и, судя по её скептически приподнятой брови, хотела отколотить мне в ответ какую-нибудь резкую шутку, но вдруг её лицо напряглось. Нахмурившись, она проговорила своим обычным строгим голосом. – Так, Гриша, шутки в сторону. Наши планы на вечер, кажется, летят ко всем чертям. Иначе мы и правда сегодня ляжем в гроб.

Я перевёл взгляд на дорогу, и тут мне самому стало не до развлечений. Ворота в коттеджный посёлок были настежь раскрыты, а перед ними на асфальте лежал в неестественной позе труп охранника. Его напарник сидел, повесив голову, в сторожевой будке – по виску у него стекала кровь от свежего огнестрельного ранения. Присвистнув, я подрулил ближе и встал прямо посреди всей этой немой сцены, не решаясь заехать на территорию.

– Что-то в последнее время они зачастили, – вздохнула Стелла озадаченно. Потом достала из сумочки упаковку мятных конфет, взяла одну, вторую протянула мне. Машинально положив белый кругляш в рот, я понял, что это вовсе не конфета никакая, а замаскированная таким образом долька чеснока. – Иди возьми у охранника пистолет.

– Зачем? – с непониманием спросил я.

– Это рейд охотников. Нужно помочь ребятам их обезвре-

дить, – Стелла снова полезла в сумочку и на этот раз вытащила оттуда... серебристый револьвер! Да ещё какой – антикварный «кольт» с длинным стволом и гравированным узором из вензелей. Теперь ясно, почему её крохотная дамская сумочка такая тяжёлая!

Поняв, что она не прикалывается, я серьёзно занервничал:

– Ты что, предлагаешь мне стрелять в живых людей?!

– Ну не в мёртвых же, – она снисходительно посмотрела на меня. – Ты в пейнтбол играл?

– Играл один раз с коллегами...

– Значит, справишься, – заключила доктор. – Тем более, это тоже в каком-то роде твои коллеги.

На плохо слушающихся ногах я вылез из машины. Присел рядом с охранником и, стараясь не смотреть ему в лицо, вытащил из кобуры пистолет Макарова. Стелла была расторопнее – она уже добежала до будки и, перегнувшись через разбитое стекло, отобрала у второго охранника его ствол:

– И запасной магазин тоже возьми, – крикнула мне она. – О, какая удача, тут их два!

Послушавшись, я распахнул добытое по карманам: в левый сунул сам пистолет, а в правый два магазина патронов.

– Ну, теперь погнали! – скомандовала Стелла. Легко сказать! Она-то, между прочим, войну прошла. А для меня это всё в новинку – нечто непонятное и пугающее.

Мы вернулись в машину и заехали на территорию посёл-

ка. Вёл я медленно – нога одеревенела и отказывалась жать на педаль – а Стелла постоянно меня торопила. Издалека увидев выбитую и валяющуюся на земле калитку, ведущую к нашему участку, а рядом с ней шесть пустых «уазиков» охотников, я и вовсе остановился, не доехав до цели несколько десятков метров:

– Шесть машин, по пять человек в каждой. Значит, их тридцать. Силы явно не равны.

– Ерунда, – она только махнула рукой. – Это же всего лишь люди.

– А почему во дворе так темно? Фонари выбили?

– Нет. Скорее всего это наши их погасили.

– Зачем?

– Во время представления свет в зрительном зале гаснет, – хмыкнула Стелла. – А если серьёзно, то вампиры нормально видят в темноте, а люди – почти нет. Но ты не обольщайся, у них есть «фиалки».

– Кто?!

– Ультрафиолетовые прожекторы. Просто сейчас они их не включают, чтобы не выдать себя. А чего мы стоим-то? Ты поедешь дальше или нет?.. – поняв, что я не то что ехать, но и говорить уже не в состоянии, Стелла выскочила из машины. – Давай за мной! Ну, Гриша, соберись! Прикрой меня хотя бы!

Она побежала к калитке бегом, а войдя на территорию и осмотревшись, перешла на медленный шаг. Точнее, двига-

лась отрывисто: шаг – ожидание. Ещё шаг – снова пауза. Её глаза «сканировали» территорию, пытаясь определить расположение сил.

Я тоже присмотрелся и прислушался. Где-то далеко на дереве куковала кукушка, в траве стрекотали кузнечики, а в остальном было подозрительно тихо. Как будто двор пуст. Но что-то мне подсказывало, что это не так. Просто они затаились и поджидали нас.

Спрятавшись за воротами, я смотрел, как спокойно отдаляется от меня хрупкая фигурка Стеллы, и не переставал ей удивляться. С виду как школьница – с худенькой талией, в короткой юбочке с оборками – и при этом держит два пистолета в опущенных вдоль тела руках. Ну просто сцена из аниме! По законам жанра, сейчас она должна устроить кровавую бойню, всех положив.

И вот раздался первый подозрительный звук, похожий на лёгкий щелчок. Кажется, один из охотников опустил курок. Стелла тоже услышала это, и тут же присела, прячась за бетонной колонной моста. Надо сказать, очень вовремя, потому что пуля рассекла воздух в нескольких сантиметрах от того места, где она ещё недавно стояла.

Пару секунд ничего не происходило, потом Стелла выглянула с другой стороны колонны и выстрелила в ответ. Судя по короткому сдавленному крику – попала. И не просто попала, а умудрилась серьёзно ранить, если не убить! Послышался шорох – человек упал в траву.

Их осталось двадцать девять, – про себя отметил я, пытаюсь приободриться, – уже не так страшно.

Выждав ещё какое-то время, Стелла, пригнувшись, перебежала к противоположной колонне. Снова успела увернуться от выстрела, а заодно и определить местонахождение второго стреляющего, который почти тут же тоже получил пулю из раритетного кольца. Ловко у неё это получается? А что дальше?

Дальше ей предстояло перебежать поближе, через мост, к двум другим колоннам. Задача не из лёгких. Двигаясь по странной зигзагообразной траектории, она на этот раз вдохновила охотников на целую череду выстрелов, и уже не из пистолетов, а из автоматов. В груди у меня похолодело, но Стелле и сейчас удалось увернуться. Упав на колени, она спряталась за ограждением и тяжело выдохнула. Проверила заряд во втором пистолете и выстрелила сразу с двух рук, развернув стволы в разных направлениях. Неужели и теперь «в яблочко»?! Какая крутая!

Тем временем от противоположной стороны забора, к которому я прижимался, отделилась какая-то тень и бесшумными шагами медленно направилась к мосту. Похоже, один из охотников прятался в углу при входе. Кровь застыла у меня в жилах. Очень нехорошо. Этого охотника Стелла сейчас явно не видела, в отличие от меня. Ей было не до того – она активно отстреливалась. Что мне делать? Выстрелить в него самому? Убить человека?! Нет, едва ли я на такое способен.

Да и стрелять я, чего уж кривить душой, не умею. Крикнуть «Сзади!»? Но и тогда она может не успеть обернуться, а вот себя я выдам и привлеку внимание всех остальных. Догнать его и схватить? А что дальше? Он ведь вооружён...

Пока я нервно обдумывал варианты, этот охотник вдруг резко ускорился, согнувшись, пробежал по мосту и схватил Стеллу со спины, зажав ей шею в сгибе руки. Поднялся вместе с ней, прижимая её к себе, и приставил пистолет к виску.

В этот миг я, весь онемевший от ужаса, вдруг вспомнил, что у меня есть сердце. Оно забилось быстро-быстро, не меньше двухсот ударов в минуту. Действовал я так же быстро и неосознанно. Молниеносно выхватил пистолет. Подняв его в воздух, передёрнул затвор и тут же выстрелил.

Глава 34. Сказки про вампиров

Бах!.. Вся жизнь пронеслась перед моими зажмуренными от страха глазами.

Что же я наделал! Я ведь даже не успел толком прицелиться. В памяти всё ещё стояла, отпечатавшись, эта картинка – Стелла и сзади неё охотник, прикрывавшийся её телом. В сердце ему не попасть. В голову – ещё более сомнительно. Он выше неё, но ненамного, только часть лба торчит сверху, а у меня ведь даже не было времени посмотреть на «мушку». При таком раскладе скорее уж я этим выстрелом ранил Стеллу, но никак не его. Впрочем, пули-то у «макарова» обычные, а не серебряные...

Я осторожно разлепил веки. Охотник лежал на спине поперёк дороги, а из его разбитой головы растекалась тёмно-бордовая лужа. Его руки были раскинуты в стороны, пистолет валялся неподалёку. Автомат, висевший на груди, тоже не пригодился. Он, в отличие от меня, так и не успел выстрелить. Стелла, удивлённо стояла рядом, вглядываясь в моё лицо. Просто застыла посреди дороги – даже не прячась. Правда, она, похоже, уже мало кого интересовала. Готов поспорить, все прицелы в этот момент сошлись в одной точке – на мне.

– Пригнись! – крикнул я ей и метнулся вправо. И правильно сделал, потому что рядом с моим виском уже просви-

стела первая пуля. Выстрелив в ответ, я удивился сам себе. Странные дела творились – ноги у меня ощутимо тряслись от страха и чуть ли не подкашивались, а рука была твёрдой, уверенной и нисколечки не дрожала. Как будто я всю жизнь этим занимался.

Следуя по пути Стеллы, я скрылся сначала за одной колонной, потом за другой, попутно сделав ещё три выстрела.

Видя, что я приближаюсь, эти ребята психанули и открыли по мне перекрёстный огонь из автоматов. Ого-го! Нервы-то у них, оказывается, не железные, раз они решили практически зазря выпустить в воздух столько патронов, а заодно и выдать своё местонахождение! Будь я Каспером, я бы всех их уволил за такой непрофессионализм. А того первого, который забыл заранее взвести курок – ещё и оштрафовал. Хотя, он уже и так расплатился – жизнью.

Метнувшись вперёд, я ушёл в колесо, в движении выстрелив по одной из целей. Сгруппировался и сделал пережат вправо. Снова выстрел. Теперь влево наискосок – и ещё один выстрел. Ха! Они, между прочим, ни разу не попали, а я аж семь раз, если не считать того первого, незапланированного геройства. Но дальше надо что-то решать, потому что магазин «макарова» закончился, а времени на то, чтобы его менять, решительно не было. Ещё один пережат – на этот раз вперёд – и я оказался аккурат у тела первого бойца. Схватил автомат с его груди. Ему он уже не пригодится, а вот мне – вполне.

– Ложись! – скомандовал Стелле. А сам вскочил и открыл огонь по врагу. Несколько оглушительных секунд: грохот автоматов, крики охотников в радиии, пытающихся как-то договориться о передислокации, звон битых стёкол в оранжевых... Прости, Штефан! Иначе у меня никак не получилось бы добраться до них всех.

Ещё пару мгновений, и наступила тишина. Охотники закончились. Во всяком случае, те, которые прятались снаружи дома. Их было шестнадцать. Патроны в «калаше» тоже закончились – больше половины магазина спустил мимо. Но, всё-таки, успел. Хватило. Выдохнув, я снова опустился на землю, полностью выжатый.

Чертовская слабость разлилась по моему телу, но я снова заставил себя подняться, откинул в сторону пустой автомат и пошёл по направлению к дому. Стелла встала с земли вместе со мной и, прикрывая тылы, двинулась сзади, прижимаясь спиной к моей спине. Зря она перестраховывалась, потому что во дворе больше никого не было. Но умничать я не стал. Слишком уже это приятно – чувствовать спиной её напряжённое дыхание.

– Внутри я пойду один, – через плечо бросил я, меняя магазин в пистолете.

– Вот ещё, – недовольно буркнула Стелла.

– Не надо, не ходи. Я позову, если нужна будет помощь.

Поднявшись по ступеням, я на пару секунд замер у входной двери. Окинул взглядом каменных грифонов. У одного

теперь не хватало клюва, а у другого – крыла. Ох, простите, ребята, не хотел вас задеть. Надеюсь, их как-то можно будет починить...

Дверь не заперта – замки прострелены. Аккуратно толкнув её дулом пистолета, я сделал шаг вперёд. В прихожей было темно. Совершенно ничего и никого не видно! Но я знал, чувствовал кожей – они ждали. Стрелять в темноту было бесполезно, нужно как-то вбежать и незаметно уйти в сторону. Так я и сделал бы, но, стоило мне проскользнуть внутрь, как со всех сторон зажёгся свет – да такой яркий, что я инстинктивно закрыл глаза рукой, а потом зажмурился и упал на колени. Нет, это не люстра. Чёртовы ультрафиолетовые фонари! Бьют по глазам как удар током! Сколько же их тут?!

Удивительно, как я – с такой точностью просчитав все свои предыдущие действия, попался на простую, дешёвую уловку! Как будто забыл вовсе, что я не человек, а вампир!

Сквозь слёзы, текущие из глаз, я смог рассмотреть, что их было больше десяти. Скорее всего, двенадцать. Да, точно. Пятеро светили на меня фонарями, четверо держали на прицеле. Двое стояли вдали и наблюдали. Ещё один, последний, махнул надо мной сканером и отрапортовал:

- Анималист третьего типа.
- Четвёртого, – со стоном поправил я, выронив пистолет и закрывая глаза уже обеими руками.
- Ни третьего, ни четвёртого в протоколе нет.
- Значит, надо сделать так, чтобы его и тут не было, – один

из охотников довольно хохотнул, потом прервался и добавил уже серьёзно. – Вы видели, столько наших он положил!

– Да капец!

– Ну, командир, что делать с ним?

– Ликвидируйте, – отозвался человек, стоящий дальше всех.

Я уже приготовился получить пулю в голову, как вдруг из кухни раздалось недовольное:

– Эй, мальчики, не трогайте Рыжика! Лапки прочь!

Это же Илона! Сквозь узкие щёлочки опухших глаз я увидел такую странную картину: блондинка, щурясь, встала на пороге кухни, метрах в двадцати от группы охотников – прямо в домашнем халате, поверх которого был повязан розовый клетчатый фартук. Этакая прилежная домохозяйка. В руках у неё было кухонное полотенце, которым она что-то вытирала. Мыла посуду, что ли? Тоже мне, нашла время. В следующую секунду полотенце вдруг выскользнуло, будто бы случайно, и упало на пол. Барби раскинула руки в стороны, раскрыла ладони – раздался странный звук, похожий на множественный свист, и все двенадцать бойцов как по команде попадали на пол, роняя свои пушки и фонари. Схватились за шеи, корчась. Во рту у них забулькала пузырями кровь.

Приглядевшись, я увидел, что из сонных артерий у половины охотников торчали вилки, а у второй половины – ножи.

– Что это было?! – воскликнул я, удивлённо озираясь.

– Столовый сервиз, – пожала плечами Илона. – Фамиль-

ный, между прочим. Только помыла, и вот. Теперь опять мыть...

– Но как... откуда?!

– С кухни, – непринуждённо махнула рукой блондинка, и я от этого её взмаха инстинктивно отшатнулся, а она рассмеялась. – Да, ты правильно всё понял, Рыжик.

Она снова вскинула руку, на этот раз только правую, и пошевелила пальцами. Фонари охотников поднялись в воздух и зависли на месте – как стайка квадрокоптеров. В следующий миг Илона махнула ладонью так, будто отвешивает кому-то пощёчину – и ненавистные «фиалки» с силой врезались в стену, усыпав пол осколками. Я с облегчением выдохнул. Наконец-то снова темнота!

– Ян! – крикнула блондинка, надув губки. – Ну ты хоть спустился бы, что ли!

– Тут передача интересная, – крикнул ей муженёк со второго этажа. – Про спортпит!

– Скажи хотя бы, где оставшиеся?

Качок ненадолго убавил звук телевизора, потом ответил коротко:

– Сзади за домом. Двое.

– Может сам сходишь к ним? – капризно ныла Илона. – Там к вечеру холодно, мне одеваться неохота...

Я, не моргая, следил за их перепалкой. Это что же получается, мы со Стеллой тут сражаемся не на жизнь, а на смерть, а Константин и вся остальная честная компания даже из сво-

их комнат не выходили?!

– Гриша, я под впечатлением, – врач тем временем зашла в дом и, лавируя между трупами охотников, подошла ко мне. – Ты... где ты научился так стрелять?

– Понятия не имею, – честно сказал я. – Может быть я просто так сильно за тебя испугался, вот и озверел. Сам ещё не осознал до конца, что происходит.

Приблизившись ко мне, она сжала мою руку в знак благодарности, а я возмущённо на неё посмотрел. И это все?!

Ян, тем временем, кряхтя спустился по лестнице с таким же револьвером, как и у Стеллы. Лениво обулся и вышел во двор. Спустя полминуты раздался выстрел, а следом за ним и второй.

– Довольна? – вернувшись, он хмуро глянул на жену и добавил. – Убираться сама будешь.

Даже не сняв сапоги, лысый удалился досматривать телепередачу, а к нам, наконец-то, вышел Константин. Не помочь, разумеется – зачем ему нам помогать. Скорее чтобы проверить выполненную работу. Кивнув мне вместо приветствия, он невозмутимо покинул дом, спустился по ступеням и медленно пошёл по дороге, мимо трупов охотников.

Стоя на площадке перед домом, я смотрел, как он то и дело качал головой и одобрительно цыкал. Потом он поравнялся с тем самым, первым охотником, который напал на Стеллу. Склонился над его лицом. Некоторое время с интересом разглядывал его, потом принюхивался. В итоге помахал нам

рукой – мол, идите сюда. Мы, все втроём, повиновались.

– Посмотри, Стелла, – он указал рукой на лоб охотника, в котором зияло круглое отверстие – ровно посередине между бровями.

Да уж, удивительно – как мне удалось выстрелить так точно?!

– Я уже видела, – тихо ответила врач.

– Рыжик, ты как будто по линейке вымерял! – муркнула за её спиной Илона.

– Это то, о чём я тебе говорил, – прошипел голос Цепеша. – Слишком опасен для пешки.

Честно говоря, я и сам оказался под впечатлением – и от произошедшего, и от самого себя. Это точно был я? Что на меня нашло? Какая сила вдруг сделала из меня меткого стрелка? Не является ли это следствием моей сверхспособности? Ведь разные звери, в телах которых я побывал, воспринимают время по-разному...

Внезапно мне заглохло, и дальше рассуждать я не смог. Стоя посреди двора, усыпанного кровавыми телами, я с трудом заставлял себя дышать. И, потихоньку начав осознавать, что почти все эти люди умерли от моей руки, я упал в какую-то липкую дурноту. К горлу подступила тошнота, а желудок болезненно сжался от рвотных спазмов.

– Что вы теперь будете делать с ними? – проговорил я сдавленно. – Такое количество трупов не получится незаметно спрятать... Мы всё равно спалимся.

Но у этой команды, судя по всему, всё уже было отработано.

Илона несколькими взмахами руки по очереди «раздела» каждого из охотников – отобрала пистолеты, автоматы, кинжалы, поясные ремни с «фиалками» и ещё какими-то ёмкостями. Сгрузила всё это в одну кучу у ступеней замка.

– Штефан, милый, теперь твой выход! – позвал Константин.

Услышав его, голубоглазый кивнул из окна второго этажа и тут же скрылся. Через полминуты он нарисовался уже на пороге, сбежал с лестницы вприпрыжку. Поравнялся с одним из трупов и присел рядом. Положил правую руку охотнику на грудь, вторую – на окровавленный лоб. Склонился к нему так, будто собирался делать искусственное дыхание, и легонько подул в лицо. Тело охотника встрепенулось, задрожало, и он вдруг открыл глаза, очумело глядя на Штефана.

– С добрым утром! Как спалось? – весело проговорил тот, улыбаясь, и добавил уже серьёзнее. – Мне нужно ещё пару секунд.

Его руки продолжали лежать на голове и груди у женщины, и рваные раны под ними заживали прямо на глазах.

Таким же образом голубоглазый оживил и других охотников, каждый раз с улыбкой желая очередному из них доброго утра. Последний в очереди был командир – Ян, показавшись на пороге, мысом тяжёлого сапога вытолкнул его на лестницу, и тот, ломая руки и ноги, покатился по каменным ступеням

вниз под аханье своих уже воскресших приятелей.

Штефан посмотрел на качка с укоризной, но ничего не сказал. Только задержался рядом с командиром чуть дольше – почти полминуты лечил его раны и сращивал кости.

Вернувшись с того света, охотники уже не были так решительно настроены. Они потеряли всю свою воинственность, просто ошалело пятились назад с поднятыми руками. Прижавшись спинами к забору, они смотрели на нас с ужасом в глазах, и не осмеливались ни бежать, ни хотя бы заговорить.

– Вам, должно быть, сейчас очень стыдно, – шелестящим голосом проговорил Константин. – Лучшие охотники из Москвы. Ну и ну! Приехали в рейд на самого Цепеша, а в итоге кто вас разгромил?.. Две женщины и нечистокровка! Но нет, вам не просто стыдно. Вам ещё и невыносимо страшно. Так страшно, что вы не смогли бы дальше с этим жить.

Судя по вытянувшимся лицам охотников, они его услышали и поняли.

– Поэтому вам лучше прямо сейчас всё забыть, – сладким голосом добавил потомок Дракулы.

Один из охотников кивнул. Второй неожиданно расплакался как ребёнок, стекая на землю на корточки. Третий закрыл лицо руками. Остальные просто стояли как замороженные.

– Значит, возражений нет, – скорее утвердительно, нежели вопросительно проговорил Константин. Его речь стала мягкой и горячей, как каждый раз, когда он гипнотизиро-

вал. – Очень хорошо. Молодцы. Сейчас вы уедете далеко-далеко и забудете обо всём, что с нами связано.

Его негромкий голос расплавленным воском растекался по всей территории, просачивался сквозь прутья забора и стелился туманом по всему посёлку.

– Вы забудете наши лица. Наш адрес. Всё, что здесь происходило. Вы забудете, кем работали. Забудете весь страх и боль. Работа охотниками больше не для вас. Вы забудете дорогу в СКОК. У вас новый номер телефона. Место жительства. Удалены аккаунты в соцсетях, адреса почты, забыты все пароли. Обычная, спокойная жизнь вдали от суеты... Там тихо и хорошо... Вы больше не верите в сказки про вампиров.

Последняя его фраза прозвучала уже шёпотом, но как-то особенно горячо. Я пригляделся к лицам охотников – их глаза были прикрыты, ресницы дрожали. Парень, сидящий на земле, перестал плакать и застонал. Кажется, это был стон облегчения. Потом его коллега подал ему руку, помогая встать. Они по очереди вышли через калитку, расселись по «уазикам» и направились к выезду из посёлка.

– Штефан, – мягко сказал Константин, поворачиваясь к шатену. – Ты сегодня герой. Хорошая работа. Когда они уедут, пожалуйста, оживи ещё охранников на проходной.

Парнишка кивнул, мотнув кудрями:

– Конечно, Стэн.

– А охранникам вы память тоже каждый раз стираете? –

полюбопытствовал я, когда ко мне вернулся дар речи.

– Нет, – Константин хмыкнул. – Пусть набираются опыта. Может быть, однажды они станут достаточно квалифицированными, чтобы дать СКОКу достойный отпор.

– И они... не бунтуют? Не увольняются?

– Мы им очень хорошо платим.

– Такая зарплата стоит того, чтобы пару раз в год ненадолго умереть, – фыркнула Илона.

Я, всё ещё под впечатлением, бродил по участку туда-сюда. И хотя трупов здесь больше не было, мне всё равно с каждой секундой становилось только хуже. Даже в глазах уже бежали мушки.

– Что-то мне так плохо, – признался я, поворачиваясь к остальным. – Очень сильная слабость.

– Может это из-за серебряной пули? – хмыкнула Илона. И, видя, как я смотрю на неё в непонимании, указала на моё плечо.

Вот чёрт! Меня же, оказывается, ранили! Кто? Когда?!.. Я совсем этого не заметил. По моему левому предплечью текла тонкая струйка крови. Именно текла – как у обычного человека. Футболка и штанины джинсов – всё было перепачкано. С момента перестрелки прошло, наверное, уже целых полчаса, но рана до сих пор выглядела свежей.

– У тебя шоковое состояние, – мягко проговорила мне на ухо Стелла, беря меня под локоть, – поэтому ты не чувствуешь боли и ничего не заметил. И, похоже, не у тебя одного

шок... Прости, я тоже проглядела. Пойдём. Сейчас я тебе помогу.

Глава 35. В плену у времени

Этим вечером у нас всё-таки состоялась романтическая игра, и даже не с одной женщиной, а сразу с двумя. Играли мы в пациента, хирурга и медсестру. Но не могу сказать, что я раньше представлял себе это именно так.

Стелла принесла откуда-то металлический поддон с нехитрыми инструментами – скальпель, зажим, длинный пинцет. Попросила меня взять из автомобильной аптечки ещё бинт и пузырёк перекиси. Потом приказала лечь прямо на обеденный стол и не шевелиться, а Илоне – следить за мной, чтобы не сбежал. Я сначала похихикал, но уже скоро моё чувство юмора куда-то испарилась.

– А анестезии нету? – спросил я сквозь зубы, когда она сделала первый надрез. Врач посмотрела на меня, приподняв бровь. Да уж, учитывая то, как безжалостно она справлялась со мной наживую в каждом сне, просить наркоз по меньшей мере глупо.

– Взрослый мальчик уже. Потерпишь, – она склонилась ниже над столом. – Замри.

– Больно же! Ну!

– Волков, да не вертись!

Илона, положив ладонь мне на лоб, снова заставила лечь. Хватка у неё была тяжёлая – не иначе как она удерживала меня не столько физической силой, сколько с помощью сво-

его телекинеза. Я закусил палец на правой руке, а левой вцепился в штанину.

– Не напрягайся.

– Легко сказать!

– Ты мешаешь мне и затягиваешь весь процесс.

– Придумал! Может, Константина позовёте? Пусть он меня отправит в гипнотический сон на пару минут, а?

Стелла бросила скальпель в поддон. Выдохнула. Взяла пинцет:

– Ещё чуть-чуть осталось. Терпи, боец! – я завыл в ответ, а она только повторяла быстро. – Терпи, терпи, терпи! Вот так. Терпи, мой хороший!..

Я аж на секунду забыл о боли, пульсировавшей в висках и заложившей уши:

– Ка-как ты меня назвала? Это что-то из фронтового прошлого, что ли?.. – кровь ударила мне в голову, щёки загорелись, и я понёс, отвлекая сам себя от происходящего. – Прямо представляю себя на поле боя. Я лежу раненный, над головой пролетают снаряды... а рядом молоденькая медсестричка – делает мне перевязку и вот так мило сюсюкается со мной, ммм...

– Ах, Гриша, ты даже истекая кровью не перестаёшь остерпеть, – цыкнула Стелла. – Помолчи. Лучше дыши глубже.

Она что-то там повернула внутри, и я, вернувшись из своей фантазии, зарычал от боли. Дыши?! Издевается что ли?

– Вот так. Хорошо. Хорошо, а теперь расслабься. Думай о

чём-нибудь приятном... Вот молодец... Умница... Ага, есть!

Серебряная пуля, выскочив из пинцета, со звоном приземлилась в металлический поднос.

Щедро обработав кровоточащую рану перекисью, Стелла наложила мне тугую повязку от плеча до локтя. Завязала на узел. Но встать всё равно почему-то не разрешила. И когда я, оттолкнув Илону, попытался это сделать, то понял, почему – голова у меня неслабо закружилась, а в глазах потемнело.

– Тебе нужна кровь. Пакета три, а лучше четыре.

– Да ты что, я столько не съем!

– Это назначение врача, – отрезала Стелла строго и, бросив пинцет к остальным инструментам, удалилась.

Пришлось быть прилежным пациентом – я выпил четыре пакета, услужливо принесённые Илоной, но лучше мне от этого не стало. Так, разве что слегка утолил жажду да смог дойти до кровати. На этом мои силы кончились и, едва голова коснулась подушки, я всё же отключился.

Всю ночь я валялся в каком-то беспомощном, бессознательном состоянии. Даже не знаю точно, бредил ли я, или под утро, перед рассветом, ко мне и правда заходила Стелла. Мне привиделось, как она осмотрела повязку, проверила температуру, посидела немного рядом на краешке кровати, а потом... потом она будто бы склонилась надо мной, чтобы меня поцеловать. Но тут я мотнул головой и мягко отстранил её:

– Не надо. Не хочу так, – пробормотал я заплетающимся

языком. – Если ты меня когда-нибудь и поцелуешь, то я хочу быть в сознании в этот момент...

Ничего не ответив, она встала, шагнула назад и словно исчезла. Растворилась в воздухе. А я до утра так и промучился вопросом о том, что было такое – реальность или моя большая галлюцинация.

* * *

К полудню мне ощутимо полегчало. Я даже смог встать и дойти до холодильника, чтобы выпить ещё пару литров крови.

– Аппетит проснулся, это хорошо, – мурлыкнула, завидев меня, Илона. – Надо передать многоуважаемому хирургу, что пациент у неё идёт на поправку. А то, кажется, она всю ночь переживала и даже не сомкнула своих глазок.

– Она не выходила ещё?

– Неа.

– Может, всё-таки уснула. Не тревожь её, пожалуйста. А я пойду пока погуляю.

Во дворе было спокойно и пусто. С чистого синего неба светило солнце, чирикали птички в кронах деревьев, зеленела трава. Всё как обычно. Никакого намёка на тот ахтунг, который разворачивался здесь вчера. Только побитые грифоны осуждающе смотрели на меня с пьедесталов, и Штефан печально сидел на скамеечке в своей оранжерее – вернее, в

том, что от неё осталось – посреди разбитого стекла и поломанных, увядших роз. Почему-то, он до сих пор так ни одну из них и не оживил.

– Грустишь? – спросил я, подойдя к нему и присев рядом. – Прости, я не хотел тут всё поломать... Я... я сегодня же попытаюсь найти мастеров, которые вставят новые стёкла и приведут в порядок оранжереи. Можно даже новые цветы засадить, если ты устал воскрешать...

– Не в этом дело, Гриша, – Штефан мотнул кудрями и слабо улыбнулся. – Да, я грущу, но не поэтому.

– А что случилось?

– Вы со Стеллой такие милые, – внезапно он сменил тему. – Такие прикольные.

Я промолчал, не зная, что ответить.

– У меня тоже когда-то была девушка, – внезапно добавил он шёпотом, будто бы сам боялся своего голоса и этих слов. – Это было так давно, что я уже и не помню ничего. Ни её имени, ни голоса, ни глаз. Всё будто бы стёрто. Но почему-то я уверен, что мы тоже вели себя так смешно – прямо как вы. Стеснялись признаться, смущались, притворялись гордыми... Я упустил это время. Мы не смогли быть вместе. Я потерял её. То ли из-за своего смущения, то ли из-за гордости...

– То ли из-за Константина, – процедил я сквозь зубы, вспомнив ту сцену ночью.

– Нет, – поспешно поспорил со мной голубоглазый. – Нет,

Стэн не виноват. Просто... я жил так, будто у меня в запасе неиссякаемое количество времени. Не спешил никуда, ничего не боялся. А любовь... ей наплевать на вечность. Она как эти хрупкие цветы – вянет так скоро, так внезапно. И её, в отличие от роз, не потрогаешь, не вернёшь и не оживишь.

– Эта девушка ушла от тебя?

– Нет. Не знаю. Может быть, разлюбила... – Штефан как-то засуетился и стал быстрее дышать. – Я точно не помню... Кажется, я так и не сделал ей предложение. Хотя, я хотел. Хотел!.. Где-то у меня до сих пор лежит это кольцо...

– А что если, – призадумался я, – что если отыскать её сейчас и всё-таки его подарить?

– Нет, – одними губами произнёс Штефан. Дальше он говорил потерянно, каким-то непривычным для него, глухим, тусклым голосом. – Я уже давно забыл, кто она и где живёт. Ничего, совсем ничего не осталось. И всё-таки при этом... я её не разлюбил.

– Наверное это сложно. Любить человека, которого совсем не помнишь, и не знаешь даже, где он. Да и вообще, жить с пустой памятью... ещё и вот так вот жить... Я видел всё. И не знаю, что сказать. Врагу не пожелаешь...

Я подсел к нему ближе и сжал его руку. Рука оказалась холодной как лёд. В следующую секунду что-то словно зазвенело в воздухе, и этот лёд растаял. Губы Штефана задрожали, он согнулся, прижался лбом к моей руке и разрыдался.

– Мне так страшно... – хрипел он сквозь слёзы. – Так

больно... Так противно от самого себя... Так гадко... Так плохо...

На мгновения чары словно рассеялись, отпустили его, и он снова смог стать собой настоящим. Я увидел его другим – даже черты лица изменились. Хмурясь, он рыдал и кашлял, со всей силы сжав мою руку.

Это продолжалось больше минуты – непозволительная роскошь для гипнотизируемого. А потом он словно очнулся. Смахнул слёзы с глаз и уже своим обычным, весёлым голосом произнёс:

– А Стэн говорил, что тебе память тоже подчистили.

– Мне?! Вот это новость!.. – я следом за ним, будто по щелчку пальца, потерял интерес к сложному разговору и призадумался. – Хм... Да вроде бы нет. С чего это он взял?.. Я, по крайней мере, свою бывшую хорошо помню. Будь она неладна.

Штефан улыбнулся:

– Шли к чёрту свою бывшую. Мало ли, что было в прошлом. Как говорила моя матушка: «Вечному творению не к лицу томиться в плену у времени. Перестань думать о вчерашнем дне, и тебя больше не будет пугать завтрашний». И правда, какая разница, что там случилось в прошлом, если у нас в распоряжении есть только настоящее. Даже не вечность, нет! А только вот этот самый миг. И ничего кроме этого мига. Вам обоим давно пора начать жить. И не вчера. Не завтра. Не через неделю. Сейчас.

В этот момент к забору подъехала грузовая машина, оттуда вышли двое крепких мужичков в оранжевой форме и принялись носить стекло. Что ж, похоже, я опоздал. Наверное, Константин был расторопнее меня и уже договорился о ремонте оранжерей. А вот и он – лёгок на помине – идёт встречать рабочих.

Поблагодарив Штефана за откровенность, я оставил его, а сам уединился в своём любимом укромном месте, где меня вряд ли кто-то возьмётся искать – в домике на дереве. Сегодня там лежал флисовый плед с чёрными котиками – наверное, Влад притащил. И маленький набор дорожных шахмат с магнитными фигурами. Клетки были чёрно-красные, и фигуры, вместо белых, тоже алые как кровь. Эх, был бы мальчик здесь, мы бы сейчас сыграли с ним. Уж интереснее, чем играть с допотопной программой на рабочем компьютере. Но парнишка куда-то убежал, поэтому я просто некоторое время задумчиво крутил в руках красного ферзя, а потом и вовсе отставил шахматы в сторону.

Значит, мой друг детства – шахматист Стёпка – скорее всего, жив-здоров и работает в засекреченном, шестом отделе СКОК. Интересно. Возможно, если бы я смог его как-то найти, он бы пролил свет на всю эту таинственную историю, которая происходит между Смоленском и Москвой. Но как найти человека, который официально, в том числе и для всех своих родственников, мёртв?.. Задача не из лёгких. Ни Лина, ни её друзья-коллеги из Смоленска, взявшие Линкольна,

явно не имеют выходов на шестой отдел. Можно было бы, конечно, спросить у Каспера – уж он-то всё про всех знает. Но как? У нас всё-таки односторонняя связь: на почтовых конвертах нет обратного адреса, а электронные письма показательно приходят с почты для автоматических рассылок, начинающейся на «no-reply». Хм... А что если спросить про Стёпку у Константина? Идея интересная – вон как он мастерски рассказал всё про меня, даже дату моей смерти назвал. Только есть одна проблемка. Цепешу, чтобы учуять запах человека, нужна какая-то его вещь, а у меня ничего такого нет. Единственной вещью, которая так или иначе связана со Стёпкой, был Линкольн. Но что-то мне подсказывает, что они с Константином не поладили бы.

Разглядывая котиков на пледе, я призадумался. Или, всё-таки, найдётся что-то ещё?.. Я стал перебирать в памяти события из детства. Вспомнил, как мы встречались со Стёпкой каждый год в конце мая, когда я приезжал на каникулы, и с тех пор не могли уже друг от друга оторваться. Бегали на речку купаться, а в лес собирать ягоды. Играли вместе во всевозможные игры, каких только сюжетов не придумывали! Строили шалаши, домики из картона, копали окопы, возводили гоночные трассы для маленьких машинок. Он очень любил свои машинки, особенно красную металлическую «феррари», которую привёз ему папа из Германии – в точности такую же как в гонках на игровой приставке. Помню, я ещё долго просил его поменяться со мной, предлагал ему взамен

и «шевроле камаро», и «форд GT40», и прикольного жёлтого «жука». Но он всё никак не соглашался, а вот потом, на следующий год... хм... Может, я что-то путаю?.. Чтобы вспомнить, что было там, в далёких нулевых, мне пришлось порядком напрячь мозги. Может и правда какой-то таинственный гипнотизёр пытался поработать над моей памятью?

Даже если и так, у этого горе-телепата ничего не получилось. Я вспомнил. Стёпка и впрямь подарил мне ту машинку следующей весной. Да ещё и ничего не попросил взамен! Но к этому времени мой интерес к гонкам как-то утих, да и гоночная трасса во дворе моего дома зимовку не пережила, а новую строить нам стало лень. Так и пылилась эта некогда вожделенная красная «феррари» у бабушки в серванте.

Вскочив с места, я бросился к выходу из домика и, остывшись, чуть не слетел вниз, мимо лестницы. Удержался, повис на руках. Спрыгнул.

Поеду, проведаю, как там дела на даче. Давненько я там не был. Заодно и захвачу с собой эту красную машинку. Она, конечно, уже старенькая, и запахи, наверное, выветрились, но вдруг я недооцениваю чуткий нюх Цепеша?..

Увы, моя гениальная задумка провалилась с треском. Нет, до дачи я доехал без проблем. Уже через полтора часа был на месте и, не разуваясь, с порога бросился к старому бабушкиному серванту. Перерыл там всё, в том числе заглянул в каждую кружку и банку, однако искомого так и не нашёл.

Ни машинки, ни чего-то ещё, подаренного Стёпкой. Пусто. Но машинка была, точно. Вот здесь, на второй полке, в углу, остался от неё прямоугольный пыльный след.

В растерянности сев на стул, я вдруг вспомнил, что не так давно в этом серванте уже покопался кто-то кроме меня. А что если... Что если это был какой-то чокнутый коллекционер миниатюрных моделей авто, прознавший, что у меня есть раритетная немецкая «феррари»? Нет, бред. Я скорее поверил бы, что этот человек каким-то образом просчитал мои ходы на несколько километров вперёд и заранее спрогнозировал, что я решу искать Стёпку с помощью нюха Константина. Если так, то я впечатлён! Как мастерски у них там, в шестом отделе, всё спланировано! А может быть даже... конечно, это уже совсем отчаянная мысль, но может быть ведь и такое, что мастер спорта по шахматам Стёпа и таинственный Каспер – это одно и то же лицо? Уж больно они оба расчётливые. Да и, к тому же, один исчез, а второй появился в то же самое время...

Я ещё немного походил по дачному домику, заглядывая то туда, то сюда. Бесплезно. Если что-то здесь и было, то сейчас уже все следы начисто стёрты.

Выйдя во двор, я окинул взглядом пустующую собачью конуру. Крикнул хозяйку. Спросил, не осталось ли у неё чего-нибудь от внука. Но она только развела руками:

– Ой, Гришенька, да давно раздали уже всё! Вещи мёртвых лучше дома не хранить, а то ведь придут они однажды

за ними к нам! Что делать будем тогда?

– Понятно, – вздохнул я. – Кстати, а давно вы его тут видели в последний раз?

– Кого?

– Ну, помните вы говорили?.. про призрака.

– Ааа. Да давно, давно. Больше не видела с тех пор.

– С тех пор – это с каких?

– Дай бог памяти, Гришенька... Вроде бы как с мая не приходил больше. Слава богу, успокоился. Спасибо тебе, внучок, за пса-то! Успокоил душу его мятежную...

В этот момент в кармане у меня завибрировал телефон. Звонила Стелла. Извинившись перед бабкой, я попрощался с ней и сел в машину.

– Привет. Выспалась?

– Я тебя обыскала уже. Ты где? Зачем уехал? Тебе бы пару дней отлежаться!

– Всё хорошо уже. Я в порядке, не волнуйся. Скоро приеду.

– Как только Константин тебя отпустил!

– Действительно, любопытно. Наверное, он почуял, что я действую в его интересах. Но, увы для нас обоих – безуспешно.

– Ты в последнее время всё чаще и чаще говоришь загадками. Меня это пугает.

– Да я же не специально. Просто в последнее время всё так складывается, что загадок становится больше и больше.

– Я нашла у тебя в куртке жетон охотника.

Опа! У меня, кажется, аж волосы встали дыбом. То ли от возмущения, то ли от волнения:

– Ты рылась в моих вещах?!

– Прости. Просто всё это очень подозрительно. Ты вчера был сам не свой, и что-то меня подтолкнуло поискать твой паспорт. А там и жетон нашёлся, – её голос снова зазвучал металлическими нотками. – Значит, это правда?

– Что именно?

– Твой номер охотника настоящий? А паспорт поддельный?

– Стелла, что происходит? Что за странные вопросы? – я тоже стал говорить строже, словно защищаясь. – Может быть, мне лучше не приезжать? Или, наоборот, приехать, чтобы ты осуществила свою давнюю заветную мечту о мести? Если ты убьёшь меня, тебе полегчает?

– Я просто спрашиваю, – её тон чуть смягчился.

– Ну, хорошо, – я тоже слегка сменил гнев на милость. – Тогда позволь мне ещё раз представиться. Меня зовут Гриша. Гриша Волков. Паспорт мой. Фотка в нём моя. Возраст и пол тоже мои. Даже адрес регистрации совпадает с местом жительства. Да что я оправдываюсь! Спроси у Константина, пусть ещё раз расскажет, кто я такой! Если уж мне ты не веришь...

– Но как же...

– Я скоро приеду и расскажу тебе, откуда у меня твои

дневники и этот жетон охотника. Только, предупреждаю сразу, я не знаю, где искать Каспера. Знал бы – не катался бы сегодня сюда в поисках хоть каких-то зацепок. Ну, идёт?

– Я тебя жду.

Она отключилась, а я остался сидеть в недоумении. Чёрт возьми, надо было раньше ей про всё это рассказать! А теперь она нашла этот дурацкий кулон с номером Каспера, скорее всего уже рассказала про него остальным, поставила их на уши, и в замке меня сейчас ждёт «тёплый» приём. И ведь этот жетон даже Цепешу не удастся пронюхать, чтобы подтвердить, что его хозяин не я – потому что серебро выключает все сверхспособности вампира, а значит и нюх тоже. Это же надо было мне так глупо влипнуть!

А мы с ней, кажется, уже почти подружились, и вот, пожалуйста. Я снова всё испортил.

Глава 36. Рожки да ножки

«Ты идёшь по тонкому, очень тонкому канату. Балансируешь над пропастью. Или ты на острие серебряного кинжала? Не оступись.

Не надо искать меня. Пусть меня ищут другие. Не надо копаться в прошлом. Оно тебе не принадлежит. Вместе с тем, любое колебание не только бесполезно, но и опасно.

Сохрани равновесие, насколько это возможно».

Спасибо, Кэп! Как будто я и сам не понимаю, что попал в какую-то крайне нехорошую заварушку! Лучше сказал бы, что теперь делать. А не эти твои «не делай этого», «не делай того»... Я с раздражением удалил очередное электронное письмо.

Удивительно, но Стелла, кажется, не «сдала» меня остальным вампирам. По крайней мере, все они общались со мной как обычно, без каких-либо намёков и подозрений. И, оставшись с ней наедине вечером, я понял, почему она не стала этого делать.

Я отвёл её к домику на дереве, и теперь мы, поджав ноги, сидели тут уже вдвоём. Не зная, как начать тяжёлый разговор, я медлил. Молчал и мысленно подбирал слова. Она смотрела сначала на звёзды в окошке, потом на меня, потом на мои руки, нервно мявшие бордовый конверт. Не знаю, зачем, но в этот раз перед отъездом я забрал с собой её днев-

ники, а с ними и все письма Каспера. Оставлять их в Москве при том, что я уезжаю из дома так надолго, мне показалось небезопасным. Мало ли что. Поэтому я собрал их все в папку и закинул в бардачок машины. Вот уж точно: если хочешь что-то спрятать – положи это на самое видное место.

– Ты нервничаешь, – подметила тем временем Стелла.

– Немного.

– Не бойся. Я никому не расскажу.

– Этого я не боюсь.

– А что тогда?

– То, как ты ко мне относишься, – проговорил я, запинаясь, – мне не безразлично.

– Ах, ты об этом. Ну, хорошо, – теперь уже она как-то замущалась. – Тогда давай я начну первая. Я хотела сразу тебя поблагодарить, но как-то потерялась во всей этой суете...

– О чём ты?

– Ты вчера спас мне жизнь.

– Ерунда.

– Не знаю, как для тебя, Гриша, а для меня моя жизнь не ерунда.

– Да я не это имел в виду. Не жизнь твоя – ерунда, а моя помощь – ерунда. Тебя, если бы что-то пошло не так, оживил бы Штефан.

– Ты можешь просто помолчать? – слегка раздражённо перебила меня Стелла, а потом скромно улыбнулась. – Мне тоже иногда бывает сложно говорить. Особенно когда переби-

вают. Я всего лишь... всего лишь хотела сказать тебе за это маленькое «спасибо».

Она приблизилась ко мне, придержала мою скулу пальцами, прятаясь в бархатной перчатке, и поцеловала. По-настоящему. Без показного притворства – не чтобы отбиться от какого-нибудь там «хвоста», без чеснока – как было в первый раз, и даже не случайно, не по ошибке и не во сне.

Бордовый конверт выпал у меня из рук. Я обнял её и прижал к себе. Завязанные в тугий узел мысли сами собой развязались и уползли куда-то, оставив нас в звенящей тишине. Я всё забыл. Что я там хотел сказать? Признаться в чём-то важном?.. Разве может быть что-то важнее, чем то, что происходит между нами сейчас!

– Теперь я точно не смогу заговорить, – хмыкнул я, отпустив её сделать глоток воздуха. – Слышишь, у меня даже язык заплетается.

Мои пальцы скользнули с её плеча ниже – туда, где им явно не следовало бы быть, если мы планировали вернуться к серьёзному разговору. Стелла, улыбнувшись, мягко сняла мою руку и крепко сжала её в своей:

– У меня пока всё. Теперь твоя очередь.

– Понял, – улыбнувшись в ответ, я поднял бордовый конверт и раскрыл его. – Что ж. Возможно, пока ты будешь читать это, ко мне вернётся мой трезвый ум. Здесь первое письмо Каспера.

Этой ночью, валясь с ног от накопившейся усталости, я всё-таки уснул. Плюнул на все эти астральные переселения в животных. Лететь в СКОК совершенно не было сил. Следить за Вернером тоже. Будем считать, что теперь его очередь приходить в гости.

И лев-паук не заставил себя долго ждать. Сегодня он был как-то по-особому сердит: на морде застыл оскал, огромные клыки оголены, во всех восьми суженных зрачках горит злой огонь, с оттопыренного жала стекает яд. Видно, давно он ни в кого не втыкал эту штуковину...

В безграничном чёрном вакууме, где развешена его паутина, нет никаких ориентиров. Не за что зацепиться, негде скрыться, некуда бежать. И, кажется, здесь нет и времени тоже. Вернее, время стоит на месте. Будто бы я где-то между жизнью и смертью. Тотальная тьма и пустота. И только моё волнение рывками выходит из вен на обеих руках. Тянется красными нитями и вплетается в его канву. Чем сильнее я боюсь, тем чаще пульсируют мои нити, и тем быстрее покидает меня жизненная сила.

Лев смотрит на меня с пренебрежением, раздражённо и как-то будто бы по-человечески осуждая. Щурится, хмурится и свирепо перебирает лапами, выпуская длинные когти. Вот-вот набросится, если я как-то не заговорю ему зубы.

– Знаешь, – сглотнув страх, начинаю я. – Мне в целом нравится твой облик. Очень внушительно! Эти острые клыки, эти выразительные очи, эти длинные лапищи, это смертоносное жало...

Он замер и теперь смотрел на меня всеми четырьмя парами глаз. Очень внимательно.

– И всё же, мне кажется, – продолжал я, – что кое-чего не хватает. Для завершения образа. Одной небольшой детали. Знаешь, что это?

Лев склонил голову набок.

– Ветвистые рога! – ляпнул я, и тут же мне пришлось увернуться от размашистого удара когтистой лапы. Свирепо взревев, он снова замахнулся.

– Нет, я серьёзно! По-моему, будет очень эффектно! Подумай над этим! Ай, чёрт!

Он со всей дури снова ударил меня, растопырив когти. Порвал в клочья мою футболку спереди и, кажется, разодрал мышцы на груди. Больно немного, но терпимо. До сердца не добрался, до лёгких тоже, поэтому я успею ещё что-нибудь сказать.

– А ещё, мне кажется... ну, только без обид, окей? Котику пора сесть на диету. И начать заниматься спортом! Слишком уж он толстый!.. Аай!.. Слушай, а попробуй... попробуй перестать жрать души и перейти на сухой корм!

Его дикий рык сотряс паутину и, кажется, даже самую все-ленскую тьму. Он наотмашь вмазал мне по лицу, а потом

снова по груди, и я услышал, как под его когтями потрескались, будто тонкие палочки, мои рёбра. Наклонившись надо мной, он сцепил клыки на моей шее. Сейчас сломает и её – чтобы я больше не болтал лишнего – и моя песенка будет спета.

– Проснись, – раздался вдруг откуда-то сверху уверенный голос, и мы оба вздрогнули. – Проснись немедленно!

Мне хотелось добавить вдогонку ещё какую-нибудь гадость, но этого приказа я просто не мог послушаться. В ту же секунду красные нити лопнули. Я отлип от паутины, открыл глаза и вскочил на постели.

Надо мной, недовольно скрестив руки на груди, стоял Константин. Он больше ни слова не говорил, только слегка принюхивался.

Опустив взгляд вниз, я увидел, что моя белая футболка и впрямь была разодрана на груди в лохмотья и залита свежей кровью. Боли почти не было – странно – но кровь точно моя.

– Кошмар приснился... – пробормотал я, плаваясь под взглядом Константина.

– Угу, – коротко ответил тот.

В этот момент дверь в мою комнату распахнулась. Задыхаясь, влетела Стелла – в одной полупрозрачной ночнушке – и при виде Константина застыла на пороге как вкопанная. Только грудь продолжала подниматься и опускаться, когда она дышала.

Поравнявшись с ней, Цепеш окинул её взглядом с головы

до пят и обратно. Ничуть не смутился, даже не покраснел. Не то, что я – я-то, едва углядев её изгибы под полупрозрачной тканью, залился краской и поспешно поправил поднявшееся чуть ниже пояса одеяло.

– И тебе кошмар приснился, девочка?

Стелла ему не ответила. Пристыжено отвернулась, пряча глаза.

– Вы оба скоро доиграетесь, – бросил он, выходя из моей спальни.

Оставшись со мной наедине, она потерянно села на краешек моей кровати, по-прежнему не попытавшись хоть чем-то прикрыться. Я расценил это как зелёный свет и, запустив пальцы под бретели ночнушки, притянул Стеллу к себе, но тут же получил крепкую пощёчину, а следом и пинок локтем в ещё не до конца зажившую грудь.

– Как тебе не стыдно!

– Мне?! – задохнулся я от возмущения. – Мне должно быть стыдно?! Ты сидишь тут в полупрозрачном белье и...

– Я испугалась за тебя! Мне некогда было одеваться!

– Здорово, – буркнул я, повернувшись к ней спиной. Она прижалась ко мне сзади плечом:

– Константин прав. Мы что-то делаем не так. Даже не что-то. Всё не так. Ты ведь и сам это понимаешь.

– Что я должен понять?

– Например, что у нас нет будущего. Я замужем.

– Ты вдова, – услужливо напомнил я. – Прямо-таки «чёр-

ная вдова» – и яда в тебе, как и в этой паучихе, просто литры!

– Ах вот как!

– Может и хорошо, если у нас ничего не получится, – меня несло дальше. – А то ты, не дай бог, откусишь мне голову после первой ночи.

– О, какая же я идиотка! Зачем только я с тобой связалась!.. – она вскочила с кровати и, заворачиваясь в моё одеяло, прошипела. – Я тебе ничего не сделала, чтобы ты так со мной говорил!

– Да, почти ничего! Только убила меня десяточек раз! Существенная ерунда! Натравила этого дурного «кота»! А теперь ещё и бьёшь. Тоже, кстати, не впервые!.. Стелла, ну так нельзя же! – на этой моей фразе она выбежала в коридор. Я, наспех одевшись, вышел за ней и подобрал брошенное по пути одеяло. – Неприятно слышать правду, да? Выходи, я ещё не закончил!

На мой крик из комнаты высунулась заспанная Илона и томно хихикнула:

– Рыжик, ну, я всё понимаю. Трагедия – не дали закончить. Но орать-то так зачем. Семь утра. Я спать хочу.

– Стелла, выходи, – не обращая ни на кого внимания, я несколько раз громко постучал в её дверь. – Хватит прятаться! Ты же у нас бесстрашная!

– Волков, ты сдурел? – процедила врач сквозь зубы, приоткрыв дверь. Теперь она была уже в туго завязанном халате. – Прекрати орать! Всех перебудишь!

– Он уже, – зевнул высунувшийся Штефан. – Гриша, доброе утро тебе, конечно. Но какая муха тебя укусила так рано?

– Штефан, иди сюда, – мягко позвал Константин. – Не маленькие. Сами разберутся.

Голубоглазый тут же исчез, дверь в их спальню плотно закрылась. После небольшой паузы я снова напал на Стеллу:

– Ты надо мной издеваешься!

– Я? Издеваюсь?!

– Именно! – воскликнул я. – Знаешь, как это называется? Провокации! Ты и так со мной заигрываешь, и этак... и всё будто бы в шутку, ну да. Мне это, наверное, показалось. Выдумал. А потом ты целуешь меня. Да ещё и на следующее утро приходишь ко мне в кровать – полуголая... И что в итоге?!..

Илона присвистнула.

– А чё в итоге-то? – пробасил Ян.

– Стелла, так нельзя! – повторил я. – Я живой мужчина, и нервы у меня не железные!..

– Ну, знаешь ли! Я тебе ничего не должна! – в сердцах воскликнула она.

– Тогда не дразни меня!.. Ты даёшь конфетку и тут же забираешь!

– Братик, а взрослые дяди тоже любят конфетки?.. – вклинился разбуженный Влад.

– Гриша, я ничего не даю и не забираю, – огрызнулась Стелла. – Не забывайся. Я замужем, и если я кому-то и долж-

на, то это моему мужу.

Я чуть не задохнулся:

– Мужу, значит! Да ты... ты!.. А знаешь, что, – мой голос дрожал возмущением. – Я давно подозревал, что кто-то из нас троих тут лишний. И я даже догадываюсь, кто.

С этими словами я отвернулся от неё и побежал по коридору.

– Гриша, стой! – она выскочила из своей комнаты и пустилась за мной, но меня было уже не остановить. Я слетел по ступеням на один пролёт вниз. Схватил с крючков тяжеленный портрет Вернера, раздражённо воскликнул:

– Как же ты меня достал!

И с этими словами с облегчением опустил раму на острый пик лестничного парапета. Раздался треск ткани. От портрета алхимика, посаженного на кол, остались рожки да ножки.

Стелла, вскрикнув сверху так пронзительно, словно я только что при ней убил живого Эмиля, сбежала по лестнице и, с ужасом взглянув на остатки картины, опять набросилась на меня с кулаками. Она хотела ударить меня по лицу, но я перехватил её руку и крепко сжал.

– Ой, братиш, она же его сейчас прибьёт! – с напускной тревогой крикнула Константину Илона. – Угомони этих голубков, а?

– Спи, Илона, – прозвучало холодное ей в ответ из глубины спальни. – Оставь их.

Тем временем, Стелла, некоторое время поборовшись со

мной, вырвала свою руку из моей и снова кинулась к портрету Эмиля. Бережно сняла его с «кола», прижала к груди и, оседая на пол, разрыдалась.

Только тогда я очнулся. Всю злость сняло как рукой, мне стало стыдно и больно. Сев рядом с ней, я попытался положить руки ей на плечи:

– Стелла, ради бога, прости меня, пожалуйста... – но она оттолкнула меня и снова зашлась рыданиями. – Милая... позволь мне... я... Я дурак. Что я натворил. Прости, умоляю... Давай я заклею ему зад скотчем... ой, ну, то есть... заклею сзади холст – и будет как новенький!..

Она даже не отругала меня за оговорку, только отрицательно мотнула головой. Мои извинения тоже были ей до лампочки. Как, впрочем, и я сам. Захлёбываясь слезами, она вскочила и, всё так же прижимая к груди портрет Вернера, убежала к себе в комнату, закрывшись на несколько оборотов ключа.

Я же растерянно схватился за голову и принялся ходить кругами. Сначала я петлял по гостиной, потом бродил туда-сюда по коридору на втором этаже, рядом с её комнатой. Я просто не мог найти себе места. Изредка я скрёбся в её дверь и просил прощения как заведённый. Умолял открыть мне. Поговорить со мной. сетовал, что мне больно и страшно за неё. Но она никак не реагировала. Полный игнор. Как будто её там нет, как будто я говорю с пустой комнатой. И лишь по всхлипываниям, доносившимся с той стороны, я по-

нимал, что она всё ещё слышит меня.

Глава 37. Бессмертная любовь

Стелла вышла только к вечеру. Вся зарёванная, опухшая, с красными глазами. Делая вид, будто меня тут нет, она прошла мимо, спустилась на кухню, достала из холодильника несколько пакетов крови и залпом осушила их один за другим, даже не переливая содержимое в бокал, как обычно. Включила в раковине холодную воду, смыла слёзы и кровь.

– Прости меня, пожалуйста! Прости меня, – твердил я одно и то же. – Я очень сильно, жутко, непозволительно ошибся. Прости. Я был не прав.

– А что если ты был прав, Гриша? – сквозь заложенный нос проговорила она неожиданно. – Я думаю, ты прав. И именно поэтому мне так больно.

Что ж, а это ведь тоже интересная версия. Может быть, ей и правда надо было признать случившееся и принять, наконец, реальность, такую, какая она есть. Ушёл или умер – какая разница. Нужно прорыдаться как следует – и если не над его бездыханным телом, то хотя бы над его портретом – чтобы освободиться от горя. В конце концов, сколько можно носить его внутри?..

Она повернулась ко мне, пряча глаза. Но всё же я заметил, что сейчас даже лицо её изменилось и ожило, сошла какая-то холодная, стервозная маска, глаза заблестели, а щёки порозовели.

– Гриша, прости, мне сейчас нужно время. Я должна побыть одной. Я не злюсь. Просто так надо. Волна должна схлынуть.

– Конечно. Я понимаю. Но... если вдруг что... просто знай, что я всегда рядом. И мне плохо и грустно вместе с тобой.

– Я знаю, Гриша, знаю. Спасибо, – она поравнялась со мной и сжала ненадолго мою руку. Потом поднялась и снова ушла в свою комнату. А вместе с ней и я – скрылся в своей берлоге, за весь день так ничего и не съев.

У меня было стойкое ощущение, что своим утренним выступлением я задел какую-то тонкую, невидимую леску, которая, завибрировав в воздухе, коснулась не только Стеллы, но и всех остальных обитателей дома. Похоже, что я, будучи единственным среди них, кто помнит, каково это – быть живым, смог как-то затронуть их замороженные чувства. Расшевелить эти ничего не выражающие лица, застывшие в неподвижной гримасе, как надгробные изваяния.

Я не знал, чем это грозит, но что-то подсказывало мне, что скучно теперь не будет. Для своей же сохранности я решил уже сейчас, прямо с воскресенья, взяться за работу. И, желательно, уйти туда по уши – чтобы максимально дистанцироваться от происходящего вокруг. Тем более, что заняться действительно было чем.

Удалённый доступ к крутившейся на московском сервере

виртуальной машине, на которой мне предстояло работать, был обустроен с такими мерами предосторожности, что просто залогиниться и взять её под своё управление было почти также сложно, как если бы я пытался её взломать. Справившись, наконец, с настройками безопасности, я первым делом посмотрел логи многочисленных хакерских утилит, послушно и методично штурмовавших в моё отсутствие Смоленск. К сожалению, порадовать они меня ничем не смогли – «вражеская» база по-прежнему нигде не демонстрировала уязвимых мест. Моё почтение тамошним техножрецам! Ладно, рано опускать руки, пусть мои виртуальные помощники ещё немного потрудятся. Я поменял кое-что в их настройках, подключил несколько дополнительных инструментов, усилив свой наступательный арсенал, и переключился на другую задачу.

По-настоящему волновало меня сейчас вот что: скопировать и забрать с собой из московского офиса у меня получилось только образ электронного ключа, сама же база охотников была теперь доступна только по удаленному каналу, мучительно неудобному в использовании – страшно медленно и зашифрованному-перешифрованному. Который, к тому же, в любой момент могут отключить, охвати моих работодателей очередной приступ касперофобии или ещё какой-нибудь паники. Поэтому первая задача, которую я себе поставил, заключалась в копировании базы на локальное хранилище. Данные незаметным тоненьким ручейком полились ко

мне на жёсткий диск, но осушить находящийся на той стороне океан таким образом было практически невозможно. Я принялся искать способы установить несколько одновременных подключений, чтобы обойти ограничения и потихонечку выкачать заветную базу всю целиком.

На это колдовство у меня ушло почти три дня. Наконец я, вышел, кажется, на предельно возможную скорость, но даже на ней копирование шло не так быстро, как хотелось бы. Впрочем, тут уже от меня ничего не зависело и я, не желая сбавлять темпы, снова вернулся к задаче получения данных из Смоленска. Там, где не справляются боты, да восторжествует человеческий разум! Скрывшись за ноутбуком, я принялся за дело с удвоенным рвением. На моем экране было открыто множество окон, команды выполнялись одна за другой, строчки кода и отчеты о результатах его выполнения лились по экрану бесконечным цифровым дождём. Увы, пока это была только иллюзия деятельности. Несмотря на все мои ухищрения, затекшую спину, красные глаза и скрюченные пальцы, защита смоленского сервера по-прежнему стояла, как стальной монолит – нерушимая и неприступная.

К концу следующей недели я растерял последние остатки энтузиазма и решил выйти из комнаты, чтобы посмотреть, что происходит в мире. А происходило примерно следующее.

Ян с Илоной всё чаще ссорились. Блондинка купила себе несколько новых, крайне откровенных платьев и ушла в кон-

кретный загул – дома появлялась под утро, чтобы отоспаться, позавтракать, в то время, когда уже пора было обедать. Потом она в очередной раз ругалась с мужем и снова куда-то уезжала. Её духи стали ещё слаще, ногти – длиннее, ресницы – гуще, а губы по толщине уже приближались к рыбьим. Накачай ей косметолог их ещё чуть сильнее, они бы, наверное, лопнули.

Оставаясь один, Ян не находил себе места. Сначала просто слонялся без дела по дому, потом шёл на третий этаж, где, как выяснилось, у него была оборудованная всем необходимым качалка – и долго тягал там железо. Потом пил свой коктейль, сидя перед телевизором. Несколько раз у него случались эти сердечные приступы – прямо как писала в своём дневнике Стелла. Он весь напрягался, начинал шумно втягивать ртом воздух, потом синел, хватался за грудь и в итоге сползал на пол, закатив глаза. Через несколько секунд вставал и, пожав плечами, продолжал делать то, чем занимался. Только руки едва заметно подрагивали.

Что-то странное делалось и со Штефаном. Он был сам не свой. Парнишка больше не улыбался, а только хмурился, и голос его звучал невесело. Однажды он и вовсе ушёл куда-то под вечер и не вернулся домой ночевать. Константин ничего не сказал ему и вообще вёл себя как-то подозрительно спокойно и безразлично к происходящему. К счастью, Цепешу было чем заняться – его всё чаще отвлекал Влад, который вдруг как сорвался с цепи и начал всеми силами перетяги-

вать внимание брата. Он то грубил и спорил, то убегал, то терял свои вещи и игрушки, то терялся сам, а в другие дни, наоборот, не давал Константину прохода, бомбардируя его пулемётными очередями из ста дурацких вопросов в секунду. Один раз, превратившись в кошку, разодрал морды всем соседским собакам. На следующее утро плавал крокодилом в местном озере, разгоняя купавшихся – благодаря чему даже попал в новостной сюжет. Потом к нему пришла идея прогуляться в виде саблезубого тигра в смоленском зоопарке, где доисторический зверь собрал множество восхищённых возгласов от детей и такое же количество мата из уст взрослых. Как апогей, приняв облик годзиллы, до полусмерти напугал и без того многострадальных охранников. После чего Константин заколотил его в дедушкин осиновый гроб, но той же ночью крышка была проломлена, и мальчишка опять куда-то смылся.

Стелла взяла отпуск и не поехала в Москву на работу. Чаще она просто лежала в своей комнате, ни с кем не общаясь. Свет там был всегда погашен, дверь закрыта на ключ, а окна плотно зашторены – я даже не мог астрально подсмотреть, чем она там занималась в одиночестве. Может быть, снова плакала? Или просто лежала, уткнувшись лицом в подушку?.. Или целовала разодранный портрет Эмиля?

Вернер, кстати, тоже был сам не свой. Он перестал ездить к Лине, и даже не подходил к телефону, когда она по ночам звонила ему. Следить за собой он тоже прекратил. Давно уже

не мылся, не причёсывался и вообще не приводил себя в порядок. А когда ему в понедельник доложили об очередном провалившемся рейде на Цепеша, он долго ругался и винил в этом, ну разумеется, меня – засланного программиста – но к его словам, особенно брошенным во время очередной истерики, никто уже не прислушивался. Охотники только крутили пальцем у виска, а сами, тем временем, прочёсывали каждый миллиметр своей базы, пытаясь найти там Каспера. Увы и ах, Каспер не находился, из-за чего всеобщее напряжение только росло.

Короче, всем нашлось, чем заняться, и только я большую часть времени был захвачен непродуктивным хакерством да праздным бездельем, изредка прерывающимся на романтические мысли и откровенные фантазии. Во время одного из таких эпизодов, когда я томился мечтами о светлом будущем, мне вдруг нестерпимо захотелось вот прямо сейчас – посреди ночи – подарить Стелле цветов.

Но, вот незадача, васильки уже отцвели, а до ближайшего цветочного магазина ехать чёрт знает сколько, и то не факт, что он работает круглосуточно. Недвусмысленно глядя на оранжереи, я долгое время отговаривал себя.

Нет, Гриша, ты ведь не собираешься заниматься вандализмом? Так нельзя! Штефан столько сил и времени тратит на то, чтобы поддерживать розы здоровыми и свежими, а ты вот так вот прямо возьмёшь и найдёшь в себе наглость их сорвать?! И тут же я поспорил сам с собой: во-первых, не

сорвать, а аккуратненько срезать, а во-вторых, роз тут так много, что если я незаметно возьму одну, то голубоглазый даже не заметит.

Теперь я, стоя на дороге между двумя оранжереями, мучился уже другим, не менее сложным вопросом. Белая или красная?.. Хм, с одной стороны, конечно, она должна быть красная. Как кипящая лава. Как огонь. Как кровь, приливающая к моему лицу, когда меня посещают бесстыжие, слишком откровенные мысли. Но, с другой стороны, не перебор ли это? Для страсти-то пока явно не время. А вот белый цвет – в знак извинения – смотрится вполне себе невинно и ненавязчиво.

До этого момента я никогда раньше не заходил в оранжерею с белыми розами. Как-то так получилось, что меня всегда больше привлекали красные, и именно туда я навещался, чтобы восстановить душевное спокойствие. Я даже подумал однажды, что красные розы символизируют людей, а белые – мертвецки бледных вампиров. К последним меня совсем не тянуло, но сегодня мне предстояло войти именно в их царство.

В первый момент, едва зажглась лампа над входом, я решил, что каким-то образом ошибся. В глаза мне бросился красный цвет. Слишком уж его тут было много. Ох, как бы я хотел, чтобы это было просто ошибкой, эпизодом моего топографического кретинизма. Но нет. Это оранжерея с белыми розами, в которой произошло что-то нехорошее.

Штефан неподвижно лежал на полу в дальнем углу стеклянного зала. Он был без сознания, а его лицо – таким же белым как лепестки цветов. Горло перерезано у кадыка, пышный ворот белой рубашки весь окрасился в алый. Каменная плитка вокруг него буквально утопала в крови. Крови очень много! Она текла вдоль дороги по всей оранжерее и собиралась в большую лужу у входа, на которую я по неосторожности наступил. Приглядевшись, я заметил рядом с юношей серебряный кинжал и оледенел от ужаса.

– Штефан!.. – бросившись к нему, я подхватил его безвольно лежавшую на земле руку. На бледной коже атели длинные глубокие порезы – от самого локтя до запястья. – Штефан, ты меня слышишь?

Он не отзывался, но я положил ладонь ему на кристалл и почувствовал, как поднимается и опускается его грудная клетка. Дышит. Просто очень медленно. Вдох. Потом целая вечность – и слабый выдох.

Тут что-то у меня внутри взорвалось, и я принялся звать на помощь. Я так истошно орал, что в оранжерее дрожали стёкла. Вскоре сюда ворвался сначала Ян, потом Илона, за ней следом Стелла и, наконец, Константин.

Кто-то выругался матом, кто-то завизжал, кто-то ахнул, застыв на пороге. И только Константин не проронил ни звука. Он молча подошёл к Штефану, такой спокойный, будто бы ничего страшного не произошло. Встав на колени, прямо посреди багровой лужи, поднял, так же как и я минуту назад,

его руку. Склонился к ней и облизал окровавленные пальцы – неспешно, один за другим, причмокивая и постанывая от удовольствия. Провёл языком по его венам – от запястья до локтя. Сначала на правой руке, потом на левой. Закрыв глаза, прерывисто дыша. На несколько мгновений замер неподвижно. Потом положил ладонь юноше на лоб, приблизился испачканными губами к его уху и прошептал одно-единственное, едва различимое слово, терпкое как яд:

– Живи.

Веки Штефана задрожали, а следом за ними и посиневшие сухие губы.

– Н... н... нн... Нет! – слетело с них наконец.

– Да, милый, – каким-то пленяющим, обволакивающим, дурманящим голосом проговорил Константин.

– Отпусти меня... – тихий стон.

– Дыши.

Грудная клетка юноши, до этого момента почти недвижимая, начала активно подниматься вверх-вниз, так часто, будто бы он плакал. Но слёз не было.

– Хорошо. Очень хорошо. Вот, умница.

– Ты...

– Поговорим позже. Стелла... – Константин обернулся к Вернер, стоящей в дверном проёме, – ты сейчас обработаешь ему раны и наложишь повязки. И ещё нужна кровь.

– Сколько? – хрипло спросила та.

– Много. Всё, что у нас есть. И завтра ещё литров трид-

цать. Я хочу, чтобы он полностью восстановился за сутки.

– Поняла. Достану.

– Илона, а ты, будь так добра, приберись здесь, вымой пол и протри стёкла.

– Я вам не уборщица! – возмущённо пискнула блондинка, но в следующую секунду эмоции сошли с её лица, и она монотонно пробубнила. – Да, хорошо. Пойду за ведром и шваброй...

В этот момент Штефан приоткрыл глаза и сразу же посмотрел на меня. Его взгляд горел беспомощной ненавистью:

– Дурак... – хрипло процедил он через плотно сжатые зубы, – зачем ты его позвал...

Я вздрогнул. Мой кристалл заморгал, быстро-быстро задёргался где-то в горле. Вот такая она, бессмертная любовь, в честь которой слагают поэмы – жестокая и беспощадная, которая сначала zalюбит до смерти, но даже и тогда не отпустит, а вернёт с того света, чтобы добавить ещё.

– Ян, – тем временем Константин, как ни в чём не бывало, продолжал раздавать указания, – отнеси Штефана в его комнату и переодень.

Кивнув, Ян, будто зомби, подхватил юношу на руки и вышел с ним из оранжереи.

– Гриша...

– Меня не надо, я сам, – поспешно выпалил я.

Губы Константина едва заметно улыбнулись:

– Возьми серебряный кинжал, вытри его как следует и

убери в сейф в моём кабинете. Пароль ты знаешь.

– Не знаю, – я попытался поспорить. – Я даже ни разу...

– Знаешь, – бархатным голосом перебил Константин.

Я осёкся. А ведь и правда, знаю. Не знаю, откуда, но, чёрт возьми, знаю.

Чувствуя, как подрагивают мои наполовину опущенные веки, я сцепил пальцы на холодной рукоятке ножа.

– И главное, Гриша. Не надо так сильно нервничать. Успокойся. Это просто несчастный случай. Просто. Несчастный. Случай.

Мой кристалл, ещё секунду назад готовившийся вырваться из груди, успокоился и из горла ухнул вниз, туда, где ему и положено быть. Пару секунд он совсем не горел, потом вновь начал мерцать своим обычным ровным светом. Внутри стало совершенно спокойно и тихо, как ясной лунной ночью. Где-то вдали от суеты. Будто бы на кладбище.

Пока я ходил туда-сюда на третий этаж, в кабинет Константина, тщательно протирал специальной махровой тряпочкой серебряный кинжал и прятал его в сейф – прошло, наверное, полчаса. Я был каким-то заторможенным, как после убойной дозировки успокоительного. Надо ли говорить, что о своём романтическом настроении и о том, зачем сунулся в оранжерею, я к тому времени позабыл напрочь?.. Какие уж теперь розы. Я, наверное, ещё долго не смогу на них смотреть.

Когда я спустился вниз, Стелла, одетая в строгий костюм,

уже садилась в такси. Подбежав к ней, я схватился за ручку её чемодана:

– Подожди! Ты куда?

– В Москву. В больницу.

– Давай я сам отвезу тебя!

– Не нужно, я справлюсь.

– А как же Штефан?

– Ему уже лучше, он отдыхает. Всё будет хорошо. Не переживай.

– За него я не переживаю, а вот за тебя – да.

Она улыбнулась, но улыбка была какой-то дежурной, будто из вежливости:

– Ложись спать. К обеду я вернусь.

У меня внутри что-то неприятно натянулось. Когда же я успел так прикипеть к ней, к этим нашим совместным поездкам в Москву и обратно, что сейчас мне так сложно отпустить её одну?..

Проводив глазами такси, я немного постоял у ворот. Что ж. Не буду изображать из себя Хатико и ждать её здесь. Пойду-ка лучше ещё поработаю. К тому же, Михаил просил к пятнице написать ему подробный отчёт о том, чем я занимался за эту неделю. Ну конечно, сначала сами выгнали на удалёнку, а теперь, видите ли, переживают. Наверное, считают, что стоит работнику покинуть офис, как он тут же начинает заниматься всякими непотребствами вместо того, чтобы трудиться. В общем, теперь мне предстоит время от вре-

мени придумывать кучу неизвестных Михаилу слов и устрашающих нагромождений из терминов, чтобы усыпить его бдительность. Я ведь тут действительно пашу в поте лица, а не валяю дурака и уж, тем более, не шпионю.

Глава 38. Ударить по всем фронтам

Хотя Константин и старался не показывать вида, что встревожился случившимся, его поведение говорило само за себя. Собранный, осознанный и гордый Цепеш теперь ходил по замку, потерянно опустив голову, говорил мало и отвечал на вопросы как-то невпопад, будто бы вообще не понимал, что от него хотят. Погружённый в свои мысли, он словно потерял интерес ко всему происходящему. И даже Штефан, что удивительно, не мог отвлечь его от дум.

Признаюсь честно, я ещё пару раз следил за ними ночью – подглядывал через окно их спальни, будучи то птичкой, то мотыльком, то жучком. Я больше не хотел давать Штефана в обиду и, пойдя что не так, обязательно за него заступился бы. Но, к счастью, ничего криминального там больше не происходило. Ни эпизодов гипноза, ни чего-то ещё, чему следовало бы помешать. Однажды даже сам Штефан не выдержал. Раздетый по пояс, он подсел к Константину и заботливо помассировал ему плечи, но в ответ получил только холодный взгляд, и больше ничего.

– Стэн, что случилось? – спросил тогда юноша удивлённо. – Я тебя не узнаю. Ты... ты больше не хочешь?..

Константин внимательно посмотрел ему в лицо. Потом окинул взглядом его обнажённые плечи, грудь, напряжённый пресс. Ничего не ответил, только отвернулся, и сел спиной

к нему.

– Спи, Стефан, – проговорил спустя минуту, не оборачиваясь. – Спи...

В этот момент я вдруг понял, что в противостоянии с Каспером Константин вот-вот сдаст позиции. Слишком уж не вовремя всё это случилось. Его ум сейчас захвачен личными переживаниями и не может высчитывать ходы также искрометно, как таинственный гроссмейстер, с которым он затеял игру. Как там писал мне главный охотник в своём письме... «Выигрывает тот, чьё сердце не знает любви. Для победы нужно хладнокровие».

А может быть даже, Цепеш потерял не только своё хладнокровие, но ещё и само стремление к выигрышу...

Следующей ночью Константин заперся в своём кабинете на третьем этаже. Молча ходил вдоль длинного шкафа с книгами, будто выбирая, что почитать. Но так ничего и не выбрал.

Лампа на столе была погашена, и комната утопала в темноте. Некоторое время он стоял в глубине кабинета, потом вдруг вышел из сумрака – в полоску лунного света – и встал у раскрытого окна. Его лицо было мокрым от слёз.

Маленькая летучая мышка, свисающая вниз головой с крыши, от удивления даже раскрыла ротик. Вот это да! Цепеш, оказывается, тоже умеет плакать!

– Всё же придётся тебя убить, – сказал он холодно, глядя прямо на меня. Говорил он строго, как и всегда, и я не сразу

понял, серьёзно он это задумал или шутит.

Проглотив поднимающийся к горлу страх, я мысленно возмутился. За что это, интересно, он собрался меня убивать?! Я же ещё ничего не сделал и уж тем более не сказал! Говорить-то я сейчас вообще не умею.

– За бессчётные сотни лет моей жизни никто... только вслушайся, Гриша... Никто!.. не видел меня в таком состоянии, – произнёс он тихо и опустил голову. – А говорить ничего не надо. Я и так всё чувю.

Блин! Значит, он не только в два счёта безошибочно разоблачил меня в чужом теле, так ещё и мысли мои читать умеет! Удивительно – его нюх всё такой же острый. Даже несмотря на то, что нос заложен.

Он снова посмотрел на меня и прожёл моё тельце насквозь чёрными угольками своих зрачков:

– Гриша, ты всё же безнадёжный, прямо-таки отпетый, храбрец. Любого другого на твоём месте сейчас бы уже сдуло отсюда. А ты висишь тут, продолжаешь смотреть на меня, сочиняешь эти неуместные комплименты и совсем не боишься...

Не то чтобы совсем не боюсь. Справедливости ради, надо признать, что боюсь. Ещё как. Но вместе с тем, мне казалось, что именно сейчас он не развеет меня по ветру, потому что... Потому что ему нужен кто-то рядом.

Он сел за стол, не сводя с меня глаз, а я продолжил висеть напротив, вцепившись в карниз замёрзшими лапками. Так

мы и смотрели друг на друга до самого утра. И хотя внешне мы молчали, внутри наши души безмолвно общались. Он говорил со мной без слов, а я внимал его шелестящим мыслям – невыносимо горьким, пропитанным отчаяньем, будто дикой полынью...

* * *

Выходные выдались скучными у всех, кроме Илоны. Едва протрезвев от пьянки, на которой она была в пятницу ночью, блондинка умотала в торговый центр за покупками. Опять набрала много какого-то эротического шмотья и три пары туфель на платформе с очень высоким каблуком. Где она их только находит такие – не иначе как в отделе инвентаря для стриптизёрш. Среди мелких покупок было несколько пилочек для ногтей и пузырьков с кислотным неоновым лаком – едко-салатовым, жёлтым, оранжевым и синим – а ещё какая-то подозрительная коробка, которая мне сразу не понравилась.

– Представляешь, Рыжик, я наконец-то нашла себе шикарную лампу для шеллаков! И не ультрафиолетовую, а светодиодную! Теперь не надо будет так часто обновлять маникюр, ну круто же, а?..

Если я ещё мог бы смириться с вонью от лаков, то лампа, пусть даже и не ультрафиолетовая – это, по-моему, уже перебор.

Барби, не замечая моей скептической мины, с нетерпением

ем распаковала чудо техники, включила штекер в розетку и, разложив перед собой маникюрные инструменты, принялась пилить ногти прямо за обеденным столом со словами:

– Мне уже не терпится её проверить!

Как по мне, так эта гадкая лампа ничуть не уступала по яркости «фиалке» и била по глазам достаточно сильно, чтобы её возненавидеть, но блондинка, похоже, считала, что красота в данном случае требует жертв, и самозабвенно сушила под ней один палец за другим, пока я играл в гостиной с Владом. И хотя мы и старались не смотреть в сторону Илоны, у нас обоих всё равно покраснели веки от раздражающего света.

Эта попытка продолжалась, пока к нам не спустился Ян. Проходя мимо, он поправил на плече спортивный рюкзак, потом наклонился и решительно выдернул лампу из розетки. Я тут же радостно выдохнул. Ну слава богу! Кто-то должен был это прекратить!

– Илона, нам надо поговорить, – сказал качок строго. Я обратил внимание, что сейчас он был каким-то другим, и даже выражался по-другому. И, да, он сказал именно «поговорить», а не «побазарить» или «перетереть».

– Прямо сейчас? – капризно надула губки Барби. – Давай позже, сладкий. Я немножко опаздываю. Мне скоро уезжать, а нужно ещё доделать вторую руку, и потом я хотела...

– Да, прямо сейчас, – перебил он. Его голос был на удивление твёрдым. – Я тоже спешу. Или сейчас, или никогда.

– А что случилось? – ожидая ответа на этот вопрос, Илона даже опустила кисточку обратно во флакон с лаком.

– Мы расстаёмся.

– Что-о?!

– Ты не ослышалась. Я устал.

– От чего это ты устал, интересно?

– Не хочу больше пытаться соответствовать твоим идеалам.

– Какой бред! – взвизгнула блондинка. – Да ты никогда им и не соответствовал!

– Именно. И никто не сможет им соответствовать!.. Но даже это не так важно. Важнее всего то, что мне надоело терпеть эти гадкие измены. Я, может быть, не крут в постели, но я не глухой. И у меня тоже есть чувства. Я, как и все, хочу любить и быть любимым!.. Короче, я тут подумал и решил, что мне нужна нормальная баба, – добавил он, сплюнув.

– Вот этого я от тебя никак не ожидала! Нет, ну при чём тут вообще постель, Ян?! Я тебя, конечно, люблю, но, сам посуди, разве можно вечно хранить верность? Рано или поздно это надоедает даже людям, а нам-то тем более – ведь мы бессмертны!

– Нет, мы не бессмертны. Мы не бессмертны, Илона. Ты убила меня уже миллион раз.

Она не нашлась, что ответить, и мы с Владом выдохнули с облегчением. От её пронзительного громкого голоса звенели не только хрустальные подвесы на люстре, но и барабанные

перепонки в ушах.

– Я улетаю, – подвёл итог Ян. – Решил вернуться в Польшу, на родину матери.

Снова поправив на плече рюкзак, в который поместилось бы только самое важное из того, что он пожелал взять с собой в новую жизнь, Ян поднял мне руку в знак прощания, а потом без промедления покинул дом. Снаружи у ворот его, оказывается, уже ждало такси. Даже не оглянувшись, он сел на заднее сиденье и отвернулся к противоположному окну. Хлопнула дверца, и автомобиль, взревев мотором, поспешно скрылся из вида.

Илона вскочила из-за стола. Посмотрела на кухонный шкаф, растерянно окинула взглядом бесхозно оставленные банки со спортивным питанием и вдруг истошно взвыла, оседая на пол в рыданиях.

Ну только этого не хватало! Эй, доблестные вампиры, что с вами происходит? Вы все сговорились что ли?!

В этот момент мне стало реально не по себе. Я прикинул, что если бы сейчас нагрянул очередной рейд на Цепеша, то мы бы точно не смогли дать им достойный отпор.

Последующие дни Илона ревела, закрывшись в своей спальне, и слёзы смывали с неё всё искусственное. Сначала они смыли макияж, делающий лицо кукольным. Отпали, не выдержав наводнения, крылья накладных ресниц, голубые линзы сохлись на столике у кровати. Рассыпались по полу все дорогие украшения и пирсинг, сорванный в истерике.

Пухлые губы сдулись, тщетно требуя добавки ботокса, а крашенные волосы, стремительно отрастая, теперь позволяли по корням угадать её натуральный цвет – тёмно-русый, как и у большинства румынок.

Когда она к концу следующей недели вышла из комнаты, я поначалу с трудом узнал её – да и то только кислотный шеллак, который ещё не стёрся, подсказал мне, что это всё-таки Илона, а не её младшая сестра. Уж очень сильно она изменилась. Конечно, здесь не обошлось без влияния кристалла – видимо, это он так быстро восстановил её реальную внешность, стоило ей перестать ему в этом мешать. Но всё же, было и что-то ещё, невидимое глазу, что делало её другой. Что-то раскрылось у неё внутри. Она ожила.

Стелла, глядя на эти метаморфозы вместе со мной, только удивлённо пожимала плечами в ответ на мои немые вопросы. Мы не знали, что делать, но негласно решили, что происходит некий катарсис – очищение через страдание – поэтому вмешиваться не стали.

– Знаешь, – сказала мне Стелла однажды. – Я иногда думаю, насколько же Константин был прав, когда не хотел принимать тебя в свой дом. Он, разумеется, уже тогда пронюхал, чем это закончится. Увидел, что ты ворвёшься как ураган и разворотись здесь всё. Перевернёшь с ног на голову.

– Ну, – я только развёл руками, – может это и к лучшему. Вот мама Штефана, например, поговаривала, что бессмертное творение должно уметь отрезать от себя привязки к про-

шлому. Иначе в бессмертии нет никакого смысла. Привязываясь к тому, что уже отжило своё, вы как будто и сами умираете, только не телом, а душой. Зрелище это, я тебе скажу, так себе. Поэтому – выше нос! Долой зависимость и служение вчерашнему дню. Если уж и жить вечно, то надо идти вперёд и только вперёд! Разве не так?

– Может быть, – она аккуратно улыбнулась.

– Выходи за меня! – выпалил я.

– Что?! С чего это вдруг?

– Просто хочу, чтобы у тебя, наконец, был нормальный жених.

– А не льстишь ли ты себе? – прищурившись, она иронично склонила голову набок.

– Наверное, но мне позволительно. Я влюблён. Так что скажешь?

Рассмеявшись, Стелла только легонько толкнула меня в плечо.

– Ну конечно нет!

– Почему? – надулся я.

– Не обижайся. Просто я ведь тоже хочу, чтобы у тебя была нормальная невеста. Поэтому – нет.

Я думал с ней поспорить и даже, может быть, польстить теперь уже в её адрес, но в этот момент у меня в кармане завибрировал телефон. Я взглянул на экран: пришло письмо от Каспера. Как же не вовремя. Да ещё и такое длинное!

– Прости, мне сейчас нужно срочно отойти. Тут пишут по

работе... Так что, – я посмотрел на неё с ухмылкой, – у тебя будет время, чтобы ещё раз как следует подумать над моим предложением.

– Это у тебя будет время, – хмыкнула она в ответ. – Чтобы одуматься.

* * *

«Ты ещё не утомился от этой бесполезной возни в нашей базе данных? Даже если нет, спешу тебя предупредить – в Москве уже устали ждать. Они готовят для тебя сюрприз и незамедлительно преподнесут его в случае, если на этой неделе ты не сдашь проект. Не будем тянуть. Лучшая защита – это нападение.

Я знаю, ты хороший программист, но, как бы ты ни старался, это задание тебе не выполнить. Не расстраивайся. Дело не в тебе. Просто силы неравны. Ежедневно и круглосуточно в нашем пятом отделе трудится целая группа программистов, чтобы отражать твои атаки. Более того, Смоленск меняет все пароли, ключи шифрования и пользовательские коды доступа каждый день – в полночь. Так что, будь уверен, если я этого не захочу, ни капля важной информации не просочится в Москву. Не для этого мы столько десятков лет охотились на сильнейших вампиров, жертвуя собой, чтобы потом кучка меркантильных умников вдруг украла наши разработки и продала бы их врагу. Это было бы не только низко

с их стороны, но и опасно. Мы не можем так рисковать нашей репутацией и невинными людьми, которые пострадают в результате этой игры с огнём. Или я не прав?

Пока они официально не пойманы с поличным, это всё только гипотеза. Необходимо более тщательное расследование, чтобы подтвердить её или опровергнуть. Впрочем, совсем скоро ты расскажешь нам, как всё на самом деле устроено у наших коллег в Москве, и мы сможем составить план дальнейших действий.

Я вполне отдаю себе отчёт в том, что сейчас идти войной на московский СКОК бесперспективно. Проигрыш неминуем, слишком силён их «ферзь». Это всё нужно остановить, но я не могу так рисковать своими ребятами.

Вместе с тем, и ждать дольше нельзя, проект с вакциной выходит на финальную стадию, а вскоре и сам «вирус» будет доставлен в Москву из китайской лаборатории. Что будет дальше – одному богу известно, особенно если учесть, что люди давно потеряли контроль над проектом, передав его в руки вампира.

Когда я поймал его, мне даже и в голову не пришло, что он настолько легко обведёт нас всех вокруг пальца. А ведь он так и сказал мне сразу: «Ты совершаешь огромную ошибку. Мою силу нельзя верить людям. Человек слишком слаб, чтобы вместить её в себя и при этом уцелеть. Она всё здесь разрушит, и СКОК, как змей, пожирающий собственный хвост, уничтожит сам себя. Но, если хочешь, я пойду

с тобой. Я позволю тебе развалить СКОК, а может быть и всю вашу страну». Я подумал тогда, что это просто злой яд, пролившийся с уст пойманного в ловушку вампира – испуганного и отчаявшегося. Но нет. Он не боялся. Не блефовал. Он говорил правду.

Сейчас мы уже не справимся в одиночку. Разложение зашло слишком далеко. В Москве почти вдвое больше сотрудников, чем в Смоленске. У нас только самые преданные, и они – лишь люди. Нет, этого ничтожно мало для победы. Нам нужно, чтобы на нашу сторону встал кто-то не менее влиятельный. В этом вопросе я рассчитываю на твои новые связи.

Мне нравится то, что ты делаешь со Стеллой. Войдя к ней в доверие, ты дал ей надежду, которой ей так не хватало, а у «ферзя», наоборот, отнял. Так и должно быть. Его нужно ослабить изнутри. Это именно тот случай, когда нужно ударить по всем фронтам. Разрушить все фланги врага. Лишить его прежней жизни и путей к отступлению. Ты уже заставил его изрядно понервничать. Продолжай. Он это заслужил.

Главное, не принимай всё слишком всерьёз и не делай глупостей. Сейчас нам некогда отвлекаться на глупости, потому что впереди финишная прямая. И для начала – пора закончить спектакль с базой данных. Надеюсь, ты готов к решительным действиям.

Давай позволим этим ребятам ощутить вкус победы. Это мастер-ключ».

И дальше, прямо в теле электронного письма, тянулся

длинный код.

У меня аж в глазах потемнело, когда я до него долистал. Код с ключом к Смоленской базе, он серьёзно?!

Я передёрнулся. Что-то слишком уж этот Каспер ко мне добр. Чересчур сладкие у него речи и действия. Ещё и разоткровенничался вдруг со мной, что тоже очень и очень подозрительно. Создавалось впечатление, что меня заманивают в мышеловку.

Можно ли верить его словам?.. Наверняка нельзя, но разве у меня есть выбор?

– Алло, Михаил. Прошу прощения за поздний звонок. Всё готово.

– Гриша, вот это новость! Ради такого и проснуться посреди ночи не жалко! Во сколько мне за тобой заехать?

– Чем раньше, тем лучше. Мне потребуется несколько часов, чтобы всё настроить на месте. Но за один день должен справиться. До полуночи железно успею!

– Добро. Тогда в семь утра жди.

– Да, Михаил, – добавил я как можно более непринуждённо, – чуть не забыл. Подготовьте для меня мастер-ключ с полным доступом к московской базе. Ваш не подходит, он не открывает некоторых данных.

– А без этого никак? – недовольно переспросил Рэмбо.

– К сожалению, никак, – заверил его я. – Иначе данные смоленского шестого отдела тоже для вас не откроются. Или откроются, но синхронизация будет лагать. Понимаете, там

совсем другая файловая система, и вслепую настроить её не получится. Даже если и получится, то потом обязательно вылезут баги. А я ведь хочу сделать так, чтобы всё было... на века! Чтобы мне не пришлось позже снова к вам приезжать.

«Неужели он и правда это проглотит?» – подумал про себя я, начиная покрываться холодным потом. К счастью, Михаил был далёк от всяких компьютерных заморочек, да и, к тому же, мозги ему наверняка дурманило предвкушение крупной премии от алхимика за успешный проект. Поэтому он только вздохнул и пробасил неохотно:

– Ладно, так и быть. Сделаю.

Глава 39. Очень занят

Выйдя из комнаты, я наткнулся на Константина. Тот будто бы подждал меня, пронюхав, куда я собираюсь. Неужели не отпустит?

– Я в Москву, – сообщил я на всякий случай. А то вдруг нюх его на этот раз подвёл. – Нужно закончить на работе кое-какие дела.

Он только хмыкнул мне в ответ:

– Ну-ну, удачи, – и добавил своим гипнотическим голосом. – Только, будь добр, к полуночи вернись. И привези с собой эту штуку, которую ты прячешь в кроссовке. Целой и невредимой.

Ничего себе, даже про мой тайный план ему известно! Ого-го!

Я сел за руль, а Константин, удалившись в конюшню, оседлал своего вороного коня. Некоторое время он скакал по обочине дороги наравне со мной, не жалея жеребца, потом всё же придержал поводья и отстал. Проводил меня взглядом и повернул обратно.

По пути в город я мысленно негодовал, вспоминая слова Каспера. Они всё никак не выходили у меня из головы, особенно то, что касалось Стеллы. Какой он всё же бесчувственный! Будто бы не человек вовсе, а какой-то бездушный механизм! Я, между прочим, и впрямь влюбился в Стеллу, а

может быть даже и полюбил – всем своим сердцем, которого у меня, якобы, нет. А он пишет про мои чувства и поступки как про какой-то стратегический план по борьбе с Вернером, про холодный расчёт, про временное обстоятельство, которое я не должен принимать всерьёз, да и вообще хрен его знает, про что. Как ему не стыдно лезть в наши отношения и диктовать мне, что делать! Захочу – женюсь! И никакой Каспер, будь он даже моим другом Стёпкой, мне здесь не указ!

И только прибыв в московский штаб, я немного успокоился. Подавил возмущение и переключился на воплощение в жизнь не менее важного плана. Даже с учётом того, что я имел в своём распоряжении почти полные сутки, времени у меня было не так уж и много – лучше не отвлекаться на посторонние мысли.

Несмотря на все ухищрения двух последних недель, через удалённый канал мне удалось скопировать лишь половину московской базы. Теперь, вновь оказавшись в офисе, я должен был придумать способ незаметно перекопировать оставшуюся часть на внешний носитель, да ещё и с мастер-ключом, открывающим доступ к документам шестого отдела. Не без затруднений я заранее обзавёлся маленькой USB-флешкой на целых два терабайта, которая теперь незаметно притаилась в моём правом кроссовке и ждала своего часа. Именно её-то и почуял Константин, за секунду меня спалив. Но, к счастью, охотники способностями Цепеша не обладали, и у меня были все шансы незаметно ею воспользоваться.

Михаил, правда, поначалу не спешил давать мне такую возможность. Он подолгу нависал за моей спиной, шумно пыхтел, вздыхал и лишь иногда отходил к соседнему столу включить электрический чайник, не сводя с меня при этом настороженных глаз. Вернувшись с наполненной кружкой, он принимался долго и противно греметь ложечкой, размешивая сахар, а затем не менее раздражающе хлопнуть, громко втягивая в себя горячий напиток. И так по кругу вот уже, наверное, больше десятка раз.

Время от времени заявлялся отец Арсений, сверлил меня хмурым взглядом, вздыхал, беспокойно мерил шагами комнату, затем, не сказав ни слова, уходил. Его сменяла Лариса – она садилась в кресло напротив и по своему обыкновению колбасилась под тяжёлый рок, ревуший в наушниках. Только выглядело это как-то наигранно, и во всей её позе чувствовалось плохо скрываемое напряжение. В общем, мои работодатели явно были сильно на нервах. Я же, в свою очередь, старался сохранять максимальное спокойствие, безмятежно занимаясь имитацией бурной деятельности. Доступ к Смоленску я проверил ещё дома – естественно, никакой другой ключ, кроме того, что прислал мне Каспер, не требовался. Я, правда, обнаружил в коде троян, но вырезать его не стал. Во-первых, было лень, а во-вторых, я вспомнил первое правило программиста: если всё работает, то оставь как есть и ничего не трогай. А работало оно идеально – как часы. Подключиться из московского офиса я попробовал практически

сразу же, как приехал, и тут всё также прошло как по маслу.

Осталось только потянуть время, усыпляя бдительность моих нанимателей. Впрочем, ближе к середине дня я начал подозревать, что их бдительность усыпляться не собирается. Оставляя меня наедине с компьютером, как в былые времена, никто не намеревался. В комнате вместе со мной постоянно находились как минимум двое охотников. Что же, тогда переходим к запасному плану. Как говорится, «Если гора не идёт к Магомету»... то есть, я хотел сказать, если не усыпляется их бдительность, значит, усыплюсь я.

Всем своим видом я начал демонстрировать признаки усталости. Несколько раз пожаловавшись на бессонную ночь, проведенную в праведных трудах, я принялся показательно подавлять зевоту, тереть глаза и массировать виски. Несколько раз налил себе чая, положив в чашку сразу три пакетика и заваривая их по полчаса. В какой-то момент мне показалось, что даже в суровых глазах Михаила при виде этой процедуры промелькнуло что-то похожее на сочувствие. Несколько раз я, тяжело вздохнув, откидывался в кресле и, закрыв глаза, делал вид, что на короткое время мною овладевает дремота. Убедившись, что мой суровый страж прощает мне эту слабость, я набрался храбрости, вбил в компьютер заранее подготовленную команду, запустив отсчёт времени, прикрыл в очередной раз глаза и вышел в астрал.

И вот я уже обзираю помещение глазами маленькой се-

рой мышки. Мышей тут, к счастью, было предостаточно, и одна такая как раз жила в вентиляционной шахте нашего офисного помещения.

Моё человеческое тело обмякло, подбородок упал на грудь. Рэмбо покачал головой, охнул и отошёл к флип-чарту, решив, к счастью, на некоторое время оставить меня в покое. Скрестив руки на могучей груди, он задумчиво изучал непонятную писанину, оставленную научными сотрудниками. Лара закрыла глаза, продолжая самозабвенно слушать музыку. И тогда мышка вступила в дело.

Это была самая рискованная часть моего плана. Я продумал всё заранее, но до последнего момента сомневался, что дельце выгорит. Вытащить из кроссовка флешку, дотащить её до системного блока и воткнуть в порт – это, скажу я вам, нечто из области высшего пилотажа. Особенно последнее действие мне и человеческими-то пальцами не всегда удаётся выполнить с первого раза. А для мышиных лапок этот фокус и подавно был за гранью фантастики. Как если бы я был хирургом и оперировал огромным скальпелем весом в десяток килограммов. Ох, такое в цирке не показывают!.. Наконец, стыковка удалась. У мышки к тому моменту даже ушки вспотели – то ли от приложенных усилий, то ли от испуга – да и на лбу у моего человеческого тела, кажется, тоже выступила испарина.

Теперь надо было дожидаться, когда завершится отсчёт, включится по таймеру и отработает скрипт, копирующий ба-

зу и ключ. Несколько раз мышь, видя из-под стола рядом с собой тяжёлые боты Михаила, вздрагивала и порывалась убежать, но я настойчиво удерживал её своим сознанием. Потерпи, серая, мне тоже страшно...

К счастью, флешка не подвела и копирование завершилось относительно быстро. Но и терпение охотников к тому моменту начало заканчиваться. Уже когда мои лапки извлекли карту памяти и потащили её обратно к кроссовку, Михаил громко кашлянул прямо над моим ухом. Моё тело дёрнулось, проснувшись. Мышка сначала замерла как вкопанная, а потом, бросив накопитель на полпути, побежала в свою нору. Нет, стой, сейчас не время!

Я скрипнул креслом и вытянул под столом ногу, отфутболив флешку к стене – туда, где её не было видно. А потом насильно вернул себя в сон. Мышь, едва добежав до вытяжки, снова вернулась. Дрожащими лапками схватила карту и запихнула всё-таки её ко мне в кроссовок. И в ту же секунду на плечо мне приземлилась тяжеленная рука Михаила:

– Просыпайся, боец! – прогрохотал он на весь офис. – Подремал чуток, и хорош!

– Ой, простите! – встрепенулся я. – Уснул!.. В последние дни работал почти без отдыха, и вот...

– Потерпи ещё чуть-чуть, – пробасил Михаил и ответил многообещающе. – Скоро отоспишься!

Не задумавшись над его словами, я вернулся к работе. Подчистил за собой все концы и, повозившись с компьюте-

ром для вида ещё около часа, хлопнул в ладоши, привлекая внимание Рэмбо и снова сменившего Ларису отца Арсения:

– Вот, полюбуйте, всё работает!

– Точно? – поп подошёл к монитору и, перехватив мышку, некоторое время изучал содержимое открывшихся папок, стоя у меня за спиной. Кликал то туда, то сюда, быстро-быстро бегающими глазами просматривал информацию, возбуждённо сопя. Потом, наконец, удовлетворённо выдохнул. – Да, теперь всё в порядке. Все кристаллические коды на месте. И доступ к шестому отделу открылся! Так что, товарищи, скоро мы разгадаем и загадку этого проклятого Каспера!

Он довольно потёр ладонями друг о друга. Видимо, уже воочию представил себе их скорый триумф. Ох, знал бы ты, бородатый, что в эту же полночь смоленская база превратится в тыкву!.. Но пожалеть его как следует мне не довелось, потому что он вдруг проскрипел противным голосом:

– Ну всё, можете заканчивать с ним.

– В смысле, заканчивать?! – переспросил я. – Что вы име...

Что он имеет в виду, я уточнить не успел. Рядом с моим затылком раздался какой-то подозрительный шорох, будто Михаил полез в карман или кобуру, а в следующую секунду я получил щедрый удар по черепу тяжёлой рукояткой пистолета.

«Вот это да!.. – пронеслось в моём сотрясённом мозгу, ко-

гда я терял сознание. – Вот так благодарность! Ну, спасибо тебе, Мишаня!»

* * *

Мне казалось, что я провалялся в отключке всего пару секунд, но когда я пришёл в себя, декорации уже сменились. Было тесно и темно, я лежал на боку с согнутыми ногами и прижатыми к груди коленями. Руки у меня оказались крепко связаны за спиной, а рот заклеен скотчем. Ну и дела!

Свет кристалла, тускло сверкнув, осветил замкнутое пространство, и я понял, что лежу в багажнике машины. В этот момент как раз взревел мотор, мы тронулись с места, и меня, как мешок картошки, куда-то повезли по оврагам и кочкам. Да уж, не очень-то гостеприимно. И, что-то мне подсказывало, ехал я на этот раз вовсе не домой.

По дороге у меня зазвонил мобильный. Услышав знакомый трек на звонке, я сначала подумал, что это, наверное, очередной кошмарный сон, и Стелла снова звонит мне, чтобы разбудить. Но, увы, не в этот раз. Я так и не проснулся, просто беспомощно слушал трели телефона, который был где-то рядом и в то же время в полной недосыгаемости. Скорее всего, он валялся в моём рюкзаке, который бросили вместе со мной в багажник. Однако подойти и позвать на помощь я сейчас, при всём желании, не мог.

Телефон успел отрезвонить ещё два-три звонка, когда

мы, наконец, куда-то приехали. Я вздохнул с облегчением. К счастью, дорога оказалась недолгой, а то у меня уже затекли ноги, да и вообще, поездочка выдалась малоприятной.

Впрочем, радоваться в моей ситуации было, прямо скажем, нечему. Багажник открылся, в глаза мне ударил свет, и я с непривычки сощурился. Хорошо хоть, что свет неяркий – солнце уже опустилось низко, и лучи, проходящие сквозь кроны деревьев, окрашивали всё вокруг в розоватые тона. Оглядевшись, я понял, что я где-то в глухом лесу. Ни одной живой души – только три бугая-охотника, Михаил, и я. Я, впрочем, если и живой, то ненадолго.

Один из громил схватил меня за воротник своей широкой лапой, вытащил из багажника, как котёнка, и, не церемонясь, бросил на землю:

– Вставай, пошли, – скомандовал мне грубо, и, для верности, подтолкнул в спину дулом пистолета.

С трудом поднявшись – а со связанными руками это не так-то просто – я побрёл в лесную чащу. Идти было тяжело, ноги вязли, глубоко погружаясь в хлюпающую почву. Похоже, это не просто непроходимый лес, но ещё и болото. Причём в таком болоте лично я даже бруснику собирать бы не стал. Эта мягкая чавкающая земля и затопленные каналы то тут, то там явно не внушали доверия.

– Ладно, хватит, – в какой-то момент скомандовал Михаил. – А то утонем здесь все вместе, к чёртовой матери!

Я послушно замер и, услышав, как сзади, у меня за спи-

ной, с металлическим лязгом передёрнули затвор, инстинктивно зажмурился. Ну, всё понятно. Гад Валерка как в воду глядел – зря я его не послушал! Если бы рот у меня не был накрепко заклеен, то я бы обязательно выразил напоследок благодарность доблестному московскому СКОКу в лице Ларочки с Арсением и Михаилом, а ещё Касперу, который безжалостно отправил меня сюда за верной смертью. Bravo, товарищи! Я бы ещё и похлопал, но, извините, руки связаны.

– Ты уж на нас не серчай, Гриня, – с неуместным дружеским пробасил Рэмбо, нажимая на спусковой крючок.

Первый выстрел прошил мне грудь, прямо в том месте, где у нормальных людей бьётся сердце. Качнувшись, я упал на колени. Кристалл недовольно дёрнулся и сверкнул, приглушая боль. Следом раздался второй выстрел – видимо, контрольный – пробивший мне голову насквозь. Тут уж мне не удалось устоять на ногах, я шлёпнулся лицом прямо в болотную жижу, но и на этом Михаил не успокоился. Присев рядом, он приставил пистолет мне под подбородок и снова выстрелил в череп, на этот раз снизу вверх. Коснулся шеи и проверил пульс. В этом месте я едва не рассмеялся, позабыв даже про боль. Миша, ты серьёзно полагаешь, что мог меня не добить?.. Захотелось ещё состричь, что мне приятно встретить в СКОКе крайне ответственного человека, настолько любящего делать свою работу... но нет, приятно мне не было. Даже наоборот.

Встав, он пнул меня под рёбра тяжёлым сапогом, чтобы

перевернуть на спину. Лёжа перед ним, бездыханный и с широко раскрытыми глазами, я молился только об одном: чтобы они поскорее избавились от моего тела – пока не успели зарости окровавленные раны. Серебряный кулон-то я снял, поэтому восстановлюсь молниеносно, счёт на минуты. К счастью, церемониться ребята не стали. Меня по-быстренькому столкнули в затопленный овраг, вдогонку бросили сверху мой рюкзак, и – как апогей – Михаил зачем-то кинул туда же золотой кирпич из моего шкафчика, проломив этой штуковиной мне висок. Ха! Спасибо, начальник! А то я ведь едва не забыл получить свою последнюю зарплату!..

Короче, в таком жутком виде меня и зарыли там. Вернее даже не зарыли, а просто для приличия чуть-чуть накидали сверху земли, тины и веток.

– Ну, видите! – сказал в самом конце Михаил, довольно отряхивая руки. – Что я говорил! И не пришлось зря переводить серебряные пули. Вот ещё глупость, тратить их просто так, на всякий случай. Непонятно, зачем алхимику была нужна такая перестраховка. Видать, нервы у него совсем расшатались!..

Я подождал, пока отдалятся их голоса, заревёт, а потом стихнет мотор «уазика», и начал потихоньку откапываться. Руки мне перевязали щедро – мотков десять, не меньше, и несколько тугих узлов. Пришлось порядком потрудиться и покататься, извозившись в болотной грязи, прежде чем я смог хоть немного ослабить верёвку.

Всё это время рядом звонил мой телефон, но мне по-прежнему было не до него – я героически сражался со своими путами. Через несколько минут борьбы под аккомпанемент «Металлики» мне, наконец, удалось сбросить одну петлю, вытащить правую руку, а следом за ней и левую. Встав, я с облегчением расправился. Потянулся. Прикрыв рот рукой, несколько раз кашлянул, выплёвывая в ладонь пули. Потом выудил из канавы насквозь промокший, испачканный рюкзак, а из него – такой же мокрый телефон. Оттряхнул его немного и поднёс к уху:

– Привет?

– Где ты там прохлаждаешься?! – возмутилась в трубку Стелла, забыв поздороваться. – Почему так долго не отвечал?!

Точно, прохлаждаюсь. Лучшего слова и не подобрать. Меня прямо передёрнуло от холода:

– Прости, детка, не мог. Был очень занят.

– Чем же это?

– Меня тут убивали и закапывали в лесу.

На том конце невидимого провода ахнули:

– Охотники?!

– Ага. Но убили они меня как человека. Не волнуйся, – кидая в рюкзак ненавистный золотой кирпич, успокоил её я. – Я уже освободился. Скоро приеду.

Впрочем, насчёт «скоро» я немного покривил душой. Просто не хотелось заставлять её переживать, а на самом-то

деле, добраться своим ходом из глухой области аж до Смоленска было задачей не из лёгких. Благодаря навигатору мне удалось выйти из леса к шоссе, но вот что делать дальше?

Я шёл вдоль дороги и тщетно голосовал. Прошло уже около часа, а никто не хотел меня подбирать. Несколько машин за это время останавливались рядом, но водители, едва окинув взглядом мой видок – то ли восставшего из могилы зомби, то ли болотного лешего – тут же поспешно закрывали дверь и давали по газам.

Ну и как быть? Домой в Москву возвращаться нельзя. Хорошо, что я заранее догадался увезти оттуда письма Каспера и дневник Стеллы, поэтому, если сейчас охотники заявятся в мою квартиру – а они наверняка это сделают, чтобы подчистить следы – то не найдут там ничего подозрительного. Главное, чтобы они не нашли там меня, живого и невредимого. Короче, и ежу понятно, что там появляться не надо. Но и до Смоленска пешком я не дойду. По крайней мере, до полуночи этого дня, как было приказано мне Константином.

Я поёжился от промозглого ветра и дотронулся до виска, пытаясь унять головную боль. Что же это получается... Несправедливость какая-то. Если Цепеш изволил меня загипнотизировать, чтобы я приехал к нему строго до двенадцати ноль-ноль, то, по-хорошему, он должен был бы и обеспечить мне все необходимые условия для выполнения его приказа. Я же в целом не против оказаться сейчас в Смоленске. Даже за. Но вот как мне туда телепортироваться отсю-

да?..

Стоило мне так подумать, как рядом остановилась очередная машина – старый облезший «жигуль» с ржавым багажником на крыше. Правая дверь, скрипнув, открылась, и мне приветливо помахал рукой водитель:

– Садись, сынок!

Дедушке по виду было далеко за семьдесят, а может и за восемьдесят. Уже полностью седой, ссохшийся и, судя по тому, как он щурился, пытаюсь меня рассмотреть, ещё и сильно слепой. То, что нужно.

– Очки дома забыл, голубчик, – прошамкал мне он. – Вблизи ничего не вижу, но вдаль-то у меня зрение ого-го! Так что, не бойся, не бойся, садись. И можешь не пристёгиваться, дядя Сёма водит как асс!

– Очень приятно, – проговорил я. – А меня Гриша зовут. Дядя Сёма... мне далеко надо. В Смоленск. Сможете довезти?

– Отчего же не смогу! Смогу конечно! И малышка моя смо-ожет!.. – он ласково погладил «жигуль» по рулю.

– Не трудно вам будет? – на всякий случай уточнил я. – Дорога дальняя.

– А дядя Сёма шофёром по молодости работал! – с гордостью похвастался он. – Да и скучно стало что-то сегодня. На дачу решил не ехать. Дом там мой совсем покосился, и из окон дует, а ночь холодная. Дай-ка я, думаю, на дачу не поеду, а лучше в Смоленск прокачусь, развеюсь. Город-герой

всё-таки!..

– Получается, нам по пути? – всё ещё не веря своему счастью, спросил я. И вдруг заметил, что ресницы у дедули заметно подрагивают.

– По пути, по пути, сынок. Так что даже денег с тебя не возьму!.. Ну! Полетели!

Дорога заняла у нас удивительно мало времени, особенно учитывая состояние транспортного средства, которое, на мой взгляд, только чудом не развалилось, несясь с горки на ста пятидесяти километрах в час. Я даже успел приехать вовремя, точь-в-точь. В 23:55 мы остановились прямо напротив проходной коттеджного посёлка.

– Вот, пожалуйста. С ветерком долетели, а? – дедуля рассмехался беззубым ртом.

– Спасибо вам огромное, дядя Сёма! Вы меня очень выручили!.. А знаете... Вот что. Возьмите-ка вот это, – я вытащил из рюкзака золотой кирпич и, встав, положил его на пассажирское сиденье.

– Ох, батюшки! Да ты что! Золото что ль? Чистое?!

– Не уверен, что чистое, – я рукой вытер со «слитка» болотную грязь и кровь. – Лучше ещё протереть тряпочкой.

– Да что же я с ним делать-то буду?!

– Сдайте как клад. А на выручку дачу отремонтируйте. Или купите новую. Вы мне очень помогли! Не знаю, что бы я без вас делал. Ну, удачи вам, дядя Сёма! Извините, если что. Я побежал.

Поравнявшись с будкой охранника, я хотел сообщить тому, куда иду, но он, похоже, меня узнал даже в столь плачевном виде, поэтому не стал ничего говорить. Только отвернулся и словно бы невзначай махнул мне рукой, мол: «Я даже не буду спрашивать, что у вас там на этот раз приключилось. Проходи».

Глава 40. В темноте ночи

Илона, открыв мне дверь, моментально сморщилась и зажала пальцами нос:

– Фу, Рыжик, ну и воняет же от тебя!

Я посмотрел в зеркало в прихожей и сам себя испугался: весь мокрый, всклокоченный, в крови, грязи и болотной тине. Практически восставший из ада.

– Вот, значит, чем СКОК платит за работу! – хохотнула она. – Ну, проходи, не стой на пороге! Сейчас приведём тебя в порядок!

Штефан, едва увидев меня, побледнел, отвернулся и прикрыл рот рукой. Кажется, его даже затошнило, но он сдержался.

Стелла, без слов подойдя ко мне, долго смотрела мне в глаза, будто пытаясь что-то в них прочесть. Потом сняла с моих волос веточку водоросли и опустила взгляд.

– Побегу-ка я в душ, – улыбнулся я, ненадолго коснувшись её локтей кончиками пальцев.

Я хотел уже юркнуть на лестницу и подняться на второй этаж, но не тут-то было – Константин строго перегородил мне дорогу. Расправил плечи, выпрямился весь и молча вытянул вперёд раскрытую ладонь. Мой кристалл заморгал и болезненно задёргался.

«Не отдавай! – крутилось в голове. – Скажи, что не успел

ничего скопировать. Или что посеял флешку в лесу!..»

– Московские данные у тебя, – спокойно проговорил Константин в ответ на мои мысли. – И ты сейчас отдашь их мне.

«Нет, нет, нет! – стучало в висках. – Что будет, когда она узнает про Эмиля?!..»

– Всем уже давно пора знать правду, – едко процедил Цепеш, теряя терпение. По гостинной снова поплыл белёсый, разъедающий лёгкие туман. – Отдай. Немедленно.

Меня бросило в жар от боли в висках, уши и щёки загорелись, в глазах потемнело. На этот раз я готов был сопротивляться до последнего и даже не испугался за свою голову – да пусть хоть лопнет и расколется на части – но мои колени уже согнулись, а руки лезли в правый карман в поисках карты памяти. Против своей воли, я извлёк её на свет, протёр от грязи и вручил Константину.

Хмыкнув, он потерял ко мне всякий интерес и освободил путь на второй этаж. Что ж, может он и прав. Если сам Цепеш решил, что пришло время для серьёзных разговоров и откровений, пусть будет так. Терять-то мне особо и нечего...

В ванной, раздевшись, я долго решал, куда положить одежду – в барабан стиральной машины или в мусорный бак. В итоге всё же решил дать ей шанс и запустил стирку. На широком дубовом стеллаже, к счастью, возвышалась стопка из чистых махровых полотенец и банных халатов. Сейчас мне будет, что надеть. Но вот завтра, в случае, если я решу вый-

ти из дома, хорошо бы мне иметь хоть какой-то комплект одежды. Машина-то моя осталась в Москве, а в ней и сумка со всеми вещами.

Вздыхнув, я принялся тщательно намываться. Времени у меня на это ушло много, мыла – тоже. Сначала я по-быстрому принял душ, потом решил как следует поотмокать в помпезной вампирской ванне – снаружи золотистой, на изогнутых ножках, а внутри покрытой блестящей красной эмалью. Потом снова долго тёрся мочалкой и стоял под душем. Наконец, часа через полтора, я успокоился. Выключил воду, наспех вытерся и, завязав махровый халат, вышел.

Когда я, на ходу суша волосы полотенцем, толкнул дверь в свою комнату, то так и застыл на пороге. Ну никак не ожидал увидеть тут Стеллу! Я-то думал, что, пока я мылся, она уже изучила базу шестого отдела и теперь молится на икону – ой, то есть, портрет – «воскресшего» Эмиля.

Потуже затянув пояс халата, я повесил полотенце на край стула и сел рядом с ней на кровать. Некоторое время мы оба молчали. Потом она вкрадчиво спросила:

– Ты... испугался?

– Что? – переспросил я, подумав, что неправильно слышал.

– Сильно они тебя напугали?

– Ну, вообще да. На то они и охотники на вампиров. Но ты только не ревнуй! – поспешно добавил я, видя, как разочарованно вытягивается её лицо. – Твои кошмары пугали меня

гораздо сильнее! Правда! Честное слово!

Мы оба осеклись, а потом рассмеялись. Но очень скоро она снова собралась и сказала строго:

– Гриша, прости, что я не принимала твои слова всерьёз.

Так, понятно. Значит, как я и предполагал, она уже успела покопаться вместе с Константином в базе, узнала, что Вернер жив, и зашла попросить прощения за то, что раньше мне не верила.

– Да ничего, – махнул рукой я. – Я уже привык.

– Знаешь, – тем временем продолжала она, – я себя так странно чувствую. Я такого никак не ожидала, для меня это настоящее потрясение. Ещё пару месяцев назад я и вообразить о таком не могла. У меня внутри сейчас бушует буря...

– Чем я могу тебе помочь? – уточнил я сухо.

– Может быть, просто выслушать.

Слушать про Эмиля мне не очень-то хотелось, но – раз она просит...

– Хорошо.

Она подсела ко мне ближе, едва ощутимо коснувшись своим бедром моей руки, лежавшей на покрывале. Нет, это мы уже проходили. Больше я на такие провокации не поведусь. Положив ладони на колени, я выжидающе посмотрел на неё.

– Понимаешь, с того рокового дня прошло с одной стороны так много времени, целых два года, а с другой... я помню все те свои чувства, будто бы это было вчера. Весь этот ужас. Шок, оцепенение, в следующую секунду – панику, чувство

вины, злость, бессилие, а потом какую-то мёртвую тишину внутри... И сегодня... сегодня, кажется, я пережила всё это снова. Это так страшно...

– Ну, в итоге же всё хорошо закончилось?.. «Оказался он живой», – процитировал я вдобавок стишок про зайку и криво ухмыльнулся.

– К счастью да, но я сегодня осознала, что, кажется, ещё умею любить... и моя любовь сейчас даже сильнее, чем была тогда.

– Это же прекрасно, – выпалил я. Голос мой звучал натянуто. – Очень рад за тебя! А главное, Касперу ведь можно теперь не мстить, верно?

Она прервалась и покосилась на меня внимательно:

– Что с тобой? Ты злишься?

– Нет, конечно, ни капельки.

– Чем я тебя разозлила?

– Как всегда, ничем.

Она положила руку мне на плечо. Я попытался скинуть её, но Стелла, будто не обращая внимания, приобняла меня и продолжила немного смущённо:

– Я жутко, просто ужасно испугалась сегодня! Я подумала... я подумала, что если это сейчас случится снова, то тогда я точно такого не переживу!

– Что именно случится снова? – холодно уточнил я.

– Ты даже не представляешь... – шептала она. – Ох, что со мной сегодня творилось от одной только мысли, что я могла

потерять тебя!..

Подождите-ка, так это она всё про меня?! Не может быть!

Прильнув ко мне, она приблизилась губами к моему лицу, но я аккуратно отстранился:

– Ты не смотрела базу данных?

– Да при чём тут база данных! – воскликнула она. – Я так переживала за тебя! Даже когда ты сказал, что всё в порядке... Места себе не находила!

Я потрясённо замер, а её губы коснулись моих.

«Так нельзя. Надо сказать ей про Вернера. Скажи ей, Гриша!»

Но Гриша меня не слушался, он как будто опьянел и весь обмяк. Какое странное чувство. Словно я – это не совсем я. Не иначе как охотники, прострелив мне череп в нескольких проекциях, напрочь вынесли мой мозг, и на место он до сих пор не вернулся. Я себя не узнавал. Моё тело налилось каким-то непривычным теплом и больше мне не подчинялось.

Стелла, тем временем, села на меня сверху и продолжила со мной целоваться.

Да, бесспорно, по-хорошему я должен был прямо сейчас прерваться и рассказать ей про алхимика. Должен был, но не мог. Язык не поворачивался. Да и вообще, мой рот был занят.

Слабость. Чудовищная. Возможно, я ещё не раз прокляну себя за неё, но не сейчас. Сейчас я сорвался с поводка и наплевал на все предрассудки. На здравый смысл, голос со-

вести и, уж тем более, на письма Каспера. Я люблю её! Что может быть важнее?..

И знаете, что я вам скажу. Если бы меня спросили, готов ли я был ради такого погибнуть – зверски расстрелянный – я даже не задумался бы над ответом. Это точно стоит того, чтобы умереть!

Я стянул с неё сначала одну перчатку, потом вторую. Отбросил их на пол. Коснулся пальцами её пальцев, сжал наши руки в замок.

– Гриша... – с придыханием простонала она. – Ты... сумасшедший. Самоубийца...

– Ерунда, – прошептал я, склонившись к её уху, – к твоим пыткам я уже привык. Так что, к чему эти барьеры между нами...

Потом её руки меня обнимали. Крепко и жарко. Её ладони, с кожей нежной, как у ребёнка, скользили по моей спине. Я вдыхал её запах – едва уловимый аромат ладана, от которого кружилась голова. И целовал её, целовал, целовал...

Честно говоря, я думал, что на этом всё и закончится. Что сейчас она очнётся, я получу очередную щедрую оплеуху и вылечу из своей же спальни кубарем. Но нет – в какой-то момент она откинулась на спину и притянула меня к себе.

Свет померк. Мой кристалл вдруг тоже погас, и мы утонули в темноте ночи.

В этот раз мы оба спали так крепко, что не видели снов. Стелла мирно сопела на моём плече, и не похоже было, чтобы её мучили кошмары. Проснувшись утром, я аккуратно погладил её по голове и поцеловал в макушку, но она даже никак не среагировала. Полная отключка. Круче, чем те её снотворные таблетки.

А вот мне теперь совсем не спалось. Вчера ночью мне думалось, что это какой-то диковинный сон или моя нездоровая галлюцинация – каким-то слишком уж нереальным всё было. Но сейчас, на трезвую голову осознав происходящее, я растерял последние остатки смущения и нахально полез её будить, требуя добавки.

– Гриша, ты опять?! – хихикнула она сонно. – Который час?

– Не знаю. Какая разница!

– Давай поспим ещё...

– Что-то не спится. Может, споёшь мне колыбельную?

Поначалу она была вялая, зевала и скорее отмахивалась от меня, но потом я раздражил и её. Да так, что в этот раз всё пошло даже жарче, чем ночью. И закончилось бы, наверное, в разы быстрее, но в самый разгар вдруг зазвонил и громко завибрировал на тумбочке мой мобильный. Чертыхнувшись, я оторвался от её губ, на ощупь схватил телефон и посмотрел

рел на экран. Номер незнакомый. Вряд ли это что-то важное. Скорее всего, реклама какая-нибудь.

Сбросив вызов, я закинул телефон обратно на тумбочку и снова набросился на Стеллу с объятиями и поцелуями.

Ещё пару минут тишина нарушалась только нашим прерывистым дыханием и стонами, но потом идиллию опять прервал настойчивый звонок.

– Блин, – протянула Стелла разочаровано. – Гриша...

На этот раз я не просто поспешно нажал на отбой, но ещё и отключил звук.

– Всё, больше нас никто не потревожит, – выдохнул я у её уха.

Мои руки сильнее обхватили её и я удвоил старания. Стелла, впрочем, к этому моменту так сильно раззадорилась, что ей и надо-то было всего несколько секунд. Она начала стонать громче и задрожала всем телом, а я уже готовился получить звание лучшего героя-любовника, но как бы не так.

«Дрррр-р-р!» – раздалось с тумбочки. Звук-то я отключил, а вот про вибрацию в спешке забыл. Некоторое время мы, замерев, оба смотрели, как ползает по столику мой телефон. Потом Стелла перевела недовольный взгляд уже на меня, а я запоздало выругался матом.

Рассерженный, я нажал на зелёную иконку и гаркнул в трубку грубо:

– Слушаю!

– Как хорошо, что вы подошли, – ответил мне спокойно

вкрадчивый мужской голос. – А то мы уже испугались, что потеряли вас.

– Вы, собственно, кто? – строго спросил я. – И почему названиваете всё утро?!

– Григорий, это Смоленск на проводе. СКОК.

Я аж мигом потерял весь свой запал и поник. Стелла взволнованно всмотрелась в моё лицо и даже обняла покрепче, но мне было уже не до неё. Мысли вереницей закрутились в голове. В курсе ли они, что Каспер «разрешил» мне взломать базу? И если нет, то как они вычислили меня?! Где взяли мой номер телефона?! Откуда, в конце концов, знают, что я жив?!

– Для Москвы вы мертвы, – мужчина словно прочёл мои метания. – Так и должно быть. Им вы больше не нужны, а вот нам – да. Приезжайте как только сможете. Координаты скину сообщением. Вас встретит наш сотрудник, Олег. Скажите ему, что участвуете в операции «Гранатовый сок», и он отвезёт вас к нам в шестой отдел.

Проговорив всё это почти без пауз, мой собеседник незамедлительно отключился. А следом мне пришла геолокация адреса в центре Смоленска.

Ха! Не на того напали! Так я к ним и поехал! Вдруг это вообще не Смоленск, а Москва меня вызвонила вот так просто? А я, как дурак, повёлся и подошёл к незнакомому номеру.

– Решили добить меня, похоже... – пробормотал я расте-

рянно.

– Надо рассказать Константину, – Стелла быстро оделась и обернулась на меня. – Ну, Гриша, ты что застыл?

– Да, ты права, – с задержкой отозвался я. Запахнул халат и пошёл в ванную – доставать одежду из сушки.

Через пару минут, когда я спустился в гостиную, вся честная компания уже собралась там, чтобы обсудить утренний звонок. Вернее, активно его обсуждали Илона и Штефан, а Константин только задумчиво смотрел в окно. Услышав на лестнице мои шаги, он, не оборачиваясь, поднял голову и принюхался.

– Кость, что это всё-таки за операция такая? – подала голос Стелла.

– Этот человек сказал, что они из смоленского шестого отдела, – проговорил я. – Правда ли это? И чего эти ребята от меня теперь хотят?

Цепеш повернулся к нам боком и по-прежнему молчал, потирая подбородок. Мелко-мелко дрожали его напряжённые ноздри.

– Это операция Каспера, – вдруг выпалил он, очнувшись. И, прежде, чем я смог переспросить, проговорил легко. – Съезди, узнаешь. Да, и жетон не забудь.

Глава 41. Что-то пошло не так

Навигатор привёл меня в самый центр города, к зданию администрации Смоленской области. Припарковавшись около площади Ленина, я пошёл дальше пешком. Координаты указывали прямо на памятник – кому бы вы думали? Само собой, ему, дорогому Ильичу. Площадь в самый разгар рабочего дня оказалась почти пустой, около памятника тоже никого не было. Постояв немного, я начал тревожно поглядывать на часы. До назначенного времени оставалась ещё пара минут. И всё же, почему меня ещё не ждут? Вдруг это ловушка? Невольно я вспомнил свою первую встречу с тройцей охотников из московского офиса. Будут ли мне и сегодня устраивать какую-то проверку?

За моей спиной зашуршали шины автомобиля. Я резко обернулся. Нисколько не смущаясь, прямо на площадь выехал огромный чёрный «гелендваген» с номерами «ООО» и остановился около меня. Все стёкла, включая передние, были наглухо затонированы. Раздалось хриплое кряканье, под капотом сверкнули голубые огоньки скрытых спецсигналов. Передняя дверь распахнулась, и навстречу мне вышел водитель. По всей видимости, он приехал за мной один, без сопровождения. Хотят показать, что доверяют мне?

– Григорий, рад, что вы приехали.

Водитель оказался высоким худощавым молодым челове-

ком с тёмными волосами и живыми карими глазами. Одет очень аккуратно – особенно по сравнению со мной – в строгий чёрный костюм и белую рубашку. В манжетах рукавов серебряные запонки, на носу очки, в ухе – беспроводная гарнитура. Цепочки с жетоном я у него не увидел, но наверняка она есть – под строго застёгнутым на все пуговицы воротничком рубашки. Подойдя ко мне, он протянул раскрытую ладонь:

– Приветствую!

Я кивнул в ответ. Руку ему жать не стал. Мало ли что. Долго не огорчаясь на этот счёт, он открыл передо мной заднюю дверь, приглашая внутрь.

В салоне было просторно и чисто – не сравнить с московскими грязными «уазиками». А главное, никаких заслонок или решёток. Меня на этот раз везли не как преступника, а будто «особо важную персону», со всеми почестями и комфортом. Только вот чесноком пахло очень сильно – как будто вместо ароматизатора тут использовали какой-то чесночный спрей. Я, наверное, после этой поездочки тоже весь им пропахну, но – что делать. Связался с охотниками – придётся терпеть чеснок.

Сзади оказалось много места, так что я без проблем вытянул ноги. Слева был минибар, а справа – небольшой откидной монитор. Я довольно нахально налил себе в бокал сока – правда, не гранатового, а яблочного – и, отхлебнув, тыкнул пальцем в планшет. Экран зажёгся, открылось приложение с

шахматными задачами – видимо, последнее использованное. Поставив несколько шахов и матов компьютеру, я заскучал и спросил у долговязого:

– А вы вообще кто такой?

Парень покосился на меня в зеркало заднего вида:

– Простите, не представился, – после небольшой паузы откликнулся он. – Я Олег, секретарь Каспера.

– Ага, понятно. Надеюсь, он не рассердится, что я тут решил ему пару задачек.

– Вы ему за этим и нужны, – пожав плечами, спокойно проговорил Олег.

Я немного помолчал, потом снова обратился к нему:

– Значит, это вы рассылали мне те послания?

– Так точно, – молодой человек скромно улыбнулся.

– Какая честь для меня. Я польщён. А, если не секрет, сколько ещё планируется таких писем?

Олег посмотрел на меня внимательно. Немного помолчал, как будто что-то продумывая в уме. Потом всё же решил ответить:

– Ещё одно.

– Мне даже не по себе сейчас стало, – выпалил я. – Всего одно. А потом вы меня убьёте?

– Нет, – хмыкнул он. – Это в мою компетенцию не входит. Я же просто секретарь.

Вроде и ответил на мой вопрос, а вроде и нет. Всё равно понятнее не стало. Я слегка занервничал и отставил в сторо-

ну недопитый сок. Олег же совершенно невозмутимо позволил кому-то и, поглубже вставив в ухо гарнитуру, сообщил собеседнику:

– Приедем через полчаса. Готовьте диагностический кабинет.

– Вы меня подключите к детектору лжи? – я попытался разрядить обстановку очередным дурацким вопросом.

– Нет. Вас нужно осмотреть нашим докторам и снять энцефалограмму.

– Зачем?! – удивился я. – Я же вампир, если вы не в курсе. Я не болею.

– В курсе, – снова хмыкнул долговязый и добавил, поправив очки. – Так положено по протоколу.

Покинув город, мы направились в сторону области, углубились в густые леса, а потом выехали на холмистую местность около реки, на которой и располагалась смоленская база. Она показалась мне поначалу чуть меньше московской, хотя во многом на неё похожа. Территория была огорожена металлическим забором с колючей проволокой, в нескольких местах я заметил на сетке знаки, предупреждающие о высоком напряжении. На прожекторных вышках по периметру дежурили автоматчики.

Мы проехали центральные ворота, и я с любопытством принялся глазеть по сторонам. Несколько серых одноэтажных зданий, вереница цилиндрических ангаров, вертолётная

площадка, большая парковка, на которой стояли несколько белых «камазов», похожих на МЧС-овские, и парочка военных «уралов». С этими военными гигантами мирно соседствовали обычные гражданские легковушки, а также несколько чёрных «ауди», «бэх» и «мерседесов», принадлежавших, видимо, местному руководству. Мы припарковались там же и пошли пешком к центральному холму, вокруг которого располагалась база. На самом холме не было никаких построек, но, приблизившись, я увидел что-то вроде ангарных ворот, которые, видимо, открывали доступ к тоннелю внутри холма. Похоже, и здесь у них есть что-то вроде московского подземного бункера?

Около ворот нас никто не встречал, но непосредственно над стальными створками располагались несколько камер наблюдения. Олег помахал стеклянным глазам рукой, и через некоторое время ворота, лязгнув, открылись. Мы вошли в подземный коридор, напоминавший тоннель метрополитена – полукруглый металлический свод, скудное освещение, какие-то кабели на стенах. Мой провожатый быстро зашагал вперёд, я тоже старался не отставать. Наши шаги гулко разносились в полутьме.

В конце тоннеля располагался пост охраны. Суровые стражи были экипированы довольно серьёзно – защитные шлемы, щитки для предплечий и рук, бронежилеты. Я заметил, что, в отличие от московских коллег, в качестве вооружения эти парни предпочитают более современные «ПП-2000» и

«кедры». За спинами у них возвышалась огромная круглая сейфовая дверь, метра три в диаметре. Коротко переговорив с Олегом, охранник подошёл к небольшому пульта и нажал на кнопку. Внутри двери что-то глухо заурчало, заскрипело и заскрежетало. Пришёл в движение располагавшийся снаружи круглый вентиль. Скрежет и скрипы продолжались несколько секунд, а затем наступила тишина. С лёгким шипением дверь распахнулась ипустила нас внутрь. Я шагнул вслед за Олегом, но тут же изумлённо остановился. Дальше идти было некуда!

Мы стояли на маленьком балконе, освещённом тусклым красным фонарём, а вокруг – ничего. Тьма и пустота. Как будто мы в огромной подземной пещере. Я подошёл к краю балкона и перегнулся через огораживавшую его стальную решётку, чтобы посмотреть вниз. Прямо под нами открывалась огромная пропасть, дна которой не было видно, как не было видно вокруг ни стен, ни потолка, ни света. Единственное, что я смог рассмотреть в мерцании тусклого фонаря – уходящий в мрачную глубину толстый стальной канат, протянутый над нашими головами.

Я уже собирался спросить у своего провожатого, а что мы, собственно, собираемся делать дальше, когда по другую сторону непроглядной тьмы вспыхнул небольшой огонёк. Приглядевшись, я понял, что к нам приближается кабина фуникулёра, а протянутый над нами трос служил основанием для её крепления. Качнувшись, кабина «припарковалась» у края

балкона, и Олег жестом пригласил меня внутрь. Мы сели на жесткие металлические скамейки, и фуникулёр понёс нас обратно в бездну, из которой явился.

Некоторое время я совсем не мог ничего разглядеть. Балкон и освещавший его фонарик скрылись позади, и казалось, что мы едем в полной пустоте. Я даже не понимал, движемся ли мы по прямой или сворачиваем куда-то. Лишь однажды нам встретился по пути балкон, похожий на тот, откуда мы стартовали – с него на нас светил прожектор и настороженно вглядывались издалека двое охранников, направив в сторону фуникулёра ручной пулемёт Калашникова. Затем мы снова погрузились в темноту. Возможно, в какой-то момент открытое пространство закончилось, и мы заползли внутрь ограждённого тоннеля, но я мог только догадываться об этом. Свет внутри кабинки был очень тусклым, и даже мой кристалл не помогал ничего разглядеть.

Наконец, мы вынырнули. Прямо под нами неожиданно вспыхнул свет. Теперь мы ехали под потолком огромного подземного зала, разделённого на множество секций, в каждой из которых кипела жизнь. Суетились вокруг каких-то приборов инженеры в серо-голубых халатах, стучали по клавишам аййтишники, офисные сотрудники говорили по телефону, секретари носили туда-сюда бумаги, собрались вокруг овального стола, что-то обсуждая, люди в военной форме, а по периметру прогуливались, то тут, то там, охранники в полном обмундировании и с автоматами.

Похоже, на базе вовсю шла подготовка к чему-то важному и срочному. Пока я таращил глаза на суетящийся человеческий муравейник, мы причалили к платформе. Она располагалась на высоте нескольких этажей над общим залом и вела куда-то ещё дальше вглубь. Тут нас встретил большой сканер – такой же, как в Москве – и трое молчаливых стражей. Но сканировать нас они не стали, только приставили руки к козырьку, отсалютовав.

Покрутив головой по сторонам, я с удивлением увидел справа, перед проходной, аж четыре современных грузовых лифта в прозрачных шахтах, причём возили они как вниз, так и вверх – видимо, на поверхность. Зачем же тогда секретарь повёз меня сюда на этом допотопном фуникулёре? Хотел произвести впечатление?..

Мы прошли на длинный балкон, возвышавшийся над открытой частью базы. Дальше можно было спуститься по лестнице в «муравейник» или пройти к закрытым помещениям. Здесь-то Олег внезапно и оставил меня одного, извинившись, потому что ему позвонили из первого отдела и вдруг срочно вызвали на какой-то, вероятно, секретный разговор. Он немного занервничал, но постарался не показать вида. Только настойчиво попросил меня подождать его тут и никуда не уходить. Наивный!

Разумеется, оставшись в одиночестве, я с любопытством отправился исследовать базу. Сначала просто шёл вдоль парапета, глядя вниз на вкалывающих в поте лица сотрудни-

ков. Но это быстро мне наскучило, и в голову пришла идея получше – отправиться вслед за Олегом в закрытые отделы. Приложив жетон охотника к магнитному замку, я, ничуть не сомневаясь, пошёл по длинному белому коридору, глаза по сторонам. Здесь, в отличие от московских лабиринтов, везде висели указатели, так что заблудиться я не боялся.

Я прошёл мимо очередного поста охраны, комнаты дежурных инженеров, офиса первого и шестого отделов, миновал проходы, ведущие в зелёный, жёлтый и красный сектора, диагностический и процедурный кабинеты, лабораторию, ординаторскую, операционную и, наконец, оказался в конце коридора у двери с надписью «Реанимация. Вход воспрещён». Вот это уже интересно. В Москве я ничего подобного не видел. Кого они, интересно, тут реанимируют? Или табличку повесили для отвода глаз, а на самом деле за этой дверью скрывается что-то другое?

Что ж, раз Каспер подарил мне свой пропуск, открывающий все пути, то грех им не воспользоваться. Снова достав жетон из кармана, я приложил его к магнитному окошку и вошёл внутрь таинственной зоны. Передо мной тянулся коридор, освещённый тусклыми лампами, с множеством отъезжающих вбок автоматических створок – на этот раз они все были без подписей и магнитных замков. Видимо, открывались только изнутри. В дальнем конце коридора, напротив прохода куда-то ещё, висел считыватель радужки. Ни на что особо не надеясь, я встал напротив него. Сканер, тихо щёлк-

нув, сфотографировал меня, призадумался на какое-то время, и потом дверь внезапно отворилась. Вот это да! Откуда же всевидящему оку Каспера известен рисунок моей радужки?

Я шагнул внутрь открывшегося тёмного помещения, и в следующую секунду всякая ерунда типа моих глаз вмиг перестала меня волновать. В центре комнаты стоял металлический саркофаг – похожий на те «гробы», которые мне уже посчастливилось видеть в Москве. Свет был выключен, но прозрачная верхняя крышка саркофага распространяла вокруг себя приглушённое жёлтое мерцание. Видимо, внутри, по контуру, проходили светодиоды. Всё остальное место в палате занимали различные мониторы, датчики, приборы, капельницы и другие, неизвестные мне медицинские установки. На одном из мониторов было что-то похожее на графики пульса, давления, насыщения крови кислородом. На другой панели мигала красным надпись «sync» и рядом с ней «99%». В изголовье «гроба» висели электронные часы. Бледно-голубые цифры выполняли обратный отсчёт времени: сейчас на таймере оставалось 6 дней, 11 часов, 53 минуты и 25... 24... 23 секунды. Интересно, а что будет потом? Мертвец внутри оживёт? Или капсулу, вместе с ним, уничтожат?..

Сглотнув страх, я подошёл ближе и заглянул через стекло внутрь. В желтоватой воде саркофага, с пластиковой маской и трубками у лица, с капельницами, подключёнными к

обеим рукам и, пардон, с катетером в мочевом пузыре, лежало чьё-то тело. Его худоба и длинные светлые волосы, плавающие в воде, сперва натолкнули меня на мысль, что там, под всеми этими реанимационными аксессуарами, прячется девушка. Но нет. Я перевёл взгляд на обнажённую грудную клетку, усеянную датчиками-присосками, и стало очевидно, что тело всё-таки принадлежало мужчине.

Интересно, кто этот несчастный? Жутко тощий, прямо сохшийся, аж рёбра торчат. Бледный, даже чуть зеленоватый оттенок кожи. Словно гигантский гомункулус, зависть для Кунсткамеры. Тоже искусственный вампир?.. Нет, вряд ли. Чересчур уж он хлипкий и нездорово выглядит.

Чем больше я смотрел на него, тем сильнее у меня кружилась голова. Должно быть, по цвету лица я сейчас сравнялся с этим заспиртованным чудиком – так мне стало тошно. Вдруг под потолком запищал какой-то прибор, заморгала мелкая оранжевая лампочка, поползли вверх кривые показатели на мониторах, подключённых к саркофагу.

Створка сбоку отъехала в сторону, и в помещение вбежала женщина лет пятидесяти в белом халате. Бросив быстрый взгляд на табло у входной двери, где отображались три последних захода, она увидела там номер Каспера, и ругать меня не стала, но воскликнула довольно укорительно:

– Что вы здесь делаете?.. – заметив, что я, белый как полотно, сползаю по стеночке на пол, она подхватила меня за локоть. – Сядьте сюда... Вот так. Принести вам воды?

– Нет, спасибо, – я отрицательно мотнул головой.

– Зачем вы вообще сюда пришли?! – продолжала причитывать она.

– Не знаю, просто гулял, гулял и...

Достав из кармана халата мобильный, она позвонила кому-то. Впрочем, в следующую секунду стало понятно, кому:

– Олег, забери у меня своего подопечного. И глаз с него больше не спускай!

– Где он? – смутившись, спросил секретарь.

– Угадай.

– Марья, простите! Как неловко получилось! Я отлучился-то всего на пару минут. Кто же мог подумать... Скоро буду!

Вздыхнув, врач поправила датчики, отрегулировала го-мункулусу капельницу, и оранжевый светодиод погас. Ещё некоторое время пронаблюдав за показателями, она снова обратилась ко мне:

– Знаете, что. Гуляйте на свежем воздухе лучше. Тем более, такая хорошая погода сегодня! А в наших стенах гулять не надо, ничего полезного вы здесь не найдёте.

Точно. Кажется, с меня хватит шокирующих впечатлений. Теперь не буду шпионить. Больше никогда в жизни! Напоследок я зачем-то ещё раз глянул на заспиртованного и тут же, прикрыв рот рукой, выбежал в коридор.

Отдохнуть и оклематься мне толком не дали. Едва увидев установку, с помощью которой врачи хотели снимать энцефалограмму, я снова потрясённо замер в дверном проёме, а потом и вовсе отпрянул назад, но врезался в Олега и остановился.

– На этот электрический стул я не сяду! – уверенно воскликнул я.

– Гриша, заходите, не бойтесь, – позвала врач, ещё одна дама средних лет. – Вы нам нужны живым и невредимым. Садитесь.

Я с опаской взглянул на неё, потом на долговязого. Тот как всегда был спокоен и невозмутим. Наверное, только такой человек смог бы выжить на посту секретаря самого Каспера. Работка-то нервная, не каждый потянет.

В общем, на стул я всё-таки сел. И даже позволил нацепить на мою голову и лицо штук сто датчиков-присосок. Следующие минут десять шло исследование, и по ходу доктор прилежно фиксировала в своём планшетке какие-то данные. Сначала её лицо ничего не выражало, потом она едва заметно нахмурилась. Поправила пару датчиков. Снова, хмурясь, изучала информацию, выданную машиной. В итоге, сняв с меня шапку с проводами, спросила:

– Вам стреляли в голову?

– Вы угадали. Аж дважды, и ещё пару раз ударили. Но всё уже зажило, – успокоил её я. Врач, правда, от этих слов ничуть не успокоилась.

– Плохо дело, – она повернулась к Олегу. – Зови остальных. Где они ходят?

Долговязый сделал короткий звонок, и через полминуты комната наполнилась людьми в белых и серых халатах. Сгруппировавшись у компьютера, доктора и инженеры некоторое время изучали мою энцефалограмму, врач что-то показывала им на графиках, а они кивали. Потом они облепили меня и начали тщательно исследовать – проверяли рефлексы на руках и ногах, просили открыть рот, высунуть язык, повернуть голову то туда, то сюда, светили в глаза. К счастью, не ультрафиолетом, а обычным фонариком – хотя, тоже приятного мало.

– Рефлексы сохранены, – сказал в итоге один из инженеров.

– Это вопрос времени, – поспорила врач. – Изменения уже начались. Ему нужна операция прямо сейчас.

– Не успеем. Да и с данными как быть? Не стирать же всё заново.

– И поверх не запишется без пробелов, – поддакнул другой мужчина в сером. – Последний бэкап был вчера в полночь.

Дальше они ещё о чём-то спорили в таком же духе. Обсуждали какие-то резервные копии, кластеры, модули памя-

ти. Я ровным счётом ничего не понимал, но с каждой минутой мне отчего-то становилось всё тревожнее.

– Послушайте, это прекрасно, что вас вдруг так заволновали некие ваши данные, но что там с моей головой? – спросил я. – Я жить-то буду?

Они все осеклись и посмотрели на меня внимательно. Ну наконец-то, вспомнили про моё существование!

– А! – в сердцах махнул рукой самый старший врач, крепкий мужчина с седой бородой. – Что теперь говорить. Если сделать ничего нельзя, то давайте просто верить, что нам хватит времени. Попробуем ускориться, насколько это возможно.

– Что мне передать первому отделу? – подал голос Олег. – Мне надо запланировать совещание с ними.

– Планируйте, ради бога. И чем быстрее, тем лучше! Если специально не спросят, то ничего им не говорите.

Парень напряжённо выдохнул:

– Понял. Пойдёмте, Гриша.

В отличие от Олега, сам я так ничего и не понял, но послушно поднялся с кресла и поплёлся за ним.

Петляя по коридорам, он на ходу сделал несколько звонков – по очереди приглашал руководителей в зал для совещаний и параллельно рассылал с телефона рабочую почту, информируя шестой отдел.

Судя по тому, что Олег несколько раз оборачивался на меня и следил, чтобы я не отстал, он вёл меня не куда-нибудь,

а вместе с ним на то самое важное собрание. От этой мысли тоже было немного волнительно, но, по крайней мере, меня пока хотя бы не собираются убивать. Это радует.

В просторной светлой переговорной стоял длинный стол, а по обеим сторонам от него – ряды стульев. Стулья были все одинаковые, обитые чёрной кожей, и только в дальнем углу, у окон, открывающих с высоты вид на «муравейник», возвышалось пафосное директорское кресло из чёрной замши, развёрнутое в пол-оборота к нам. Кресло пустовало, но, приглядевшись, я заметил, что на спинке вышита белая витиеватая буква «К» и потерял дар речи. Уж не кресло ли это самого Каспера? Неужели я прямо сейчас его увижу?!

Постепенно все стулья по обеим сторонам стола заполнились. На одно из них, по приглашению Олега, приземлился я. Секретарь сел рядом, тут же суетливо выложил из портфеля какие-то бумаги и записные книжки, разложил их по столу. Достал диктофон, ручку и папку-планшет с закреплёнными на ней чистыми листами – видимо, приготовился вести запись встречи всеми возможными способами. Окинул взглядом зал и проговорил уверенно:

– Что ж, давайте начинать.

– А разве, – с интересом перебил его я, – разве мы никого больше не ждём?

– Кого вы имеете в виду? – он внимательно на меня посмотрел, поправив очки.

– Ну... – я недвусмысленно указал рукой на замшевое

кресло.

– А, – он аккуратно улыбнулся. – Нет. Все, кто должен был прийти, уже здесь.

Ну вот. Опять Каспер нас обломал. Впрочем, на то он и «призрак», чтобы прятаться, а если и присутствовать, то невидимо. Но тогда зачем здесь это кресло?..

Следующие два часа я рассказывал уважаемым охотникам свою историю. Про то, чем занимался я сам, и про то, чем занимался московский СКОК у них за спиной. Разумеется, я сходу сдал с потрохами Михаила, Арсения, Ларису и даже Бориса. Они ведь мне ничего хорошего не сделали, чтобы я их прикрывал. Ещё я в подробностях рассказал про «удивительные» приключения Эмиля по ночам и про его щедрые премии. В конце концов, назвал все явки и пароли, а потом, чтобы не быть голословным, выложил на стол свой ноутбук и флешку, которую с утра, перекопировав, вернул мне Константин.

Теперь серьёзные дядьки, переговариваясь между собой, изучали московскую базу, а я, наконец, смог перевести дух и выпить пару глотков воды. Всё же я скромный программист, а не оратор, и вещать по несколько часов мне трудно. Олег, вытерев карманным платком пот с лица, положил ручку. Наверное, тоже устал – всё-таки ему пришлось извести толстенную стопку листов без перерыва на отдых, поспевая за моей быстрой речью. Покосившись в его записи, я увидел, что он, оказывается, не просто записывал за мной сплошным

текстом, а рисовал ментальные карты. И такие они у него получились мудрёные, с множеством овалов и стрелочек, что я даже вникать в них не стал.

Ещё через час охотники оставили компьютер в покое и расселись обратно по своим местам

– Ну, понятно, – проговорил хмурый чернобородый мужчина, нервно крутивший в руке цепочку с жетоном, на котором значился код «А-01-00002». – Гриша, а вы что скажете?

– Я должен ещё что-то сказать?

– Как по-вашему, что делать с нашими московскими товарищами?

– Насколько я понял из письма Каспера, – аккуратно начал я, – вы не можете ничего с ними сделать в таком составе, как сейчас.

– Увы, это похоже на правду.

– Вам нужна помощь вампиров?

– Она была бы очень кстати. Но насколько реально?

– Я пока не знаю, – пожал плечами я. – Константин очень непредсказуем, но он тоже точит зуб на алхимика и сейчас сам изучает базу. Если хотите, я поговорю с ним. А помимо этого, простите, но я вряд ли чем-то ещё смогу вам помочь.

В этот момент зазвонил мой телефон. Ещё раз извинившись, я принял вызов.

Не успел я сказать «Алло», как в динамике раздалось:

– Да как ты смел?! – и такое громкое, что мне пришлось отодвинуть трубку от уха, спасая свои барабанные перепон-

ки.

– Привет, Стелла, – ответил я осторожно. – Что я опять натворил?

– Почему ты не сказал мне, что Эмиль жив?! – возмущённо кричала она.

– Так ведь я же говорил!

– Не помню такого.

– Я повторил это несколько раз, пока Костя мне не запретил!

– Лжёшь!

– Вот ещё. Спроси у него!

– Даже не собираюсь тратить на это время! Я еду в Москву!

– Нет! – воскликнул я так громко, что мой голос отразился эхом от стен переговорного зала. – Ни в коем случае! Это опасно!

– Я должна его спасти!

– Да его не нужно спасать!

– Не указывай мне что делать! Почему ты сам не вытащил его оттуда?! Ты... ты... ты бессердечный!

– К нему может быть. Но тебя я очень люблю! Стелла, милая, пожалуйста, не делай глупостей! Дождись меня! Я сейчас же выезжаю!

Выскочив из-за стола я, под удивлённые взгляды первого отдела, схватил со спинки стула свою куртку:

– Ребята, извините, мне пора. У нас с вами, безуслов-

но, очень важное совещание, мы его обязательно продолжим позже и решим, что делать, но сейчас мне нужно бежать. Олег, можете подвезти меня? Или дайте мне на время служебное авто.

Смоленские коллеги изумлённо переглянулись между собой.

– Что-то пошло не так, – тихо подметил один из них.

– Да уж, – согласился долговязый, нехотя кинув на стол ключи от «гелика». – Такого в протоколе не напишут.

Глава 42. Потерять её

Увидев мою крутую тачку, Стелла так опешила, что даже кричать на меня больше не стала:

– Гриша, ты меня пугаешь, – только и смогла она сказать глухим голосом. – Что происходит?

– А, это... – я обернулся на машину. – Мои новые знакомые дали покататься на время. Долго объяснять. Просто я очень торопился к тебе... Спасибо, что дождалась!

– Не за что, – фыркнула она. – Меня Константин отговорил. Но если бы не его внушение...

– Где он?

– Разговаривает по телефону с дедом. Ой, что он начудил... – Стелла закатила глаза. – Всех поднял на уши!

Я с подозрением взглянул на неё и, придерживав за локоть, повёл к коттеджу:

– Константин? Начудил?.. Что случилось?

– Представляешь, он слил базу данных московского СКО-Ка в закрытую сеть, к которой подключены все чистокровные вампиры! И что там началось, ой... Ты бы знал, какой взрыв гнева вызвала у всех информация о создании армии искусственных вампиров! Для чистокровных это настоящее оскорбление. Все теперь ходят на ушах, собрались брать штаб охотников штурмом, от тайной лаборатории грозятся камнями на камне не оставить, а за Эмиля вообще все стоят

горой, готовы вытащить его оттуда во что бы то ни стало! Кто-то уже летит в Москву, кто-то активно собирается... И все такие взвинченные. Свекровь вообще устроила истерику, позвонила мне и орала на меня, орала...

– Чего эта старая гримза от тебя-то хочет? Не рада, что ли, что сын жив?

– То ли не рада, то ли делает вид. Она прямым текстом сказала – «Уж лучше бы он умер, чем унижительно прислуживать охотникам, позоря свой род». Потом она ещё долго причитала, мол, так и знала, что брак с нечистокровкой её сына до добра не доведёт... И всё в таком духе – пока не вмешался Константин и не сказал ей, что, если она пожелает, то может тоже явиться вместе со всеми в Россию и самолично прибить сына-неудачника.

– Охохо, – выдохнул я. – Кажется, зреет катастрофа.

– А теперь ещё ты...

– А что я?

– Я тебя совсем не узнаю... Где ты был? Чья это машина?

Почему от тебя так сильно пахнет чесноком?

– Это какая-то фишка смоленских охотников. У них везде расставлены чесночные аэрозоли. А чей автомобиль... не знаю, может быть, Каспера.

– Ты шутишь?!

– Это просто мои догадки, – я развёл руками. – Пойдём в дом, мне надо поговорить с Константином.

Цепеш младший сидел в своём кабинете перед ноутбуком

и говорил со старшим Цепешем по видеосвязи. Когда я вломился туда, их разговор был в самом разгаре, но, так как они оба говорили на румынском, подслушать я не успел. Увидев меня, Константин улыбнулся хитро и добавил уже по-русски:

– А вот и он. Сейчас я тебе его покажу. Гриша, иди сюда, – он поманил меня пальцем с длинным острым ногтем. – Дедушка хочет с тобой поговорить.

Я обошёл стол с другой стороны и неуклюже помахал в камеру рукой, которая плохо меня слушалась:

– Здрасьте!

– Поклонись хотя бы, – сквозь зубы процедил мне Константин, толкнув меня ногой под столом. – Или ты не в курсе, с кем разговариваешь?

– Ах, внучок, брось. Новое поколение совсем другое. Не будем злиться на них за это.

Сказав так, Влад Цепеш осёкся и уставился на меня, а я, пользуясь случаем – на него. Всё же не каждый день можно встретить самого графа Дракулу собственной персоной, пусть и по «скайпу»!

Честно говоря, я ожидал увидеть на его месте какого-то седого дряхлого старика, похожего на Кощея Бессмертного или кого-то в этом роде, но на меня с экрана смотрел внешне довольно молодой мужчина – на вид ему можно было бы дать лет тридцать пять, не больше. Ах да, как же я мог забыть, что вампиры не стареют!.. И всё же, было в нём что-то такое, что наделяло его взор зрелостью, перед которой и

правда хотелось преклонить голову.

В первый момент он показался мне похожим на Константина – такой же черноглазый брюнет с длинными волосами, собранными сзади в хвост. Те же аристократически утончённые черты лица, только, в отличие от внука, граф не брился начисто – на его бледном лице выделялась искусно очерченная короткая бородка... Но уже через пару мгновений бородка превратилась в длинные чёрные усы, а в следующую секунду они посветлели, сделавшись пепельными. Глаза из чёрных превратились в серо-белые. Густые брови словно покрылись инеем. Передо мной вдруг предстал морщинистый старец, да так неожиданно, что мне захотелось как следует протереть глаза.

Ничего не понимаю! Молод он или старик? Смугл или бледен? Брюнет, блондин или седой? Облик Дракулы постоянно менялся, черты лица как будто бы плыли, и я никак не мог его рассмотреть. Каков он из себя на самом деле? Какого цвета глаза? Волосы длинные или короткие? Или он лысый? За считанные секунды он сменил передо мной сотню образов, непохожих один на другой. Когда я пытался пристальнее рассмотреть его, картинка начинала как-то странно дрожать и смещаться. Я так ничего и не запомнил. Помню только зрачки: узкие и чёрные-чёрные. И взгляд, режущий как скальпель.

Он смотрел на меня, не отрываясь, а мне и впрямь казалось, что он орудует в моих внутренностях чем-то острым,

отделяя кожу от мышц, а мышцы от костей. Это продолжалось пару минут, и мне уже стало физически больно от настолько пристального внимания, как вдруг, наконец, он очнулся:

– Вы?! – воскликнул он, удивлённо округлив глаза, и вдруг расхохотался. – Это что же получается! Вы, батенька, вампир?! Вот так казус! Вот это потеха!

И продолжил дальше заливаться хохотом, демонстрируя свои острые белоснежные клыки.

Мы с Константином недоумённо переглянулись.

Отсмеявшись вдоволь, Дракула смахнул слёзы со щёк и прочистил голос:

– Да, правильно. Чтобы поймать вампира, нужно думать как вампир. А ещё лучше – быть им. Но сколько же в вас обоих отваги! А ещё больше – слабоумия!

– Дедуль, я знал, что он работает на СКОК, – поспешно вставил Константин. – В этом плане всё под контролем.

– Кто у кого под контролем, рассудит время. Но я верю, внучок, что эту головоломку ты решишь сам – без моей помощи – и всё в итоге обернётся так, как будет лучше для тебя... Только как именно будет лучше для тебя, мой хороший? – философски переспросил он и повторил настойчиво. – Как будет лучше, а?..

Константин только опечаленно закивал в ответ, мол, «Понимаю, понимаю». Они больше ничего не говорили друг другу. Некоторое время просто смотрели в свои мониторы. А

может быть, общались мысленно?

Как бы то ни было, вскоре звонок завершился, и младший Цепеш, обернувшись, сказал мне уверенно:

– Будем брать Москву. Ты с нами?

– Да, – отозвался я. – И не только. Со мной едет Смоленск.

Губы Константина скривились в ухмылке:

– Зачем нам лишнее пушечное мясо? Люди бессильны против армии вампиров, пусть и искусственно созданных.

– Вряд ли я смогу отговорить их, – я пожал плечами. – Давайте просто назначим день и час? А они уж там сами разберутся...

Цепеш внимательно сверлил меня своими хищными глазами:

– Что ж, если СКОК готов сделать вместо меня часть грязной работы... той самой, за которую меня могли бы осудить в наших кругах... то так даже лучше, – ответил он, наконец. – Ты ведь понимаешь, о чём я, Гриша?

– Похоже, что да, – и всё же, на всякий случай, я решил уточнить. – Вы с Вернером крепко поссорились? Навсегда?

– Крепче не бывает, – отрезал Константин уверенно. – Навечно. Видишь ли, чего он удумал. Заполучить кристалл своего лучшего друга. И не кого-нибудь, а потомка самого Дракулы! Совсем с ума сошёл. Двух способностей ему, посмотрите-ка, мало... Ненавижу его. Пусть горит в аду.

– Остальные не знают?

– Конечно нет, – он едко хмыкнул. – Остальные собира-

ются его спасать. Но, полагаю, будет очень удачно, если в назначенный день и час туда, совершенно случайно, приедут смоленские охотники, и алхимик попадёт под их горячую руку. Это ведь и в твоих личных интересах, Гриша? Или нет?

Я вздохнул:

– Трудно признаваться, но это так.

– В таком случае, я сам не поеду. А вы держайте. Лучшие наши чистокровные вампиры вам в помощь. Завтра в без пятнадцати полночь, успеете?

– Постараемся.

– Вот и славно. А теперь сгинь отсюда, лгун, – Константин с какой-то печалью в глазах опустил голову и добавил тише. – Я знаю, что это, скорее всего, ловушка. Иначе почему от тебя сегодня так безбожно воняет чесноком...

Он с отвращением сморщил нос и, прежде чем я успел ему возразить, помахал в мою сторону пальцами, прогоняя. Пришлось закрыть рот и уйти. Сейчас, от греха подальше, его лучше не злить.

Спускаясь по лестнице вниз, я призадумался. Наверняка, Костя считает, что я так крепко «надушился» чесноком, чтобы перебить все запахи и скрыть от него какую-то важную информацию. Впрочем... а что если на это мои смоленские коллеги и рассчитывали, когда расставляли везде чесночные аэрозоли?

– Гриша! – догнала меня Стелла. – Ты опять уезжаешь?

– Да, – кивнул я. – Но завтра вечером я тоже приеду в

Москву. И со мной будет подкрепление.

– Охотники?

– Они.

Она посмотрела на меня взволнованно:

– Не нравится мне твоя дружба с ними...

– Как бы то ни было, это повышает шансы на успех, – я коротко чмокнул Стеллу в щёку и сел за руль внедорожника. Зажёг яркие фары и тут же, спохватившись, выключил их, чтобы её не слепить. – Не волнуйся, всё будет хорошо!

* * *

Когда я вернулся в смоленский штаб и вошёл в зал для совещаний, то к изумлению своему увидел, что, несмотря на поздний час, все охотники остались на своих местах за переговорным столом. Кто-то из них дремал, прямо сидя на стуле, кто-то тыкал в телефон, и только Олег строчил что-то в ежедневнике, изредка поглядывая на часы.

– Господа, – сказал я, кашлянув. – Я обо всём договорился. Завтра вечером в 23:45 мы должны быть на месте. На нашу сторону встанут как минимум сорок чистокровных вампиров. Скорее всего, даже больше. Они добавили меня в их закрытый чат. Пожалуйста, можете почитать переписку. Здесь все последние новости.

Я выложил из кармана свой мобильный и подтолкнул его пальцем, запуская на середину стола.

– Вот так-то лучше, – протянул тот самый руководитель с номером «2», – совсем другое дело. Я же говорил, это не ошибка. А вы, чуть что, сразу в панику!.. Олег, звони в седьмой отдел, пусть готовятся в соответствии с протоколом. Четвёртому отделу – усилить защиту в реанимации. Дополнительные входы перекрыть. Третьему отделу – всех медиков и лаборантов с утра вызвать на суточное дежурство. Пятому отделу – сегодня в полночь активировать и проверить троян. Жук, Серый – вампирский чат на вас двоих. Гриша, а вы... вы отдохните как следует. Завтра сложный день.

Я мотнул головой:

– Нет, спать мне нельзя.

– Сегодня можно. Не переживайте ни о чём. Мы знаем, как спрятать вас от алхимика.

Чуть позже, раздав всем отделам распоряжения, Олег проводил меня в какую-то странную комнатку, похожую на одну из палат в московском зелёном секторе. Ничего лишнего: письменный стол, стул, кровать, маленький холодильник, раковина. Поначалу я даже испугался, что меня сейчас посадят за решётку, как Эмилия, но нет – ключ секретарь сразу же отдал мне.

Окон в помещении не было, вместо них на стенах висели зеркальные панели, повернутые шиворот-навыворот – задней частью наружу. При желании их можно было перевернуть, и одна такая панель, сверху над рукомоёмником, как раз

висела нормально – видимо, чтобы посмотреться в отражение, причесаться или почистить зубы.

– Это зеркальная защита. От астральных нападений. Перед тем, как ляжете спать, сделайте вот так, – Олег развернул и это оставшееся зеркало лицом к стене.

– А что, вампиры ещё и зеркал боятся? – полюбопытствовал я. Про такое мне читать в базе не доводилось.

– Не всех. У этих зеркал отражающая поверхность покрыта серебром.

– Ах, вот оно что!

– Здесь вас никто не потревожит, но на всякий случай... – долговязый положил рядом с моей кроватью небольшой плоский прибор, – это монитор дыхания. Если он зафиксирует, что вы стали чаще дышать, что бывает во время ночных кошмаров, то сработает «сирена», и вы проснётесь... Да, кстати, в холодильнике есть кровь. Вы, наверное, проголодались или проголодаетесь к утру.

– Спасибо, Олег. Теперь мне совсем спокойно.

Дежурно улыбнувшись, он кивнул и оставил меня в одиночестве.

Я сел на кровать и шумно вздохнул, сбрасывая с себя напряжение. Как же всё у них тут странно и непонятно. Всё такое чужое, но одновременно... мне устроили столь радушный приём, будто бы я вернулся к себе домой. Что бы это могло значить?.. Наверное, Константин прав, и это какая-то хитроумная ловушка Каспера, которую мы оба так и не смог-

ли раскусить.

Если бы я ещё немного подумал, то, возможно, сделал бы правильные выводы, но мне жутко, просто ужасно хотелось спать. Едва моя голова коснулась подушки, я, не успев даже накрыться одеялом, отключился.

* * *

Какой странный сон. Как он не похож на все остальные...

Кажется, я в открытом космосе. Повсюду звёзды, всё такое яркое-яркое, но мой кристалл меня не слепит. Словно у меня нет кристалла, а в груди, как когда-то раньше, бьётся человеческое сердце. Я уже и отвык от его ударов, а это, оказывается, так приятно – чувствовать себя живым.

Я лечу на космическом корабле. Лечу долго – не одну и не две сотни световых лет. Возможно, моё путешествие бесконечно, и не было у него никогда начала, а значит не будет и конца.

Я поочерёдно спускаюсь на каждую планету, облетаю её всю вокруг. Вижу сотни живых существ – людей, вампиров, оборотней, гуманоидов, гномов и всяких разношёрстных фантастических тварей и птиц. Как одинокий исследователь, я фотографирую их, а потом, снова взлетев в космос, тщательно ранжирую фотографии по различным папкам на своём ноутбуке, пока космический звездолёт несёт меня к очередной планете. Каждая из многочисленных папок под-

писана. Благодаря этим подписям я знаю, что побывал уже в системах Сириуса, Бетельгейзе, Веги, Альдебарана, Антареса – облетел каждый закуток, но так и не нашёл там ту, кого ищу...

Её нигде нет. Ни на земном шаре, ни за его пределами. Как же такое могло случиться?! Когда я успел потерять её?

– Стелла! – иногда я, забывшись, кричу в чёрную вакуумную пустоту, но звёздное пространство поглощает мой крик, и даже сам я не слышу своего голоса. – Света! Светочка!.. Василёк!.. Где ты? Куда ты пропала? Мне так тебя не хватает!..

Мою душу охватывает отчаяние. Когда-то она пугала меня до жути, едва войдя в мой сон. Но как?.. Чёрт возьми, как ей удалось, просто исчезнув, сделать этот кошмар самым страшным из всех?!

– Пожалуйста, не оставляй меня!.. – откидываю ноутбук в сторону, и он со звоном разбивается. Сейчас я готов отдать всё за то, чтобы снова увидеть её. Я даже согласен проститься со своей жизнью, пусть только она придёт! Пусть утопит меня, разрубит на части, сожжёт – только бы она была рядом! Только бы отозвалась!..

Время течёт как разлитое молоко, когда я плыву по млечному пути. За бортом мелькают, ослепляя меня, световые года. И один тягостнее другого. Всё чернее становится разрастающееся, пожирающее меня одиночество.

Нет, не дождётся меня Альфа Центавра. Не увижу я Де-

неб. Не суждено мне исследовать Альтаир. Больше я не выдержу.

Отключив все системы безопасности, я спускаю трап – прямо в открытом космосе – и его ступени ведут меня в бесконечную темноту. Туда, где нет воздуха, нет света, нет жизни... Сердце, больно стуча, вырывается из моей груди.

Громко пищит монитор дыхания, но мне на него плевать. Не надо останавливать меня. Пусть лучше я умру. В конце концов, возможно, я заслуживаю смерти...

Глава 43. Священная охота

После обеда, в 15:00, колонна служебных «уралов» и «камазов» с прожекторами на крышах не спеша двинулась в сторону Москвы. Сколько их здесь было штук? Даже не знаю, стоя вдоль дороги, они уходили за горизонт, и сосчитать их мне не удалось. Однако масштабы операции впечатлили. Похоже, смоленские охотники настроились серьёзно и решительно.

Перед выездом меня экипировали: выдали военную форму, сапоги, ремень и кожаные перчатки без пальцев. Форма мне досталась чёрная. Видимо, так тут было заведено: обычные рядовые из седьмого отдела носили пятнистую камуфляжную одежду, а ребята из секретного шестого – однотонную чёрную.

По дороге мужчины, сидевшие со мной в «гелике», постоянно поддерживали связь со штабом – получали и передавали какую-то информацию. Один грозный дядька из шестого отдела не расставался с телефоном, поставленным на громкую связь, два других нервно втыкали в планшет и ноутбук. Только Олег за рулём был невозмутим и сконцентрирован на дороге. Тот, который переговаривался по телефону, держа его как рацию, время от времени спрашивал про некую синхронизацию, и чем ближе мы были к месту назначения, тем чаще его волновал этот вопрос. Я невольно вспомнил

красную мигающую надпись над саркофагом. Интересно, с чем они все постоянно синхронизируются?.. Сотрудник на том конце провода постоянно называл разные цифры в процентах. Сначала чаще всего звучало то семьдесят, то восемьдесят с чем-то процентов, и это явно было предметом для волнения. Когда процент возрастал, ребята в машине успокаивались и некоторое время ничем больше не интересовались. Уже при подъезде к Москве, на хорошей дороге, когда нас, наконец, перестало трясти, синхронизация выросла аж до 98%, и мужчина с рацией, как мне показалось, даже облегчённо вытер пот со лба.

Потом они, наконец, вспомнили про меня.

– Гриша, – обратился ко мне один из них, отложив планшет, – вы стрелять умеете? Любите?

– Не то чтобы люблю, – расплывчато ответил я, – но в последний раз, когда я пробовал, у меня получилось очень даже неплохо.

– Сегодня пойдёте с нами?

– Да, конечно.

– Ну, тогда держите. Это ваше, – охотник достал откуда-то из-под сидения небольшой пластиковый контейнер. Сняв крышку, я увидел внутри пистолет Макарова. В разобранном виде.

Охотники поглядывали на меня с издёвкой, ожидая реакции. Понятно – думают, что перед ними простачок, который ни разу не держал оружие в руках, и решили меня испытать.

Мне даже немного обидно стало. Сейчас я им покажу.

Я хрустнул пальцами, и вот уже мои руки ловко собирали по частям пистолет. Готов поспорить, эти ребята даже время засечь не успели! Быстро снарядив магазин патронами, я с характерным щелчком вставил его на место:

– Готово.

Мужчины переглянулись, и старший одобрительно кивнул:

– Уговорили.

– Только у меня будет одно условие. Я пойду со Стеллой.

– Женщина, да ещё и вамп, в наших рядах?..

– Нам нужно быть вместе, – уверенно выпалил я и, вконец обнаглев, добавил. – Иначе на мою помощь не рассчитывайте!

Мужики заржали. Потом один из них принялся снова тыкать в планшет. Может быть, смотрел расположение сил?.. Показал что-то остальным. Они почесали затылки, подвигали пальцами по экрану, снова переглянулись.

– Можно и так, – наконец, согласие между ними было достигнуто. – Однако, Гриша, мы с себя ответственность за это снимаем. Присматривайте за ней сами. Мало ли, чего она решит выкинуть... Вот, возьмите. Тут запасные магазины и серебряные пули. Обычные – для людей. Серебряные – для вампиров. Но это вы и сами знаете.

В вампиров я стрелять, конечно же, не собирался. Разве что, в искусственных – но они-то пока спят в своих гробах.

Может, ещё обойдётся, и Арсений их не натравит на нас?..

Чуть позже я попросил у охотников протокол операции, а в частности мне хотелось узнать, как планируется проводить штурм, но они только коротко отрезали «Не положено». Тогда я стал выпрашивать, велено ли им ликвидировать вражеский лагерь, а особенно – Эмиля. Ответ был очень размытый:

– Людей убираем, но не всех. Только причастных к заговору. Вернера решено брать живым. Если окажется малейшее сопротивление при задержании, ликвидировать немедленно.

Но разве может быть такое, чтобы он не оказал никакого сопротивления? Мне с трудом в это верилось. Всё же у него дикий нрав, и не только во сне, но и наяву.

– А как вы на месте отличите причастных от всех остальных? – снова полюбопытствовал я. – Вот, например, мне там понравился один охранник. Он меня, можно сказать, прикрыл. Хорошо бы его это... помиловать.

– Не переживайте, Гриша, про охранника мы в курсе, – хмыкнул старший. – Всю базу за эту ночь изучили досконально, выследили всех плохих и заранее «помиловали» хороших. Отличать будем по магнитным жетонам. Все номера сотрудников, подлежащих устранению, уже отмечены. Их геолокация будет считываться и отображаться у нас на мониторах. Да, кстати, вам тоже придётся надеть свой жетон, чтобы наши не приняли вас за чужака. Но это ненадолго. По протоколу штурм займёт максимум полчаса.

– Понял, надену. Не привыкать.

В Московской области мы оказались значительно раньше положенного, и, остановившись посреди леса вдоль дороги, ещё несколько часов не трогались с места, ожидая сумерек. Охотники, выйдя из машин, собрались, чтобы ещё раз обсудить план действий, но меня с ними никто не позвал. Так мы и сидели с Олегом в «гелике». Мне за это время позвонила Стелла, чтобы подтвердиться и узнать, как прошла ночь, а ему – жена. Он, оказывается, женат! Интересно, как его супруга относится ко всем этим переработкам и таким командировкам, как сегодня?..

Подслушивать их разговор я не стал и вышел из машины. Погодка снаружи была не очень – ветрено, и небо тяжёлое-тяжёлое, затянутое хмурыми грозowymi тучами. Надеюсь, к ночи распогодится. Только дождя нам не хватало!

Чтобы отвлечься, я зашёл в мессенджер и полистал вампирский чат. За эти сутки они понаписали там уже миллион сообщений, даже лень читать. Но кое-что мои глаза всё-таки выловили. А именно: в Москву прилетел Ян – ну конечно, разве скинхэд может такое упустить! Они даже, кажется, почти помирились с Илоной, судя по тому, как эти голубки теперь воркуют в чате. Общее дело их снова сблизило – наверное, это хорошо. Константин пишет, что не приедет, но это я уже и так знаю. Он увозит Влада младшего в Румынию, считая, что ребёнку дальше находиться в России будет небезопасно. А вот и мать Эмиля – сообщает, что тоже прилете-

ла в Москву. Ох, если это правда, то, чувствую, охотникам несдобровать! После её сообщения даже переписка в чате на некоторое время стихла. Видимо, остальные тоже в курсе её занудства и сварливых наклонностей. Дракула подключился – вот прямо сейчас – желает всем «ни кола, ни кинжала», советует быть предельно аккуратными и никому не верить. Спасибо, учтём.

Листая туда-сюда чат, я чувствовал, что чего-то не хватает. Штефан молчит. Где он вообще, интересно? Уехал вместе с Костей? Но тогда Цепеш написал бы что-то об этом. Кажется, в последнее время они меньше общались, и даже спать Константин теперь уходил на третий этаж, к себе в кабинет. Надеюсь, голубоглазого не оставили без присмотра, и он не решится теперь приехать сюда. При всём уважении к его дару, хилер нам сегодня не нужен. Слишком опасно. Решив удостовериться в том, что он не собирается в Москву, я ему позвонил.

Паренёк ответил сразу. Голос у него был, как обычно, позитивно-беззаботный:

– Привет, Гриша! А я тут гуляю по Красной площади и как раз вспомнил о тебе!..

– Штефан, даже не думай! – воскликнул я сквозь зубы. – Даже не думай, слышишь?! Уезжай!

– Ну не оставлю же я вас одних! Мало ли, как всё там обернётся. Дело-то серьёзное.

– Вот именно!

– Сейчас погуляю ещё чуть-чуть, выпью какао и возьму такси. Мы с остальными встречаемся на Донском кладбище... – он как будто меня не слушал.

– А Костя знает? – я вытащил из воображаемого кармана последнего козыря. – Он же тебя убьёт, если узнает!

– Пусть. Мне всё равно. Я вчера был у двери кабинета и подслушал ваш разговор. Про Эмиля. Обидно как-то за Стэна, вся эта история с кристаллом очень некрасивая. А ещё... Я хочу, чтобы вы со Стеллой были счастливы. Да-да, сам я счастливым стать не смог, но мне сделается легче, если я помогу вам.

Я ничего не смог ему ответить. Настроен он очень отважно и решительно, вряд ли я его переубежу.

– Гриша! – в этот момент Олег открыл дверь авто и пригласил меня внутрь. – Идите сюда! Кажется, собирается дождь!..

* * *

После заката мы отправились дальше, и вскоре я узнал «родные» места. Техника теперь двигалась медленно, не включая фар. Старший охотник, сидевший рядом со мной, похоже, собирался командовать операцией. Он постоянно переговаривался по рации, напоминая другим план дислокации: приблизившись к противнику со стороны открытой местности, автомобили должны были взять базу в полуколь-

цо. С тыла территорию прикрывал лес, поэтому окружить её полностью было невозможно. Часть людей собиралась отделиться от основных сил, войти под прикрытием темноты в чащу и закрепиться там, чтобы перехватить возможных беглецов.

Выстроившись полумесяцем, наши машины остановились и заглушили двигатели. Фары и прожектора были направлены в сторону противника, но оставались выключенными. Охотники действовали тихо и слаженно, радики замолчали, команды отдавались с помощью жестов. Рядом с техникой установили несколько ручных пулемётов, на крышах автомобилей разместились снайперы. Здесь же, внутри фургона одного из «камазов» расположился наш небольшой штаб под охраной нескольких автоматчиков.

Днём было облачно, и ночь выдалась беззвёздной и безлунной. Спустя всего несколько минут после того, как отдали команду наступления, по крыше нашего фургона застучали капли дождя. Внезапно рация одного из моих спутников что-то забубнила, лицо его приняло сосредоточенное выражение:

– Всем отрядам остановиться и сохранять позиции, – распорядился он в ответ.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Похоже, твои друзья подтянулись. Вслед за нами движется ещё одна колонна автомобилей, около двадцати машин – разношёрстные, в основном легковушки дорогих мо-

делей. Нас с тыла сопровождает вертолёт, с него ребята и заметили «хвост».

– А, это! – улыбнувшись, расслабился я. – Не волнуйтесь. Вы, главное, не вмешивайтесь, я сейчас сам с ними поговорю и всё улажу.

Мой собеседник молча кивнул. В очередной раз я с удивлением отметил, что все смоленские сотрудники относятся ко мне с уважением и предпочитают не спорить даже тогда, когда я говорю или делаю что-то странное или то, с чем они не согласны. Очень лестно. Надеюсь только, это не потому, что они со мной планируют в конце операции поступить так же, как их московские коллеги. Было бы неприятно: эти-то знают, что я вампир. Ну ничего, раз уж они вынуждены мне доверять, то и мне пока придётся. Если что, «свои» меня вытащат. А вот и они, кстати.

Колонна добралась до нас и хаотически припарковалась рядом. Двигатели автомобилей стихли, фары погасли, и их хозяева начали выгружаться. Вампиры решительно двинулись в нашу сторону, настороженно поглядывая на огромные машины охотников, сохраняя, однако, ледяное спокойствие. Я поспешно выскочил из машины и пошёл им навстречу. Из толпы выдвинулся Ян, вооруженный здоровенным двуручным мечом – настолько огромным, что он нёс его, положив себе на плечи. С этим оружием он выглядит не как благородный потомок древнего рода, а как вождь какого-то дикого варварского племени – усмехнулся я про себя. Но сказал

только:

– Привет, Ян!

– Здравов!

Ян остановился. Снова оглядел охотников, передёрнулся и брезгливо сплюнул себе под ноги:

– Что это у тебя тут за цирк с конями?

– Не переживай, это союзники. Нам в помощь. Штурмовать базу одним рискованно и опасно. Помимо искусственных вампиров, там полным-полно обычных охотников-людей, особенно в последнее время, когда из-за суеты с Каспером сюда нагнали кучу бойцов и значительно усилили посты. Все они вооружены серебром и прекрасно знают, как обращаться с вампирами.

– Когда они заглядывали к нам на огонёк, это не сильно им помогало.

– Тут их база, они знают каждый угол и готовились к возможным нападениям вампиров. Так что просто не будет. Поверь, Ян, нам не помешает помощь этих ребят из Смоленска. У них свои счёты с местными, и они готовы взять на себя человеческую охрану. Нам останется только прикрыть их в случае, если они столкнутся с искусственными вампирами.

К нам присоединилась Стелла, а следом за ней подошло ещё несколько вампиров – видимо, наиболее авторитетных. Поигрывая оружием, они вопросительно смотрели на Яна, которому, по всему видно, не особо нравилось принимать решения.

– Хорошо, – сказал он, наконец, немного помедлив. – Тебе я верю. Договорились. Мы останемся тут и подождём, пока в бой вступят искусственные вампиры.

– Возможно, ничего и делать особо не придётся. Надеюсь, что местные не решатся выпустить нечистокровок, и те останутся в своих гробах. В этом случае смоленские охотники гарантируют вам их уничтожение. Медики запустят механизм, который введёт им всем смертельную дозу серебра, пока они спят.

Ян покачал головой:

– Не. Лучше давайте войдём туда и перестреляем их к чёртовой матери! Прямо в гробах. Чтоб наверняка. А ещё нам надо обыскать базу и забрать Вернера.

– Я уже дал команду смоленским охотникам не вступать в бой, если встретят его, а сообщить нам.

На самом деле я, конечно, такой команды не давал, но ведь они и так, вроде бы, не собирались его убивать.

– Добро, – качок мрачно кивнул. – Только чур я буду с вами в штабе. Послушаю, о чём вы там секретничаете.

В этот момент командующий операцией махнул мне рукой, подзывая к себе.

– Ну, что я вам говорил, – подойдя, ответил на его немой вопрос я. – Всё в порядке. Можете продолжать.

Мы с Яном и Стеллой погрузились в «камаз», и всем отрядам незамедлительно был передан приказ возобновить операцию. Уже совсем стемнело, а дождь разошёлся вовсю, и

когда штурмующие приблизились к базе под покровом ночи, первые выстрелы зазвучали почти одновременно с раскатами грома.

Смоленские бойцы действовали быстро и ловко. Расположение постов охраны теперь было им хорошо известно, и они атаковали все защитные точки периметра одновременно. Внедрённый троян заранее вывел из строя оборонительные системы: все ворота и двери остались на ночь открытыми, а прожектора и большая часть фонарей на базе погасли. Бойко защёлкали гранатометы, забрасывая противника дымовыми и светодымовыми гранатами, затем сразу же раздались трески автоматных очередей. Ослеплённые, оглушённые, потерявшиеся в дыму защитники поначалу не оказывали почти никакого сопротивления. Часть из них брали в плен и в наручниках отправляли в нашу сторону. Несколько отрядов обороны и вовсе побросало оружие и сдалось в полном составе. Вскоре около нашего штаба под охраной автоматчиков накопилось довольно много таких «военнопленных».

Однако по мере продвижения внутрь базы скорость наступления начала замедляться. Наземная территория была полностью под нашим контролем, но вот сдавать также легко свои «катакомбы» противник категорически отказывался. Судя по переговорам в радиии, московские бойцы сооружали импровизированные баррикады из мебели, заваливали проходы, ловко отстреливались из-за возведённых укреплений, а также активно начали перенимать тактику наступающих

и применять гранаты. Взрывы заваливали коридоры обломками стен и дополнительно затрудняли продвижение атакующих отрядов. Отрывистые голоса, докладывающие обстановку смоленским командирам, становились всё более раздражёнными и обеспокоенными.

Поскольку операция перешла в свою «открытую» часть, на автомобилях зажглись прожекторы и завелись моторы. Техника медленно продвигалась вплотную к базе, всё сильнее сжимая кольцо, чтобы никто не смог прорваться наружу. Прямо над базой кружил вертолёт, луч которого бил вниз, шаря по территории. К сожалению, всё это никак не могло помочь отрядам, проникавшим внутрь, в многочисленные тоннели и переходы. Похоже, штурм, начавшийся столь стремительно, всё более и более увязал в подземном лабиринте.

– Слушай, Гриш, – обратился ко мне Ян, задумчиво проводя пальцем по лезвию своего огромного меча, – ты может, ну, вздремнёшь немного? Тебе ж всё равно пока делать нечего, найди зверька какого-нибудь и глянь, чё там делается. А то нечистокровок этих увезут по-тихому через чёрный ход, пока ваши копаются. Чует мой кристалл, пора нам вмешаться.

Последовав его совету, я устроился поудобнее, расслабился и вышел в астрал. И вот уже маленький крысёнок бежал по коридорам базы, попискивая от ужаса и инстинктивно прижимаясь как можно ближе к стенам. Вокруг него разверзал-

ся настоящий ад. Выстрелы, дым, пыль, обломки штукатурки, запах гари, крики, приказы командиров и стоны раненых – всё это смешалось в какой-то дикий, невероятный хаос. Я едва-едва узнавал знакомые места. Столы и стулья в офисных помещениях были перевернуты, на полу валялись разбитые мониторы. Но самая жуткая картина предстала передо мной, когда я добрался до лаборатории.

Я проник туда почти одновременно с большим отрядом смоленских охотников. Лаборатория выглядела так, как будто штурм уже состоялся – приборы, многочисленные колбы и склянки были разбиты и опрокинуты, сейфы распахнуты, повсюду валялись бумаги и папки с документами, а на полу лежали в неестественных позах несколько тел в белых халатах, по которым расплзались красные пятна.

Прямо в центре лаборатории стоял Борис. В правой руке он сжимал пистолет – не хотелось бы спешить с выводами, но, похоже, именно он избавился от своих подчинённых, не дожидаясь нас. Свет ярких лабораторных ламп отражался в его очках, скрывая глаза. Левую руку он завёл за спину, словно что-то пряча. В ноздри мне ударил резкий, неприятный запах, и я остановил крысёнка недалеко от входа, забеспокоившись. Охотники, тем временем, заполнили лабораторию, выстроившись полукругом вокруг Бориса и направив на него свои автоматы и пистолеты-пулемёты:

– Бросайте оружие! Вы окружены! Сдавайтесь, и мы не причиним вам вреда!

Борис ответил на их предложение молчанием и странной торжествующей улыбкой. Что-то полубезумное читалось в его взгляде. Лаборант бросил себе под ноги пистолет, а затем с грохотом упал на пол тот предмет, который он прятал за спиной. Увидев его, я почувствовал, как разом похолодели мои лапки. Чёрт возьми, это же канистра! И, похоже, не первая использованная! Вот чем здесь так жутко воняет – бензином! Крысёнок что есть прыти бросился прочь.

– Прикурить не желаете? – раздался за моей спиной голос Бориса.

Охотники сориентировались быстро, и несколько выстрелов раздалось практически одновременно. Но увы, они не успели. Что именно сделал главный лаборант, увидеть я не сумел, но вот пламя, практически тут же охватившее всё помещение, едва не опалило мне хвост, когда я выскакивал в коридор. Я стремительно помчался дальше вглубь базы, всё ещё не в силах до конца осознать произошедшее, а вслед мне неслись матерные крики.

Вот ведь сукин сын этот Борис! Уж замёл так замёл свои следы! Чем же он таким занимался там, что оказался готов на всё, лишь бы никто не узнал о его делишках? Какие опыты ставил, какие эксперименты проводил? Наверное, не только над вампирами измывался, но и над простыми людьми. Надеюсь, вместе с ним придёт конец и всей этой сомнительной деятельности.

Я бежал всё дальше и дальше – теперь мимо тюремного

комплекса. Часть камер была открыта, несколько пленных вампиров оказались на свободе и сцепились с московскими охранниками, громя защитников подземелья с тыла. А те, ожидая нападения обычных людей, похоже, забыли про серебряные патроны и оказались не готовы к такому повороту. У меня на глазах двое охотников отчаянно палили из автоматов в какого-то незнакомого мне вампира в больничном халате. Тот, продырявленный насквозь, надвигался на них, расставив в стороны руки и заливаясь смехом.

В другом коридоре два более находчивых охотника успели достать пистолеты с серебряными пулями и застать врасплох парочку метавшихся по коридорам вампиров, совсем юных на вид парня и девушку. Парень, похоже, был уже не жилец – серебро на моих глазах пробило ему и голову, и кристалл. Девушка, отчаянно взыв, с невероятной скоростью преодолела расстояние, отделявшее её от охотников, филигранно уворачиваясь от их выстрелов. Пробегая мимо, я успел заметить, как она разорвала горло одного из них и начала пить его кровь. Судьбу второго я отследить не успел, но, думаю, и ему не светило ничего хорошего.

Интересно, не попадётся ли мне Эмиль? Получилось ли сбежать и у него, или он ожидает своей участи, запертый в камере? Выяснить это мне было некогда. Терзаемый мрачными предчувствиями, я изо всех сил торопился дальше, боясь опоздать к центральному склепу. Но, похоже, мне повезло и на этот раз. Двигаясь по коридору, ведущему к усыпаль-

нице с искусственными вампирами, я нагнал отца Арсения и Ларису, быстрым шагом двигавшихся в том же направлении. Арсений был при полном параде – в черной монашеской рясе и кресте, а Лариса – вооружена до зубов и готова стоять до последнего. За спиной у неё болталась снайперская винтовка, в руке охотница держала пистолет, а в нагрудной кобуре красовались два огромных серебряных ножа.

– Проклятье! – сквозь зубы выругался отец Арсений. – Этот Каспер, отродье сатаны, оказался ещё худшим сыном дьявола, чем сами вампиры! Так коварно напасть на нас – и это в тот самый час, когда мы были уже близки к успеху! Каков подлец!

Лариса молча сопела, ничего не отвечая. Тем временем, навстречу парочке выскочил Михаил. Сегодня он как никогда походил на Рэмбо – крест-накрест обвешанный патронными лентами, в руках он держал огромный пулемёт.

– Давайте скорее, Арсений! – крикнул он. – Проходите! Делайте всё, что сочтёте нужным, я останусь тут и прикрою! Смоленские наседают по всем фронтам, неизвестно, сколько у нас осталось времени! Связь с Борисом пропала, а тут ещё этот прорыв в тюремном секторе...

– Алхимика так и не нашли? По-прежнему никаких вестей от него?

– Никак нет, отче! Прямо сквозь землю провалился.

– Тьфу, – в сердцах притопнул ногой отец Арсений, – вот ведь бес! Так и знал, что он нас тоже предаст, чуть только

запахнет жареным. Ладно, не до него сейчас. Поторапливайся, Лара! Тебе, Миша, удачи. Господь с тобой.

Рэмбо с мрачным видом перехватил пулемёт и остановился, блокируя коридор. Поп и его спутница поспешили к входу в склеп, я старался не отставать. Спустя пару минут мы оказались внутри, мягкий свет заливал ровные ряды стальных гробов, а отец Арсений колдовал около центрального компьютера.

– Ха! Думают, они победили! Думают, они могут вот так просто взять и прийти на всё готовое, и оно достанется им! Ему, проклятому Касперу! Не бывать этому. Сейчас они у меня попляшут... все попляшут. Узнают, узнают они, что такое кара небесная! Увидят, что значит спорить с провидением!

– Подождите, Арсений Павлович! – внезапно прервала его Лариса. – Нельзя этого делать сейчас. Там же... там же наши ребята!

– Что ты думаешь, я этого не понимаю, Лара? Но и ты пойми! Мы не можем позволить нашим врагам восторжествовать! Это конец – не только нам, но всему нашему делу, всей нашей работе, а то и всему человечеству!

– Нет... так нельзя! Как вы не понимаете! Они же там многие раненные! – к своему удивлению я увидел, что по щекам Ларисы потекли слёзы. – Они сражаются за нас! Мы не можем так просто взять и отдать их на растерзание этим хищникам!

– Можем. Можем, девочка моя, ещё как можем. Они все станут мучениками. Мучениками во славу великого, общего дела. Я уверен, каждый из них с радостью отдаст жизнь!

– Нет! – вскрикнула Лариса, и в её голосе зазвучали истерические нотки. – Я не позволю вам! Слышите, не позволю!

Она сняла пистолет с предохранителя и направила на отца Арсения:

– Отойдите оттуда! Уберите руки с клавиатуры! Немедленно, или я буду стрелять!

Козлобородый злобно посмотрел на девушку. Ноздри его раздувались, глаза метали молнии. Однако ему, похоже, удалось взять под контроль свои чувства и обратиться к своей помощнице мягким, успокаивающим голосом:

– Ларочка! Что ты! Тихо, тихо, дочь моя! Не надо так! Ты права, я погорячился. Конечно, так нельзя. Мы не можем...

Он отвернулся от компьютера и встал с кресла, будто намереваясь двинуться в её сторону. Внезапно лицо его исказила болезненная гримаса. С глухим стоном он согнулся, прижав правую руку к левой половине груди.

– Арсений Павлович, что с вами? – занервничала Лариса.

– Сердце, Ларочка, – прохрипел поп, – сердце. Сейчас... сейчас пройдёт...

Шмыгнув носом, Лариса убрала пистолет. Подбежала к старику, заглянула в глаза и положила руки ему на плечи:

– Болит? Сильно? Как вам помочь, у вас есть с собой лекарство?

– Всё хорошо... сейчас всё будет хорошо, – прошептал Арсений, – только помоги мне, моя хорошая, а то тяжело стоять...

Лариса обняла отца Арсения и помогла ему выпрямиться.

– Подожди немного... сейчас я отдышусь и... – шептал отец Арсений.

Он продолжал обнимать Лару. А потом всё случилось так быстро, что я едва смог понять, что произошло. Тело его как-то резко напряглось и распрямилось, от болезненной немощи в один миг не осталось и следа. В глазах старика снова зажёгся недобрый огонь, губы под встопорщенными усами расплылись в ухмылке. Продолжая удерживать девушку левой рукой, он резким, продуманным движением вырвал из её кобуры нож и воткнул ей в живот.

Широко раскрыв глаза от удивления, Лара как-то жалобно всхлипнула, руки её разжались, она отпустила Арсения и тихо осела на пол. Взгляд её застыл, изо рта вытекла тонкая струйка крови.

Поп отшвырнул в сторону окровавленный нож и отряхнул руки:

– Слабачка! Из-за таких, как ты, и погибает правое дело, – он вернулся к компьютеру и застучал по клавиатуре. – Что же, теперь нам никто не помешает. Никто! Посыпайтесь, дети мои.

Комната наполнилась тяжёлым гудением, над стальными ящиками беспокойно заплясали разноцветные индикаторы.

Один за другим гробы начали отворяться, выпуская наполнявший их то ли газ, то ли дым с неприятным, резким запахом. Покидая место своего заточения, в комнату выходили пленники и пленницы. Они пошатывались, пытаясь устоять на ногах. Некоторые растерянно, непонимающе озирались, другие срывали с себя многочисленные трубки и провода. С каждой секундой их движения становились всё более уверенными, во взглядах появлялась ясность и осмысленность.

Отец Арсений ждал, скрестив руки на груди, и изредка торжествующе поглаживал бороду:

– Выходите скорее! – наконец, позвал он. – Просыпайтесь! Вас ждёт священная охота. Пора, мои хорошие, пора!

Один из пробудившихся, здоровенный, мускулистый мужчина, весь покрытый наколками, на две головы выше Арсения, первым избавился от облепивших его проводов, вышел из тумана и подошел к священнику. Некоторое время вампир смотрел на старика мутными глазами, потом его взгляд сфокусировался, на лице появилось осознанное выражение. Растянув губы в ухмылке и продемонстрировав острые клыки, он рявкнул низким, хриплым басом:

– Веди нас, отец!

Ну всё. Приехали. Пора, похоже, и мне просыпаться.

Глава 44. Переходим к части «Б»

Я открыл глаза и выпалил глухим голосом:

– Их оживили.

Командир, сидящий рядом, тут же отрапортовал в рацию:

– Искусственных выпустили. Немедленно отступайте!

– Ну, чё я говорил! – одновременно с ним махнул рукой

Ян. Закинув меч на плечи, он выскочил из «камаза» и заорал во всю глотку. – Ребята, наш выход! Пошли! Зададим трёпку этим франкенштейнам!

Выходя следом за ним, я, видимо, не проснувшись до конца, крепко приложился виском о бок дверного проёма, аж голова закружилась. Перед глазами поплыли чёрные звёздочки, ноги словно онемели, а дальше всё было как во сне или в кино. Вроде бы это и я – участвую в штурме вместе со всеми, а вроде бы и смотрю на это откуда-то со стороны, до конца не веря в происходящее. До чего же неприятное ощущение.

Ожидая, пока к нам подтянутся остальные чистокровные вампиры, я с отстранённым любопытством осматривал их арсенал. Многие предпочли старое-доброе холодное оружие, в основном мечи и сабли: и огромные двуручные, как у Яна, и японские катаны, и обычные европейские клинки, и изогнутые ятаганы. Лезвия, разумеется, выполнены из серебра – вампиры заранее готовились к тому, чтобы сражаться с себе подобными, некоторые к тому же были покрыты замысло-

ватыми узорами или знаками. Может быть, что-то оккультное?.. Захотелось спросить об этом у Яна, но я так и не решился – впрочем, его чистый, сверкающий зеркальным блеском клинок ничем таким не отличался.

Другая часть вампиров вооружилась пистолетами. У кого-то были раритетные стволы, похожие на оружие позднего средневековья, у кого-то современные «магnumы», «вальтеры» и даже «дезерт иглы». Большинство пистолетов были причудливо декорированы: позолочены, украшены вензелями и драгоценными камнями. Рисоваться они сюда пришли или сражаться? Надеюсь, со времени предыдущей заварушки, в которой участвовали эти ребята, прошло не слишком много времени, и они не забыли, как пользоваться своими игрушками.

У Стеллы в руках был уже знакомый мне «кольт», а за спиной, зачем-то, рюкзак – причём, довольно внушительных размеров, особенно если сравнивать с её привычной маленькой дамской сумочкой. Судя по всему, рюкзак был не только большой, но и увесистый. Из вежливости я предложил ей его понести, но она только мотнула головой, отказываясь.

Двое охотников, с которыми я сюда приехал, неожиданно собрались идти вместе с нами, да ещё и прихватив с собой десяток солдат из седьмого отдела. А вот командующий операцией предпочёл остаться в штабе. Нам выдали рации, чтобы держать с ним связь и получать указания, вампиры закусили чеснок, и мы двинулись в наступление.

Когда штурм на время прекратился и смоленские охотники начали отступать, московские ненадолго воодушевились и попытались даже перейти в контратаку. Но тут же нарвались на нас. Глядя, как лихо их расстреливают смоленские ребята и чистокровные вампиры, я даже забылся и опустил собственный ствол. Наверное, они и без меня справятся. Тем более, что с моим пистолетом, похоже, что-то было не так. Он не работал.

– Гриша, ты чего стоишь как истукан? – в какой-то момент Стелла посмотрела на меня. – Сейчас не время медлить. Почему не стреляешь?

Надо сказать, что сама она довольно активно отстреливалась, помогая смоленским бойцам.

– Не знаю. Мне кажется, я не умею.

– Что не умеешь?!

– Стрелять.

Она посмотрела на меня взволнованно:

– Шутишь?

– Нет, правда, – я снова поднял пистолет, и он предательски задрожал. – Видишь?

– Я бы тебе поверила, если бы не та сцена у замка Кости...

– Стелла, я сам в шоке. Но придирайтесь некогда. Может, научишь по-быстрому?

Она напряжённо выдохнула:

– Ужас какой, – потом всё-таки взяла себя в руки. – Ладно. Давай попробуем. Сначаланими пистолет с предохра-

нителя.

– А, точно! Предохранитель! А я-то думаю, почему он не стреляет...

– Передёрни затвор.

Покосившись на то, как это делают другие – а некоторые уже успели отстрелять и сменить по магазину или даже по два – я последовал их примеру. Получилось не очень эффективно – я поднял дуло к лицу и чудом сам себя не пристрелил. Стелла поспешно положила руку на мой пистолет и опустила ствол вперёд. Потом она ещё тихо выругалась и хлопнула себя по лбу.

Я тем временем, закусив язык, прицелился в голову одному из московских повстанцев. Зажмурился. Выстрелил. Мимо, конечно, даже не задел! Может, со второго раза получится?..

Я снова передёрнул затвор. В этот раз, как мне показалось, он шёл уже легче, а сбоку из пистолета при этом, почему-то, выпал неотстрелянный патрон. С металлическим звуком он упал на кафель и покатился по полу. Мне показалось, что даже баталия между охотниками в этот момент приостановилась.

– Гриша! – воскликнула Стелла в образовавшейся тишине. – Ну что с тобой! Если ты решил приколоться надо мной, то сейчас явно не время.

– Что я сделал не так? – к этому моменту я уже и сам заволновался, поняв, что происходит что-то неладное.

– Не надо передёргивать затвор после каждого выстрела!

– Ты же сказала передёргивать перед выстрелом!

– Только перед первым, потом патрон автоматически до-
сылается, – дрогнувшим от негодования голосом объяснила
она. Кажется, нервы у неё уже сдавали. – Ты так весь магазин
растеряешь...

– Срочно выводите Волкова оттуда! – прозвучало в рации
у наших.

– Как вы себе теперь это представляете? – ответил им наш
охотник. – У нас тут перестрелка в полном разгаре.

– Его положат сейчас!

– А так всех нас положат! Нет, мы идём вперёд!

– Соберись же ты! – Стелла в сердцах отвесила мне под-
затыльник, да такой ощутимый, что я чуть не упал.

И, знаете, сработало мгновенно. Нет ничего более отрезв-
ляющего, чем удар любимой женщины! Мои руки вдруг на-
лились какой-то хладнокровной уверенностью. А следом и
всё тело. Я мигом вспомнил, зачем я здесь. Увернулся от ле-
тящей в меня пули, одновременно подхватил с пола и за се-
кунду вставил патрон обратно в магазин, а магазин – в пи-
столет. Выстрелил. На этот раз в «яблочко».

Перекатился через дверной проём к переговаривающему-
ся охотнику и выпалил в его рацию:

– Простите, исправлюсь.

После этого странного эпизода в моей голове всё, казалось
бы, встало на место, и приступы амнезии меня больше не

посещали. Но мне всё равно было как-то не по себе. Что там смоленские врачи говорили про мою голову? Чего боялись? Уж не этого ли?..

Задуматься долго я не успел, потому что дальше ситуация развивалась стремительно. Неожиданно с тыла, откуда-то из глубин подземелья появились искусственные вампиры, которые, как и ожидалось, не смогли сдержать себя, почуяв свежую кровь своих раненных коллег. Их глаза хищно зажглись, и вот уже с нечеловеческой скоростью нечистокровки набросились со спины на ничего не подозревавших охранников. Они безжалостно разрывали им артерии, погружая клыки в горло, и за считанные секунды осушали несчастных жертв до дна. Отбрасывали труп в сторону и переключались на следующего.

Как только с ранеными людьми в области их досягаемости было покончено, они исцелились от своего временно-го безумия, вполне осмысленно забрали себе оружие своих жертв и, восстановив боевой порядок, продолжили двигаться в нашу сторону.

Поначалу столкновения истинных вампиров с искусственными оказались сокрушительными для последних. Когда Арсений спускал своих питомцев с цепи, он ожидал, что они будут иметь дело со смоленскими бойцами – обычными людьми, и вооружил их соответственно – обычными пистолетами, да и то не самого лучшего качества. Рассчитывал, видимо, что те и клыками перегрызут своих жертв, а оружие

нападающих из Смоленска, экипированных против обычных охранников, окажется бесполезным против вампиров. В итоге вышло всё ровно наоборот.

Первых искусственных мы с чистокровными за пару минут покосили серебряными пулями и порубили в капусту серебряными же клинками. Оказывается, моё беспокойство относительно их навыков владения оружием было напрасным. Выглядели они, конечно, дико пижонски, но дело своё знали крепко. Противники, правда, быстро смекнули, что имеют дело с вампирами и принялись резво отступать назад по коридорам, вяло отстреливаясь – не столько чтобы причинить вред, сколько чтобы задержать нас.

Тут-то им на помощь и пришёл мой давний знакомый – Михаил. Выскочив со своим пулемётом, чтобы прикрыть их, он оперативно отдал команду разделиться на две группы. Первую послал направо, в тюремный комплекс, где они могли позаимствовать серебряное оружие у погибших охранников, а вторую – налево, в один из местных арсеналов.

– Ложись! – крикнул кто-то из смоленских. И очень вовремя, потому что Рэмбо уже вскинул свою пушку, готовясь открыть огонь. Все, включая чистокровок, попадали на пол, закрывая голову, и только я один остался стоять.

Увидев меня, Михаил дёрнулся и застыл от неожиданности.

Я улыбнулся ему во всю ширину своего клыкастого рта и подмигнул. Думал ли этот тип, когда вгонял пулю в мой

затылок, что ему придётся когда-нибудь ещё раз посмотреть мне в глаза?..

И действительно, ненадолго он отвёл взгляд вниз, куда-то в сторону. Всё произошло очень быстро, задержка составляла всего пару секунд, но и этого хватило, чтобы один из смоленских успел выстрелить на опережение. Правда, рука бойца явно дрогнула, и пуля, которая должна была бы попасть в голову, прошла Михаилу всего лишь правое предплечье.

Поначалу Рэмбо как будто бы не обратил внимания на рану и, стиснув зубы, всё же открыл огонь. Но продолжалось это недолго и к существенным потерям не привело. Очень скоро он выронил пулемёт, упал на колени и прижал руку к месту ранения. Даже издалека я видел, что у него почему-то открылось очень сильное кровотечение, явно не сопоставимое с травмой. Кровь фонтанировала быстрой струёй и текла по его рукам и одежде, собираясь в алую лужу на полу.

Вспомнив про их недавние прививки, блокирующие адренохром, я цыкнул. Наверняка, это какой-то побочный эффект. А может быть, недоработка генных инженеров. Видимо, что-то нарушилось в выработке адреналина, который должен повышать давление и сужать сосуды. Да уж, далеко им всё же до вождей непобедимой армии. Какие из них теперь вожди – умрут от первого же плёвого ранения.

Прошло не больше минуты, а мужчина, потеряв много крови, уже опустился на корточки и стал задыхаться. Я поднял руку, призывая остальных не стрелять, и в полной тиши-

не подошёл к нему. Наклонившись сверху, покачал головой и приставил пистолет к его виску:

– Ты всё равно теперь умрёшь. Я тебе помогу. Так сказать, услуга за услугу, – и, хладнокровно опуская курок, добавил. – Поторопились вы с этой вакциной. Бежите раньше поезда. Зря не послушались Каспера...

На последней фразе из-под моей куртки выбился жетон охотника и повис перед носом Михаила. Увидев выгравированный номер, он округлил глаза и перевёл взгляд на меня. Так его зрачки навсегда и остались в ужасе расширенными.

– Жёстко ты с ним, – догнав меня, Стелла положила руку мне на плечо. Да я и, честно говоря, сам от себя такого не ожидал. Снова убрав кулон под куртку, я положил свою ладонь на руку Стеллы, но ничего не ответил. А что тут скажешь? Он-то тоже со мной не церемонился в лесу. Вот ему и прилетел «бумеранг».

– Начальник четвёртого отдела ликвидирован, – тем временем доложил наш охотник в рацию. – Идём дальше.

И тут же его отодвинул в сторону один из вампиров, потому что в противоположном конце коридора замаячили первые перевооружённые нечистокровки. Теперь у них были не только автоматы с обоймами серебряных патронов, но и ультрафиолетовые фонари, гранаты, тяжелый пулемёт и пару снайперских винтовок.

Чистокровные вышли вперёд, продолжая следовать делу чести. Они по-прежнему сражались мастерски, однако те-

перь и среди наших появились первые жертвы. Здоровенный вампир в клетчатой рубашке с пышными чёрными бакенбардами принял на себя шквальный огонь тяжёлого пулемёта, закрыв остальных, пока они добирались до огневой точки. Ещё двоих мы потеряли, когда нас впервые ослепили лучи прожекторов, ударившие из глубины коридоров. Нам довольно скоро удалось разбить их выстрелами, но секундное замешательство стоило отряду пары изрешечённых вражескими автоматчиками товарищей.

Несколько наших полегли от рук снайперов – они били откуда-то из темноты и снова отступали, скрываясь в лабиринтах катакомб. Не помогли даже феноменальные ловкость и меткость истинных вампиров: пока снайперов удалось настигнуть и обезвредить, наши бойцы потеряли под их прицельным огнём двоих убитыми и стольких же ранеными. Юная на вид девушка-вампириша тяжело кашляла, надышавшись паров какого-то смешанного с серебром газа, многих чистокровок здорово поцарапали осколки начинённых серебром гранат. Их щегольские наряды потрепались, порвались и обгорели, руки в изящных перчатках нервно зажимали кровоточащие раны, не желающие заживляться. Искусственным тоже было несладко. К тому времени они потеряли ещё дюжину: казалось бы, это успех – по моим подсчётам, чистокровные уничтожили уже более половины противников, однако по-прежнему не давали им отступать.

– Никого не оставлять в живых! – орал во всю глотку Ян. –

Пусть ответят за наши жертвы!

Следом за ним взбесились и остальные – судя по всему, эти аристократы настолько не привыкли нести потери, что их вывела из себя даже временная гибель товарищей. Временная – потому что в тылу шли Штефан со Стеллой и занимались павшими в бою. Юноша, склоняясь по очереди над каждым из убитых вампиров, желал им «доброго утра», а врач подносила раненым пакеты с донорской кровью. Теперь понятно, что она прятала в своём рюкзаке!

Оживая и восстанавливаясь, вампиры снова вставали в строй, усиливая натиск. Вскоре мы загнали отступающих «в угол» и заставили принять решающее сражение.

Чувствуя, что дело дрянь, искусственные сгруппировались и попытались забаррикадироваться в актовом зале, рассчитывая не пускать нас внутрь и сосредоточить огонь всего своего вооружения на входе. Расчёт их, впрочем, пошёл прахом: не на шутку разозлённые чистокровки начали применять суперспособности, и одной из первых не выдержала Илона. Парой-тройкой взмахов руки она безжалостно расшвыряла баррикаду и выломала двери, обрушив на защитников дождь из груды острых обломков. Наши ворвались внутрь и вступили в рукопашную, а уж тут-то они имели неоспоримое преимущество. Веками отточенное мастерство фехтования древних кровососов не шло ни в какое сравнение с тем, что пытались им противопоставить искусственные. Вампирские клинки вздымались и опускались, легко

находя себе жертву за жертвой. Особенно отличился Ян: его огромный, тяжёлый клинок вращался, словно мельничный жёрнов, неотвратимо перемалывая плоть и ломая кости. Более-менее прилично сопротивлялся только здоровяк, который назвал Арсения отцом – он где-то раздобыл себе топор с серебряным лезвием и ухитрился разрубить им изящного длинноволосого юношу, шпага которого на секунду застряла в другом противнике. Это был последний успех громилы – почти сразу же Ян «перемолол» и его, ловким ударом отделив голову от тела.

Потеряв вожака, остальные противники совсем растерялись, и вскоре всё закончилось. Большая часть нечистокровок осталась лежать в актовом зале, порубленная на куски, лишь нескольким удалось в суматохе вырваться и убежать дальше в подземный лабиринт.

Тем не менее, Ян, неудовлетворённый исходом битвы, приказал нашим разойтись по коридорам и «зачистить» их от беглецов. Чистокровные, повинуясь его команде, разделились на несколько групп и направились в разные стороны. Отряд охотников последовал их примеру, один только я не торопился уходить и остался в актовом зале.

– Стелла, не жди меня, я тебя догоню.

Она посмотрела мне в глаза с сомнением, но спорить не стала. Облегчённо вздохнув, я пропустил её вперед, а сам, сжав в руке пистолет, решил в одиночестве отправиться на поиски Эмиля. Хотелось бы, знаете ли, поговорить с ним с

глазу на глаз. Без свидетелей.

Внезапно краем глаза я заметил, что в одном из углов актового зала мелькнула какая-то тёмная тень. Интересно, кто это. Вряд ли наши – с чего бы им прятаться. Может быть, кого-то из искусственных не добили? Или сам Эмиль по-хитрому спрятался тут?..

Прогуливаясь по центральному проходу между креслами, я осматривался по сторонам и прислушивался. Потом вспрыгнул на сцену, прошёл на середину, с высоты оглядывая зал. Тихо и, будто бы, пусто. Только повсюду – на креслах, между рядами и у стен – лежали безжизненные тела уничтоженных вампиров.

– Эй! – крикнул я в тишину. – Кто бы ты ни был, выходи!

Ответа не последовало. Подождав несколько секунд, я опустил пистолет и сделал пару шагов к краю сцены. Может быть, здесь на самом деле никого нет, и мне это просто показалось?..

И вдруг моё левое бедро пронзила жуткая, ошеломительная боль. Вскрикнув, я рухнул на правое колено. В ноге торчал длинный метательный нож, а вокруг раны расплзлось, с каждой секундой увеличиваясь, влажное красное пятно. Это до чего острым он должен быть, чтобы так легко проходить сквозь тело? Наверняка какой-то хитрый сплав серебра для придания феноменальной твердости и остроты режущей кромке... От боли и шока мысли неслись в голове как бешеные, растягивая время и превращая секунды в минуты. Опи-

раясь на здоровое колено, я вскинул оружие и провёл стволом слева направо, пытаясь обнаружить метателя. В тот же момент новый нож вонзился в моё правое плечо. Резкая боль разлилась по руке, я снова вскрикнул и выронил пистолет. Да что же это такое! Инстинктивно я попытался остановить кровь, прижав к плечу левую руку, и тут увидел, что рукоятки-то у ножей не обычные, а явно ручной работы, и все покрыты странными письменами, похожими на старославянский... постойте! Старославянский?

Заставив себя оторвать взгляд от своих ран, я поднял голову, и увидел, что мой мучитель почти преодолел разделявшее нас расстояние. Довольно шустро он пробежал от противоположного конца зала до сцены и поднялся на неё, чтобы оказаться рядом со мной.

Что же, довольно неплохой спринт для вашего возраста, отец Арсений. Да и с ножичками вы управляетесь на удивление ловко для научного сотрудника.

Всё это я, конечно, только подумал, а сказать ничего не успел – или не сумел. Только таращился на возвышавшуюся надо мной фигуру в чёрной сутане. Первый раз я увидел старика в боевом облачении. Его тело перехватывали крестнакрест несколько кожаных ремней, украшенных надписями на старославянском, на которых висели здоровенные, отличающиеся серебром ножи.

– Давно не виделись, Арсений Павлович, – выдавил я из себя, пытаясь справиться с болью.

Вместо ответа он со всей силы пнул меня ногой в грудь – так, что я со стоном опрокинулся на спину. Кажется, он сейчас совсем не в адеквате. Надо что-то делать. Я схватился левой рукой за рукоятку ножа, попытавшись вырвать его из своего плеча и использовать как оружие. Разгадав мой манёвр, Арсений быстро склонился надо мной, упершись коленом в мою грудь, схватил за запястье и прижал мою руку к полу, не давая выполнить задуманное. Потом он выхватил ещё один нож и, шумно выдохнув, со всего размаху проткнул мою ладонь, припиливая её к деревянному полу. Теперь я уже не просто застонал, а заорал в голос.

С тех пор как я стал вампиром, мне довольно регулярно приходилось иметь дело с болью, и казалось, что, сотню раз умерев за последние пару месяцев, я привык ко всему. Теперь же, пронзённый в трёх местах серебряными лезвиями, и глядя на то, как Арсений прижимает к полу мою вторую руку, намереваясь «распять» и её тоже, я почувствовал, как меня охватывает ужас. Я ведь впервые столкнулся с таким количеством серебра, а что если кристалл на этот раз не сможет отогнать боль и заживить столько ран? С глухим хрустом нож проткнул насквозь мою вторую кисть.

Отец Арсений встал и, нисколько не смущаясь, пинком отбросил в сторону мой пистолет. Вытер пот со лба и только тогда заговорил:

– Вот так, Гришенька, вот так. Лежи теперь смиренно. Как же это ты так, а? Как же это мы так? – он сокрушённо при-

чмокнул губами, усиленно поглаживая бороду. – Я ведь с самого начала, Гриша, подозревал, что что-то с тобой не в порядке. И недоглядел... а оно вот ведь как обернулось. И Миша, Миша-то тоже хорош... пожалел серебряной пули. А ты, Гриша... зачем?.. Ведь я же видел, парень-то ты неплохой, добрый. Зачем же ты им продался? Что они тебе пообещали? Здоровье, богатство, вечную жизнь? Я угадал? Ты повёлся на сказки о бессмертии?..

Я чувствовал, как струится кровь по ладоням, как намокает одежда вокруг ноги и плеча. Боль пульсировала, наполняя моё тело. Опьянённый ею, я не мог ничего ответить. Да и нужны ли ему были мои ответы? Кажется, отче говорил сам с собой.

– Ты не понимаешь, Гриша. Тебе только кажется, что ты ещё жив. Это не так... Живо теперь только твоё тело! Твоё тело, движимое нечистой вампирской энергией. А душа твоя, душа твоя, Гришенька давно уже в аду! – кажется, поп снова впал в раж. Борода его тряслась, глаза сверкали бешенством. – Она заливается слезами, корчится в адских муках, пока тело твоё служит тёмным делам их проклятого племени!

Да-да. По-моему, корчусь в муках я сейчас как раз благодаря вам, батюшка. Жаль только, что я по-прежнему не в силах обратить на это ваше внимание.

– Но ничего, Гриша, ничего. Я помогу тебе. Ты ведь нам тоже помог. Как бы то ни было, ты многое для нас сделал,

старался. Жаль, что ничего у тебя в итоге не вышло, а мы избавились от тебя раньше времени. Тут и наша вина... поторопились. А парень ты хороший. Я вытащу тебя из ада. Спасу твою душу. Нужно только... разрушить это мерзкое тело, вместилище порочной вампирской силы! Сейчас, сейчас я помолюсь о тебе, и всё будет хорошо.

Он извлёк из-под полы какую-то книжку в кожаном переплёте, окованном серебром, преклонил колени перед моим телом, открыл её и затянул длинную, непонятную молитву.

По моему лбу тёк пот, мне становилось холодно, тело начало бить мелкой дрожью. Чёртово серебро! Молитва длилась и длилась, вереница непонятных фраз пульсировала, гудела у меня в голове. Слов я различить не мог, только последнее предложение запомнил чётко. Повысив голос, он выкрикнул: «Всё почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения».

Выпалив это, он замолчал, выпрямился, достал ещё один огромный нож и, взявшись за рукоятку обеими руками, занёс его над своей головой, целя мне в сердце:

– Покойся с миром, Гришенька. Сейчас я разрушу трижды проклятый кристалл, и душа твоя освободится!

Он улыбнулся мне, как-то неожиданно тепло, почти по-доброму. Морщинки заиграли в уголках его старческих глаз. А затем прозвучал выстрел, и во лбу у него появилась аккуратная дырочка. Сдавленно крикнув, он выпустил из рук нож и завалился на пол.

– Не благодари, – услышал я откуда-то издалека голос Стеллы.

Впрочем, подойдя ближе, врач утратила весь свой сарказм, увидев, в насколько плачевном положении я нахожусь. Она подскочила ко мне, опустилась рядом, с беспокойством оглядывая мои повреждения. А потом сильными, уверенными движениями поочерёдно вытасила из меня все четыре лезвия.

В глазах у меня потемнело, я не в силах уже был даже кричать.

– Это было больно, – проговорил я одними губами.

– Сейчас-сейчас. Потерпи немного. Вот, у меня тут есть кровь, – Стелла раскрыла рюкзак и поднесла спасительный пакет к моим губам.

– Кажется, медицинской сестричке Свете Васильковой сегодня удалось вытянуть с того света ещё одного бойца, – прошептал я в ответ. – Хоть ты и говоришь, что она мертва, но дело её живёт...

Приподнявшись, я снял с шеи серебряный кулон и отложил его в сторону на время, чтобы поскорее восстановиться. Но скорее не получалось, раны заживали очень медленно.

– Этой крови мало, – дошло до меня, наконец. – Нужно ещё...

– Больше нет, – сказала Стелла со вздохом. – Это был последний пакет.

– Тогда придётся прибегнуть к крайним мерам. Отвер-

нись, не смотри!

Покосившись сначала на труп, а потом на меня, Стелла всё же с опозданием послушалась, а я у неё за спиной склонился над ещё тёплым телом Арсения и, брезгливо сморщившись, вонзил клыки ему в шею. Надо сказать, что ни тайные письма, ни прочитанные недавно молитвы мне не помешали, и кровь у него по вкусу была обычная – не превратилась в какой-нибудь священный яд. Первая положительная, кажется.

– Что же это получается, – проговорил я задумчиво, поднимаясь, – зря он молился, что ли? Бог не помог ни мне, ни ему?

Глядя на мои перепачканные губы, Стелла отвела взгляд в сторону:

– Кто знает. Может быть, наоборот, он его удержал. Помог ему не совершить то, чего не следовало. Или даже наказал за прошлые грешки...

Уж не знаю насчёт Арсения, а вот меня боги точно наказали. Плохо это я задумал – расквитаться с Эмилом втайне от Стеллы. Пошёл его искать, чтобы по-тихому убить, и, пожалуйста, сам чуть не умер. Нехорошо я решил поступить. По сути, я тогда ничем не отличаюсь от Каспера, которого она так ненавидит...

– Послушай, – аккуратно начал я. – А что будет дальше?

– Дальше?

– Ну, после того, как мы найдём твоего мужа.

– Вытащим его отсюда.

– Это понятно. А потом? Мы расстанемся?

– Какой сложный вопрос.

Да уж, и мне нелегко.

– Понимаешь, – заговорила она, тщательно подбирая слова. – Он всё же мой муж. Мы через многое прошли вместе. Он столько для меня сделал. Если бы не он, то мы бы сейчас с тобой не говорили... Теперь это мой долг – спасти его. Помочь ему. Но вот дальше... Не знаю, я запуталась. Всё-таки за эти два года многое изменилось. А за последние два месяца и того больше. И сейчас я – с тобой...

Стелла не договорила, но я, посчитав, что понял, к чему она клонит, радостно прижал её к себе и поцеловал.

То ли помогла кровь, то ли сработало отсутствие серебра в близости от меня, то ли её поцелуй обладал живительной силой, но через минуту, когда я оторвался от её губ, моё тело уже полностью исцелилось. Только рваные дырки и бурые пятна на униформе напоминали о том, как крепко мне недавно досталось.

Снова надев кулон, я взял Стеллу за руку, и мы пошли на поиски остальных. Каким же было моё удивление, когда в коридорах я увидел огромное количество смоленских и московских бойцов, в том числе и тех, кого ещё недавно брали в плен. И даже командующий операцией подтянулся. Сейчас, когда всё уже закончилось, что они собрались тут делать, интересно?..

Такой же вопрос читался на лицах вампиров. Увидев меня, Ян открыл рот, чтобы что-то спросить, но в этот момент командир заговорил в рацию, и его голос с эхом разнёсся по всем коридорам:

– Отлично, ребята, все молодцы! А теперь переходим к части «Б». Вампиров первого и второго типа – за решётку, остальных убираем!

Глава 45. Мы не хотим войны

Не успел я понять, что происходит, как охотники, зарядив в пистолеты серебряные патроны, взяли на «мушку» наших, чистокровных ребят.

Один из смоленских солдат, стоявших рядом, щёлкнул сканером в нашу сторону, и вот уже трое его товарищей нацелили свои стволы на Стеллу. Может и хорошо, что я не успел ничего понять – зато не потратил драгоценных секунд на возмущение и испуг, а вовремя среагировал. Схватив её за плечи, я сначала закрыл ей собой, а потом толкнул на пол. Уклонился сам и, разворачиваясь, трижды выстрелил. Стрелял я на поражение – всем троим в голову.

Остальные охотники инстинктивно отшатнулись назад, палить больше никто не решился. Один даже бросил оружие на пол и поднял руки. Воодушевлённый этим жестом, я выпалил строго:

– Остановите операцию!

– У нас ЧП! – заорал по мобильному командир. – Он совсем свихнулся! Вырубайте его немедленно!

– Синхронизация полноценная, – ответил ему из динамика металлический женский голос. – Спорить сами знаете с кем я не решусь, а вы?

– И что вы предлагаете?! – отчаянно воскликнул охотник.

– Попробуйте поговорить? – прохладно предложила жен-

щина.

– Не о чем нам говорить! Кидайте стволы, – я к тому времени уже потерял терпение. – И рации!

И, чтобы не казаться несерьёзно настроенным, тут же сам выбил двумя выстрелами и телефон, и рацию из рук говорившего.

Пистолеты с металлическим звуком попадали на кафедру.

– Хорошо, – не спуская командира с прицела, я подал Стелле руку, помогая подняться. – Милая, прости, я, кажется, крепко ошибся. Да-да, знаю. Я идиот, что поверил им. Но сейчас нельзя терять времени. Беги, я прикрою!

Подняв шипящую рацию, я заговорил в неё с остальными, и вот уже мой строгий голос, смешиваясь с помехами, разнёсся в стенах штаба:

– Это Волков. Ваш командир у меня в заложниках. А с ним ещё штук тридцать охотников. Отступайте! Вампиров не трогать! Иначе я всех расстреляю.

Некоторое время происходил полнейший хаос, потому что операция отклонилась от своего хода, а новых конкретных инструкций никто не дал. Охотники поделились на тех, кто испугался и прекратил всяческое наступление, и на тех, которые со стальными яйцами. Последние, не обращая на меня внимания, продолжали захват, как было им приказано ранее. Впрочем, таких смельчаков становилось меньше с каждой секундой – чистокровные, оправившись от шока, пустились в бегство, превращая встретившихся на их пути

охотников в мясо. И только Стелла осталась рядом, не решаясь бежать без меня. Подняв свой револьвер, она держала на контроле безоружных охотников.

Побледневший командир стоял передо мной как кот Шрёдингера – ни жив, ни мёртв.

– Прикажите им сами! – рявкнул я, приставляя справа к его голове рацию, а слева – пистолет.

– Оружие не использовать, – хрипло проговорил он в динамик. – Всех вампиров брать живыми!

– Нет! – воскликнул я, ударив его стволом в висок. Ударил я, впрочем, несильно, потому что не был уверен, специально ли он отдал такой идиотский приказ или просто не понял меня.

Увы, уточнить это мне не удалось. За спиной я услышал шорох армейских сапог – наверное, подоспело подкрепление. В следующий миг мы со Стеллой получили по уколу в шею. Похожим образом отстреливают, усыпляя, диких зверей. Но нет, в этих шприцах было не снотворное. Скорее всего, серебро.

Что-то слишком много сегодня серебра, у меня уже явная передозировка! Мои колени подкосились, по рукам разлилась знакомая тошнотворная слабость, перед глазами всё поплыло. Я уронил пистолет и, теряя сознание, упал – провалился в какое-то давящее беспмятство.

Пришёл в себя я довольно скоро, но реагировать ни на что не мог и слабо понимал, что происходит. Будто я под наркотой. Даже не знаю, сколько часов прошло, прежде чем ко мне вернулась способность соображать.

Когда я очнулся, то понял, что лежу на полу в каком-то светлом помещении. В пыльной клетке с прутьями, похожей на собачью. Рядом, спиной ко мне, лежала Стелла, с тщательно связанными руками, примотанными от плеча до кончиков пальцев к телу. Её волосы выбились из резинки, которая стягивала их в хвост, и все растрепались. Такая красивая... только похожа сейчас не на паучиху, а на гусеницу. Я убрал прядку с её лица и поцеловал в лоб. Лоб был холодный как лёд. Девочка моя! Они ответят за все твои мучения!..

Чуть дальше от нас сидел, прислонившись к стене, Штефан. Слава богу, он жив! За него я переживал больше всего. Уж слишком он нежный для такого приключения. Удивительно, но чувствовал он себя лучше всех – ровно сидел, не дрожал, даже лицо не было бледным. Вот, что значит чистокровный целитель! Быстренько привёл себя в порядок.

В комнате было ещё несколько таких же тюремных решёток, в которых томились незнакомые мне вампиры, в таком же одурманенном состоянии, как и у нас. Но их оказалось не много, я насчитал шестерых. Получается, остальные сбе-

жали?!..

– Да уж, негусто, – прогрохотал с эхом громила, и я узнал в нём одного из московских охранников.

– Чем богаты, – развёл руками другой охотник, на этот раз смоленский.

– Какую жесть вы тут нам устроили, – пробасил ещё кто-то. – Как-то поаккуратнее нельзя было?

Я попытался привстать, чтобы различить, сколько людей с нами в комнате, но мои руки ужасно тряслись, и, чуть приподнявшись, я снова упал. Навскидку – человек по десять московских и смоленских охотников, плюс-минус. Но говорили только четверо, остальные молчали. Из них – двое мужчин, которые ехали со мной сюда в машине. Третьего я, кажется, застрелил.

– Мы действовали по протоколу, – смоленский командир замаялся. – Ну, почти. Кое-что пришлось перекрыть на месте.

– Как мы теперь будем докладывать руководству?!..

– А из вашего руководства почти никого и не осталось. У всех рыльце было в пушку. Вот только самого алхимика так не нашли.

Услышав это, я разочаровано застонал. Хотелось выругаться, но язык не слушался.

– Всю территорию мы оцепили, – добавил говоривший, – мышь не проскочит. Так что, он прячется где-то тут. Правда уже три часа ищем, и без результата.

Значит, он сбежал из красного сектора, но не сбежал за пределы штаба. Уже кое-что. Только почему эти лоботрясы трут разговоры вместо того, чтобы искать его?.. Я бы и сам прямо сейчас бросился на поиски, если бы не чувствовал себя настолько хреново...

И тут до меня вдруг дошло, почему мне так плохо. Это всё чёртов серебряный кулон. Обещали, что мне его нужно будет надеть не больше, чем на полчаса, но прошло уже гораздо больше времени.

– Ну а ваше начальство где? – подколот московский охотник смоленский шестой отдел. – Что-то тоже не видать никого. Большие начальники устроили заварушку и спрятались?..

Дрожащими пальцами, борясь с приступами тошноты, я потянулся к шее, поддел цепочку и вытащил наружу жетон. Попытался, довольно бестолково, снять его через голову, не вставая. Заметив мою возню, охотники притихли и перевели взгляды на меня. Некоторое время смотрели, как я безуспешно пытаюсь договориться со своим телом.

– А этого я знаю! – вдруг воскликнул московский. – Работал тут у нас наёмным программистом, чинил что-то... Неужто тоже вампир?

Потеряв терпение, я приподнял голову и из последних сил дёрнул цепочку, срывая ненавистное серебро с шеи. И тут же моя рука обессилена упала на пол. Ладонь раскрылась, и кулон с металлическим звяканьем стукнулся о кафель. Прокочив через прутья решётки, он докатился до московского

охранника и замер прямо у его ног.

Наклонившись, громила поднял жетон и взглянул на выбитый номер.

– Твой ж мать! – незамедлительно выругался он. – Это что же получается, мы с вами замели самого... – он прервался и принялся греметь ключами, ища подходящий. – Ну раз так, то извиняйте. Просим на выход.

Отперев замок, он помог мне подняться и вывел наружу. Тут же снова закрыл камеру. Я с трудом устоял на ногах. Хотя без серебряного кулона становилось лучше с каждой секундой, меня всё ещё ощутимо штормило.

Стелла встрепенулась и присела на полу, удивлённо глядя мне в глаза сквозь прутья решётки. Я только помотал головой в ответ на её немой вопрос, мол, нет, всё не так, они ошибаются. Но, судя по её взгляду, на этот раз она не очень-то мне поверила.

– Это долгая и засекреченная история... – начал мужик из шестого отдела.

Да-да, именно так и есть – поддакнул я ему мысленно. История длинная и запутанная. Но одно мне понятно точно, этот хитрец Каспер, заварив такую крутую кашу, остался с чистыми ручками где-то далеко отсюда. И, наверное, в ус не дует, пока я тут отдуваюсь за него.

Я как раз планировал сказать что-то подобное, но вдруг раздвижные двери раскрылись, и в помещение вошёл... сам Вернер, собственной персоной!

– Я слышал, меня ищут. Простите, что заставил ждать.

Дар речи, так и не успев вернуться ко мне до конца, снова меня покинул. Эмиль же, ничуть не стесняясь, кивнул московским охранникам, прошествовал по длинному проходу между камерами и подошёл ко мне. Теперь мы стояли друг напротив друга: он – весь такой торжественно разодетый и благоухающий своими горько-сладкими духами, и я – помятый, пыльный, в окровавленной рваной форме и перемазанный, будто сажей, оружейным маслом. Да уж, куда мне до мистера Вернера! А главное, смотрите-ка, наш красавчик вспомнил вдруг про своё обручальное кольцо с гранатом! Вот он, этот кроваво-красный камень – блестит всю в свете ярких ламп.

– Рад встрече с вами, Каспер! – Вернер пафосно снял накрахмаленную белую перчатку с правой руки и протянул мне ладонь для рукопожатия. Я автоматически протянул свою – в дырявой перчатке, с пальцами, грязными как у трубочиста – но тут же, на полпути, отдёргнул её как от огня.

Алхимик едко хмыкнул и опустил голову, маскируя срывающийся с уголков рта смех. Снова надел перчатку и невинно посмотрел сначала на меня, а потом на Стеллу. И тут ко мне, наконец, вернулся голос:

– Эмиль, – проговорил я строго и в то же время растерянно. – Ты ведь прекрасно знаешь, что никакой я не Каспер. Скажи ей правду!

Уголки его губ потянулись вверх ещё сильнее. Вдруг он

приложил руку к груди и встал на колени передо мной со словами:

– Моё почтение!

Это было похоже на театральное представление. Разумеется, никаким почтением от его жестов и не пахло. Он ненавидел меня – каждый миллиметр моей красной нити – и мстил мне, прямо здесь и сейчас. Но насколько хорошо он понимал, что на самом деле происходит?

– Моё почтение, хозяин! – повторил он, поклонившись. – Добро пожаловать к нам в гости. Вам должно понравиться, как я всё организовал здесь. Офис почти в два раза больше, чем был до моего в нём появления. Работа кипит. Люди мотивированы. Зарплата достойная. Проект с вакцинацией уже на финишной стадии. Что с вами, многоуважаемый Каспер? Вы не рады? Я не нравлюсь вам?.. Что ж, это ваше право. Но не за одно ли благое дело мы с вами боремся волею судьбы?.. А всего-то я просил за свою неоценимую помощь немного свободы, чтобы вернуться наконец, к жене, по которой я так скучаю... И ещё мне очень бы хотелось, чтобы вы оставили в покое кристалл моего лучшего друга, Константина Цепеша. Которого вы, конечно, ещё не поймали, но со дня на день поймаете. Если СКОК откажется от этой затеи, то ведь вовсе не много потеряет, правда?.. Вам, людям, такая сила всё равно ни к чему, она приведёт вас только к распрям и войнам. А мы ведь не хотим войны. Это вы, молодой человек, войны не знали, а мы знаем и помним этот ужас...

Ах ты чёртов артист! Вот, значит, как ты теперь заговорил! Боишься войны, да? Тогда зачем спонсируешь проект с вакциной? Переживаешь за кристалл Константина – и сам же охотишься за ним? Скучаешь по жене – и трахаешь Лину?!

– Наглая ложь! – разозлившись, я схватил его за шиворот и, под сдавленный возглас Стеллы, подтянул к прутьям решётки. – Извинись перед ней!

Вернер, на удивление, совсем не сопротивлялся и делал вид, будто он маленький беззащитный щенок, поднятый за шкуру. Даже глаза были такие же обезоруживающе жалостливые. Подняв вверх раскрытые ладони рук, он затравленно взглянул на Стеллу:

– Милая, видишь, как Каспер со мной обращается. Не убил, но замучил за все эти годы до полусмерти, – она закрыла глаза и, закусив губу, отвернулась от нас, а он жалобно продолжал. – Не хочешь смотреть на меня... понимаю. Я сам себе противен такой. Уж лучше бы я и правда умер!..

Он картинно всхлипнул, чем окончательно меня выбесил.

– Не ври! – заорал я. – Я видел, чем ты тут занимаешься! И днем, и по ночам! Отлично устроился – как на курорте! Всеми тут руководишь, будто марионетками, собрал вокруг себя свиту слуг, тачку крутую купил, чтобы ездить к любовнице...

Не договорив, я кинул его на пол, и он, сделав вид, что смертельно ушиблен, теперь валялся у прутьев решётки и стонал. Потом протянул руку в щель:

– Любовь моя, кому ты поверишь, Касперу или мне?..

– Прекрати этот спектакль! – я ударил его сапогом под дых. – Замолчи! Никакой я не Каспер! Я его даже ни разу не видел! Он просто передал мне свой кулон зачем-то. Ребята сейчас во всём разберутся!..

– Вот! – простонал Эмиль. – Видишь! Теперь он бьёт меня! А эти его ребята... Подумай сама – он ворвался сюда со всем смоленским штабом. И они слушают его приказы. Делают то, что он им говорит. Они все сошли с ума, что ли?.. Нет, конечно. Они прекрасно отдают себе отчёт в своих действиях. Ну посмотри! Посмотри, что он делает со мной! Откуда у него ко мне столько ненависти? Он ненавидит меня просто из-за того, что я вампир...

Подняв его за грудки, я вмазал ему в челюсть так, что аж кровь брызнула, и он, наконец-то заткнулся.

– Взять Вернера, – мой голос был непривычно жёстким. – Наручники, ошейник, капельница, красный сектор! Сейчас же!

Глава 46. Стать одним целым

Сидя в высоком чёрном кресле с вышитой на спинке буквой «К», я некоторое время смотрел на погашенный, чёрный монитор во всю стену. Потом решительно повернулся к столу, раскрыл ноутбук и загрузил окно видеозвонка:

– Каспер на связи. Доложите о состоянии объекта Р-11.

– Перестал ходить по камере, дёргать капельницу и ругаться. Уже час как сидит неподвижно и пялится в одну точку.

Я хмыкнул. Что же тебя так разозлило, Вернер? Ты не ожидал, что я, после всех твоих провокаций, действительно войду в роль Каспера? Думал, буду до последнего всё отрицать перед Стеллой и отпущу тебя?.. Ха, кажется, ты просчитался. А может быть, перегнул палку. Будь ты чуть более учтив и менее лжив, кто знает, может быть я и не отдал бы приказа тебя схватить и мучить с особым пристрастием.

– Ни в коем случае не позволяйте ему уснуть, – строго проговорил я. – Подавайте разряды тока в ошейник с максимальной частотой.

– Вас понял. Поднимаю частоту до максимальной.

Не желая становиться Каспером, я всё же стал им. Я против своей воли делал всё то, что сделал бы он на моём месте.

Отключившись, я тяжело выдохнул и запрокинул голову, положив затылок на спинку кресла. И всё-таки нет, мной

сейчас движут не только ревность и ненависть. Есть что-то ещё. Какой-то тонкий расчёт. Какая-то холодная логика, обычно мне не свойственная. Я одновременно и удивлялся себе, и продолжал сухо рассуждать.

Сейчас, когда все карты раскрыты, а Цепеш отошёл на второй план, сказав «пас», Вернер и Каспер, естественно, стали друг другу злейшими врагами. Впрочем, разве когда-то было иначе?.. Просто, осознавая всю опасность, они боялись действовать открыто, но с нетерпением поджидали удобного момента, чтобы убрать неприятеля. И вот, кажется, момент настал. Или я его, или он меня. Уж не на это ли намекала протянутая мне для рукопожатия «паучья» рука?..

Вернера, считающего меня Каспером, нужно было упечь за решётку как можно быстрее для моей же сохранности. А ещё лучше – убить. Но такого приказа при Стелле я отдать не мог. Да и теперь вряд ли смогу...

Что касается настоящего Каспера... Bravo этому хитрому лису! Неужели он решил вот так внаглую сделать рокировку и подменить себя мной? Сам-то, небось, отдыхает сейчас где-нибудь на Гавайских островах, лёжа под пальмами. Прячется? Хочет, чтобы меня убили вместо него? Или просто устал? Ушёл в отставку и передал таким образом свой пост? Но почему именно мне?..

Мысли путались, нервы сдавали. Я даже прикрикнул на Олега, не вовремя всунувшегося без стука в мой кабинет.

Как мне теперь доказать Стелле, что я не верблюд – точ-

нее, не Каспер?.. Столько боли и отчаяния было в её глазах, когда она провожала меня взглядом. Я распорядился перевести её и Штефана в зелёный сектор. Отпустить их я не мог, это не вписывалось в отведённую мне роль – меня попросту перестали бы слушаться. А сейчас, пока я здесь, в руководительском кресле, у меня есть время подумать, как всё дальше устроить.

– Олег, – я нажал на кнопку громкоговорителя. – Простите. Что вы хотели?

– Здесь для вас бандероль. Я могу отправить её, как и остальные, курьерской службой, но подумал, почему бы не передать лично в руки?

– Вот как. Что ж, несите.

Поставив мне на стол прямоугольную коробку, секретарь как-то странно на меня посмотрел, вжал голову в плечи и снова удалился, а я принялся распаковывать посылку. В ящике лежала кожаная чёрная сумка, похожая на чехол от какой-то техники, а сверху – письмо. То самое, последнее.

На ярко-белом листке бумаги было совсем немного текста. На этот раз никаких газетных букв. Каспер уже даже не шифровался, а просто по-быстрому написал мне послание от руки – беглым, полупечатным почерком, который показался мне отдалённо знакомым:

«Гриша, я рад, что ты читаешь эти строки. Мы с тобой молодцы!

Так как мы оба живы, пора мне познакомить тебя с ма-

териалами операции «Гранатовый сок». Ты, разумеется, ни единому слову не поверишь, я знаю. Сам не поверил бы. Поэтому в чёрном чехле тебя ждёт видеокамера. Обязательно посмотри то, что я туда для тебя записал. Только сначала присядь.

P.S. Прежде, чем ты начнёшь смотреть видео, я хотел бы напомнить тебе кое-что. Сейчас это может прозвучать странно, но позже ты поймёшь.

Я хотел сказать, что ты не будешь одинок. Неважно, что ты сделал или сделаешь. Я всегда встану на твою сторону, что бы ни случилось.

Хоть это и сложно, я всегда буду с тобой. Даже если твоё сердце будет разбито, я останусь. Даже если другие отвернутся от тебя и разочаруются в тебе, я останусь. Даже если ты заболеешь и станешь слабым, я останусь. Даже если твоя рука дрогнет и сделает неверный ход, я останусь.

Я всегда буду с тобой. Я разделю с тобой эту боль...»

Едва дочитав, я кинулся к монитору, висевшему на стене, и присоединил к нему видеокамеру. Включил её и щёлкнул пультом, выводя видео на гигантский экран.

Передо мной предстало изображение какой-то мрачной комнаты. Присмотревшись, я с удивлением понял, что эта та самая смоленская реанимация – свет выключен, только горят в темноте приборы да крышка саркофага. Но сейчас эта крышка открыта, а внутри, под трубками, лежит другое тело. Тот, кого я видел позавчера, был тощий, а этот полненький

– еле поместился в «гроб». У него, к тому же, стриженные короткие волосы и, кажется, он рыжий. Я пригляделся повнимательнее. Боже праведный, да это же... да это же я! Тот самый, прежний я. Ещё до всех вампирских метаморфоз.

В этот момент в кадре появился ещё один человек. Сначала его на видео не было – наверное, он запускал запись и настраивал съёмку. Сейчас же, прихрамывая и опираясь на чёрную трость с серебряной рукояткой в виде черепа, он сел на стул перед объективом камеры. Такой молодой, и уже хромает?.. Я узнал его и одновременно – как будто бы не узнал. Да, он худой, сильно похудел с детства, но рёбра не торчат, и болезненным он не выглядит. Светлые волосы давно просят стрижки, и всё же они не такие длинные, какими я их видел недавно. Лицо у него сейчас живое – не бледное и не осунувшееся, без тёмных кругов. Глаза светятся – как у человека вдохновлённого и занимающегося любимым делом.

Вздыхнув, парень отставил трость в сторону и положил руки на колени. Немного помолчал, собираясь с мыслями. Попытался улыбнуться, но улыбка вышла какой-то кривой.

«Привет, приятель! Думаю, ты меня узнаёшь. Да-да, это я, твой друг Стёпка, а с некоторых пор таинственный и невидимый Каспер. Сейчас я расскажу тебе всю историю так, как она выглядела моими глазами. К сожалению, она отличается от твоей. Но нам обоим пора узнать правду.

Мне очень жаль, но тот человек, которым ты себя считаешь, мёртв. В ту самую ночь, в лесу, ты умер от укуса Влада

– внука Дракулы. Я с Линкольном был рядом, но не успел тебя спасти. Не хватило всего лишь нескольких секунд. Ты потерял слишком много крови.

Я предпринял всё возможное, даже вызвал вертолёт с нашей базы, и тебя экстренно доставили в смоленский штаб. Наши врачи сделали тебе переливание и запустили кровообращение, но мозг спасти, увы, не удалось. Из-за кровопотери началась сильная гипоксия. Некоторые отделы нервной системы было невозможно восстановить. Медики сказали, что ты уже не выйдешь из вегетативного состояния, и сознание к тебе не вернётся. Вон там, за моей спиной, покоится твоё тело, и наши приборы искусственно поддерживают в нём жизнь, но тебя самого там уже нет. Мне жаль.

Сейчас ты лежишь обездвижено, а я с тобой говорю. Но скоро всё поменяется. Я лягу в эту капсулу, и меня введут в глубокую кому. А ты очнёшься. Твоим телом будет управлять мой мозг. Через этот маленький чип, который врачи поместят тебе в голову».

Он прервался и показал на камеру что-то плоское, похожее на нано-симкарту.

«Операция будет длиться несколько часов, и я надеюсь, что наши нейрохирурги снова справятся с этой непростой задачей, как они справлялись с ней все предыдущие девяносто раз. Правда, раньше моими аватарами были только погибшие неестественной смертью люди, а сейчас им будет вампир, но, так как ты ещё не до конца инициирован, у врачей

должно всё получиться.

Я долго думал и пришёл к выводу, что модуль памяти активировать нельзя. Я всегда активировал его, подключаясь к другим телам, но сейчас не тот случай. Константин ментал и умеет читать мысли, а моя память ему ни к чему. Поэтому память останется твоей – к счастью, она не пострадала. Ты будешь помнить себя Гришей, и Цепеш тоже будет считать тебя им. Инженеры сохраняют только мою двигательную память, потому что навыки стрельбы и рукопашного боя могут тебе пригодиться.

Пожалуйста, прости. Мне очень печально, что я не успел предотвратить твою смерть. Ты был моим единственным другом и остался им даже после того, как я, якобы, разбился на мотоцикле. Считай это оправданием, если хочешь, но таким образом, с помощью этой операции, я пытаюсь выразить мою привязанность к тебе и продлить твою жизнь хотя бы ненадолго. Возможно, за это время ты сможешь завершить все свои дела, закончить свою историю на светлой ноте и уйти из этого мира счастливым.

Твоя жизнь и твоя память заслуживают уважения. Они заслуживают того, чтобы жить вечно. К сожалению, я не могу тебе этого дать. Я могу лишь отсрочить отведённый финал. Возможно, ты уже видел таймер.

Два месяца – это максимальный безопасный срок, который я могу провести в медикаментозной коме. Именно столько времени я отвёл на операцию «Гранатовый сок», ко-

торуую продумывал гораздо дольше – последние полтора года. Правда я и представить не мог, в чьём теле начну её осуществлять.

Сейчас, когда Штефан пойман, операция близится к завершению. Пришло время активировать модуль памяти. Пожалуйста, наберись смелости и отдай такое распоряжение. Это сделают удалённо, твоё присутствие не требуется».

Здесь он осёкся, словно сбился с мысли, и опустил глаза куда-то в сторону, скромно хмыкнув:

«Как же это странно – говорить с самим собой будто с другим человеком».

Ох, узнаю Стёпку! Этот блуждающий, отстранённый взгляд и привычка избегать встречи с глазами собеседника. Даже сейчас, когда перед ним никого нет, он смущается из-за направленного на него объектива камеры.

«Интересно, удалось ли мне в ходе этой операции лучше узнать самого себя? Или, напротив, я изменился до неузнаваемости?»

Каким я вернусь?

Этот вопрос больше всего меня тревожит.

Мне страшно точно так же, как тебе сейчас, когда ты стоишь на пороге неизвестного. Но на страх времени нет. Много всего нам ещё нужно успеть.

Пожалуйста, прости меня снова. У меня не было возможности спросить, согласен ли ты на этот эксперимент. Но почему-то мне кажется, что ты не отказался бы мне помочь.

Мы ведь всегда любили играть вместе. Да, а ещё... извини, что я распорядился украсть у тебя ту самую красную «феррари». Скоро я её тебе верну. Ты найдёшь её на столе в моём смоленском кабинете.

Я заканчиваю видеозапись. По поводу модуля памяти свяжись с Марьей – главврачом реанимации шестого отдела».

Он встал со стула, взял трость и захромал к видеокамере. Вскоре запись остановилась. Картинка последнего кадра замерла, и я, не в силах больше видеть мёртвого себя, тут же выключил монитор. А потом резко выдернул из камеры кабель и в сердцах запустил её в стену, разбив на мелкие кусочки.

Моё дыхание было частым-частым, будто я только что пробежал стометровку. Чёрт возьми.

Если это правда, то, похоже, зря я убеждал всех в том, что я не Каспер. Зря я пытался его найти. Тут больше никого нет. Это была моя шахматная партия с самим собой – прямо как я любил делать в детстве. Я играю за белых, и я же – за чёрных.

В игре с самим собой есть огромный плюс – ты всегда выигрываешь. Но есть и минус – проигрываешь всегда тоже ты. Так и получилось.

Стоп, нет. Я встрепенулся. Наверное, это всё неправда! Тупой розыгрыш Каспера. Или его попытка придумать иную реальность, убедить меня в ней и таким образом свести с ума?..

Есть только один верный способ узнать, как всё обстоит на самом деле. И, если это жестокая шутка, то скоро мы со Стеллой вместе над ней посмеёмся.

Кристалл быстро-быстро мерцал в груди.

– Марья, это Гриша. Или Каспер. Не знаю точно, кто я. Надеюсь, вы мне сейчас это подскажите... В общем, я хочу активировать модуль памяти.

– Поняла вас, – ответил мне знакомый женский голос. – По протоколу я должна предложить вам инъекцию седативного препарата перед активацией. Но это не обязательно. Вы можете отказаться.

Как мило. Значит, Каспер – то есть, второй я – и об этом позаботился. Было бы очень гуманно с моей стороны по отношению к самому же себе. Но всё же, надеюсь, это ложь.

– Моя нынешняя память сейчас сотрётся? – на всякий случай уточнил я. – Я всё забуду?

– Нет, вы будете помнить обе жизни одновременно. Возможно, будут небольшие пробелы в вашей собственной памяти, но это обусловлено нестабильной синхронизацией из-за повреждения передатчика.

– Ясно. Какая сейчас синхронизация?

– Полноценная.

– Тогда не надо седации. Тем более, что вы в Смоленске, я в Москве, а память мне нужна прямо сейчас. Уверен, я справлюсь сам.

– Как это похоже на вас. Вы в другом теле, но... Всё сам,

всё сам...

– Напомните, сколько времени на таймере?

– Ещё пять суток. Всё идёт по плану, без опозданий. Даже на день раньше.

– Понял.

– К активации модуля всё готово. Хотите оставаться со мной на связи?

– Пожалуй, нет. Это лишнее. Если у меня будут вопросы, я перезвоню.

– Принято.

Первые секунды со мной ровном счётом ничего не происходило, и я уже успел фыркнуть, подозревая Марию с Каспером в нахальном блефе. Но тут в ушах что-то легонько, почти не ощутимо щёлкнуло, будто меня изнутри ударило током. И вот уже бежит перед глазами, потрескивая, засвеченная местами киноплёнка. Яркие, слепящие кадры, начиная с самого раннего детства – когда мне было года три или четыре. Я увидел маму и папу. Своих, настоящих, хотя сейчас они и казались мне какими-то чужими. Мой отец рано умер, но хуже всего, что это произошло на моих глазах, и сейчас мне пришлось всё в подробностях вспомнить. Потом я узнаю, что он работал в СКОК, а этот странный тип, скрутивший ему шею и прокусивший сонную артерию – вампир. Но это будет позже. Сейчас я маленький ребёнок, и я напуган.

После того дня я уже другой. Я почти ни с кем не говорю. У меня нет друзей. Я замкнут в себе и постоянно играю

в шахматы. Люди, которые окружают меня, размыты, будто призраки, а вот шахматную доску и расположение фигур я вижу очень ярко. И в каждой партии будто пытаюсь разгадать загадку, почему так произошло и мог ли я это предотвратить. Три года понадобилось мне, чтобы заново научиться общаться с людьми. К этому времени я уже мастерски играл в шахматы, давая фору тренерам, а в школе у меня были сплошные двойки. Чаще всего – потому что я знал ответ на вопрос, но не решался заговорить и молчал.

Я вспомнил отчима. Ещё одна размытая серая фигура, отобравшая у меня маму. Даже имени его не помню. Наверное, синхронизация лагает. Ну и чёрт с ним.

А вот Гришку помню хорошо. И всё, во что мы с ним играли – в мельчайших подробностях. Как и он меня. Только картинку мне теперь показывают от другого лица. С тех пор, как мы познакомились, лето стало каким-то другим. Красочным, солнечным, радостным. И я стал другим. Я узнал, что существует не только ненависть, но ещё и дружба. Гришка никогда не дулся и не унывал, всегда был весёлым и душевным. Этаким ироничный, вечно улыбающийся толстячок. Смешной увалень – казалось бы, недалёкий, но, если надо, всегда найдёт слова утешения. Тёплый, сердечный, незлопамятный и по-доброму упрямый. Он всегда таскался за мной – понимающий, сочувствующий – и отвлекал меня от вечно-го внутреннего холода. Такой открытый и дружелюбный – к кому хочешь вотрётся в доверие. Кого угодно очарует. Мо-

жет быть, и вампиров тоже?.. Но об этом я задумаюсь сильно позже. А пока я маленький мальчик, и мне просто хорошо в его компании.

Старшая школа, институт... Я ни с кем больше не общаюсь, но с преподавателями приходится. Учусь на программиста, как и Гришка. Хотя ему это интересно, а мне не очень. И когда на втором курсе мне звонят папины коллеги из СКОК, я, не задумываясь, перевожусь на заочку и тоже становлюсь охотником.

Вереница событий крутится теперь быстро-быстро, я едва за ней поспеваю. Столько всего я успел сделать за эти семь лет! Первые полгода я обучался стрельбе из пистолета, снайперской винтовки и автомата. Тир я полюбил всей душой и каждый день бежал туда с радостью. Ещё полгода у меня ушло на занятия по рукопашному и ножевому бою. Потом был теоретический курс о вампирах, не очень интересный, но и не очень долгий. И вот, наконец, я новобранец в седьмом отделе. Следующие четыре года пролетели как один миг – мы с ребятами поймали не один десяток упырей, но среди них, увы, не было того самого, которого я запомнил на всю жизнь. Вампир первого типа, да ещё и ментал-гипнотизёр, потомок самого Дракулы – это не шуточки, будучи простым рядовым из седьмого отдела, такого не поймать. Может быть, мне и правда нужно решиться на перевод в шестой отдел...

Обхватив голову руками, я вздрагивал от прошивающих голову вспышек. Подобно молниям они трещали в череп-

ной коробке, озаряя всё новые и новые события из моей реальной жизни. Жутко давило на виски. Растирая их пальцами, я в какой-то момент сполз под стол и там нашёл временное спасение. Почему-то под столом было легче. И не так больно. Хотя я точно не знал, что именно причиняло боль – сам процесс активации модуля или конфликт интересов двух личностей – прежнего Каспера и меня.

Ох, что же я наделал! Сколько всего наворотил... Как теперь соединить его прежние планы и мои нынешние чувства? Как из двух снова стать одним целым?!..

К сожалению, вспомнил я не только самого себя, но и Лину тоже. Её внезапный переезд в Москву, воспринятый мной очень остро – как настоящее предательство. Я так и не успел ей признаться. Чувства кипели и бурлили внутри, но говорить я не решался. Слишком сложно, слишком откровенно. А потом всё – бах – и взорвалось. На месте моего сердца образовалась чёрная дыра, Лина перестала для меня существовать. Осталась только разъедающая, прожигающая грудь насквозь ревность и желание отплатить Вернеру той же монетой. Отомстить любой ценой. Лишить его прошлого так же, как он лишил меня будущего.

Какой коварный план. Какая разгромная шахматная партия должна была бы получиться! Но мог ли... Мог ли я вообразить тогда, что Стелла из инструмента для мести, из одной простой пешки превратится в настолько важную для меня фигуру, что я не захочу ей пожертвовать?.. Мог ли поду-

мать, что есть что-то слаще, чем расквитаться с обидчиком из прошлого?

Я, конечно, что уж таить, отличный стратег, однако тут я просчитался. Нужно было смоделировать больше вариантов развития событий и заранее решить, что я буду делать, если и правда в неё влюблюсь. Но кто бы мог подумать! Не знавший женщин, травмированный и замкнутый аутист – я оказался в теле другого человека и, простившись с прошлым, всё-таки познал любовь. Что-то в этом есть такое трепетное. Только отказавшись от своей памяти, погрузившись в глубокую кому, променяв бьющееся сердце на холодный, молчаливый кристалл, я, вопреки всей возможной логике, смог полюбить. Впрочем, любовь ведь всегда так и случается – вопреки логике и здравому смыслу. Там, где живёт сухая логика, нет места любви.

А теперь... поздно оправдываться и сожалеть. Что сделано – то сделано.

«Эй, послушай, дружище... – сказал я себе, пытаюсь сохранить самообладание. – Не торопись с выводами. Давай всё-таки посмотрим, что можно сейчас сделать, чтобы спасти эту игру. Или, хотя бы, закончить её с минимальными потерями».

Как же сложно порой бывает говорить начистоту! Как сложно решиться. Некоторое время я кругами ходил вокруг камеры Стеллы – прежде, чем заставил себя войти. В помещении было темно и тихо, только булькала, подсвечиваясь

двумя светодиодами, капельница. Вернер лежала на постели, сжавшись и отвернувшись лицом к стене. Я уже было обрадовался, что она спит, и тогда я, разумеется, убегу, пообещав себе зайти позже. Но тут она, не двигаясь, спросила слабо:

– Кто здесь?

Пришлось ответить. Не стоять же и дальше молча, как приведение.

– Это Каспер. Я пришел рассказать тебе свою историю. Помнится, когда-то ты хотела убить меня. Если не передумаешь, я к твоим услугам. Но сначала выслушай...

Она повернулась и посмотрела на меня затравленно, мутным от капельниц взором. Узнала, встрепенулась. Взволнованно вскочила с кровати, но так и застыла, не в силах больше пошевелиться. У меня всё сжалось внутри, когда я увидел её в таком состоянии. Слабую, растерянную, шатающуюся, с кругами под глазами... Хотелось подбежать и обнять её, прижав к груди крепко-крепко, но я остановил себя. Нет, нельзя. Я здесь за тем, чтобы только поговорить – и больше ничего.

Если любовь – это всего лишь химия, то разлюблю ли я её, вернувшись в своё тело? Смогу ли забыть её руки и губы или вновь и вновь буду с щемящей тоской в человеческом сердце оглядываться на бессмертное прошлое, которое мы провели вместе? Любит ли она меня всё ещё? Простит ли когда-нибудь? А если простит, сможем ли мы быть вместе или я буду обречён доживать свой век без неё?

В её глазах, блестящих застывшими слезами, плескалось такое же смятение. Но мы оба не решились задать ни одного из полыхающих внутри вопросов.

Просто стояли напротив друг друга – на расстоянии пары шагов, но одновременно так далеко-далеко – будто по разным сторонам глубокой, бесконечной пропасти.

Глава 47. Каспер

Середина октября. На асфальте лежат жухлые опавшие листья, пахнет осенью. В тот день у меня с самого утра было какое-то нехорошее предчувствие, я даже пытался поговорить на эту тему с Линой, но так ничего и не смог ей объяснить. И уж тем более, не смог, в очередной раз, ей признаться.

Ночная дорога, я несусь на мотоцикле по Витебскому шоссе в пригороде Смоленска. На спидометре моей «ямахи» космическое число – почти сто шестьдесят километров в час. Шлема на мне нет. Очков тоже, а перчатка только одна, да и то байкерская, с отрезанными пальцами. Надевать вторую было некогда.

Ветер свистит в ушах. Фары встречных машин размываются и ослепляют. Руки, крепко сжимающие руль, ледяные. Я его догоню. Чего бы мне это ни стоило!..

Ох, если бы я только знал наперёд, чего именно мне это будет стоить!

Часом раньше я, закончив суточное дежурство, ехал из штаба домой. По дороге у меня кончился бензин, и пришлось заехать на знакомую заправку. Там-то я и встретил этого товарища.

На парковке у магазинчика стоял мотоцикл с порванной цепью. Парень в чёрной косухе и кожаных штанах сидел ря-

дом и бестолково ковыряться у колеса. Увидев меня, прервался и махнул рукой, подозвав.

– Нужна помощь? – сняв шлем, спросил его я из вежливости.

– Замка цепи нету случайно? – не здороваясь, ответил он вопросом на вопрос.

Замок у меня был, валялся в аптечке на всякий случай, но невежливость этого парня как-то оттолкнула, и помогать ему я тут же передумал:

– Нет, увы.

– А инструмент штатный есть?

– Кто же ездит без инструментов, – аккуратно подметил я.

– Тащи, я тут проволоку нашёл. Может, прилажу.

Кинув ему набор ключей, я скептически наблюдал за его действиями. Он всерьёз собирается ехать дальше с цепью, соединённой калёной проволокой?.. То ли этот парень бесмертный, то ли мнит себя таковым.

Вскоре он прервался, протёр руки карманным платком и буркнул, будто бы в пустоту:

– Ладно, сойдёт. Перекушу и двинусь дальше.

– Мне не даёт покоя ваша цепь, – подметил я деликатно. – Ехать на таком мотоцикле может быть опасно. И не думаю, что проволока тут надолго поможет.

– Точно, – надменно бросил он через плечо. – Да и вообще, пора снова менять мотик. Там стучит, тут стучит... Не видел ни одной фирмы, которая бы делала на века.

Его фраза меня насторожила. «Харлей» у него и правда был старый, но так, на вид, в довольно неплохом состоянии. А цепь – ну мало ли, с кем не бывает. И что он имел в виду, когда говорил «на века»?..

Присев рядом с его мотоциклом, я притворился, что осматриваю поломку. Выглядела вся эта конструкция с проволочкой и впрямь довольно сюрреалистично.

– Далеко вам ехать?

– В Смоленск, – пробубнил он нелюбезно. И тут же, не прощаясь, пошёл в магазинчик.

Я вытащил телефон, напечатал короткое сообщение в чат своего отряда:

«Возможно, веду вампира. Мы на мотоциклах. Он направляется в Смоленск», – и следом отправил свою геолокацию.

Потом пошёл к кассе за парнем в чёрном. Он купил себе томатного сока, перелил его в непрозрачную спортивную бутылку, зачем-то потряс немного и теперь придирчиво выбирал гамбургер. Спросил, хорошо ли прожарены котлеты – видите ли, он любит прожарку с кровью. Потом уточнил, нет ли в составе чеснока, чем, разумеется, снова вызвал у меня подозрение. Издалека направив на него сканер, прямо из кармана, я украдкой нажал на кнопку включения. Пусто. Кристалл не обнаружился. Впрочем, сканеры безошибочно определяют вампира только когда активен его синдром хищника, а сейчас, да ещё и с такого расстояния мог не пробить.

Я подошёл ближе – встал за ним в очередь, для отвода глаз тоже что-то спросив у продавщицы. И снова запустил сканирование. На этот раз экран прибора зажёгся и там замигала длинная надпись.

«У меня тут рентген второго типа, – написал я в чат. – Надеюсь, он меня не спалил. Попробуйте нас перехватить».

И сразу же выключил телефон от греха подальше. Рентгены, да ещё и второго типа, могут и в содержимое телефона влезть, если захотят.

Парень тем временем сделал глоток сока, откусил от своего бургера, повернулся ко мне, и тут же перестал жевать. Его взгляд стрельнул по моему карману – в котором всё ещё горел яркий экран сканера. Обычный человек ничего не заметил бы, но от глаз рентгена это, разумеется, не скрылось. Сколько раз просил инженеров перепрограммировать сканеры, чтобы они не только включались, но и выключались нажатием на кнопку! Но нет, им, видите ли, лень продумать такую функцию. А действительно, зачем, ведь сканер сам выключается спустя тридцать секунд. Но вот сейчас был именно тот случай, когда тридцати секунд не хватило.

– Вот чёрт, – цыкнул упырь. Отбросил гамбургер, наспех вытер руки и, оттолкнув меня, бросился к выходу.

Прыгнул на мотоцикл – который я ему ещё недавно помог починить – и пулей рванул с места. Я, разумеется, оседлал свою «ямаху» и погнался следом в надежде, что через пару километров его самодельный замок на цепи всё же вылетит.

На удивление, конструкции хватило и на два километра, и на три, и на пять. Не жалея своего стального коня, вампир гнал по шоссе ловко лавируя между автомобилями. Я, впрочем, не отставал, а в какой-то момент даже начал его догонять. Если бы мне удалось ещё немного сократить дистанцию, то можно было бы попробовать выстрелить прямо на ходу, прицелившись в голову. Поддавшись азарту, я всё увереннее выкручивал газ.

В какой-то момент две наших дорожных полосы слились в одну, а поток встречного направления стал плотнее, и теперь этому шумахеру было уже не так просто обгонять попутные автомобили. Расстояние между нами благодаря этому сократилось. Рискнув оторвать одну руку от руля, я выхватил из нагрудной кобуры пистолет. Затвор передёрнуть, конечно, не получится, но можно попробовать выстрелить самовзводом, пожертвовав точностью.

Увидев в боковых зеркалах мой пистолет, вампир занервничал, стал юлить туда-сюда в полосе, уходя с линии огня. Мне всё никак не удавалось прицелиться. А потом он и вовсе намерился выехать на встречку – довольно рискованно при таком оживлённом движении! Я поспешно убрал пистолет обратно и снова взялся за руль двумя руками. Кажется, стрельба отменяется. Сейчас будем гонять.

Несколько раз он безбашенно огибал попутки через одну и даже через две сплошных. Дорога петляла, скрываясь за лесом, и автомобили, вынырывающие из-за поворота, ока-

зывались сюрпризом – особенно для нас – едущих с сильным превышением скорости. В какой-то момент моё зрение сузилось, и я поймал себя на мысли, что, наверное, именно так чувствует себя вампир, когда включается синдром хищника – я видел только спину своей «жертвы», которую преследовал, и больше ничего. Стоило ему, вильнув, выехать на встречную полосу, как я тут же на автомате пускался следом за ним. Я так хорошо настроился на него, что мы словно стали единым организмом. Поэтому я даже не сразу осознал, что при очередном обгоне что-то пошло не так. В этот раз он не торопился возвращаться в нашу полосу, и даже приближающиеся по встречке огни «камаза» его не напугали.

Когда я понял, что он собирается делать, было уже слишком поздно. Крепче схватившись за руль и пригнувшись, он вывернул газ до упора – и я инстинктивно сделал то же самое. А в следующую секунду он на полной скорости метнулся прямо под колёса «камаза». Привыкнув неотрывно следовать за ним, я сначала повернул руль в ту же сторону. Но, конечно, сразу опомнился и ушёл вправо. Смотреть в зеркала уже было некогда – я вмазался в зад попутной легковушки, потерял равновесие, упал, пару раз перевернулся, несколько метров проехал на боку по асфальту и в итоге растянулся поперёк нашей полосы. Едущая сзади машина, к счастью, успела притормозить, а то от меня точно остались бы рожки да ножки.

«Харлей» вампира от встречного удара улетел куда-то

далеко-далеко влево, в кювет, а самого его словно катком растянуло по дороге под шинами «камаза». Меня откинуло не так далеко – я валялся рядом со своей покорёженной «ямахой» на проезжей части. Верхняя половина моего тела чувствовала себя ещё ничего, но с ногами творилось что-то очень, очень нехорошее. Я чувствовал, что они как-то неестественно выгнуты в месте, где у меня раньше были колени, да и ниже тоже. Видимо, мне их переломало в нескольких местах.

Сначала могло показаться, что вампиру досталось значительно крепче, чем мне – ведь его тело оказалось изувечено до такой степени, что даже очертания не угадывались. Но, на самом же деле, я тут был единственный, кто пострадал. Ведь он умеет регенерировать, а я нет. Видимо, именно об этом он и подумал, решившись на такой отчаянный шаг.

Разве упыря может напугать какой-то там «камаз»? Пусть он даже проехался по нему всеми своими многочисленными колёсами. Сущяя ерунда! А вот я неизвестно теперь, выживу ли.

Как бы то ни было, пока я жив, времени терять нельзя. Это сейчас он расплющен до неузнаваемости, а через полминуты соберётся по песчинкам и воскреснет. Закусив губу и передёрнув затвор пистолета, я пополз по направлению к телу. На ноги свои приказал себе ни в коем случае не смотреть. Наверное, если бы я увидел это кровавое месиво, то точно отключился бы, не закончив дело.

Нас отделяло всего-то лишь пару десятков метров, но полз я медленно, как улитка. По сантиметру в секунду. Каждое, даже незначительное движение отзывалось такой болью, что глаз лились слёзы. Я непроизвольно стонал и дышал быстро-быстро, как собачка.

Вдруг рядом, визжа шинами, резко притормозил «уазик» с прожекторами на крыше. Под ошеломлённые взгляды двух мужиков, выбежавших из «камаза», из этого «уазика» выскочили трое людей в форме и беспощадно изрешетили серебряными пулями и без того бесформенную массу, в которую превратился вампир. Я выдохнул облегчённо и упал на сложенные перед лицом руки. Как вовремя подоспела подмога! Теперь эта тварь уже не оживёт. Можно и мне умирать.

– Эй, Каспаров, ты как?

«Каспаров» – это меня так прозвали в седьмом отделе за моё увлечение шахматами.

Я по голосу узнал человека, который ко мне обратился. Лёшка – парень из нашего отряда – неплохой малый, но глупый, жуть! Мне хотелось ответить ему, мол: «Разве ты и сам не видишь, что я крайне плохо?», но не получилось. От болевого шока я ничего не мог сказать. К счастью, со мной больше не разговаривали. Лёшка догадался позвонить в штаб и вкратце описал им ситуацию. На том конце провода ему что-то долго объясняли, а он в ответ только чесал макушку и пожимал плечами. В итоге бросил нехотя:

– Ладно, сделаю. Не знаю, правда, зачем это. Но раз вы

приказываете...

Он присел рядом со мной, снял с меня куртку, а потом и цепочку с жетоном охотника. Прогулялся до «камаза» и кинул их в кровавую лужу, оставшуюся от вампира. Придавил ногой, извозив в крови. Что-то сказал мужикам из грузовика, прижал указательный палец к губам и, для убедительности, провёл ребром ладони по горлу. Те в ответ только испугано захлопали глазами и спрятались обратно в кабину.

Потом охотники все втроём по-быстрому погрузили меня на заднее сиденье «уазика». Автомобиль снова взвизгнул шинами и сорвался с места, помчав нас по ночной дороге.

– Держись, парень, – кто-то хлопал меня по плечу и постоянно говорил со мной, но его голос звучал очень глухо, будто бы сквозь вату. До базы я не доехал – отключился через несколько минут, и моя попытка, наконец, закончилась.

Мне вдруг стало так хорошо, так уютно и безмятежно, что я даже решил, что умер или, хотя бы, умираю. Но нет. Два дня пролежав без сознания, я в итоге всё же пришёл в себя, и ко мне снова вернулась нестерпимая боль в коленях, которая с того дня уже больше меня не покидала. Иногда она становилась сильнее, иногда слабее, но до конца так и не проходила. И даже обезболивающие почти не помогали.

Вскоре после моего пробуждения ко мне в палату зашёл врач и, узнав в нём одного из наших медиков, я понял, что я нахожусь не в обычной больнице, а в госпитале охотников. Первое время я не мог ни с кем говорить, только сто-

нал и пытался зачем-то содрать с себя гипс, но врач, тем не менее, счёл нужным рассказать мне, что произошло. Оказывается, меня оперировали почти сутки. Собирали по мельчайшим деталям берцовые кости, а на месте коленных чашечек установили двухполюсные протезы. Ещё он подметил, что мне сказочно повезло – выше коленей ничего не пострадало, только ссадины и небольшое сотрясение. Потом он добавил дозу обезболивающего и оставил меня, как он выразился, отдыхать.

Отдыхом я бы это не назвал. Первые дни у меня было стойкое ощущение, что я попал в ад, и черти жарят меня на сковородке. Днём и ночью я извивался на постели, тщетно пытаюсь высвободиться от тисков боли. Почти ничего не ел, сильно похудел и ослаб. Но через две недели я вдруг то ли свыкся с болью, то ли начал поправляться – у меня появились аппетит и желание жить. Я даже попросил у врача свой телефон. Нужно было позвонить маме и бабушке, успокоить их и сказать, что мне уже лучше. А ещё очень хотелось поговорить с Линой. Каким идиотом я был, что не признался ей в своих чувствах! Теперь-то для этого точно не время. Хотя, я и не планировал. Просто соскучился. Хотелось услышать её голос.

Совпадение ли – не знаю – однако почти сразу после моей просьбы ко мне в палату пришёл человек из шестого отдела, тот самый, который раньше по просьбе руководства уговаривал меня перейти работать к ним. Придвинув стул к моей

кровати, он раскрыл папку, вытащил оттуда какой-то фиолетовый лист с водяными знаками и приблизил его к моему лицу. Похоже на чьё-то свидетельство о смерти.

Перед глазами у меня всё поплыло от страха, когда я прочёл на нём свои имя и фамилию. Нет! Неправда! Они не могли так со мной поступить!..

– Мир уже две недели считает вас мёртвым, – заговорил человек в чёрном. – Вас похоронили в закрытом гробу. Вернее, то, что от вас осталось. А ещё вернее, это были останки того вампира, за которым вы погнались.

– Вы специально это всё подстроили! – вспомнив, как Лёшке приказали снять с меня куртку со всеми документами и жетон охотника, я похолодел. – С самого начала планировали так сделать!

– Да, – не тушуясь, признался он. – Мы не хотели бы, чтобы СКОК вас потерял. Учитывая полученные травмы, вы вряд ли когда-либо вернулись бы в седьмой отдел. Прогнозы врачей неутешительные. Возможно, вы когда-нибудь и сможете встать на ноги и ходить на костылях. Но на что-то большее, увы, рассчитывать не приходится.

– Тогда зачем я вам?! – крикнул я отчаянно. Не помню, чтобы я до этого когда-нибудь так повышал голос.

– Наше предложение о переводе в шестой отдел всё ещё актуально, – ответил он спокойно. – У нас есть проект, с которым, как мы полагаем, никто не справится лучше, чем вы. Здесь всё подробно описано. Подумайте.

С этими словами он положил увесистую толстую папку на одеяло рядом со мной и, встав, вышел из палаты.

Сначала я читал материалы с интересом. Так вот, оказывается, чем занимаются в засекреченном отделе! Но очень скоро интерес сменился оправданным скепсисом, позже испугом, а ещё через несколько десятков минут я, попросив у медсестры красную ручку, принялся активно вносить исправления в текст, зачёркивать некоторые абзацы и писать свои заметки на полях. Нет, сама идея-то увлекательная, да и техническое оснащение, как я вижу, позволяет провернуть такое фантастическое предприятие, но местами всё выстроено настолько нелогично, что хоть вешайся! Увы, ребята, так не работает. Сейчас я вам расскажу, как нужно.

Когда вечером того же дня охотник в чёрном снова зашёл ко мне, я обессилено спал, а его папка – исписанная вдоль и поперёк – лежала у меня в изголовье. Он очень аккуратно попытался вынуть её, но всё равно меня разбудил. Открыв глаза, я видел, как мужчина наспех перелистал содержимое, прочитал несколько заметок. Одобрительно цыкнул и покачал головой:

– Похоже, наше руководство не ошиблось. Рад видеть вас в деле.

– Принесите мне планшет, – сонно проговорил я, – или ноутбук. Это не все замечания, просто долго писать руки мне неудобно. А ещё я хочу сыграть с кем-нибудь в шахматы.

Умерев для остального мира, я в то же время вдруг ожил и оживил вместе с собой весь шестой отдел. И даже перспектива на всю жизнь остаться затворником в СКОК меня не пугала. Уж больно интересную задачу передо мной поставили! И хотя ещё три месяца мне пришлось пролежать в гипсе, я работал прямо из кровати на ноутбуке, шлифуя до блеска теоретическую часть проекта. Потом гипс с меня сняли, и я стал готов к воплощению намеченного на практике.

А предстояло мне ни много ни мало поменяться телами с умершим при исполнении охотником. Вернее, не поменяться, а вселиться в него с помощью электронного чипа, внедрённого в его мозг. Этаким оживший мертвец – зомби – но управлять им буду я, а моё собственное тело в этот момент погрузят в медикаментозную кому. Над проектом чипа наши инженеры работают последние двадцать лет и твёрдо уверены, что по технической части проблем не будет, но вот уже как год шестой отдел ищет добровольца на роль оператора, и дураков, разумеется, нет. Такое предприятие связано с огромными рисками: во-первых, само переселение в чужое тело – немалый стресс для психики и нервной системы, во-вторых, у медикаментов, с помощью которых тело вводят в кому, масса противопоказаний и побочных эффектов, в том числе отсроченных, а в-третьих, такое перевоплощение – это

только первый шаг. Так сказать, подготовка к реальной операции. А под реальной операцией имелась в виду охота на опасных вампиров первого типа. Простому смертному их не одолеть – слишком большая вероятность, что вампир в два счёта приберёт человека с помощью своих способностей. Но в случае с аватаром его ждёт сюрприз – аватар ведь уже и так мёртв, стало быть, и смертью его не напугать. А вот оператору – то есть, тому, кто этим живым мертвецом управляет – придётся раз за разом от первого лица переживать смертельные муки. Короче, это всё крайне тяжело и морально, и физически. Но мой случай – уникальный. Для меня сейчас выйти из собственного тела было благодатью и избавлением.

Какое же это счастье – не чувствовать боли! Я снова встал на ноги, оставил себя-инвалида где-то далеко позади и смог действовать полноценно. Это определённо стоит всех возможных рисков!

Первая пробная операция с участием аватара продолжалась всего пять часов. Но и за это время я успел съездить в небольшой рейд и поймать двух нечистокровок, что, впрочем, меня не особо вдохновило. Было скучно. При этом я, уж конечно, спалился – пара человек узнала во мне не так давно умершего во время другой спецоперации приятеля, и поднялась шумиха. А я ведь сразу сказал моим коллегам из шестого отдела, что так и будет! Зря они ко мне не прислушались. Впрочем, это был первый и последний раз, когда моё мнение не приняли во внимание.

После этого инцидента всем стало понятно, что проект с аватарами надо срочно обнародовать, чтобы другие охотники не пугались внезапному воскрешению своих коллег. Так и появился Каспер – великий и ужасный. Невидимый, хладнокровный, жестокий и беспощадный руководитель всего НИИ СКОК, живущий в чужих телах. Гроза всех непутёвых охотников и чистокровных вампиров. Непобедимый и неуловимый. Практически бог, надзирающий с небес за проделками простых смертных. Кличку ему придумал я – это было моим видоизменённым прозвищем из седьмого отдела. Вроде связь и не бросается в глаза очевидным образом, но те, кто знал меня в той, прошлой жизни, могли бы догадаться, что я жив. Правда, они не догадались, никто. Даже Лина. Так я и остался фиктивно мёртвым, и моё настоящее имя вскоре все позабыли.

А вот имя Каспера звучало теперь всё чаще и чаще – и в Смоленске, и в Москве, и среди охотников по всей России, и даже у чистокровных вампиров. Его именем угрожали нерадивым работникам, в том числе и руководителям отделов, а вампиры пугали им своих отпрысков как бабайкой. Невидимый Каспер присутствовал всюду, вызывая благоговейный трепет. Каспера было нельзя вычислить, перехитрить, обмануть. Все его операции были настолько хорошо продуманы, что любое сопротивление неизбежно влекло за собой негативные последствия для сопротивляющегося. За первые пару-тройку месяцев мне удалось не только ловко, словно игра-

ючи, отловить нескольких вампиров первого типа, но и значительно подтянуть дисциплину в рядах охотников. Парни из шестого отдела довольно потирали руки, празднуя успешно внедрённый проект. Но тут вдруг в игру вошёл Вернер.

Поймать его, в общем-то, не составило труда. Я пришёл к нему в ювелирную мастерскую в теле аватара и внаглую показал свой серебряный жетон охотника. Спросил, сможет ли он сделать такой же, только из золота. Надменно хмыкнув, он кивнул и назвал срок в неделю, даже взял предоплату, а в ту же ночь убил меня, размотав красную нить.

Каково же было его удивление, когда через неделю я снова позвонил ему – находясь в том же самом теле – и спросил, готова ли работа. Помолчав немного, он извинился и сказал, что ещё не успел выполнить заказ. Потом добавил, что если я соглашусь встретиться с ним сегодня вечером в парке, то он оперативно выполнит работу прямо при мне.

– Знаю, что мне не следовало сюда приходить, – сказал он, в знак приветствия протягивая руку. Пожимать её я, разумеется, не стал. Тогда он просто сел на скамейку и, закинув ногу на ногу, добавил. – Сегодня вы меня, конечно же, поймаете. Уж раз сам Каспер взялся за дело, то мои шансы малы. Но, на случай, если вам хватит мудрости меня услышать, всё же предупрежу: от этого станет хуже в первую очередь вам.

– Кому это «вам»? – с напором спросил я.

– Всем. И охотникам, и вашему НИИ, и вашей стране, и русским, и даже вам лично, Каспер.

– Напрасно вы меня пугаете, Вернер, – ответил я ему строго. – Вы даже не подозреваете, с кем имеете дело.

– Вы тоже не подозреваете, с кем имеете дело, мой дорогой друг. Но, нет, не нужно больше слов. Сейчас я пойду с вами, и мы вернёмся к этому разговору через пару лет.

В общем, можно сказать, что он почти не сопротивлялся. Только когда увидел, как со всех сторон к нам приближаются охотники и берут его в плотное кольцо, внезапно сорвал перчатку с левой руки и схватил меня за жетон. Грубо натянул цепочку на моей шее со словами:

– А заказы ваш покорный слуга Эмилиан Вернер всегда выполняет в срок. Вот, пожалуйста, готово.

Ну и щедрость! И даже доплатить не попросил!

Короче, кулон охотника пришлось после этой операции выплавить новый – мой, превращённый в чистое золото, больше не работал с магнитными замками. А в остальном же этот рейд оказался самым лёгким из всех. Алхимик первого типа, да ещё и паук, просто сдался – без боя и спецэффектов.

Проблемы возникли позже. Чувя неладное, я отправил Вернера в «ссылку» в Москву. На всякий случай решил не держать его рядом с собой в смоленском штабе. И уже через месяц начались странности – московское начальство отчиталось мне, что им вновь удалось договориться о получении государственного финансирования, и они готовы расширять территорию штаба, запустить масштабный ремонт и набрать больше сотрудников. Я не возражал, но ушки у меня были

на макушке. Позже я заметил, что некоторые данные о работе московских отделов теперь были засекречены и ни одним из наших мастер-ключей не открывались. Сделав вид, будто ничего не заметил, я ждал, что случится дальше. А дальше, внезапно, воскрес проект с вирусом и вакциной, приостановленный ещё в начале девяностых, сразу после развала Советского Союза. Россию все эти воинственные советские планы не интересовали, поэтому проект покрылся пылью и паутиной, но вдруг, почти через тридцать лет, к нему снова вернулись. С чего бы это?

Начиная волноваться, я принялся «копать» под Вернера. Досконально изучил все вещи, которые охотники конфисковали и вывезли из его мастерской. Помимо всего прочего, там был дневник его жены-паучихи, из которого я, к своему глубокому удивлению, узнал, что Вернер близко дружит с Константином Цепешем – тем самым, кого я мечтал поймать с первого моего дня в СКОК, но всё никак не решался. Возможно, это знак – подумал я. Сейчас, когда я мастерски управляю своими аватарами, у меня есть все шансы его поймать, а ещё лучше – расстрелять, отомстив за смерть отца. Воодушевлённый, я принялся продумывать план операции, с помощью которой рассчитывал убить двух зайцев – вывести алхимика и компанию продажных московских охотников на чистую воду и, заодно, поймать Цепеша. Я расставлял фигуры на шахматной доске и, давая им имена персонажей, просчитывал, какими должны быть мои ходы. Впрочем, скоро я

зашёл в тупик. Во-первых, я понял, что для участия в этой операции мне как минимум нужно управлять телом вампира, а не человека, но где же такого взять? А во-вторых, как раз в это время ко мне на подписание пришёл запрос от Лины о переводе в Москву.

Ох, как я рвал и метал! Ладно эти алчные московские идиоты, но Лина... Зачем ей туда?! Как она смеет?!.. как только она смеет меня здесь оставить?! Нет! Нечего ей там делать! Пусть немножко подождёт! Я встану на ноги, и тогда...

Зря я это сделал, конечно. Удержать Лину в Смоленске силой я всё равно бы не смог, а вот её отношение ко мне таким образом испортил, да ещё и спалился перед Вернером, показав, что она для меня как-то по-особенному важна. Когда на запрос Лины пришёл отказ от Каспера, она так рассердилась, что устроила в первом отделе настоящую взбучку. Отзывалась обо мне самыми нелестными эпитетами – по словам коллег – и угрожала уволиться. Кое-как они её успокоили и посоветовали написать ещё один запрос, более развёрнутый и мотивированный. На этот раз я, скрепя сердце, согласился. А на следующий день её встретила Москва – со всеми почестями. Уж не потому ли алхимик решил её охмурить, что догадался, насколько она дорога таинственному Касперу?..

Следующие две недели я ни над чем не работал и не участвовал ни в каких операциях. Настроение было отвратительное, видеть никого не хотелось – включая самого себя в зеркале. У грядущей операции на тот момент ещё даже не было

названия, и я начал задумываться, а не свернуть ли вообще этот сомнительный проект. Но потом всё-таки взял себя в руки и уговорил продолжать планирование. А следом и название придумалось. В те дни я решил ещё раз перечитать дневники паучихи и в один прекрасный момент, держа перед собой пинцетом очередной пожелтевший от старости листок, вдруг ехидно улыбнулся. Что ты будешь делать, Эмиль, если я тоже отберу у тебя ту, которая слаще чем мёд, сытнее, чем молоко и вкуснее, чем гранатовый сок?..

Снова хмыкнув, я закрыл папку с проектом и так и подписал на обложке красной ручкой – «Гранатовый сок».

Теперь мой план был ещё более жестокий, ещё более изошрённый и коварный. Неважно, когда мне представится шанс осуществить его – хоть через год, хоть через десять лет. Я не провалюсь. Не сдамся. Не проиграю. Цепеш с Вернером за всё поплатятся. За всё ответят.

Безусловно, такой гадкий сценарий мог прийти только на ум человеку, сгорающему от жажды мести. Втереться в доверие к Константину и его близкому кругу – привлечь их к штурму московской базы и всех предать в финале. Использовать легкомысленного и излишне дружелюбного Штефана как пешку, такую ценную для Константина. Он, без сомнения, очень суров и опасен, но если дёрнуть за нужную ниточку, то можно манипулировать этим менталом покруче, чем он манипулирует другими с помощью своего гипноза. Попутно охмурить жену Вернера – если получится, конеч-

но. Сделать так, чтобы она его забыла и больше не ждала с «того света». Тут у меня тоже была фора – её дневник, на каждой странице которого так много личного и уязвимого. Если задумка мне удастся и если эта паучиха хоть что-то для него значит, то можно изрядно потрепать алхимику нервишки. Вдобавок, я планировал рассорить Вернера с Константином, но это, как раз, представлялось самым лёгким – стоило только рассказать Цепешу о том, что Эмиль сразу сдал его с потрохами московским охотникам – все его адреса, паспортные данные, место работы – и регулярно помогает им планировать на него рейды.

В общем-то, после полутора лет обдумывания деталей операции, в её успехе я уже практически не сомневался. Кажалось, я просчитал всё до мельчайших подробностей. Даже написал самому себе в будущее несколько разных вариантов писем. Эти письма должны были меня направлять в нужное русло, а следить за ходом операции и решать, какое именно письмо и когда отправить, выпало на плечи моего секретаря – Олега.

А потом случилась эта жуткая история с другом моего детства, Гришей, и я решил, что это ещё один знак – пора. Второго такого случая может и не представиться. Пока ещё человек, но в будущем – потенциальный вампир, носящий в груди осколок кристалла самого Влада младшего. Как всё удачно сложилось!

Я почти не дал себе времени на жалость. Около одина-

дцати вечера я привёз тело Гришки на нашу базу, а в полночь уже сам лежал на операционном столе в реанимации, и меня готовили к погружению в кому. В четыре утра я снова был на том роковом месте, в лесу. В его теле. Запуганный до полусмерти, я ничего не помнил и ничего не понимал. И только Линкольн, узнав во мне хозяина, привычной дорогой вёл меня к дому...

Глава 48. Нехорошее предчувствие

– В общем, – добавил я, заканчивая свой рассказ перед Стеллой, – мне стыдно. Каюсь. Я был плохим мальчиком. Все эти переселения заставили меня почувствовать себя практически всемогущим, и я совсем заигрался. Но Вернер... Вернер-то тоже хорош. Ничего дурного я ему не сделал, а он забрал у меня сначала Лину, потом власть над московским СКОКом, и в конце концов – контроль над опытами с адренохромом. Вирус, вакцина и прочая чушь – это полностью его идея, которую он спонсировал. Не знаю, правда, зачем. Когда мы его пытали, он сказал, что ему «просто стало скучно». Я не оправдываю себя, но и он тоже тот ещё идиот.

– Не хочу ничего больше слышать! – воскликнула Стелла отчаянно. – Идите вы оба к чёрту! Не желаю знать вас обоих!

– Что ж, справедливо, – я опустил голову. – Не переживай, осталось недолго. Сегодня наши пути разойдутся. Но я хочу, чтобы ты знала: в отношении тебя это был не просто холодный расчёт. Сначала, когда я ещё не познакомился с тобой – да, но после того, как мы встретились, всё, что я делал, я делал искренне. И мне... мне правда понравилось тогда... ну, ты понимаешь...

Я покраснел. К счастью, в темноте этого не видно.

– Ненавижу тебя! – зарычала она. – Выйди вон!

– А ещё... – не останавливался я. – Даже сейчас, когда ко

мне вернулась память, я... по-прежнему... несмотря ни на что... люблю тебя.

Выдавив из себя эти слова, я поспешно убежал, хлопнув дверью.

Однако, глядите-ка, прогресс! На этот раз, прежде, чем попроситься, я успел признаться в своих чувствах. Теперь-то я усвоил этот урок: если собираешься расставаться, пусть даже ненадолго, обязательно признайся. Минутой спустя может быть уже поздно. Кто знает, что ждёт всех нас за поворотом...

В тот же день я уехал в Смоленск. Заперся там в своём кабинете и сначала долго крутил в руках красную машинку, катая пальцами колёсики. Потом подошёл к шахматной доске, стоящей на письменном столе. У меня тут, оказывается, пылилась огромная шахматная доска из красного дерева с увесистыми фигурами – практически размером с ладонь – покрытыми лаком.

Партия была в самом разгаре. Несколько пешек, вражеский конь и обе ладьи уже пали жертвами бессердечного гроссмейстера.

Под одной из съеденных фигур лежала сложенная вдвое записка:

«Если всё прошло удачно, и твоя память полностью вернулась, то тебе не составит никакого труда поставить мат».

Я завис над столом, некоторое время изучая ситуацию на доске. Потёр подбородок. Позиция чёрных незавидная:

королевский фланг разрушен, оставшиеся пешки сдвоены, один офицер заперт, а второй – белопольный – сейчас бесполезен, потому что все мои фигуры стоят на чёрных полях. Конь, как кажется на первый взгляд, ещё жив, но на самом деле он «связан» и не может убежать. Можно было бы его взять, но, думаю, обойдётся без этого. Моя рука сама потянулась к белому королю. Сначала нужно сделать рокировку. Вместо короля здесь теперь будет ладья. И она же поставит мат в два хода. Раз. Два. Три. Ничего сложного.

– Москва, приветствую. Каспер на связи. Напомните, в какой камере у нас Штефан?

– Б-18.

– Окей. Прямо сейчас привести все посты в боевую готовность. Мобилизовать седьмой и четвёртый отделы, вызвать всех на суточное дежурство. Уровень обороны максимальный, – я стукнул пальцем по чёрному коню так, что он зашатался. – Второе. До вечера перевести паучиху в смоленский зелёный сектор. Да, в наручниках и с конвоем, как положено. И третье. В полночь ликвидировать объект в камере Б-18. Нет, кристалл не копировать. Сразу ликвидировать. Если сможете, конечно.

– Понял, посты в боевую готовность, Б-03 перевести в Смоленск, в полночь ликвидировать Б-18, – раздалось хриплое мне в ответ от дежурного службы безопасности.

Шах. Кто-то расчётливый и холодный улыбнулся внутри меня, и от его улыбки я тоже словно оледенел. Давай, Кон-

стантин, убегай. Далеко не убежишь. Следующим ходом будет мат.

* * *

Этим вечером мне пришлось конкретно отругать своих подопечных по видеосвязи. Видеосвязь, разумеется, была односторонней – я их видел, а у них на мониторах горела только белая буква «К» на чёрном фоне, и всё. Но зато на линии раздавался сначала мой хохот, а потом серьёзные укоры. Впрочем, укорял я их чисто для приличия, а вот хохотал искренне. Вообразите: Стеллу сопровождала в смоленский СКОК колонна из целых пяти охотничьих автомобилей, но она всё равно каким-то образом умудрилась сбежать!

Оправдываясь, эти ребята рассказывали мне такую странную историю. Интересно, они сами-то в это всё поверили бы?! Оказывается, уже на подъезде к Смоленску на дороге, якобы, высыпала целая толпа диких животных: стая волков, несколько бурых медведей, лисиц, летучих мышей, кабан, лось, россомаха, два ежа и бобёр! Слушая это, я беспардонно ржал. Даже ежей с бобром не забыли приплести. Куда без них, они же особенно опасны!

Окружив машины, звери начали вести себя крайне агрессивно: скалились, рычали, шерсть на холках у них встала дыбом. Один медведь сел сверху на крышу ехавшего первым «уазика» и промял её под собой, второй свернул боковые

зеркала, третий – разбил лобовое стекло. Тут меня так и подмывало спросить, чем в это время занимались ежи, уж не стреляли ли иголками? Но я сдержался.

Короче, охотникам пришлось в итоге выйти из автомобилей. Они надеялись несколькими выстрелами в воздух распугать животных, но у них ничего не получилось. Звери словно оглохли и продолжали нападать на людей и служебный транспорт. В конце концов, командир, разнервничавшись, отдал приказ стрелять на поражение.

Пока отряд был занят ликвидацией бандитской группировки, состоящей из лесных жителей, один неприметный серый волк через открытую переднюю дверь по-тихому залез в «уазик», в котором со связанными руками сидела Стелла. Проломил перегородку, отделяющую задний ряд от переднего и просунул голову между спинками сидений. Увидев его, паучиха сначала растерялась, потом начала кричать на него и посылать далеко и надолго – наверное, ей на его месте примерещился кто-то знакомый. Она продолжала рассерженно шуметь, пока он вдруг не оскалился и не зарычал так громко, что у неё кровь застыла в жилах. Испуганно зажмурившись, Стелла отвернулась, вжавшись в угол. Тогда волк резко кинулся на неё. Лязгнул клыками. Потом ещё раз. И ещё. Остервенелый, осатанелый, с горящими красными глазами и с пеной, капающей с клыков – будто бешенный.

Нет, он её не тронул. Клацая огромными зубищами, он разорвал мягкий металл наручников, а потом и верёвку, ко-

торая её связывала. Когда она открыла глаза, его уже не было. Убежал. Только мелькнул в проёме передней двери его пушистый серый хвост.

В общем, как-то так, видимо, она и удрала. Вторую часть истории охотники мне, конечно, не рассказали, так как своими глазами этого не видели. Они в то время отчаянно отбивались от взбесившихся зверей, но сам-то я прекрасно знаю, чем закончилось дело.

Сканер московских охотников не соврал – мой аватар всё-таки вампир третьего типа, а не четвёртого. По крайней мере, может, если захочет...

Отдав приказ оштрафовать всех виновных в побеге паучихи – ну, или почти всех – я в изнеможении упал на стол и, не глядя, щёлкнул по кнопке громкоговорителя:

– Олег, у нас есть кровь?

– Конечно. Сколько вам принести?

– Всё, что есть. Я дико голодный.

* * *

В полночь между Константином и Штефаном развернулась похожая сцена. Во всяком случае, я, к огромному своему стыду, узнал в Цепеше самого себя. Он тоже, не жалея сил, вышел один против огромной толпы охотников, чтобы спасти и освободить то самое дорогое, что у него было.

Он был пунктуален как никогда. Приехал даже на пять

минут раньше двенадцати. Бесчисленные отряды бойцов СКОКа выбежали на улицу, чтобы его удержать, но он, всего лишь подняв руку, отодвинул их и без затруднений миновал ворота, войдя на территорию. Дула пистолетов и автоматов двигались следом за ним, а он, казалось бы, их не замечал.

Маленькая певчая птичка, сидящая на ветке раскидистого дерева, свесила голову вниз, чтобы получше разглядеть, что будет происходить дальше.

А дальше, дождавшись, пока все охотники выбегут на улицу и окружают его, он молвил им всего лишь одно короткое жаркое слово:

– Усните, – и все многочисленные крепкие бойцы, будто малые дети, слегли на землю, сонно закатив глаза. Только на меня одного гипноз не подействовал – я ведь и так уже спал.

Ну надо же! А я и не думал, что он может одновременно ввести в транс всю базу! И не только тех, что снаружи, но и всех, кто поджидал его внутри! Во всём московском штабе не осталось ни одного бодрствующего сотрудника. И даже дежурная уборщица, прислонившись лбом к швабре, уснула прямо сидя.

Очнувшись ненадолго, я попытался связаться со смоленским отрядом, который должен был притаиться в засаде неподалёку. Хотел приказать зажечь прожектора и перейти в наступление, но, увы, мне никто не ответил. Всё вокруг будто бы вымерло...

Тем временем, медленно, но уверенно идя мимо мирно

спавших воинов, Константин тихо напевал себе под нос какую-то колыбельную. Как у него получается совсем ничего не бояться и в такой ответственный момент иронизировать? Даже мне – соловью – сейчас было не до песенок.

Сняв с одного из охотников жетон, Цепеш спокойно прошёл мимо всех магнитных замков и постов со спящей охранной в зелёный сектор. Ненадолго задержался у камеры Б-03, в которой сейчас уже никого не было. Принюхался. Покачал головой и фыркнул издевательски. Неужели прознал про мою недавнюю выходку?

Потом двинулся дальше. Дошёл до двери с табличкой Б-18, вытащил из-за пазухи револьвер и, не церемонясь, выстрелил в замок. Проник внутрь, отключил от вены Штефана капельницу, ничуть не пугаясь громко завывшей в этот момент сирены. Похлопал юношу по щекам, приводя в чувство. Потом взял на руки и понёс к выходу.

На улице, то ли от свежего воздуха, то ли просто потому что серебряный раствор уже успел выветриться, Штефану полегчало. Он смог встать на ноги, и некоторое время они с Константином просто смотрели друг на друга. Потом Цепеш прижал его к себе, похлопал по плечу и шепнул на ухо:

– Ничего не бойся. Всё позади. Больше никто не заставит тебя делать то, чего ты не хочешь.

Тот сначала взглянул на него непонимающе. Но вот уже он взволнованно замотал головой и отстранился:

– Что ты такое говоришь, Стэн?! Ты меня пугаешь. Возь-

ми меня за руку и пойдём скорее!

– Нет, – брюнет был непреклонен. – Ты уходишь, а я остаюсь.

В глазах Штефана задрожали слёзы:

– Если у тебя ещё есть тут дела, то я подожду тебя, и потом мы уйдём вместе.

– Не надо. Беги, – приказал ему Константин своим обжигающим голосом, и в следующую секунду закричал так громко, что, казалось, зазвенело небо над нашими головами. – Беги, чёрт возьми!!! Сейчас же!!!

Хрупкая фигурка Штефана вся затряслась. Он закрыл лицо руками и сорвался с места, не глядя на дорогу. Миновал ворота штаба, побежал по тропинке, залитой лунным светом, и юркнул в лес. Подождав, пока он отдалится на безопасное расстояние, Константин, уже мягче, своим обычным гипнотическим голосом, проговорил:

– Проснитесь. Пора, – и вся многочисленная армия СКО-Ка, один за другим, снова поднялась на ноги, поправляя оружие. Взгляды у них у всех были по меньшей мере, недоумевающие.

– Ну, что же вы? – поторопил их, крутя рукой в воздухе, Цепеш. – Эй, ребята, вы где?.. Вас алхимик превратил в золотые статуи что ли? А?

Для пущего эффекта он деловито пощёлкал пальцами перед глазами вояк. Но никто не решался ему ответить. И даже комендант базы стоял открыв рот от растерянности и не в

силах был отдать приказа.

Тогда Константин, вздохнув недовольно, подошёл к нему сам и протянул вперёд руки, подставляя запястья для наручников:

– Командир, я вас поздравляю, – сказал он своим обыденным, бархатным голосом. – Вам выпала честь поймать самого внука графа Дракулы, Константина Цепеша. Ну же. Не бойтесь. Я не кусаюсь.

Он опустил голову, ядовито хмыкнув.

С опозданием щёлкнули замки наручников. Тут же в вену Цепешу поставили укол, его взгляд потух, и он едва удержался на ногах.

– Что же он творит... – пробормотал я, просыпаясь. Проснулся я не по собственной воле, а потому что мне перезванивал смоленский отряд. Сбросив вызов – зачем мне обсуждать с ними то, что я и сам уже видел – я, покачиваясь в своём кресле, удивлённо тёр подбородок.

Не ожидал от Кости такого шага. Вот совсем. Всё же он достойный оппонент. Я бы даже хотел сыграть с ним в настоящие шахматы.

Зачем он так поступил? Ведь он мог просто убежать, и ему за это ничего не было бы. А он... решил таким образом положить конец их нездоровым, зависимым отношениям со Штефаном? Боялся быть отвергнутым и разлюбленным? Настолько боялся, что лучше плен и самоизоляция? Или же дело вовсе не в его личных переживаниях, просто он решил

пойти по стопам Эмиля и разлить СКОК изнутри?

В любом случае, зря он это. Ему теперь придётся ох как несладко, хотя Штефану, определённо, так будет лучше. Возможно, он даже сможет теперь начать жить. Отыщет ту девушку или найдёт себе новую. И хорошо, что всё это будет происходить где-то вдали от глаз Константина.

Экран моего ноутбука снова зажёгся. На этот раз звонили московские. Ну, давайте, товарищи, хвалитесь мне. Хмыкнув, я нажал на зелёную иконку.

– Доброй ночи, Каспер! Константин Цепеш у нас. В красном секторе. Полностью обезврежен, под большой дозой серебра.

– Поздравляю, – проговорил я, но голос мой звучал серо, без какого-либо ликования. А чему тут радоваться-то? Это ведь не я поставил мат, а мой противник мне унижительно поддался.

– Какие будут дальнейшие инструкции?

– Пока оставьте всё как есть. И дозу снизьте, а то ещё убьёте его.

– Принято.

– Доложите, как там поживает алхимик?

– Простите, со всей этой суматохой мы про него забыли, – мой собеседник сконфузился, но тут же добавил быстро. – Сейчас проверим и свяжемся с вами.

Я немного занервничал. Надеюсь, он под шумок не сбежал. Уж кого-кого, а этого типа я не планировал отпускать

на волю. Следующие полчаса от Москвы не было никаких вестей, я им даже перезвонил, но они не ответили. Тогда я набрал свой отряд. Командир принялся докладывать мне о поимке Цепеша, но я сразу его перебил:

– Идите на базу и узнайте, что там с алхимиком. Будьте осторожны. У меня нехорошее предчувствие.

Снова полчаса тишины. Теперь и мой отряд куда-то пропал. Я успел уже надеть кобуру, проверить свой пистолет, достать из ящика стола упаковку серебряных патронов и вызвонить Олега. Приказал ему готовить вертолёт в Москву, а заодно и готовиться самому – морально. Да простит меня его жена за то, что опять выдёргиваю его посреди ночи из постели. И тут вдруг мне, наконец-то, перезвонили. Звонил Артём, самый младший из смоленского отряда. Практически новобранец. Так-так. Уж не потому ли именно его заставили позвонить Касперу, что он должен сообщить мне дурную весть?.. Ведь гонца с плохими новостями, как известно, убивают.

– Каспер, простите, – заикаясь, мямлил Артём, пряча глаза, – но у нас тут и правда случилось кое-что нехорошее. Даже не знаем, как такое произошло...

– Ближе к делу, – поторопил я.

– Понимаете, Вернер, он...

– Убежал? – я закончил фразу за него.

– Нет, не совсем...

Уф! Ну, хотя бы он не сбежал. Но что же тогда?

– Кажется... – запинаясь на каждой букве, лепетал новичок. – Мы, конечно, не уверены, и вам следовало бы приехать и посмотреть на это своими собственными глазами...

– Артём, если ты сейчас же не скажешь, в чём дело, без всей этой воды, то я тебя уволю! – теряя терпение, выпалил я.

– Алхимик... кажется, он покончил с собой!

Глава 49. На восток

Выпалив это, парень со страху начал икать, попросил воды, а потом и вовсе убежал куда-то от компьютера, по которому звонил. Мне, брошенному в одиночестве, осталось только самому закончить вызов.

Вообще, постановка вопроса, конечно, странная. Что значит «кажется» покончил с собой?..

Заинтригованный, я снова набрал Олега:

– Хотел бы я сказать, что задание отменяется, но нет. Придётся нам всё же туда вернуться и посмотреть, что там у них происходит.

– Я уже еду, – ответил он прилежно. – Минут через пятнадцать буду у вас.

Ранним утром мы прибыли на место. У вертолётной площадки нас встречала целая делегация из охотников – московских и смоленских – все какие-то притихшие, сконфуженные и нервные. Видимо, предвкушали серьёзную взбучку.

– Простите, виноваты, – сказал мне тот самый комендант, который вчера «поймал» Цепеша. – Не досмотрели.

– Показывайте уже, что стряслось.

– Вот, полюбуйтесь, – с этими словами охотник открыл передо мной дверь в камеру Р-11 и пропустил вперёд.

Внутри было темно. Свет погашен, и включать его я пока

не торопился, осматриваясь постепенно. Первое, что бросилось в глаза – отключённая капельница валялась на полу поперёк комнаты. Мне пришлось перешагнуть через неё, чтобы ступить за порог. Широкая колба с раствором серебра разбилась от падения, и содержимое всё растеклось по полу. Я брезгливо сморщился, стараясь не наступить на лужу.

– А сирена при отключении капельницы срабатывала?

– Да. Но мы решили, что сигнал шёл из зелёного сектора, там ведь... – говоривший вдруг прервался, и я понял почему. Про побег Штефана-то они тоже мне пока не сообщили.

– Ну, смелее.

– Этот целитель из Б-18, которого мы должны были ликвидировать, тоже отсоединил капельницу и сбежал.

– Вас нельзя и на сутки отставить, – пожурил охотников я. – Пока меня тут не было, один убежал, а второй покончил с собой...

Впрочем, с последним ещё предстоит разобраться. Я, наконец, решился щёлкнуть выключателем, и всё вокруг залилось ярким светом.

Эмиль был здесь. Стоял посреди своей камеры, выпрямив спину и гордо расправив плечи. Подбородок приподнят. Взгляд устремлён куда-то вдаль. Левую руку он прижал к груди – в том месте, где у него раньше был кристалл, а правую вытянул перед собой в недвусмысленном жесте. Все пальцы, кроме одного, были сжаты в кулак, и только средний – оттопырен.

Мне бы хотелось попросить его выбрать жест поприветливее, но едва ли это теперь подействовало бы. Вряд ли его вообще сейчас получится сдвинуть с места. Всё тело алхимика переливалось в свете ламп желтоватыми бликами – оно было отлито из чистого золота. Этот тип превратил сам себя в металлическую статую.

Охотники, переминавшиеся с ноги на ногу за моей спиной, не знали, смеяться им или плакать. Я, честно говоря, тоже не знал. Вот так дела!..

В следующую секунду меня стали мучить подозрения. А что если он не умер? Вдруг прикидывается? Подождёт, пока все оставят его в покое, а потом оживёт. Кто их там разберёт, этих алхимиков – умеют ли они превращаться обратно...

– Давно он так стоит?

– С ночи.

– Не шевелится, не дышит? Не моргает?

– Нет. Следим за ним непрерывно. Не двигается.

– Палату осматривали?

В ответ ребята только развели руками. Ну да, им было не до этого, они же до утра всё думали, как преподнести Касперу свежие новости вместо того, чтобы включить логику и разобраться с происходящим.

Подойдя к кровати, я перетряхнул подушку и одеяло. На пол упало золотое кольцо с гранатом и, прокатившись вдоль комнаты, остановилось и шлёпнулось на бок прямо в центре серебряной лужи. Потом я приблизился к столу. Стол был

чист, в выдвижном ящике пусто. Разве что, несколько едва заметных маленьких пятен крови как будто капнули откуда-то сверху на край столешницы. Я перевёл взгляд на стену над столом, и замер.

– Он не просил ручку и бумагу?

– Просил. Несколько раз.

– Не дали, конечно же?

– Нет. В красном секторе не положено.

– Однако он нашёл выход, – я указал рукой на облупившуюся стену. Охотники, наконец, решились войти в камеру следом за мной и столпились вокруг.

Судя по всему, он порезал себя серебряной иглой от капельницы и ей же, макая кончик в кровь как перо, написал свою предсмертную записку. Буро-коричневые буквы расплылись на потрескавшейся, местами отвалившейся серой краске стены, тонкие струйки то тут, то там стекали вниз, но текст всё же угадывался. Я почти без труда прочёл:

«Тысячелетиями люди винили Бога в том, что с ними происходило. В трудный час они поднимали лица к небу и с негодованием кричали, глядя в его голубые глаза. Они хотели знать, за что он дал им тело, подвластное печалям и болезням, и почему обрёл на смерть в тяжких муках. И спустя много веков молчания Бог, наконец, ответил. Он молвил, что грусть, боль и смерть – это самые ценные его подарки человеку. А чтобы наглядно подтвердить свои слова, создал нас, вампиров. Тварей, недостойных вечного покоя и обре-

чённых на нескончаемые страдания.

Вы можете завидовать нам, а можете ненавидеть нас, что в сущности одно и то же. Но не пытайтесь стать такими же. Вы не готовы. И не будете готовы никогда».

А ниже:

«P.S. В моём рождении и моей смерти прошу винить мою матушку, от которой я унаследовал этот проклятый дар».

Достав телефон, я сделал фотографию стены. Потом запечатлел самого Эмиля, замершего в столь вызывающей позе. Почти что памятник Маяковскому – только пошёл чуть дальше поэта и открыто показал миру «фак». Сразу видно, тут приложила руку креативная личность.

Фотографии я отправил в вампирский чат, из которого меня, почему-то, до сих пор не исключили. И следом дописал: «Как думаете, он правда умер или притворяется?»

«Рыжик, ты мерзавец», – пришёл мне чуть погодя ответ от Илоны, а следом за ней Ян выругался в мой адрес крепким матом.

«Туда ему и дорога, – добавила матушка Эмиля. – Что за неудачник! Ничего по-нормальному сделать не может, даже умереть!»

Как безжалостно с её стороны.

«Каспер, – написал кто-то ещё, – не думай, что ты сам выйдешь сухим из воды. Ты взял на себя непосильную ношу и жить дальше не сможешь».

И следом меня всё-таки удалили из чата. Что ж, возмож-

но, этот последний оратор и не далёк от истины. Моя ноша тяготила меня с каждой минутой всё сильнее и сильнее. Кило душевной боли, центнер угрызений совести и тонна чувства вины. Интересно, где сейчас Стелла? Что с ней? Её мобильный выключен, и в мессенджере она со дня штурма больше не появлялась. На работу, конечно же, она тоже больше не придет. Опять будет скитаться по миру, прячась, как тогда, в военные годы?.. Так страшно за неё и так стыдно...

Вздыхнув, я убрал телефон и обратился к охотникам:

– Отфотографируйте тут всё подробнее. Снимите отпечатки пальцев на всякий случай, хотя не думаю, что кто-то ещё в этом мог быть замешан.

– А со статуей что делать прикажете?

– Спрячьте в сейф, – хмыкнул я. – На чёрный день.

– Не влезет. Как-то он... некомпактно застыл.

– Ну, не стоять же этому изваянию у нас в СКОК. Отпилите ему руку. Или вообще расчлените, – бросил я холодно и, не оборачиваясь, покинул палату.

Нечего мне здесь больше делать. Ещё один слабак. Устроили детский сад какой-то. Константин играет в поддавки, Вернер сдался. Неинтересно. Я столько сил потратил, но не получил никакого удовольствия от партии.

* * *

Ну, ладно. С вампирами всё ясно. А что же теперь буду

делать я?..

Сейчас, когда почти всё само собой разрешилось, и от меня больше не требовалось никаких срочных мероприятий, я тревожился, оставшись в этой пустоте. Жажда мести ушла, и её место заняло какое-то неприятное тянущее и ноющее чувство. Я не знал, куда себя девать. Будто я в чёрной комнате – ничего не вижу и не могу нащупать стен. Полнейшая дезориентация.

Днём мы собрались в московском зале для совещаний, чтобы обсудить план последующих действий. А в особенности Москву интересовала дальнейшая судьба проекта с вакциной. Да, воскресил этот проект Вернер – проделал, между прочим, огромную работу, чтобы сдвинуть дело с мёртвой точки. Но теперь-то, когда всё организовано до мелочей и даже дорогостоящий вирус уже готов и ждёт отправки из Китая, грех сворачивать такой масштабный проект. Столько денег будет тогда потеряно впустую! Такой, если вкратце, была точка зрения всего СКОКа.

С моей точкой зрения она, увы, не совпадала. Я несколько раз пытался объяснить, что мы можем потерять гораздо больше, если будем продолжать дело алхимика, но к общему знаменателю мы с ними так и не пришли. Я попросил время на подумать и заперся в своём кабинете.

Долго сидел, облокотившись на спинку кресла и закрыв глаза. А перед моим внутренним взором мелькали, как ожившее кино, кадры из дневника девочки Светы. Сколько

крови было пролито и сколько ещё может пролиться, если сейчас всё это не остановить...

Где-то там далеко, в Смоленске, бездыханно лежит человек, без которого СКОК не сможет принять решение. В черепной коробке этого парня покоится мозг, способный остановить или развязать Третью мировую. Как же он поступит?

В случае, если я сейчас прикажу остановить начатый проект, то подпишу СКОКу смертный приговор. НИИ тогда станет окончательно бесполезным. Он будет слабеть, медленно догнивать, терять сотрудников и, в конце концов, зачахнет. Если же я дам им добро, и проект будет внедрён на государственном уровне, то СКОК поднимется и расцветёт уже даже без помощи покинувшего нас алхимика. Останется только наделать новых нечистокровок да подточить тему с вакциной – провести масштабные испытания, минимизировать побочные эффекты и, наконец, привить большую часть населения, а в первую очередь, конечно, всю нашу армию. Выиграет ли Россия в этой войне? С вампирами в вооружённых силах у неё будут все шансы для победы. И даже если война не развяжется сразу, то при первом же подходящем случае искусственные нечистокровки будут выпущены, что приведёт мир к катастрофе более опасной, чем атомная.

Не буду кривить душой, судьба всего человечества меня мало волновала. А вот чувства Стеллы – очень. Как бы я хотел защитить её. Сделать так, чтобы ей не пришлось ещё раз сталкиваться со всеми этими ужасами войны, которые легли

на страницы её дневника.

А знаете, что самое интересное? Я просчитал до мелочей обе эти ветки развития событий, каждую из них – в десятках разных вариаций. Но не нашёл ни одну, в которой я сам остался бы жив. Как неожиданно. Ещё только недавно я, предвкушая победу, готов был поставить жестокий мат, и вот уже у моего собственного короля не осталось путей к спасению.

Если остановить и уничтожить проект, то меня, скорее всего, убьют в СКОК, когда до них дойдёт, к чему это приведёт. Уволят и уберут как свидетеля: из секретного шестого отдела живыми не уходят. Но, возможно, убивать и не будут, просто разжалуют и выгонят. Куда я тогда пойду – инвалид, да ещё и официально мёртвый? А в случае, если вдруг меня помилуют и оставят в штабе – что со мной будет, когда СКОК окончательно разорится и закроется? И долго ли протянет НИИ, если за рулём не будет меня?..

Ладно, понятно. Хватит. А теперь допустим, что я буду достаточно расчётлив, чтобы пойти против голоса собственной совести и продолжить, вслед за Эмилем, развивать проект. Смогу ли я простить себе это? Смогу ли я существовать, зная, что где-то в этом большом мире моя любимая женщина с утра открывает глаза, и первое чувство, которое к ней приходит – ненависть ко мне, за предательство и бездушие?

Если всё так, если выхода у меня нет, то не лучше ли мне самому сделать с собой то, что рано или поздно при любых

обстоятельствах произойдёт? Уж не так ли думал Вернер, прежде чем превратил себя в золотой монумент?..

– Олег, а водка у нас есть? – щёлкнув дрогнувшим пальцем по громкоговорителю, выпалил я.

– Сейчас спрашиваю у ребят, – ответил он спокойно. – Думаю, найдём.

– Давайте выпьем?

– Простите, не могу. Я при исполнении.

– Считайте, что это срочное рабочее поручение от Каспера.

– Ну... – протянул секретарь, смягчив голос. – Если так, то я, конечно, не имею права отказаться.

Спустя пару часов мы, оба уже «хорошие», прикончили вторую бутылку спиртного. И тут меня понесло. Я всё говорил, говорил, говорил. Вываливал всё это на Олега. Выворачивал перед ним душу наизнанку. Рассказывал про её фронтальной дневник, про то, как мы познакомились, как я встречал её с работы, как мы вместе ездили в Смоленск – и дальше про все наши отношения в мельчайших подробностях. Олег молчал, но слушал очень внимательно или, как минимум, делал такой вид. Завтра, уж разумеется, мне станет жутко стыдно перед ним, и я тысячу раз пожалею. Но сейчас что-то так нестерпимо холодеет внутри, и даже горячительное не помогает отогреться.

– Знаете, – подумав, произносит, наконец, Олег. Язык у него заплетается, но он твёрдо намерен договорить. – Я ду-

маю, это нормально. Все мы не без греха. У каждого из нас свои тараканы. А у кого-то пауки. Бывает.

Он развёл руками и скромно улыбнулся, а мне вдруг разом как-то полегчало, и в голове, несмотря на количество выпитого, блеснула ясная мысль. С жаром пожав ему руку, я пробормотал:

– Спасибо, Олег. Вы блестяще справились с поставленной задачей. Достаточно. Отдыхайте. Завтра выпишу вам премию.

Кивнув, секретарь удалился в приёмную, и уже спустя минуту заснул там прямо на рабочем столе. Я же, вскоре протрезвев, связался сначала с первым отделом:

– Это Каспер. Я согласен с вашим решением продолжить проект «Адренохром». Сейчас же начинаем операцию с вирусом. Ждать больше нельзя, промедление может быть опасным. К тому же, вирусу нужно минимум полгода для широкого распространения. Испытания вакцины будем проводить прямо на населении по ходу прогрессирования заражения. Поставьте в известность всех, кого нужно.

Дальше я сам позвонил в лабораторию. Приказал им связаться с Китаем и запросить немедленную доставку вируса в Россию. Ответ пришёл уже через пять минут: китайцам нужен был час на подготовку к отправке. Замечательно. Как раз успею.

Откинувшись в кресле, я закрыл глаза и вышел в астрал. Оставил оба своих тела на земле, чтобы вновь расправить

перепончатые крылья и подняться в небо. Пока Каспер лежал в коме, а Гриша с Олегом спали, я готовился к далёкому путешествию.

Маленькая летучая мышь, юркая, словно чёртик, взмыла в сиренево-розовое предрассветное небо над московской базой и, волчком обернувшись вокруг своей оси, взяла курс туда, где просыпалось утреннее солнце – на восток.

Меняя тело за телом, я летел всё дальше и дальше, за сотни, тысячи километров от родных мест. Встречай меня, Азия! Ох и не понравится же тебе то, что я принесу на своих крыльях!

* * *

Спустя час в штабе охотников началась настоящая паника. Тревожный звонок из Китая заставил засуетиться сначала медиков из лаборатории, те, в свою очередь, позвонили в шестой отдел, поставив там всех на уши. Потом шестой отдел экстренно связался с первым и ввёл их в ступор неожиданной новостью. Параллельно с этим смоленская реанимация, а следом и их инженеры звонили московским, встревоженные резким падением синхронизации.

Пьяный в стельку Олег продолжал мирно сопеть на столе и игнорировал телефонные звонки. Куда там – если даже звук пушечного выстрела, раздавшийся совсем рядом несколько минут назад, не смог его разбудить.

В кабинете Каспера тоже уже вовсю разрывались два телефона, мобильник, переговорное устройство и ноутбук. Ему звонили из всех отделов сразу, но он – то есть, я – не подходил. Не то чтобы мне не хотелось говорить. Просто я уже не мог.

Получасом раньше, вернувшись в тело Гриши, я первым делом проверил, не проснулся ли секретарь. Потом тщательно протёр свой пистолет. Отполировал его тряпочкой как следует, до блеска. Зарядил магазин серебряными пулями. Вообще-то хватило бы и одной, но почему-то я тянул время. Как будто ждал от холодного гроссмейстера внутри себя, что тот передумает и помилует этого трусливого слабака.

Впрочем, ничего не изменилось бы. По моим расчётам у меня оставалась всего одна-единственная лазейка, а для того, чтобы задумка сработала, надо было засунуть страхи и душевные терзания куда подальше и... зажмурившись, задержав дыхание, закусив губу... решиться.

Что ж, вот и закончилась досрочно операция «Гранатовый сок». Пока, Гриша. Ты был славным парнем. Покойся с миром. Пока, Стелла. Спасибо за ту ночь. Будь счастлива!..

Когда до Олега, наконец, смогли добудиться, синхронизация была уже на нуле – о чём ему и сообщили. Бросив телефон на стол, он тут же побежал ко мне. Дверь в кабинет я догадался закрыть изнутри, и ему пришлось потратить немало сил, чтобы вынести её ногой. Увы, ничего хорошего он там не увидел. Зато сразу протрезвел.

– Выводите его!!! – заорал он в трубку смоленским медикам. – Нет, не постепенно, а экстренно! Сейчас же! На медленный вывод уже времени нет!

Сидя на корточках рядом с телом Гриши, он ещё долго ругался – сначала на него, а потом и на самого себя. Если бы не разбитый в хлам чип и не нулевая синхронизация, я бы обязательно запретил ему переживать и винить себя. А ещё – попросил бы не спешить меня возвращать и хотя бы на пару минут оставить здесь. Мне было так спокойно. Так легко и невесомо, что я даже расстроился, когда далеко-далеко по венам Каспера побежали ударные дозы адреналина и ещё каких-то медикаментов.

Глава 50. Найти покой

На что похожа смерть? На всё и ни на что одновременно. Смерть как пластилин. Ты падаешь в него, и он обволакивает тебя полностью. А потом твоё тело тоже становится пластилином. Теряет форму, смешивается с тем, что вокруг, и ты перестаёшь существовать. Но ненадолго.

Чёртовы колени! Как же болят. Невыносимо...

Впрочем, самое отвратительное вовсе не это. Стоило мне прийти в себя, как я осознал кое-что более важное – оно нахлынуло на меня огромной волной, накрыло с головой и испугало до ужаса.

Гриша никуда не ушёл! Я – по-прежнему он. Он не умер, а переродился только что в другом теле. В моём. Мне не удалось убить его даже серебряной пулей – он, вместе со всеми своими радостями и печалью, остался во мне. И, наверное, теперь будет жить вечно.

Открылась крышка саркофага. Я ещё не дышал и не в силах был пошевелиться, но сознание ко мне уже вернулось, и мысли крутились быстро-быстро.

Как наивно я полагал, что все чувства, привязанности и переживания останутся там – в теле мёртвого нечистокровки. На самом деле, это не я на время стал им, а он стал мной – и похоже, что навсегда. Где же я ошибся?! Что пошло не так? Может быть, виной всему модуль памяти, который я на

этот раз не подключил? Или же нельзя было мне, человеку, вселяться в вампира?..

Ещё недавно, пока я жил в его теле, у меня было всё, о чём я только мог мечтать. А сейчас я сжёг мосты и всё потерял. Здоровье. Дружбу. Любовь. Уважение. Свободу. И даже самого себя. Как я теперь буду жить?..

Моё лицо казалось полностью обездвиженным, застывшим – будто восковое. Но вдруг по щеке скользнула и скатилась одинокая слеза.

– С возвращением, – шепнула мне Марья, очень тихо, чтобы не пугать. Однако и эти чуть слышные слова вызвали во мне бурю чувств. Я вдруг задрожал всем телом, сделал глубокий вдох и, поднимая руки к глазам... разрыдался.

Над моей головой уже давно, надрываясь, пищал тот самый монитор, который отмерял мой пульс и оповещал медиков в случае, если он начнёт повышаться. Ярко-ярко мигали красным многочисленные лампы. Наконец, кто-то догадался поменять профиль с режима «глубокая кома» на «бодрствование», и приборы успокоились, перестав бить тревогу.

Металлический стол, на котором я лежал внутри саркофага, поднялся вверх, извлекая меня из воды. Стало холодно, и моё тело начало колотить ещё сильнее. Врачи обступили стол вокруг, принялись обследовать моё состояние и снимать датчики. Потом насухо обтёрли меня и накрыли простынёй, а сверху ещё и тёплым одеялом, но я всё равно продолжал трястись и без остановки рыдал. Вот вам и суровый,

опасный Каспер. Даже стыдно стало немного...

– Так всегда бывает при выходе из долгого и глубокого наркоза, – сказала Марья. – Побочный эффект. Не переживайте. Скоро пройдёт.

Мне показалось, что говорила она это скорее для других – чтобы не рушить мой полный уверенности и бесстрашия образ. Может быть, конечно, и побочный эффект, но ведь раньше со мной такого ни разу не было...

Мне подключили какую-то новую капельницу, и через несколько минут я согрелся и перестал захлёбываться рыданиями, но слёзы всё равно ещё долго текли по щекам.

Всё это время главврач была со мной и по-матерински держала меня под одеялом за руку. Остальных она отпустила. Кто-то пошёл отчитываться руководству, кто-то изучать ошибки на «бортовом компьютере», кто-то – готовить для меня палату.

– Что делать, Марья, – прошептал я ей, как только мы остались наедине, – что делать, когда сначала видишь дурной сон и мечтаешь проснуться, а потом реальность оказывается ещё более страшным кошмаром?..

Она не ответила мне. Только понимающе кивнула. Вздыхнула и провела ладонью по моему лбу, приглаживая мокрые волосы.

Следующие два месяца меня кормили всем, что только было в арсенале медиков из смоленского НИИ СКОК – нейрорептиками, транквилизаторами и анксиолитиками. Анти-

депрессанты Марья мне давать запретила, боясь, что они слишком меня растормозят, и я снова сделаю с собой что-то нехорошее. Так я и лежал в своей палате целыми днями как привидение – тихое, вечно сонное и очень грустное. По шестому отделу уже пошёл слухок, что Каспер, вернувшись после долгой и сложной операции, свихнулся, и на его место ищут кого-то другого.

Наивные. Разве кто-то, глядя на меня, захочет быть на моём месте?

Днём меня постоянно клонило в сон, а ночами я, напротив, подолгу не мог уснуть и отключался только на рассвете. Но и тогда я спал беспокойно, постоянно ворочался и словно в бреду звал Стеллу. Бесполезно. Все мои сны были до отвратительного спокойные, серые и бессмысленные.

Чтобы отвлечься от своей драмы, я пытался играть на планшете в шахматы, но победа больше мне не давалась. Действуя как обычно, я поначалу получал преимущество, а в какой-то момент отвлекался и делал серьёзный «зевок», в результате чего проигрывал даже относительно слабым соперникам. Задачи решать тоже не получалось – я вообще не мог ни на чём подолгу сконцентрироваться и улетал мыслями далеко-далеко.

К счастью, охотникам было чем заняться и без меня. Перед этим неудачным приключением я написал им уйму протоколов операций – хватит на несколько лет вперёд. Спрячутся как-нибудь. Если, конечно, будут слушаться того,

прежнего Каспера, в чьей голове родились все эти искромётные, до мелочей продуманные планы.

Ещё через месяц я, с затуманенной головой, с затынутыми белой пеленой глазами, в первый раз, будучи в собственном теле, выполз из своей палаты. Заблокировал все магнитные двери в офисе, чтобы никто меня не увидел. Спрятался в бесформенной толстовке, надвинул на лицо капюшон. Покинул шестой отдел, вышел из закрытой зоны и поднялся на фуникулёре на поверхность. Осталось позади здание НИИ, которое было моей темницей последние два с лишним года. Стоя в лесу, далеко за территорией штаба, я шумно выдохнул. Вдохнул, сделав жадный глоток холодного осеннего воздуха. Как же давно я не дышал полной грудью!.. Я расправил плечи и расставил в стороны руки. Закрыв глаза. Поднял голову к небу.

Господи, дай нам всем сил пережить эту зиму...

* * *

В ноябре я стал потихоньку возвращаться к работе. Даже согласился прийти на совещание к коллегам из шестого отдела, и мы, наконец, спустя столько времени, смогли разобрать ошибки той самой, сломившей прежнего Каспера, операции.

Разумеется, на меня тут же посыпались провокационные вопросы. Зачем я расстрелял и взял в заложники своих же, действующих по протоколу ребят во время штурма, сорвав

вторую часть плана? Почему до сих пор не ликвидировал Константина? Почему выступал против проекта «Адрено-хром», а в последнюю минуту резко поменял своё решение, поторопив старт операции? Из-за чего валялся в депрессии три последних месяца? А главное, что это за летучая мышь вдруг, в самый ответственный момент, отобрала у китайских лаборантов пробирку с вирусом? Зачем скинула её в самом центре города на головы ни в чём не повинных местных жителей?!

Пришлось соврать, что Гриша, в теле которого я находился, частенько жил своей собственной жизнью и был против всех этих проектов. Иногда мне удавалось его пересилить или «уговорить», но получалось не всегда, а к концу операции – всё хуже и хуже. Моё нелогичное поведение, перестрелка во время штурма и перипетия с китайским вирусом – это ни что иное как следствие барахлившего передатчика, который, в итоге, очень не вовремя отказал окончательно, когда я решил проконтролировать отправку вакцины. А в депрессии я был из-за того, что очень остро переживал провал операции и свою собственную неудачу как стратега и тактика. Признайся я, какие соображения и эмоции двигали мною на самом деле, я бы тут же подписал себе смертный приговор. Поэтому пришлось покривить душой, и крепко досталось только Олегу, напившемуся на рабочем месте и проспавшему критическое падение синхронизации.

Олег косился на меня недовольно, но, после разговора по

душам за бутылкой водки, он хотя бы понимал причины такой подставы с моей стороны, поэтому не злился и не возражал. Только кивал в ответ руководству:

– Да, да... Признаю, виноват. Бес попутал, – и снова недвусмысленно смотрел на меня.

В общем, вот так я и стал в очередной раз в глазах соратников храбрым героем – безжалостно расправившимся с самим собой, когда понял, что аватар совсем отбился от рук и дело идёт не по плану. Позже коллеги признали, что многое из задуманного нам всё же удалось: мы успешно ликвидировали заговор в московском офисе и устранили всех его зачинщиков, благодаря чему Смоленск и Москва снова представляли собой единое целое. Смогли поймать одного из самых могущественных вампиров в России – Константина Цепеша – и вместе с ним ещё нескольких сильных чистокровок. А сам я получил уникальный опыт нахождения в бессмертном теле, узнал как работает кристалл, описал всё это подробно от первого лица, и добытые таким образом материалы ещё надолго займут наших исследователей. В общем, всё вернулось на круги своя. Каспер превратился из умалишённого обратно в глубокоуважаемого гения и выслушал массу восхищений – разве что аплодисменты в адрес этого отважного парня не прозвучали.

А потом мы устроили мозговой штурм и стали обсуждать, как вытащить СКОК из критического упадка, вызванного серьёзными потерями личного состава и прекращением фи-

нансирования после самоликвидации Эмиля. К счастью, я уже немного оклемался, моя голова снова заработала, а ум стал холодным. Скоро я всё исправлю. Вот бы ещё сердце перестало болеть по вечерам, когда я пытаюсь уснуть. Впрочем, в последнее время уже и сон потихоньку налаживается...

Забыл ли я те кошмарные сновидения?

Нет, не забыл. Их сюжеты всё продолжали и продолжали мне сниться, повторяясь каждую ночь. Просто теперь я проживал их по-другому. Рухнули злые чары, не было больше никакой паутины. Страхи рассеялись как утренний туман, но память о встречах со Стеллой, так глубоко затронувшей моё подсознание, осталась.

Однажды ночью я вновь оказался в лесу – в своём первом сне – но теперь я точно знал, что я тут не чтобы бояться, а чтобы перерисовать его. И следом за ним, если получится, все остальные. словно под кистью невидимого художника, тёмно-синее тяжёлое небо расчистилось от серых туч. Дождь прекратился, гроза стихла, откуда ни возьмись вышла огромная жёлто-белая луна и озарила всё вокруг. Мрачные силуэты деревьев замерцали серебристым лунным светом. Повеял тёплый весенний ветерок и донёс до моих ноздрей запаха черёмухи и мяты. Вокруг моих ног-корней собрался рой гудящих светлячков. Они словно лечили меня, согревая и успокаивая боль. И я почему-то не сомневался, что у них по-

лучится исцелить мои ноги. В воздухе тёплой майской ночи трепетала какая-то особая магия...

И вот я уже в прохладной воде бирюзового моря – в небе на востоке топлёным молоком растекается рассвет. В окнах домов прибрежного городка мерцают свечи и лампадки. Со- всем скоро, когда взойдёт солнце, свет в домах погаснет, и пляж заполнится сотнями людей. Но пока их нет, и я могу плавать в тиши раннего утра. Как раньше, как в детстве. Качаться в любящих руках матери-воды. Чувствовать небыва- лую лёгкость – будто к моей спине приделаны крылья, и я не плыву, а лечу. Женская фигура догоняет меня наплаву и, обнимая со спины, целует в плечо. Я поворачиваюсь к ней, и мы ещё долго целуемся в воде. Волшебно. Спокойно. Тихо. Лишь расходятся во все стороны круги от наших тел.

А на площади маленького испанского городка сегодня шумный праздник. С ясного светло-голубого неба печёт жаркое полуденное солнце. Женщины, разодетые в цветные юбки, танцуют. Дети играют в салочки. Рекой льётся вино. Столы полны яств. Раскрасневшиеся музыканты играют что- то зажигательное. Ко мне подходит румяная весёлая девуш- ка с алыми лентами, вплетёнными в две чёрные косички. Та- кая живая, такая радостная! Взяв за руку, она тянет меня в самый центр плясок. Её пышная жёлтая юбка подскакивает от движения бёдер и колыхается из стороны в сторону, при- глашая меня присоединиться к танцу. Я не могу устоять, и моё тело тоже начинает двигаться. Танцовщица залиvisto

смеётся, глядя на меня сверкающими глазами. Цветом теперь наливаются не только её щёки, но и сочные губы.

Декорации снова меняются. Я стою на крыше своего дома, расставив руки в стороны. Буря толкает меня в спину, но мне не страшно. Я знаю, что это всего лишь повод стать сильнее и шагнуть вперёд, к новому. Огромные белые крылья расправляются за моей спиной, буйные ветра подхватывают меня, и я воспаряю ввысь. В самую глубину неба. К солнцу, к звёздам. Летим со мной, моя дорогая! Там, за тучами, есть белые облака, пусть они спрячут нас. Пусть они будут нашим домом в те минуты, когда на земле ветрено и беспокойно.

Библиотека Хроник Акаши встречает меня свежей главой из моей жизни. Клубок моей красной нити, подсакивая, катится вперёд, в светлый завтрашний день, который ждёт меня за горизонтом. Сверкая, пролистываются перед моими глазами позолоченные страницы. Я родился, я жив и здоров. Мои родители рядом, они так ждали меня! Мы живём мирно, я расту в невидимом защитном пространстве их любви. Я чувствую себя нужным, храбро иду вперёд, и мне так хочется передать эту любовь дальше, в следующие поколения... На новом развороте книги я счастливо женат, и у меня самого уже есть детки. Мальчик блондин, как и я. Тот ещё сорванец, постоянно играет в охотника или в войнушку – весь в меня! А у девочки глаза чистые и светлые-светлые, как у моей любимой жены. Спасибо за дочку, спасибо за сына, моя хорошая! Я знаю, как тебе было нелегко. Люблю тебя! Вот моё

плечо – встань у меня за спиной, обопрись на него, когда тебе тяжело. Я буду рядом. Я помогу тебе. Вместе мы справимся.

А теперь я лечу высоко в небе, управляя пассажирским самолётом. Где-то далеко впереди разыгралась непогода. Что ж, всякое бывает. Я вспоминаю, что там, на земле меня ждёшь ты – и свет, льющийся из моего сердца, разгоняет прочь страхи. Когда внутри так уютно и тепло, то кажется, что я и холодные грозовые тучи могу согреть своей благодарностью и улыбкой. А с молнией вообще можно подружиться. Гляди! Я протягиваю руку к небу и ловлю ослепительную изломанную линию в стеклянную бутылочку из-под гранатового сока. Смотри, как она светится теперь! Я привезу её с собой из рейса. Пусть она освещает нам путь в наше будущее, прорезая мрак и заставляя расступиться тьму...

Какое счастье, что мы повстречались! Пролетев через миллиарды световых лет, прожив бессчётное множество жизней, увидев так много, я наконец-то тебя нашёл, и ты ступила на борт моего отшельнического космического корабля. Рухнуло, рассыпавшись в пепел, моё одиночество. Теперь всё изменится! Я буду хранить тебя как драгоценность, оберегать и защищать. Только будь рядом, пожалуйста!.. Я держу тебя за руку – так крепко, как умею – и корабль несёт нас в вечном космосе туда, где среди ярких звёзд мы, наконец, сможем вместе найти покой!..

Но потом... Потом наступает утро, безжалостное и холодное. Как громкий удар молотком по стеклу – и мои мечты

разбиваются на мелкие осколки. Так начинается мой повторяющийся кошмар – длиною в день. До самого вечера я заперт в реальности, в которую не хочу возвращаться. Я кричу внутренним безмолвным криком. Я молюсь, я умоляю, чтобы она навсегда забрала меня туда, в царство грёз.

Милая моя, жизнь моя, смерть моя... И свет, и тьма, сошедшиеся воедино – в одной женщине.

Пожалуйста, вернись. Разрушь мой страшный сон. Я не могу без тебя...

* * *

На дворе стоял уже декабрь, когда я решил поехать в Москву, чтобы поговорить с Константином. Со дня штурма мы с ним не общались, но между нами постоянно, даже на расстоянии, чувствовалась какая-то недосказанность. Хотелось хотя бы посмотреть в глаза тому, кто сломал моё детство и превратил всю мою жизнь в инструмент мести. Сейчас, когда я узнал его с другой стороны, желание расквитаться меня покинуло. Осталось только недоумение.

«Выигрывает тот, чьё сердце не знает любви». Неужели мы оба проиграли. В шахматах это называется пат.

– Ты знал, что я этого не сделаю, – проговорил я, войдя в его камеру. – Что я не смогу ни развязать войну, ни убить тебя.

Цепеш слабо улыбнулся – всё, на что он был способен по-

сле стольких капельниц:

– Как жаль, – проговорил он хриплым голосом. От бархатного баритона не осталось и следа.

Я снова прятался в бесформенной толстовке с капюшоном, надвинутым на лицо. И щедро надушился чесночным спреем. Впрочем, меры предосторожности были излишними. Высокая дозировка серебра полностью блокировала все сверхспособности Константина, и даже взгляд его сейчас фокусировался с трудом.

– Ты с самого начала знал, что так будет, – настойчиво повторил я.

– Я же экстрасенс, забыл?..

– Ты мне поддался, но я не смог поставить тебе мат. Мы оба просчитались.

– Точно, – он отвернулся к стене, подложив руку под голову, и сделал вид, что спит.

– Слышал, ты пьёшь только кровь девственниц, – снова нарушил тишину я. – Тогда зачем ты сделал это с моим отцом?

– Ну уж явно не ради удовольствия, – фыркнул он. – Если я отвечу, что тоже за кого-нибудь ему мстил, то разве это что-то изменит?.. Цепочку пора прервать, вот и всё. Один из нас двоих должен быть умнее. Пускай это будешь ты.

– Я запретил копировать твой кристалл. Если отказаться от идеи создавать непобедимую армию, то в этом нет смысла. Но и отпустить тебя я не смогу.

– Ну и отлично, – буркнул он. – Меня это устраивает. Отдохну немного, пока жив ваш СКОК. Сколько вы ещё протянете? Лет тридцать? Пятьдесят?..

– А если сто?

– Тем лучше. Выключи свет, пожалуйста. Я собираюсь как следует выспаться.

Я ещё долго говорил с ним, но он мне уже не отвечал. То ли притворился, что спит, то ли и правда спал. Только булькал изредка в тишине ночи раствор в его капельнице.

Эпилог

Никогда не забуду этот день! Зима. Середина февраля. Белые хлопья снега валят на улице.

– Что там за эпидемия в Китае?

Забыв, что она меня не видит, я пожал плечами.

– Твоих рук дело? – не унималась она.

– Нет, конечно. Один оборотень постарался. Но я его уже за это казнил.

– И что теперь будет? – спросила она осторожно.

– Не знаю, Стелла. Войны, думаю, не будет. А что будет – пока не могу сказать.

Она прервалась. Помолчала немного, глядя в окно. У неё тоже шёл снег, как и в наших камерах видеонаблюдения. Большие, пушистые снежинки.

Да, она вдруг мне позвонила. Как гром среди ясного неба! Спустя полгода – решилась. Не испугалась, что её вычислят. А кто-то из наших, представьте, рискнул и согласился соединить её со мной. Или, может быть, даже сам связался с ней и рассказал, как я тут без неё сохну и чахну? Уж не главврач ли осмелилась вмешаться? Или Олег?.. Надеюсь, всё-таки нет. Я и так уже жутко упал в глазах Стеллы. Конченный обманщик и предатель – увы, с этими клеймами я вряд ли уже смогу что-то сделать. Но вот размазнёй и тряпкой я пока не был. И как-то не хочется. Только этого не хватало...

– Не покажешь мне себя? – спустя пару минут она снова нарушила тишину.

– Нет.

– Только аватарка?

– Если хочешь, могу и её отключить.

– Я хочу увидеть тебя.

– Ты хочешь увидеть его. Его больше нет.

– Я хочу увидеть тебя!

– Стелла, я сейчас плохо выгляжу. Как и любой человек после долгой комы. Мне нужно привести себя в порядок. Я не готов.

– Ты сорвал операцию, – подметила она, меняя тему.

– Она сама сорвалась. Я просчитался. Не смог предусмотреть всё.

– Или в последний момент передумал?

– Возможно. Это одно и то же. Не сумел предугадать, какой может быть моя реакция, когда я буду находиться в другом теле. А должен был. Срыв операции – моя вина, но не мой план.

– А я чувствую свою вину в этом...

– Поэтому ты звонишь?

– Нет, не поэтому. Я скучаю. Я люблю тебя.

– Стелла, не выдумывай. Ты любишь Волкова. Он умер. Соболезную. Я его убил за эту выходку с летучей мышью. Не звони мне больше.

Я уже занёс палец над кнопкой отключения вызова, но она

поспешно вскрикнула:

– Подожди!

Моя рука застыла в воздухе.

– У меня остался один вопрос.

– Окей. Последний, и мы прощаемся.

– Хорошо. Последний. Кто признавался мне в любви тогда, он или ты?

– Я, – ответил я коротко, не задумываясь.

И завершил звонок прежде, чем она успела бы среагировать.

* * *

С тех пор она звонила мне каждый вечер. Так мы и говорили – на моём экране была она, немного смущённая, прячущая глаза, а на её экране – только белая витиеватая буква «К» на чёрном фоне. Но она не отчаивалась. Каждый раз у неё находились всё новые и новые любопытные вопросы. Я сначала отвечал на них, потом терял терпение, прощался. Вслед она раз за разом признавалась мне в любви. А ведь когда-то всё было наоборот! Тогда она была холодная и неживая, а я пытался её отогреть и воскресить.

Я никогда не говорил ей, но в те сложные дни я жил только этими разговорами. Я ждал их, они были нужны мне как воздух. И, вместе с тем, я боялся. Самого себя, своих чувств. Того, что за всем этим может последовать. Но однажды я сделал

ся.

– А Лина?.. – спросила меня Стелла в тот вечер, тревожно взглядываясь в пустой монитор. – Как у неё дела?

– Не знаю, я не общался с ней.

– И не хочешь?

– Не хочу.

– Ты её... вспомнил?

– Едва ли.

Мой голос потерял былую строгость и смягчился. Я почти растаял. Ревнивая она всё же у меня. И никак не может понять, остались ли во мне чувства к ней.

Я приблизился к самому микрофону и выдохнул:

– Я безумно скучаю. Безумно! Какая Лина, чёрт возьми! После всего, что между тобой и мной было!..

Стелла вздрогнула, её глаза заблестели, по щекам потекли слёзы:

– Тогда почему... почему ты не хочешь меня видеть?!

– Я не хочу, чтобы ты меня видела. Это другое.

– Обещаю на тебя не смотреть. Надень какую-нибудь маску, в конце концов!

– Скоро все будем носить маски. Недолго осталось, – я прервался и сосчитал до десяти, пытаюсь успокоиться. Но не помогло, сердце стучало как бешеное. – Хорошо, Стелла. Давай встретимся завтра. В Москве. На нашем месте, в Горьковском парке. В полдевятого.

Она обрадовано взвизгнула и смахнула слёзы со щёк. Ко-

кетливо опустила глаза, на губах появилась смущённая улыбка. А потом вдруг её лицо снова стало напряжённым. Я видел, что она хочет задать мне ещё какой-то вопрос, но не может подобрать слова, или не решается.

– А как... – наконец, неуверенно бормочет она. – Как я тебя узнаю?

Я хмыкнул:

– Да, подумать только. Ты ведь даже не представляешь, как выглядит человек, которому ты каждый вечер признаёшься в любви. И правда, проблема. Но, мне кажется, я знаю, как решить эту задачку. Давай так. Я буду ждать тебя с гранатовым соком.